

Ю. П. ПЛАТОНОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР

ГЕОПОЛИТИКА
И ПСИХОЛОГИЯ

Ю. П. ПЛАТОНОВ

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР
Геополитика и психология

РЕЧЬ

Санкт-Петербург
2002

Рецензент: д-р психол. наук, проф. *В. Н. Машков* (Санкт-Петербургский государственный университет. Республиканский гуманитарный институт)

П 37 Платонов Ю. П.

Этнический фактор. Геополитика и психология. – СПб.: «Речь», 2002. – 520 с.

Монография посвящена комплексной проблеме взаимодействия народов с позиции взаимовлияния и взаимосвязи этнологических, демографических и поведенческих факторов.

В геополитическом контексте рассмотрены такие проблемы современного мира как рост народонаселения планеты, демографические характеристики состояния человечества, международная миграция населения и ряд других.

Особое место в работе занимает раскрытие психологических особенностей взаимодействия народов и государств, во многом определяющих положение России в современном мире.

Для студентов, аспирантов, слушателей факультетов социальной работы, социологии, психологии, менеджмента.

ББК 88.2

ISBN 5-9268-0107-9

© Платонов Ю. П., 2002

© Издательство «Речь», 2002

© Борозенец П. В. (оформление обложки), 2002

ISBN 5-9268-0107-9

ЧАСТЬ I.

**НАРОДЫ ЗЕМЛИ
В ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИКИ**

ГЛАВА 1. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ

Традиционные представления о роли того или иного государства в международных отношениях основываются на трех главных параметрах: экономическом суверенитете, размере территории и плотности народонаселения, т. е. численности постоянного населения, приходящейся на 1 кв. км. территории.

Длительный процесс заселения и хозяйственного освоения Земли зависел от конкретных природных, исторических и экономических условий отдельных районов. Но с развитием производительных сил значение природных факторов постепенно ослабевало и повышалась роль социально-экономических условий – хозяйственной деятельности, уровня развития производства. Так, с зарождением промышленности сформировались крупные сгустки населения в Европе, США, и эта тенденция в настоящее время продолжается в целом ряде развивающихся стран. Весьма заметное влияние на показатели размещения и плотности расселения оказывают также демографические различия в естественном приросте населения.

Средняя плотность населения обитаемой суши (ойкумены) составляет около 40 чел. на кв. км. При этом примерно 70% всех людей проживает на 7% территории, а около половины земной суши имеет среднюю плотность населения менее 5 чел. на кв. км.

Совершенно не освоенные людьми области занимают 15% территории суши (приполярные зоны, пустыни, высокогорья), хотя абсолютной невозможностью для обитания не отличается ни один район Земли. Эти области экстремальны по природным условиям и естественно, что основная масса людей сосредоточена в более благоприятных для проживания и ведения сельского хозяйства районах: в пределах умеренного, субтропического и субэкваториального климатических поясов, на низменностях и равнинах до 500 м над уровнем моря, примерно в 200-километровой полосе вдоль побережий морей и океанов.

Если продолжить географические примеры по неравномерности заселения, то будет интересно отметить, что в Восточном полушарии сосредоточено 86% населения Земли, а в Западном – 90%. Плотность населения в зарубежной Европе и Азии является самой высокой среди крупных регионов – почти в три раза превышает среднюю плотность населения мира (более 100 чел. на кв. км), в то время как в Америке она вдвое, а в Австралии и Океании вдесятеро меньше.

Среди отдельных стран мира наиболее высока плотность населения в государствах-карликах. Например, в Монако этот показатель составляет 15,5 тыс., в Сингапуре – 4,5 тыс. чел. на кв.км. Из крупных стран очень высок этот показатель в Бангладеш – более 800 чел. на кв. км. В крупнейших странах мира средняя плотность населения составляет в Китае – 125 (без высокогорий – около 200), в Индии – 300, в США – 27 чел. на кв. км.

На карте плотности населения мира отчетливо выделяются 5 основных ареалов высокой плотности.

Самый крупный из них – восточно-азиатский, включающий Китай, КНДР, Республику Корею и Японию. Средняя плотность здесь повсеместно (кроме горных районов) составляет около 200 чел. на кв. км, а в долине Янцзы в Китае, в Республике Корея и Японии превосходит 300 чел. на кв. км. Здесь проживает около 1,5 млрд. чел.

Второй сгусток населения – южно-азиатский (Индия, Бангладеш, Пакистан, Шри-Ланка) со средней плотностью также около 300 чел. на кв. км. и наибольшим сосредоточением населения в долине Ганга и Брахмапутры, до 500 чел. на кв. км. Численность населения здесь составляет более 1 млрд. чел.

Третий ареал – юго-восточноазиатский (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия), с населением более 300 млн чел.

Четвертый ареал – западноевропейский (Великобритания, Бенилюкс, север Франции, Германия), где средняя плотность превышает 200 чел. на кв. км.

Пятый сгусток населения прослеживается на северо-востоке США и юго-востоке Канады, между Атлантическим побережьем и Великими озерами.

Если сравнивать эти огромные цифры с плотностью населения России, то видно, что показатели такого уровня наблюдаются лишь в Московском регионе (Москва и Московская область), где плотность населения составляет около 300 чел. на кв. км, а в наиболее плотно заселенном Центральном экономическом районе она равна «только» 60 чел. на кв. км. В целом по России плотность населения составляет лишь 8,7 (а сельского – 2,3) чел. на кв. км.

Центральное место в детерминации международной политики того или иного государства кроме плотности населения отводится его географическому положению. Первоначально геополитика понималась всецело в терминах завоевания прямого (военного и политического) контроля над соответствующими территориями и народами.

В данной работе остановимся на геополитических аспектах отношения к народонаселению государства характерных XIX и XX вв., двух наиболее известных исследователей этнического фактора: Ф. Ратцеля и Л. Н. Гумилева.

Не случайно *одним из первых*, кто предпринял попытку связать между собой политику, географию и народонаселение и изучить политику того или иного народа или государства, исходя из его географического положения и динамики численности населения, был германский геополитик конца XIX–начала XX в. *Фридрих Ратцель* (1844–1904).

Работая на рубеже двух веков, Ратцель во многом основывал свою систему на популярных в XIX в. принципах эволюции и естественных науках вообще. Развивая идеи географического детерминизма в духе Карла Риттера и английского социолога-позитивиста Герберта Спенсера, Ратцель переносил в социальную область закономерности развития животного и растительного мира, например миграционную теорию М. Вагнера. Многие идеи Ратцеля восходят к воззрениям Иммануила Канта, Александра фон Гумбольдта, и других немецких философов, которые уделяли значительное внимание физической среде и ее влиянию на общественно-историческое развитие. Например, по Гумбольдту, элементы ландшафта, повторяясь в бесконечных вариациях, оказывают немаловажное влияние на характер народов, живущих в тех или иных регионах Земного шара (в России последователем Гумбольдта можно считать Л. Н. Гумилева). В соответствии с этой традицией Ратцель рассматривал Земной шар как единое целое, неразрывной частью которого является человек. Он считал, что человек должен приспособливаться к своей среде точно так же, как это свойственно флоре и фауне.

Многие предшественники Ратцеля – и Монтескье, и Гердер, и Риттер – не прошли мимо факта зависимости между размерами государства и численностью населения, но

Ратцель первым пришел к выводу, что пространство есть наиболее важный политико-географический и демографический фактор. Главным отличием его концепции от других было его убеждение, что пространство – это не просто территория, занимаемая государством и являющаяся одним из атрибутов его силы. Пространство, по Ратцелю, само есть политическая сила, в основе которой находится народонаселение. Таким образом, пространство в концепции Ратцеля есть нечто большее, чем физико-географическое понятие. Оно представляет собой те природные рамки, в которых происходит экспансия народов. Каждое государство и народ имеют свою «пространственную концепцию», т. е. идею о возможных пределах своих территориальных владений. Упадок государства, считал Ратцель, есть результат слабеющей пространственной концепции и слабеющего пространственного чувства. Пространство обуславливает не только физическую эволюцию народа, но и его ментальное отношение к окружающему миру. Взгляд человека на мир зависит от пространства, в котором он живет.

В 1882 г. в Штуттгарте вышел труд Ратцеля «Антропогеография», в котором он сформулировал свои основные идеи: связь эволюции народов и демографии с географическими условиями, влияние рельефа местности на культурное и политическое становление народов и т. д.

Так, изначально чисто географическое понятие приобретает значение в духовной и эмоциональной связи жителей страны и их истории.

Ратцель поставил в центр исследования географическую обусловленность политической жизни и проследил отношение внешней политики государства к географическому пространству. Он рассматривал государство как биологический организм в тесной и неразрывной связи со свойствами населяющего его этноса, частично – со свойствами Земли и природными условиями в целом. Ратцель

отмечал, что географическое воззрение (рассмотрение внешних условий) и историческое разьяснение (исследование факторов развития) должны... идти рука об руку. Только из соединения того и другого может получиться настоящая оценка влияния географических условий на развитие того или иного народа. История знает примеры, когда некоторые народы тысячелетия оставались одинаковыми, не меняя ни место пребывания, ни языка, ни физического облика, ни образа жизни, и только поверхностно изменили свои верования и знания. Отсутствие динамики в развитии таких этносов Ратцель объясняет условиями их географического расположения на Земном шаре, но отнюдь не психической или ментальной отсталостью, что снимает с него обвинение в расизме, которое выдвигали многие его оппоненты. Наряду с местоположением народа большое значение для дальнейшего развития цивилизации имеет, по Ратцелю, плотность населения, также относящаяся к пространственному фактору. Он считал, что в большой плотности населения заключается не только прочность и порука энергичного развития народа, но и непосредственный стимул к росту культуры.

Государство является организмом не только потому, что оно артикулирует жизнь народа на неподвижной почве, но и потому, что эта связь взаимоукрепляется, становясь чем-то единым, немислимим без одного из двух составляющих. Необитаемые пространства, неспособные вскормить государство, это историческое поле под паром. Обитаемое пространство, напротив, способствует развитию государства, особенно если это пространство окружено естественными границами. Если народ чувствует себя на своей территории естественно, он постоянно будет воспроизводить одни и те же характеристики, которые, происходя из почвы, будут вписаны в народ.

Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – историк, этнолог, географ, доктор исторических и географических наук – собственно геополитические темы в своих трудах не затрагивал, но его теория этногенеза и этнических циклов продолжает линию «органицистского» подхода и отчасти «географического детерминизма», которые составляли сущность геополитики у Ратцеля, Челлена, Хаусхофера и др.

Теория Гумилева является на сегодняшний день наиболее яркой философско-исторической концепцией, объясняющей возникновение, развитие и угасание народов, империй, цивилизаций. Суть этой теории сводится к следующему.

Основным действующим лицом истории являются этносы, поскольку они представляют собой наиболее устойчивые и активные человеческие общности, охватывающие всех людей; поскольку нет человека вне этноса и каждый человек принадлежит только к одному этносу. Этнос – система, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец. Этнос есть сам дискретный процесс этногенеза.

Универсальный критерий отличия этносов между собой – стереотип поведения, т. е. особый поведенческий язык, который передается по наследству, но не генетически, а через условнорефлекторный механизм сигнальной наследственности, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно адаптивными навыками.

Системными связями в этносе служат ощущения «своего» и «чужого», а не сознательные отношения; ощущение реальности стереотипа порождает самосознание и противопоставление «мы – они».

Единство этноса поддерживается геобиохимической энергией биосферы, эффект которой определяется как пассионарность – непреодолимое стремление к достижению какой-либо цели, пусть даже иллюзорной, но для осущест-

ствления которой ее носители (пассионарии) готовы пожертвовать как собственной жизнью, так и жизнью своего потомства; психологически пассионарность проявляется как импульс подсознания, противоположный инстинкту самосохранения, и индивидуального, и видового.

В зависимости от соотношения пассионарного импульса (P) и инстинкта самосохранения (J) Гумилевым описано три характерных поведенческих типа: а) пассионарии ($P > J$), б) гармоничные люди ($P = J$), в) субпассионарии ($P < J$).

Статистически в этносе преобладают гармоничные особи; доли пассионариев и субпассионариев в процентном отношении незначительны, но изменения их определяет геобиохимическое состояние этноса как закрытой системы дискретного типа.

В зависимости от удельного веса пассионарности этнос в своем жизненном цикле (т. е. в процессе этногенеза) проходит ряд стадий: фазу подъема пассионарности (скрытую, или инкубационную, и явную); фазу предельной пассионарности (акматическую); фазу надлома (т. е. резкого спада пассионарности); инерционную фазу (постепенный спад пассионарности); фазу потери пассионарности (фаза обскурации); мемориальную фазу, когда после некоторой регенерации пассионарности этнос превращается в реликт, являющийся верхним звеном геобиоценоза определенного ландшафта.

Вспышка этногенеза – результат пассионарного толчка, т. е. определенной органической мутации, которая, в свою очередь, вызывается либо непосредственно, космическим облучением поверхности Земли вдоль определенной линии, либо посредством передачи пассионарного признака генетически – благодаря половым контактам пассионариев с менее пассионарными особями. Процесс этногенеза характеризуется угасанием энергии живого вещества (пассионарности) из-за сопротивления среды и в любой момент

может быть прерван внешним вмешательством, особенно в моменты перехода от фазы к фазе, при этом этнос частью истребляется, частью «рассыпается рознь».

Этносы имеют сложную структуру, включая в себя субэтносы, консорции и конвиксии, и сами составляют более сложные структуры – суперэтносы, объединяемые общей доминантой. Между разными этносами возможны следующие типы связи: симбиоз (добрососедство), ассимиляция (слияние), ксения (добровольное объединение без слияния), химера (объединение без слияния путем подчинения одного этноса другим, чуждым ему по доминанте), война за господство на определенной территории (внутри суперэтноса), война на истребление (при враждебных контактах на суперэтническом уровне).

Поскольку импульс пассионарности имеет чисто энергетический характер, направленность расходования этой энергии зависит от выбора доминанты – определенной идеи, чаще всего религиозной, которая составляет мироощущение и жизненную программу ее носителей. Все мироощущения делятся на жизнеутверждающие (теистические и оптимистичные) и жизнеотрицающие (атеистические и пессимистичные). При этом только первый тип мироощущений может стать основой нормальной жизни этноса, тогда как жизнеотрицающее мироощущение порождает антисистемы, общности людей, для которых ложь является принципом действия и усилия которых направлены на разрушение биосферы в любых ее проявлениях.

ГЛАВА 2. ЭТНИЧЕСКИЙ МИР ЗЕМЛИ

ЭТНОСФЕРА ЗЕМЛИ: ПЛЕМЕНА, НАРОДЫ, НАЦИИ

Землю населяют множество народов, находящихся на разных стадиях социально-экономического и культурного развития. Они представляют собой особый вид социальной общности людей, определяемый совокупностью таких признаков, как общность языка и территории, близость культуры и быта, общность исторического развития и в некоторых случаях принадлежностью к одному государству.

По принятой в российской этнологии динамике становления народов как этносов к самому раннему их типу относятся племена, характерные для первобытнообщинного строя [30]. С рабовладельческой и феодальной формациями связан такой тип этноса, как народ (некоторые исследователи считают, что для каждой из этих формаций характерны свои типы этносов). С развитием товарно-денежных (капиталистических) отношений и усилением экономических связей возникает и такой тип этноса, как нация.

Вследствие неравномерности социально-экономического и политического развития разных стран и регионов в настоящее время на Земле сосуществуют три типа этносов: племя – народ – нация.

Исторически самый ранний тип этносов – племя. Племена состояли из нескольких (первоначально, вероятно, двух или трех) родов – социальных ячеек, связанных кровными узами. Для племен эпохи первобытнообщинного строя (кроме ее завершающего этапа) было характерно отсутствие социального расслоения.

В настоящее время племена в чистом виде встречаются крайне редко, причем термином «племя» различные исследователи обозначают этносы с весьма разным уровнем социально-экономического и культурного развития. Одни из таких «племен» насчитывают миллионы, другие – сотни или десятки тысяч, третьи – лишь тысячи или даже сотни человек. Только немногие (самые отсталые и малочисленные) этнические группы обладают сейчас особенностями, присущими настоящим племенам, чаще же этносы сохраняют лишь некоторые черты племенной структуры. Обычно современные «племена» уже включены в той или иной форме в систему феодальных или даже капиталистических отношений и, подобно народам, распадаются на социальные группы. Черты племенной организации сохраняются прежде всего у кочевых и полукочевых народов, которых исследователи чаще всего и включают в число так называемых племен.

В процессе разложения первобытнообщинного строя общность интересов многих племен приводила к появлению их союзов, таких, например, как Лига ирокезов в Северной Америке, союз трех племен ацтеков в Мексике, союз зулусских племен в Южной Африке, татаро-монголы в Евразии. Образование этих союзов, сопровождавшееся развитием хозяйственных межплеменных и культурных свя-

зей, вело к постепенному смешению племен, к замене прежних кровнородственных связей связями территориальными. Так родился новый тип этносов – народ: исторически сложившаяся языковая, территориальная, экономическая и культурная общность людей, предшествующая нации.

Первыми сформировались народы рабовладельческой эпохи (древнеегипетская, древнеэллинская и др.). В Европе процесс образования народов завершился в основном в период феодализма (древнерусская – из восточнославянских племен полян, древлян, вятичей и др., польская – из славянских племен поморян, вислян, мазовшан и др., немецкая – из германских племен саксов, алеманов и др.); из разноязычных племен, смешавшихся в результате завоевания одних другими (северофранцузская и провансальская народности – из галльских племен, римских колонистов и германских племен франков, вестготов и бургундов и т. п.).

В процессе образования народов по мере усиления хозяйственно-экономических и культурных связей между ними язык одного народа (обычно более многочисленного или более развитого) становился общим, а остальные языки низводились до роли диалектов или вовсе исчезали; формировалась определенная территориальная, культурная и хозяйственная общность. Впрочем, общность эта (особенно в экономическом отношении) была еще неустойчивой. Одним из показателей сложившейся общности служил новый единый этноним, под которым народ становился известным соседям.

С развитием экономических и культурных связей ликвидируется характерная для народов хозяйственная разобщенность, происходит превращение их в нации. Присущие народам признаки получают новое качество: нации отличаются устойчивой общностью территории, экономики и культуры, общим языком; наконец, формируются общие черты национального характера, более четкое этническое самосознание.

Обычно нации – результат этнического развития народов, чье название они, как правило, сохраняют. Однако народы, разделенные государственными границами, часто дают начало нескольким этническим образованиям (например, португальцы и галисийцы, немцы и австрийцы и т. д.). Древнерусский народ послужил общим корнем русского, украинского и белорусского народов, сложившихся впоследствии в нации.

Нередки случаи, когда в формировании одной нации участвовало или участвует несколько народов (так, индонезийская нация формируется из яванцев, мадурцев и других народностей). Распространены случаи образования этнографических групп при длительном отрыве части народа от основного этнического массива (в результате миграционных процессов, изменения государственных границ и т. п.). Весьма отчетливо выделяются группы, различающиеся в профессиональном отношении.

Следует подчеркнуть, что трехчленное деление этносов (племя – народ – нация) не отражает всего многообразия существующих на Земле форм этнических общностей. Картину усложняют проживающие во многих странах (особенно они характерны для стран иммиграции) переходные этнические группы – иммигранты первого, второго или более поздних поколений, частично подвергшиеся ассимиляции основной нацией. Они еще окончательно не оторвались от народа своей родной страны и целиком не влились в этнос принявшей их страны (к таким группам относятся, например, немцы, шведы, итальянцы в США и Канаде). Переходные группы формируются и в зоне этнических границ, где контактируют два и более народа. Характерная черта этих групп – двойное этническое самосознание.

Указанное деление не учитывает существования этнических общностей различных уровней, к каким, например, относятся казаки – обособленная группа русских. Одна и

та же совокупность людей может входить одновременно в состав нескольких этнических общностей разного ранга, что и создает их своеобразную «иерархию».

У любых, даже самых сплоченных и консолидированных, народов имеются группы, сохраняющие отличия от основного этнического массива. Такие группы, получившие наименование этнографических, представляют собой территориально обособленные части народности или нации, культура и быт которых сохраняют своеобразие (они имеют свои наречия или говоры, обладают спецификой в материальной и духовной культуре, могут отличаться в религиозном отношении и т. д.). Этнографические группы обычно образуются при ассимиляции народностью или нацией инонациональной группы или же при слиянии племен в народность, когда эти племена еще сохраняют некоторые характерные черты. Существуют и общности, охватывающие целую группу народов, – так называемые метаэтнические, или надэтнические, общности. Они объединяют несколько народов, у которых появились элементы общего самосознания, основанного на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, а в классовом обществе – и на политических связях. К таким общностям можно отнести, например, славянские, романские, монгольские и другие народы, близкие не только по языкам, но в определенной мере и по культуре и быту.

Бывают и этнорелигиозные метаэтнические общности. Например, индуизм оказал огромное влияние на всю общественную и культурную жизнь разноязычных народов Южной Азии, и сейчас индуистские народы этого региона, бесспорно, образуют определенную общность.

В рамках многонациональных государств складывались и складываются этнополитические общности, которые также можно с известной долей условности отнести к метаэт-

ническим. При формировании таких общностей наблюдается постепенное социально-экономическое и культурное сплочение всех или почти всех народов соответствующей страны, этническое же и языковое сближение у них выражено значительно слабее.

История свидетельствует о том, что процессы, при которых несколько небольших этносов сливались в один большой или малая этническая общность растворялась в составе крупного народа (то есть процессы этнического объединения), имели место в самых различных районах и в разных социально-экономических условиях. Что же касается противоположных им процессов этнического разделения, то они были особенно характерны для раннего периода развития человечества: рост народонаселения приводил к членению племен и к расселению людей по земному шару. Лишь в некоторых регионах мира этноразделительные процессы продолжают и сейчас играть заметную роль. Так, переселение европейцев в Америку, Австралию и, отчасти, в Африку сопровождалось формированием там новых этносов. Новые народы возникают и при разделении единых этносов изменяющимися государственными границами, пример тому – возникновение новых государств (СНГ).

Этнические процессы весьма разнообразны, многоплановы и с трудом поддаются глубокому изучению. Особую популярность в 90-е годы XX в. приобрела *теория этногенеза Л. Н. Гумилева*.

Теория Гумилева является на сегодняшний день наиболее яркой философско-исторической концепцией, объясняющей возникновение, развитие и угасание народов, империй, цивилизаций. Суть этой теории сводится к следующему.

Основным действующим лицом истории являются этносы, поскольку они представляют собой наиболее устойчивые и активные человеческие общности, охваты-

вающие всех людей; нет человека вне этноса, каждый человек принадлежит только к одному этносу. Этнос – система, развивающаяся в историческом времени, имеющая начало и конец.

Универсальный критерий отличия этносов между собой – стереотип поведения, то есть особый поведенческий язык, который передается по наследству, но не генетически, а через условно-рефлекторный механизм сигнальной наследственности, когда потомство путем подражания перенимает от родителей и сверстников поведенческие стереотипы, являющиеся одновременно адаптивными навыками.

Системными связями в этносе служат ощущения «своего» и «чужого», а не сознательные отношения; ощущение реальности стереотипа порождает самосознание и противопоставление «мы – они».

Единство этноса поддерживается геобиохимической энергией биосферы, эффект которой определяется как пассионарность – непреборимое стремление к достижению какой-либо цели, пусть даже иллюзорной, но для осуществления которой ее носители (пассионарии) готовы пожертвовать как собственной жизнью, так и жизнью своего потомства; психологически пассионарность проявляется как импульс подсознания, противоположный инстинкту самосохранения – и индивидуального, и видового.

В зависимости от соотношения пассионарного импульса (P) и инстинкта самосохранения (J) Гумилевым описано три характерных поведенческих типа: а) пассионарии ($P > J$); б) гармоничные люди ($P = J$); в) субпассионарии ($P < J$).

Статистически в этносе преобладают гармоничные люди; доли пассионариев и субпассионариев в процентном отношении незначительны, но их изменение определяет геобиохимическое состояние этноса как закрытой системы дискретного типа.

В зависимости от удельного веса пассионарности этнос в своем жизненном цикле (в процессе этногенеза) проходит ряд стадий: фазу подъема пассионарности (скрытую, или инкубационную, и явную); фазу предельной пассионарности (акматическую); фазу надлома (то есть резкого спада пассионарности); инерционную фазу (постепенного спада пассионарности); фазу потери пассионарности (фазу обскурации); мемориальную фазу, когда после некоторой регенерации пассионарности этнос превращается в реликт, являющийся верхним звеном геобиоценоза определенного ландшафта.

Вспышка этногенеза – результат пассионарного толчка, определенной органической мутации, которая, в свою очередь, вызывается либо непосредственно, космическим облучением поверхности Земли вдоль определенной линии, либо посредством передачи пассионарного признака генетически – благодаря половым контактам пассионариев с менее пассионарными особями. Процесс этногенеза характеризуется угасанием энергии живого вещества (пассионарности) из-за сопротивления среды и в любой момент может быть прерван внешним вмешательством, особенно в моменты перехода от фазы к фазе; при этом этнос частично истребляется, частью «рассыпается рознь».

Этносы имеют сложную структуру, включая в себя субэтносы, консорции и конвексии, и сами составляют более сложные структуры – суперэтносы, объединяемые общей доминантой. Между разными этносами возможны следующие типы связи: симбиоз (добрососедство), ассимиляция (слияние), ксения (добровольное объединение без слияния), химера (объединение без слияния путем подчинения одного этноса другим, чуждым ему по доминанте), война за господство на определенной территории (внутри суперэтноса), война на истребление (при враждебных контактах на суперэтническом уровне).

Поскольку импульс пассионарности имеет чисто энергетический характер, направленность расходования этой энергии зависит от выбора доминанты – определенной идеи, чаще всего религиозной, которая составляет мироощущение и жизненную программу ее носителей. Все мироощущения делятся на жизнеутверждающие (теистические и оптимистичные) и жизнеотрицающие (атеистические и пессимистичные). При этом только первый тип мироощущений может стать основой нормальной жизни этноса.

В мировой этнологии принято выделять два основных вида этнических процессов: этноэволюционные и этнотрансформационные [17; 21]. Процесс называется *этноэволюционным* в том случае, когда при изменении отдельных компонентов этнос или какая-либо его группа тем не менее остаются самими собой, то есть их этническое самосознание не изменяется; при *этнотрансформационном* процессе самосознание изменяется и этническая принадлежность человека становится иной.

В зависимости от преобладания центростремительных или центробежных тенденций этнические процессы подразделяются на две основные типологические группы: **этническое объединение** и **этническое разделение**. При характеристике конкретных типов этнических процессов в каждой из этих групп процессы могут быть по своей этнической сути и этноэволюционными, и этнотрансформационными, а также смешанными – эволюционно-трансформационными.

Процессы этнического объединения весьма различны по характеру, однако у них есть некоторые общие черты. Прежде всего, любому процессу этнического объединения свойственно культурное и языковое сближение вовлеченных в процесс лиц; постепенно нивелируются, а иногда и полностью уничтожаются имеющиеся между людьми различия.

Формы этнического объединения различны. Этнологи выделяют пять основных форм этого процесса: этническая фузия, этническая консолидация, этническая ассимиляция (и близкая к ней этническая конверсация), межэтническая интеграция, этногенетическая миксация.

Этнической фузией называется слияние нескольких ранее самостоятельных этносов, родственных по языку и культуре, в единый новый, более крупный этнос. Так, этнической фузией может быть названо слияние восточнославянских племен (полян, северян, древлян, волынян, дулебов, белых хорватов, уличей, тиверцев, дреговичей, радимичей, полочан, кривичей, вятичей, ильменских словен) в древнерусский народ.

Процесс этнической фузии протекает с разной скоростью, зависящей от комплекса влияющих на этот процесс факторов, и в частности – от уровня социального и этнического развития страны, в которой идет этот процесс, от интенсивности хозяйственных и иных связей между отдельными ее частями. Чем выше уровень развития страны и чем теснее связи между ее частями, тем быстрее происходит этническая фузия.

Весьма существенна для интенсивности протекания этнической фузии также степень языковой, культурной, религиозной и расовой близости групп, участвующих в процессе. Как указывалось выше, в процессе этнической фузии обычно участвуют родственные между собой этносы, однако степень родства может быть различной, и чем она выше, тем процесс протекает быстрее.

Некоторое влияние оказывает сложность этнической структуры населения территории, где идет процесс, поскольку слишком большое количество мелких этнических образований (пусть даже очень близких друг другу в языково-культурном отношении), несомненно, замедлит процесс этнической фузии.

Для идущих в развивающихся странах процессов этнической фузии большое значение имеет наличие у складывающейся этнической общности письменности, которая может играть важную роль в интенсификации процесса. Конечно, ускорение процесса возможно только в том случае, если для всего участвующего в нем этнического массива избран какой-нибудь один диалект (наличие нескольких литературных форм может существенно осложнить положение).

Вторая форма этнического объединения – *этническая консолидация* – характеризуется внутренним сплочением более или менее значительного этноса в ходе сглаживания различий между имеющимися внутри него локальными группами. Этот процесс характерен для подавляющего большинства крупных и средних этнических общностей. Например, после того как русские сложились в единый народ, в течение длительного времени шло сближение локальных групп (население Московской, Тверской, Новгородской и других земель).

Из локальных этнических групп формируются новые народы и нации. Например, в Африке из недавних племенных объединений складываются такие значительные народы или даже нации, как хауса, йоруба, ибо. Быстро идет консолидация многих народов Индии, Филиппин и других стран Азии.

Этническая фузия и этническая консолидация – два тесно связанных между собой процесса. Со временем этническая фузия переходит в этническую консолидацию. Поэтому при исследовании конкретного этнического процесса порой бывает довольно трудно дать его типологическую характеристику: является ли он конечной стадией этнической фузии или начальной стадией этнической консолидации.

Однако несмотря на безусловную связь двух рассмотренных процессов, сущность их различна: если первый из них является этнотрансформационным процессом и приводит к смене этнического самосознания, то второй процесс – этноэволюционен и к смене самосознания не ведет.

Третья форма этнического объединения – *этническая ассимиляция* – особенно широко распространена в экономически развитых странах, и прежде всего в тех из них, где много иммигрантов. Она характеризуется растворением ранее самостоятельного этноса или его части в среде другого, обычно более крупного народа. Таким образом, ассимиляция будет для одной стороны – ассимилируемых – этнотрансформационным процессом, поскольку у них изменится этническое самосознание. Для другой же стороны – ассимилирующих – этническая ассимиляция будет процессом этноэволюционным, так как самосознание этого этноса остается прежним.

Этническая ассимиляция захватывает разнообразные группы населения: как национальные меньшинства, иногда даже имеющие свою этническую территорию, так и иммигрантов. В последнем случае темпы ассимиляции зависят от многих факторов: близости языка и культуры иммигрантов и коренных жителей, степени национальной сплоченности иммигрантов, сохранения ими политических и культурных связей со своей родиной, характера расселения в принявшей их стране (смешанное или компактное расселение, оседание в городах или сельской местности), расовых различий, отношения правящих кругов страны к тем или иным группам иммигрантов и т. д.

Различают естественную и насильственную этническую ассимиляцию. Первая происходит в процессе контакта этносов и обусловлена самим ходом социально-экономического развития той или иной страны. Насильственная ассимиляция имеет место в тех странах, где этносы неравноправны. Она – результат радикальной ассимиляторской политики политической элиты титульного этноса, направленной на искоренение языка и культуры национальных меньшинств. Такая политика проводится в отношении русских в Прибалтике – латышами и эстонцами.

Ассимиляционный процесс имеет неодинаковую скорость, которая зависит от сочетания таких факторов, как численность ассимилируемой группы, характер ее расселения, время пребывания в ассимилирующей среде, род занятий ассимилируемой группы и ее хозяйственные связи с основным населением территории, социально-правовое состояние и семейное положение ассимилируемых, частота вступления в смешанные браки, наличие или отсутствие контактов с родиной (если речь идет об эмигрантских группах), отношение к ассимилируемой группе со стороны окружающей этнической среды, близость ассимилируемых и ассимилирующих по языку, культуре, религии, расе, соотношение уровней культуры ассимилируемого меньшинства и ассимилирующего большинства, уровень развития этнического самосознания и т. д.

Характер влияния большинства из перечисленных факторов очевиден. Но некоторые требуют пояснения.

Так, на первый взгляд может показаться, что сходство хозяйственных занятий ассимилируемых и ассимилирующих должно ускорять их сближение. На самом же деле влияние этого фактора противоречиво. В большинстве случаев сходные занятия, конечно, способствуют интенсификации ассимиляционного процесса: попадая в близкую ей хозяйственную среду, ассимилируемая группа быстро сливается с ней. Однако иногда сходство хозяйственных занятий вызывает конкурентные столкновения между пришлым и коренным населением, что может затруднить ассимиляционный процесс.

Следует отметить и такой фактор, как семейное положение ассимилируемых. По этому признаку всех иммигрантов (речь идет о мужчинах, именно они чаще преобладают среди приезжих) можно разделить на три категории: женатых, приехавших без семей; женатых, приехавших с семьями; холостых. Быстрее всех ассимилируются холостяки,

вступая в браки с местными девушками. Что же касается лиц, привезших на новое местожительство свои семьи, то они ассимилируются сравнительно медленно, так как в семейных ячейках сохраняется, а иногда и воспроизводится старая этническая общность. Еще более затруднена ассимиляция иммигрантов, оставивших свои семьи на родине. Живя думами о возвращении в родные края, они смотрят на страну пребывания как на временное пристанище, которое им рано или поздно предстоит покинуть. Вынужденные адаптироваться к местным условиям, они вместе с тем не желают растворяться в новой среде.

На этническую ассимиляцию влияет и соотношение уровней культуры контактирующих народов. Быстрее всего этот процесс идет при прочих равных условиях, у групп, поселяющихся среди этноса с приблизительно одинаковым с ними уровнем культуры. Довольно быстро протекает ассимиляция и в том случае, когда иммигранты попадают в среду, несколько превышающую (но не очень значительно) их по уровню культуры. А вот при резких различиях в уровне культуры, особенно когда приезжие превосходят местное население в культурном отношении, процесс ассимиляции очень затруднен.

Когда в ассимиляционном процессе взаимодействуют два очень близких по языку и культуре этноса (например, русские и белорусы), этот процесс резко интенсифицируется и приобретает ряд черт, сближающих его с консолидационным и фузионным процессами. Такая форма этнического объединения существенно отличается от обычного ассимиляционного процесса, когда взаимодействуют два неродственных или весьма отдаленно родственных народа, и называется этнической конверсацией.

Еще одной формой этнообъединительных процессов является *межэтническая интеграция*, состоящая во взаимодействии внутри государства или какого-нибудь крупного

региона нескольких существенно различающихся по языку и культуре этносов; взаимодействию, которое приводит к появлению у них ряда общих черт. В результате межэтнической интеграции складываются не этносы, а особые межэтнические (метаэтнические) общности, которые в отдаленной перспективе могут слиться в единый народ (а могут и не слиться). Эти своеобразные общности представляют собой группу этносов, которая обладает элементами общего самосознания (оно может быть основано на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, политических связях и т. д.). Хотя межэтническая интеграция – это в основном этноэволюционный процесс, поскольку самосознание у отдельных этносов сохраняется, появление зачатков общего самосознания у метаэтнических общностей позволяет все же говорить о самой начальной стадии этнической трансформации.

Процессы межэтнической интеграции присущи всем длительно существующим полиэтническим государствам (например, Римской империи). Естественно, что с распадом многонационального государства процесс межэтнической интеграции прекращается.

Пятая форма этнообъединительных процессов – *этногенетическая миксация*, в ходе которой новый этнос образуется путем слияния народов, не связанных родством, – встречается довольно редко. Иногда этот процесс как бы продолжает межэтническую интеграцию, однако, в отличие от нее, имеет этнотрансформационный, а не этноэволюционный характер. После завершения в основных чертах формирования нового этноса этногенетическая миксация может перейти в этническую консолидацию.

Процессы этногенетической миксации наиболее свойственны Латинской Америке, однако в прошлом они имели место и в других регионах. Этногенетической миксацией может быть названо формирование башкирского этноса, ко-

торый образовался как из тюркских, так и из финно-угорских групп, включив в себя как монголоидные, так и европеоидные элементы.

Хотя процессы **этнического разделения** были особенно ярко выражены на ранних этапах человеческой истории, они идут в ряде районов мира и сейчас. Существуют две формы этноразделительных процессов: этническая парциация и этническая сепарация.

При *этнической парциации* происходит разделение единого прежде этноса на несколько более или менее равных частей, причем ни один из новых этносов не отождествляет себя полностью со старым (этот процесс в какой-то мере можно рассматривать как антипод этнической фузии). Так, в результате разделения территории некогда единого древнерусского народа государственными границами из него выделились три близких между собой по языку и культуре, но вполне самостоятельных народа: русские, украинцы и белорусы.

При *этнической сепарации* от того или иного этноса отделяется его часть, обычно сравнительно небольшая, которая со временем превращается в самостоятельный этнос (этот процесс можно в известной мере считать антиподом этнической ассимиляции). Этническая сепарация вызывается разными причинами: переселением какой-то группы исходного этноса, политико-государственным обособлением небольшой части народа, религиозным обособлением этнической группы. Например, переселение в XVII в. части ойратов в Россию привело к созданию калмыцкого народа.

Важную роль в формировании многих наций играли и продолжают играть политические факторы, и в первую очередь – государственное обособление. Это относится, например, к голландцам, отколовшимся от родственных им фламандцев. Образование двух отдельных государств: Германии и Австрии – привело к возникновению самостоятельных

наций, говорящих на одном языке. Почти все латиноамериканские нации сложились в рамках возникших государств, и политические границы стали этническими.

Если этническая парциация представляет собой чисто этнотрансформационный процесс, то этническая сепарация трансформационна только для той части исходного этноса, которая обособляется в отдельный народ.

Иногда в одном и том же массиве населения одновременно идут разные процессы (например, этническая консолидация какого-нибудь народа с одновременной ассимиляцией им иммигрантских групп).

Этнологический обзор народов, населяющих Землю, конечно, требует классификации их описаний. Такие описания позволяют систематизировать народы или группы народов по широкому спектру признаков: географическому, антропологическому, лингвистическому, хозяйственно-культурному, социально-экономическому, – по характеру материальной и духовной культуры, религиозной принадлежности и др.

Одни описания основаны в первую очередь на исследовании этнической принадлежности народов, их происхождения и путей формирования; при этом первостепенное значение имеют данные сравнительно-исторического языкознания, антропологии, систематизированные сведения о материальной и духовной культуре. Другие исходят из анализа явлений, свойственных разным народам и их группам, независимо от этнической принадлежности, наличия или отсутствия культурных контактов. Прежде всего это признаки хозяйственной деятельности, зависевшие в прошлом в большой мере от природно-географических условий, экологии и в значительно меньшей степени – от этнических и культурных традиций. Таково же и описание народов по уровню развития социальных отношений, а также по религиозной принадлежности. Предлагаемые ниже описания основываются на работах отечественных этнологов и этнодемографов [7; 23; 30; 42].

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Этот вид описания необходим для упорядочения описываемых народов при этнографическом страноведении. Посредством географического описания выделяются условные географические регионы, в которых расселены народы мира. Географическое описание не отвечает на вопросы о происхождении народов, процессах их формирования, хозяйственном и культурном облике, об уровне социально-экономического развития, но позволяет пространственно упорядочить и распределить этносы по регионам. Хотя в отдельных случаях географическое соседство народов имеет связь с их этническим и культурным родством либо привело в ходе истории к сложившийся определенной общности в хозяйственных и культурных традициях, выяснить это, как считают этнологи, можно только с помощью других, не географических, данных. Впрочем, в отдельных случаях фактор географического расселения народов может иметь существенное значение при решении собственно этнологических проблем.

Однако единого, принятого во всех странах и всеми учеными, географического описания не существует. Например, в русской дореволюционной и советской науке было принято выделять в качестве отдельных географических регионов Среднюю Азию и Казахстан, в зарубежной литературе они включаются обычно в состав Центральной Азии. В отечественной этнографии выделялись как самостоятельные регионы зарубежная Азия и зарубежная Европа, в настоящее время такое деление потеряло смысл. Многие еще не ясно в географической принадлежности ряда регионов бывшего Советского Союза (страны Балтии, Молдавия и др.). Таких случаев неясности и несогласованности в географических группировках народов немало.

Рассмотрим относительно простое географическое описание этносферы по континентам и регионам.

Австралия и Океания

Общая численность населения – около 26 млн чел. В области выделяются подобласти – Австралия и Тасмания, Новая Зеландия, Полинезия, Меланезия, Микронезия.

К первой подобласти (около 20 млн чел.) относятся Австралия, Тасмания, Новая Зеландия, Кокосовые острова (Килинг), Норфолк и остров Рождества.

Полинезию (более 500 тыс. чел.) составляют государство Восточное Самоа (острова Кука, Мидуэй, Ниуэ, Питкэрн, Токелау, Уоллис, Футуна), государство Французская Полинезия.

В Меланезию (более 4,8 млн чел.) входят политико-административное образование Папуа – Новая Гвинея, острова Вануату, Новая Каледония, Соломоновы острова, остров Фиджи.

В Микронезию входят Марианские, Каролинские и Маршалловы острова, острова Кирибати и Науру.

Азия

Общая численность населения – более 3 млрд чел. В зарубежной Азии выделяют следующие подобласти:

- Западная Азия (более 190 млн чел.). В нее входят государства Афганистан, Бахрейн, Израиль, Иордания, Йемен, Ирак, Иран, Катар, Кувейт, Ливан, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Саудовская Аравия, Сирия, Турция;
- Южная Азия (около 1000 млн чел.). К ней относятся государства Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан, Шри-Ланка;
- Юго-Восточная Азия (более 400 млн чел.). Государства: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малай-

зия, Мьянма (Бирма), Сингапур, Таиланд, Филиппины, остров Тимор;

- Восточная Азия (около 1500 млн чел.). В нее входят государства Китай, Корейская Народно-Демократическая Республика, Республика Корея, Япония и территории Аомынь (Макао) и Сянган (Гонконг);
- Центральная Азия (более 2 млн чел.). Государство Монгольская Народная Республика. Часто к Центральной Азии относят также входящий в состав Китая Тибет.

Возможно, что с точки зрения географического описания к Центральной Азии могут быть отнесены Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан (в этом случае численность населения существенно возрастает).

К Азии относятся Западная, Южная и Восточная Сибирь, а также российский Дальний Восток. Однако они являются частью России, в составе которой они и рассматриваются.

К странам Азии относят обычно также государства Закавказья: Азербайджан, Армению и Грузию.

Америка

- Северная Америка (около 300 млн чел.). К ней относятся Канада, США, Гренландия, Сен-Пьер, Микелон и Бермудские острова.
- Центральная и Южная Америка (более 400 млн чел.). В нее входят:
 - центральная материковая зона. Государства: Гватемала, Гондурас, Коста-Рика, Мексика, Никарагуа, Панама, Сальвадор;
 - карибская зона. Аруба, Багамские острова, Барбадос, Виргинские острова, Гаити, Гваделупа, Гренада, Доминиканская Республика, Куба, Мартиника, Пуэрто-Рико, Тринидад и Тобаго, Ямайка;

- тропическая южная зона. Государства: Боливия, Бразилия, Венесуэла, Гайяна, Колумбия, Парагвай, Перу, Суринам, Эквадор;
- умеренная южная зона: Аргентина, Уругвай, Чили. Фолклендские (Мальвинские) острова.

Африка

Численность народов Африки составляет около 800 млн чел.

- Северная Африка. Государства: Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Судан, Тунис;
- Восточная Африка. Государства: Бурунди, Джибути, Замбия, Зимбабве, Кения, Мадагаскар, Сейшельские острова, Сомали, Танзания, Уганда, Эфиопия и Эритрея;
- Южная Африка. Государства: Ботсвана, Лесото, Намибия, Свазиленд, Южно-Африканская Республика.
- Центральная Африка. Государства: Ангола, Габон, Заир, Камерун, Конго, Центрально-Африканская Республика, Чад;
- Западная Тропическая Африка. Государства: Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Кот д'Ивуар, Либерия, Мавритания, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того.

Европа

Численность населения, включая Россию, составляет 800 млн чел.

- Восточная Европа: европейская часть России, Беларусь, Венгрия, Латвия, Литва, Молдова, Польша, Румыния, Словакия, Украина, Чехия, Эстония.
- Южная Европа. Государства: Албания, Андорра, Болгария, Ватикан, Греция, Испания, Италия, Мальта, Португалия, Сан-Марино, Югославия, а также территория Гибралтар.

- Западная и Центральная Европа. Государства: Австрия, Бельгия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Германия, Франция, Швейцария;
- Северная Европа. Государства: Великобритания, Дания, Ирландия, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция.

Как самостоятельный политико-географический регион выделяется Россия, включающая европейскую часть, Северный Кавказ, Сибирь и Дальний Восток.

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Этот вид описания основывается на этнографических (этнологических) методах исследования хозяйства и культуры и используется при изучении этногенеза народов и их этнической истории, истории хозяйства, материальной и духовной культуры, проблем, связанных с этническими процессами, культурных и исторических отношений между народами. Хозяйственно-культурные исследования свидетельствуют, с одной стороны, об индивидуальных особенностях каждой культуры, а с другой – о глобальной непрерывной связи между человеческими культурами, что позволяет обнаруживать закономерности их развития. Осмысление путей прогресса культуры и его этапов началось еще в эпоху античности, когда были предприняты попытки связать этапы развития общества с определенными ступенями хозяйственного и культурного процесса и были выделены три его стадии: собирательство и охота, пастушество, земледелие, – что способствовало переходу от дикости к варварству и от варварства к цивилизации. Эта схема, основанная на эмпирических наблюдениях и логических умозаключениях, длительное время в той или иной мере оказывала воздействие на взгляды ученых. К XVIII в. получила распространение

идея о прохождении всеми народами пути от простейших видов хозяйственной деятельности к более сложным и совершенным.

В середине XIX в. немецкий экономист Ф. Лист выделил пять ступеней хозяйственного и культурного развития: дикость; пастушество; земледелие; земледелие в сочетании с ремеслом; земледелие, ремесло и торговля. Идея прохождения культурным прогрессом определенных этапов содержалась в трудах многих эволюционистов: А. Бастиана, И. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Эд. Тейлора и др. Попытка периодизации культурного развития человечества на основе материальных факторов производства и культуры была предпринята Л. Г. Морганом. Однако при этом не были соблюдены обязательные для любого описания условия фундаментальности и сопоставимости признаков, заложенных как критерии выделяемых этапов, а также не учтено различие хозяйства и культуры в разных природно-географических зонах Земли, что вызвало серьезную критику его концепции со стороны противников прямолинейных эволюционистских построений.

Значительный вклад в разработку проблемы хозяйственной и культурной систематики внес этнолог и географ Фридрих Ратцель, предложивший классифицировать культурные явления в их географическом многообразии.

Большое внимание рассматриваемым проблемам уделяли исследователи, разрабатывавшие концепцию «культурных кругов» (Л. Фробениус, Ф. Гребнер), а также основатель «культурно-исторической школы» В. Шмидт и многие его сторонники.

Проблемы описания хозяйственных и культурных явлений нашли отражение в трудах основателя американского «исторического метода» Ф. Боаса. Его ученики – О. Мэсон, К. Уисслер, В. Холмс, Э. Сэпир – разработали систему «культурных ареалов» Северной Америки кануна европейской колонизации.

Значительный шаг вперед в решении проблемы периодизации этапов развития хозяйства и культуры сделал русский этнограф В. Г. Тан-Богораз. Его концепция свободна от механических установок сторонников теории «культурных кругов», ибо она в значительной мере строилась на принципах историзма.

Отечественные ученые, основываясь на положениях о единстве исторического процесса и закономерностях движения человечества по ступеням развития культуры и смены способов производства, стали разрабатывать концепцию о культурных общностях в виде хозяйственно-культурных типов. Одновременно велась работа по выделению «историко-культурных», или «историко-этнографических», областей.

В современном понимании хозяйственно-культурные типы – это комплексы хозяйства и культуры, исторически сложившиеся у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях среды. Преобладает точка зрения, гласящая, что начало формирования хозяйственно-культурных типов восходит к эпохе палеолита – времени появления человека современного вида. Они возникали, формировались, развивались, частично исчезали на протяжении всей истории в ходе адаптации людей к окружающей среде, политическим и социально-экономическим условиям, хозяйственного использования природных ресурсов в системе жизнеобеспечения. При этом одни типы сложились еще в глубокой древности, в эпоху присваивающего хозяйства, другие возникли на разных континентах позднее, в процессе распространения навыков земледелия, скотоводства, металлургии, ремесла. Существующая в настоящее время хозяйственно-культурная типология охватывает общества от времени появления первобытнообщинного строя в позднем палеолите и до начала индустриальной эпохи и внедрения механизации в сельское хозяйство.

Основные, определяющие признаки хозяйственно-культурного типа – характер, облик и уровень развития хозяйства и хозяйственной деятельности людей. Облик и характер культуры имеют при этом важное, но не решающее значение, так как культуры народов мира разнообразны. В отличие от бесчисленных разновидностей явлений культуры, хозяйственно-культурные типы, даже с учетом промежуточных хозяйственных подтипов, достаточно ограничены и, что особенно существенно, могут тесно увязываться с этапами социально-экономического развития, способами производства, так как они включены в экономику самим процессом хозяйственной деятельности и относятся к экономическому фундаменту общества. Хозяйственно-культурный тип – органическая составная часть любого способа производства, практически конкретное материальное его воплощение, его основание. Категория «хозяйственно-культурный тип» выступает связующим звеном между производительными силами и производственными отношениями. Включенная в систему способов производства (помимо понятий «производительные силы» и «производственные отношения») категория «хозяйственно-культурный тип» наполняет эту систему живым содержанием, показывает локальные варианты, органически соединяя совокупность хозяйственно-производственных навыков и экономику в общественном производстве с многообразием природной среды. Таким образом, хозяйственно-культурный тип, с одной стороны, характеризует хозяйственно-производную, технологическую сторону способа производства, а с другой – его конкретное этнокультурное выражение, этнологический облик общественной системы в целом и социально-экономических укладов в частности. Хозяйственно-культурный тип – историческая категория, и именно смена типа, а не только развитие отдельных элементов культуры (орудий труда и технологии), ведет к изменению способа производст-

ва. Одновременно со сменой хозяйственно-культурного типа происходили и изменения в производственных отношениях. Такой подход позволяет тесно увязать хозяйственно-культурную типологию с наиболее крупными эпохами в социальном развитии человечества – первичной, догосударственной (эпоха до возникновения цивилизации), и вторичной, начавшейся со сложения цивилизации и первых государств. Соответственно, хозяйственно-культурный тип четко коррелирует и со способами производства.

Предложено несколько видов хозяйственно-культурного описания – от относительно простых, включающих основные, наиболее характерные типы, до очень сложных, в которых наряду с основными типами перечисляется множество подтипов, переходных форм и т. д., имеющих не универсальное, а лишь локальное распространение. Расширительное толкование хозяйственно-культурных типов открывает дорогу к субъективному подходу к описанию, неопределенности не только переходных форм, но и типов, что делает систематику недостаточно последовательной и аргументированной. Вследствие этого целесообразно включать в хозяйственно-культурное описание только основные, наиболее характерные для разных регионов Земли и бесспорные типы, тесно увязывая их с социально-экономической периодизацией, что позволяет четко разграничить типы на разных этапах развития общества.

Первичная, первобытнообщинная, эпоха включает в себя два типа: присваивающий и первобытно-производящий.

Присваивающий тип. Общества, относящиеся к наиболее архаической группе хозяйственно-культурной деятельности, обычно не знакомы с выплавкой и горячей обработкой металлов. Орудия изготавливаются из традиционных материалов: кости, рога, дерева, камня, раковин, – а также из полученных от более развитых соседей заготовок металла, который обрабатывается холодным «неолитическим» спо-

собом. Хронологически типы этой группы относятся к эпохам камня и палеометалла, но на периферии развитых обществ и государств они существуют вплоть до новейшего времени, постепенно сменяясь более производительными видами хозяйственной деятельности.

Наиболее примитивным присваивающим типом является тип «бродячих охотников и собирателей», некогда широко распространенный в тропической экваториальной зоне и сохраняющийся в наши дни только в немногих, географически изолированных и неблагоприятных для жизнедеятельности областях тропических лесов Юго-Восточной Азии, Южной Америки и Австралии. При крайне ограниченных пищевых ресурсах и слабой вооруженности бродячие охотники и собиратели почти ежедневно, с короткими дневками и ночлегами, передвигаются, собирая по пути все съестное. Их хозяйственные навыки, материальная и духовная культура находятся на самом низком из известных науке уровне развития.

Примерно таков же уровень социального, материального, культурного развития племен, занимавшихся на побережьях озер, рек, морей главным образом собирательством даров моря и растительных продуктов, прибрежным рыболовством.

Значительно более развиты племена, которые связаны со специализированной охотой и собирательством, требующими более высокого уровня развития производительных сил. Им характерны следующие виды хозяйственно-культурной деятельности:

- специализированная охота и собирательство в тропиках;
- охота, рыболовство, собирательство в умеренном поясе;
- пешая таежная охота;
- арктическая охота на морского зверя;
- охота на оленей;
- охота, рыболовство, собирательство с зачатками земледелия и животноводства.

Все перечисленные выше виды хозяйственно-культурной деятельности образуют первобытно-присваивающий способ производства.

Первобытно-производящий тип. Примерно 10 тысяч лет тому назад, а может быть, и несколько раньше в так называемых «первичных» (по Н. И. Вавилову) центрах, в предгорьях сухих и влажных субтропиков Восточного Средиземноморья, юго-запада Средней Азии, позднее в Северной Африке, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, а также в Америке начало складываться комплексное присваивающе-производящее хозяйство, в котором земледелие и животноводство стали постепенно занимать ведущее место. На естественно или искусственно орошаемых, обрабатываемых ручным способом (палками или мотыгами) землях выращивались первоначально преимущественно зерновые, а затем и другие сельскохозяйственные культуры. Наряду с уже одомашненной собакой были domestцированы сначала мелкий, а затем и крупный рогатый скот, свинья, транспортные животные, птица. В результате сложились следующие типы:

- комплексное хозяйство ранних земледельцев субтропиков;
- земледелие и животноводство умеренного пояса в древности;
- ручное земледелие тропиков.

Все эти хозяйственно-культурные типы стали основой первобытно-производящего способа производства.

По мере развития производительных сил и роста численности населения началось освоение «вторичных центров» и стало возникать производящее хозяйство, главным образом в аллювиальных долинах рек, где сложился тип плужных и ручных земледельцев древних цивилизаций тропиков и субтропиков Северной Африки, Западной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, Центральной и Южной Америки. На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. возника-

ют древнейшие государства Западной Азии и Северной Африки, расцветает цивилизация. Соответствующий этому типу способ производства может быть назван «азиатским», или общинно-государственным деспотическим. Происходит становление вторичной эпохи.

Под мощным влиянием древних цивилизаций начинается процесс распространения производящего хозяйства в тропиках, где возникает тип традиционного земледелия и животноводства предгосударственных и раннегосударственных образований Тропической Африки, ставший основой африканского способа производства.

В V–IV тысячелетиях до н. э. под влиянием «первичных» и «вторичных» центров производящее хозяйство сначала в виде ручного, а позднее плужного земледелия получает распространение в полосе умеренного климата и складывается тип земледельцев и животноводов лесной и лесостепной зоны Европы (варварский дофеодальный способ производства). Общества, находившиеся на этой стадии развития, не достигли уровня цивилизации.

К этой же эпохе относятся и два следующих хозяйственно-культурных типа.

Первый из них – тип пастушеского скотоводства, возникшего примерно одновременно с появлением хозяйственно-культурного типа древнего ирригационного земледелия в предгорных местностях (бывших некогда «первичными» центрами становления производящего хозяйства) и распространившегося позднее в степные и пустынные зоны (патриархально-пастушеский способ производства).

По мере распространения пастушеского скотоводства на степные и пустынные просторы и вследствие изменений климата, повлекших за собой сдвиги в природной среде, а также под влиянием определенных социально-экономических и политических факторов пастушество становилось со временем все более подвижным, и в начале I в. до н. э. складывается тип

кочевых и полукочевых скотоводов (номадный способ производства). Наибольшее развитие кочевничество получило в Средней, Западной и Центральной Азии, а в средние века – и в Восточной Африке. На протяжении всей истории кочевников отдельные их группы переходили к оседлости вследствие разложения экстенсивного пастбищного скотоводства и формирования предклассового патриархально-племенного строя. У оседавших групп, переходивших к интенсивным формам хозяйственной деятельности (земледелие и др.), возникали классовые отношения. В наше время номадный способ производства сохранился только в отдельных пустынных и горных местностях зарубежной Азии, Северной и Восточной Африки.

В античное время в Южной Европе складывается тип плужного земледелия Древней Греции и Древнего Рима (рабовладельческий способ производства).

К средним векам относится возникновение типов плужного земледелия в государствах Азии и Африки, средневекового ремесленно-торгового городского типа (на основе этих типов складывается феодальный способ производства).

На последующий, индустриальный, период хозяйственно-культурное описание не распространяется.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Антропология изучает происхождение человека (антропогенез), его эволюцию, образование человеческих рас, морфологические и физиологические особенности человека. Для этнологии наиболее важным является раздел этнической антропологии.

Расами называются биологические подразделения человечества современного вида (*Homo sapiens* – неантропа), различающиеся общими наследственными физическими особенностями, связанными с общим происхождением

и определенной областью обитания. Одним из первых создателей описания расовых различий был французский ученый Франсуа Бернье, опубликовавший в 1684 г. работу, в которой употребил термин «раса».

Большинство ученых придерживаются теории моноцентризма, согласно которой расовая дифференциация происходила после образования человека современного вида в одном центре (предположительно в Восточном Средиземноморье и соседних областях Южной Европы, Северной и Восточной Африки и Западной Азии). В конце палеолита, вероятно, возникли два очага расообразования: западный (северо-восток Африки и юго-запад Азии) и восточный (юго-восток и восток Азии). Позднее, расселяясь по земному шару и смешиваясь между собой, человеческие популяции образовали современные расы.

Среди рас современных людей в первую очередь выделяют наиболее крупные подразделения, обычно называемые большими расами. До недавнего времени различали три большие расы: *европеоидную*, *монголоидную* и *негро-австралоидную*, или *экваториальную*. В последние годы многие исследователи вместо единой экваториальной расы выделяют две самостоятельные расы – *негроидную* и *австралоидную*. Выдвигаются также гипотезы о существовании более крупных биологических подразделений человечества – двух расовых стволов: *западного*, или *атланти-средиземноморского*, и *восточного*, или *тихоокеанского* (в состав первого входят *европеоиды* и *негроиды*, в состав второго – *монголоиды* и *австралоиды*). Отдельные ученые в состав западного ствола включают также австралоидов, в результате восточный ствол у них состоит из одних монголоидов.

В зоне контактов больших рас существует ряд переходных и смешанных расовых типов. Под переходными обычно понимают такие типы рас, которые сформировались в столь отдаленные времена, что теперь трудно установить,

являются ли они результатом смешения двух рас или же сохраняют древние черты, существовавшие у больших расовых стволов до их расчленения. Смешанные же расовые типы образовывались не только в древности, но и в средневековье, а также в новое и новейшее время. Характерные представители переходных расовых типов – дравиды Южной Индии и эфиопы на востоке Африки, смешанных типов – метисы и мулаты Америки.

Внутри больших рас выделяются расовые группы, которые, в свою очередь, делятся на малые расы, последние состоят из еще более мелких расовых типов.

Для негроидов характерны курчавые черные волосы, интенсивно пигментированная кожа, карие глаза, слабое или среднее развитие третичного волосяного покрова, умеренно выступающие скулы, сильно выдающиеся вперед челюсти, слабо выступающий широкий нос, толстые губы. Негроидные признаки наиболее ярко выражены у населения, живущего в Африке к югу от Сахары. К негроидам относятся и низкорослые центральноафриканские пигмеи, или негрилли, отличающиеся очень низким ростом, а также южноафриканские бушмены и готтентоты, у которых негроидные черты (крайняя степень курчавости волос) сочетаются с монголоидными особенностями (желтоватая кожа цвета подсыхающей листвы, уплощенное лицо, наличие эпикантуса – кожной складки верхнего века, прикрывающей слезный бугорок во внутренних углах глаз).

Европеоиды отличаются волнистыми или прямыми мягкими волосами разных оттенков, большей частью сравнительно светлой кожей, сильным развитием третичного волосяного покрова, слабо выступающими скулами и челюстями, узким выступающим носом, тонкими или средней толщины губами. Европеоиды делятся на две основные группы – северную и южную, которые различаются главным образом по цвету волос и глаз. Северная группа,

наиболее депигментированная, преобладает у народов Скандинавии и населения соседних с ней районов; южная, для которой характерны смуглая кожа, темные волосы и карие глаза,— у южных европейцев, народов Северной Африки, Передней, Средней и Южной Азии. Большая часть Европы — это зона переходных форм, которые не могут быть отнесены ни к северной, ни к южной группе. Северные и южные европеоиды (а также переходные формы) на основании различий в росте, цвете кожи и глаз, формы головы делятся на большое количество малых рас. В составе северной группы выделяют атлантико-балтийскую и беломорско-балтийскую расы (переходные формы — альпийская, средневропейская, восточноевропейская), в составе южной группы — средиземноморскую, индо-афганскую, адриатическую (динарскую), переднеазиатскую (арменоидную), памиро-ферганскую расы.

Для монголоидов характерны прямые жесткие темные волосы, слабое развитие третичного волосяного покрова, желтоватый оттенок кожи, карие глаза, уплощенное лицо с сильно выдающимися скулами, узкий или среднеширокий нос с низким переносьем. По происхождению и многим признакам к ним близки американские индейцы, у которых, однако, общий монголоидный облик сглажен, эпикантус встречается редко, нос выступает обычно сильно. Монголоиды Азии делятся на две основные группы: *континентальную* и *тихоокеанскую*. Континентальные монголоиды отличаются более широким лицом и некоторыми другими чертами. Особое место среди монголоидов занимает арктическая группа, у которой сочетаются признаки континентальных и тихоокеанских монголоидов и, кроме того, имеются специфические черты (например, очень узкий нос).

К югу от тихоокеанских монголоидов живут южные группы монголоидов — представители так называемой малайской расы, обнаруживающие немало австралоидных при-

знаков (волнистые волосы, довольно обильный рост бороды, более темная кожа, толстые губы, относительно широкий нос). Поэтому их вместе с японцами и населением Восточной Индонезии, подвергшимся интенсивной метисации с различными группами австралоидов, сейчас чаще всего не включают в состав монголоидов, а считают смешанными и переходными формами между азиатской ветвью монголоидной большой расы и австралоидной большой расой. Следует все же подчеркнуть, что граница между тихоокеанскими и южными монголоидами значительно менее определена, чем между другими большими расами, а также смешанными и переходными формами.

Австралоиды имеют темную окраску кожи, широкий нос, толстые губы, что сближает их с негроидами, но они отличаются от последних волнистыми волосами (австралийцы, веддоиды), сильным развитием третичного волосяного покрова (австралийцы), иногда несколько ослабленной пигментацией. В отличие от всех других больших рас, отдельные группы австралоидов: аборигены Австралии, папуасы и меланезийцы, веддоиды, а также негритосы и айны – сильно различаются по расовым признакам. Аборигены Австралии по пигментации близки к негроидам, а по форме волос и развитию третичного волосяного покрова – к европеоидам. У папуасов и меланезийцев, имеющих ярко выраженные австралоидные черты, волосы, так же как и у негроидов, курчавые (папуасы отличаются от меланезийцев особой, так называемой ложносемитической крючковидной формой носа). Веддоиды, имея в общем австралоидный облик, выделяются низким ростом, слабым развитием бороды, надбровных дуг, умеренно широким носом. Генетически связаны с другими австралоидами, но резко отличаются от них по внешнему облику крайне низкорослые и курчавоволосые негритосы и айны, для которых характерны отдельные особенности больших рас (европеоидные –

светлая кожа и очень сильно развитый третичный волосной покров, австралоидные – широкий нос и покаты́й лоб, монголоидные – уплощенность лица и наличие эпикантуса).

Обычно особо выделяют смешанные расовые типы населения Мадагаскара, Полинезии и Микронезии, Гавайских островов, для которых характерны сочетания монголоидных, австралоидных и европеоидных (а для населения Мадагаскара – и негроидных) признаков.

Кроме указанных выше внешних различий, характерных для расовых групп, у них существуют и другие особенности, главным образом физиологические и биохимические, географические вариации которых совпадают или в определенной мере коррелируются с разными расами или расовыми типами. Так, расы отличаются друг от друга по группам крови, белкам сыворотки, деталям строения зубов, вкусовыми ощущениями на фенилтиокарбамид, видами цветовой слепоты (дальтонизм) и т. п.

Между расами, в отличие от этносов, языков и религий, бывает очень трудно или даже невозможно установить сколько-нибудь точные границы. Смешение рас длится многие тысячелетия и представляет собой непрерывный и все более ускоряющийся процесс (на долю смешанных и промежуточных расово-гетерогенных групп приходится около 30% всех людей). Поэтому расовые отличия обычно хорошо заметны у далеко расположенных друг от друга групп.

Следует подчеркнуть, что по основным видовым морфологическим, физиологическим и психологическим признакам человечество едино. Расовые различия не относятся к биологически наиболее важным особенностям строения человеческого тела и проявляются в сравнительно небольшом количестве признаков. Вполне жизнеспособное и плодовитое потомство рождается от браков между представителями любых рас. Полная биологическая и социально-куль-

турная полноценность всех рас и смешанных групп доказывает несостоятельность реакционных концепций о существовании «высших» рас, используемых для обоснования расизма.

Чрезвычайно сложен вопрос о соотношении расовых и этнических общностей. Совершенно разные признаки, положенные в основу выделения тех и других, свидетельствуют о разной природе этих общностей. В то же время расовые типы людей в древности складывались на основе тех же территориальных групп человечества, что и этнические общности. Племена первоначально были однородными в расовом отношении. Постепенно, в ходе социально-экономического развития и в результате расселения по земному шару, группы разных племен стали смешиваться. Этнические образования носят общественный характер, расовые же группировки имеют преимущественно биологическую основу. В силу различной природы этнических и расовых групп совпадения границ тех и других становятся более редкими – сейчас можно назвать лишь несколько случаев таких совпадений. Народы могут быть однородны на уровне больших рас, но почти всегда гетерогенны в отношении подразделений этих рас. Народы Европы, например, в подавляющем большинстве относятся к европеоидной большой расе, но почти каждый из них включает в себя представителей двух, а то и всех трех групп этой расы (северной, переходной и южной). Что же касается расовых типов большой европеоидной расы (беломорско-балтийского, альпийского, динарского и др.), то их границы с границами этническими тем более не совпадают.

Точно так же не совпадают границы между расами и языковыми подразделениями. Например, языки тюркской группы распространены и среди представителей монголоидной расы (якутов, тувинцев и др.), большинство же носителей тюркских языков смешаны в расовом отношении. К

различным большим расам принадлежат и народы, говорящие на языках уральско-юкагирской семьи. Подобных примеров можно привести много.

Яркой иллюстрацией интенсивного смешения расовых типов при образовании этносов служит подавляющее большинство стран Америки. В отличие от Старого Света, где процессы метисации проходили в древности и в средневековье, здесь они протекали в последние три-четыре столетия и в широких масштабах продолжаются и сейчас.

Большинство современных народов Америки образовались в результате смешения двух или даже трех рас. При этом ввезенные в Америку из Африки негры, принадлежавшие к разноязычным племенам, будучи расселены в новых местах своего обитания вперемежку с белыми, быстро сменили свои племенные языки на господствующий язык соответствующей страны (английский, испанский, португальский, французский). Смешиваясь с коренным населением, они в некоторых странах становились одним из основных этнических компонентов формирующихся наций (таких, как бразильская, кубинская и др.). В других же странах, особенно в США, процесс их слияния с белым населением искусственно тормозился политикой расовой дискриминации.

Приведем краткое описание географического распространения рас и расовых типов по крупным регионам.

В России большинство населения принадлежит к европеоидной расе (86,1% всего населения), представленной двумя своими группами, но с резким преобладанием переходных форм. Северную группу составляют народы финно-угорской группы и северо-западные группы русских, южная же включает в себя народы Северного Кавказа. К переходным формам относится большая часть русских, украинцев, белорусов и некоторых других народов европейской части России. Коренные народы Восточной Сибири и Дальнего Востока принадлежат к континентальной группе монголои-

дов, а эскимосы и палеоазиаты образуют арктическую группу этой расы. В Поволжье, на Урале, в Западной Сибири и Казахстане издавна образовалась контактная зона между европеоидами и монголоидами, причем выраженность признаков монголоидной расы усиливается к востоку. Народы Западно-Сибирской низменности и Саяно-Алтайской зоны, у которых преобладают монголоидные признаки, входят в уральскую расовую группу. Слабо выраженные признаки монголоидной расы отмечены у живущих в Поволжье и на Урале народов (мордвы, марийцев, башкир и татар), их расовый тип принято называть лапоноидным и субуральским.

В эпоху Великого переселения народов значительные массы монголоидного населения Центральной Азии проникли в степную полосу Западной Сибири, в Казахстан, Среднюю Азию и степи Юго-Восточной Европы, коренное население которых в основном относилось к европеоидам. В результате здесь образовались два смешанных расовых типа: южносибирский, распространенный главным образом среди современных казахов (у них признаки монголоидной расы явно преобладают), и среднеазиатский, характерный для туркмен, узбеков и частично для таджиков (здесь автохтонное население было более густым и примесь монголоидного элемента проявилась менее отчетливо). Первые русские переселенцы в Сибирь, смешавшись с местным населением, сформировали небольшие по численности своеобразные группы, отличающиеся не только в этнокультурном, но и в расовом отношении (камчадалы, карымы, ясашные и др.).

Население Европы почти полностью (за исключением недавних иммигрантов из Африки, Южной Азии и Восточной Индии) относится к европеоидной расе. Жители крайних северных и южных областей Европы довольно сильно различаются по расовому типу; мало сходства можно обнаружить у высокорослых светловолосых и светлоглазых нор-

вежцев (северных европеоидов), с одной стороны, и невысоких темноволосых и темноглазых итальянцев (южных европеоидов) юга Италии – с другой. Вместе с тем смена признаков в Европе происходит настолько постепенно, что невозможно провести более или менее четкую границу не только между малыми расами, но и между северными и южными европеоидами и переходными формами.

Условно принято считать, что на территории Скандинавских стран, Исландии, большей части Великобритании, Ирландии, Нидерландов и севере Германии распространены северные европеоиды атлантико-балтийской расы. Большую часть населения Пиренейского полуострова, юго-западной Франции, южной и центральной Италии, южной Греции, островов Средиземного моря относят к средиземноморской, а население бывших югославских республик, северной Греции, Болгарии, севера Италии и юга Австрии – к динарской расе южных европеоидов. Все остальное население Европы включает в свой состав различные, трудно поддающиеся разграничению расовые типы, объединяемые довольно расплывчатым понятием «переходные и среднеевропейские формы» европеоидов. В целом же около 17% населения Европы относят к северным европеоидам, 32% – к южным и несколько более 50% – к переходным и среднеевропейским формам.

Саами на севере Европы относятся к смешанной лапоноидной расе, в формировании которой приняли участие как европеоидные, так и монголоидные элементы. Некоторые, очень слабо прослеживаемые монголоидные признаки обнаруживаются у венгров, а также у населения Германии и Финляндии. У населения крайнего юга Европы кое-где наблюдается небольшая примесь негроидной расы.

Необычно сложна в антропологическом отношении зарубежная Азия – здесь распространены значительные группы всех четырех больших рас человечества. Европеоиды (около 29% населения) представлены различными расами южной

группы – переднеазиатской, индо-афганской, памиро-ферганской, распространенными в Передней Азии и Северной Индии. Монголоиды (около 31% населения) делятся на северных, или континентальных (монголы, тунгусо-маньчжурские народы), и восточных, или тихоокеанских (корейцы, северные китайцы). К монголоидам тесно примыкают смешанные и переходные формы между монголоидной и австралоидной расами. К таким формам относятся: типы южноазиатской группы, или южные монголоиды (25% населения), – южные китайцы, индонезийцы, филиппинцы, народы Индокитая; японский тип (5% населения), в составе которого прослеживаются некоторые айнские элементы; и восточноиндонезийский тип (население Молуккских островов).

Численность представителей австралоидной расы в Азии очень невелика (всего 7,7 млн чел.), но распространены они во многих районах. Веддоидный тип, помимо веддов Шри-Ланки, встречается у отдельных групп дравидийских народов мунда, а также бхилов, относящихся к индоарийской языковой группе; папуасско-меланезийский тип – у народов восточной Индонезии и Ириан Джая; негритосский – у аэтов Филиппин, семангов Малайзии, андамцев Индии; айнский – у айнов Японии.

В зоне древних контактов между южной ветвью европеоидов и веддоидами образовался южноиндийский тип (почти 10% населения); наиболее характерными его представителями являются народы Южной Индии, большей частью относящиеся по языку к дравидийской семье.

Более половины населения Африки принадлежит к негроидной большой расе. Негры разных районов довольно сильно отличаются по своим расовым признакам: кожа варьирует от почти черной до светло-коричневой, различается толщина губ и ширина носа, а также длина тела (от наиболее высокорослых групп в мире до крайне низкорослых); зато у всех у них одинаково курчавые волосы.

Вопрос о подразделении негроидов на различные типы еще далек от разрешения. Если не считать сильно морфологически обособленных негриллей и готтентотов с бушменами, то наиболее четко выделяются по своему типу темнокожие и высокорослые нилоты суданцы и умеренно длинноголовые (долихокефальные) и коренастые негры бассейна Конго. Для негриллей, живущих в тропических лесах р. Конго, характерны карликовый рост (менее 150 см), тонкие губы, сильно развитый волосяной покров на лице и теле, более светлая по сравнению с остальными негроидами кожа. Бушмены и готтентоты, живущие в пустынях Юго-Западной Африки, отличаются от основной части негроидов также более светлой кожей, низким ростом (150–160 см), уплощенным лицом, наличием эпикантуса, что сближает их с монголоидами; для бушменских женщин специфична, кроме того, стеатопигия (выступание ягодиц вследствие обильного жиросложения).

Южные европеоиды (средиземноморская раса), образующие более четверти населения Африки, заселяют весь север континента вплоть до Сахары. К ним принадлежат большая часть арабов и берберы. На юге Африки живет более 5,5 млн выходцев из Западной Европы, в антропологическом отношении принадлежащих к переходным формам европеоидов, северной ветви.

Смешанное в расовом отношении население Африки сосредоточено преимущественно на границе между негроидами и европеоидами. В зоне древних контактов между ними на Африканском Роге возник эфиопский тип. По форме носа и строению лицевого скелета эфиопы почти не отличаются от арабов, но кожа у них почти такая же темная, как у негров. На востоке Африки главным образом фульбе по основным расовым признакам также занимают промежуточное положение между европеоидами и негроидами (так называемые переходные формы западного в Судане). В ре-

зультате арабского завоевания и распространения ислама значительные арабоязычные группы южных европеоидов проникли в глубь Африки, что привело к образованию смешанных форм Судана, внешне довольно сходных с более древними. На Мадагаскаре в результате смешения переселившихся из Юго-Восточной Азии южных монголоидов с коренным населением образовался малагайский тип, в котором выраженность монголоидных и негроидных признаков варьирует по отдельным этнографическим группам.

В XVII–XIX вв. внебрачные связи буров (выходцев из Нидерландов и их потомков) с готтентотками и рабынями из других частей Африки, в частности с Мадагаскара, обусловили появление группы так называемых «цветных».

Расовый состав населения Америки отличается необычайной пестротой, обусловленной тем, что в формировании населения этой части света участвовали представители трех больших рас человечества. Аборигенное население – индейцы и эскимосы – сохранилось компактными массивами лишь в отдельных районах, преимущественно на Мексиканском нагорье, в Андах, в глубинных областях Южной Америки и в арктических районах. Во всех остальных местах преобладают или смешанное в расовом отношении население, или же сравнительно поздние пришельцы – европеоиды и негроиды. Аборигены относятся к различным типам монголоидной расы.

В настоящее время из больших рас в Америке шире всего распространена европеоидная. К ней относится почти 90% населения США и Канады и более 25% населения Латинской Америки. В Северную Америку, за исключением ее южной части, ехали в основном представители северной и переходной групп европеоидов (выходцы из Великобритании, Скандинавских стран, Германии), однако в процессе смешения границы между антропологическими типами стерлись здесь еще в большей мере, чем в Европе, в резуль-

тате чего ныне резко преобладают переходные формы. В Латинской Америке европеоиды представлены в основном южной группой, поскольку среди переселенцев из Европы преобладали испанцы, португальцы и итальянцы. Большинство европеоидов Латинской Америки имеют примесь индейской либо негритянской крови.

Вторую по численности расовых групп в Америке составляют метисы – потомки от смешанных индейско-европейских браков. В Латинской Америке они даже преобладают, образуя основное население Мексики, большинства центральноамериканских республик, Венесуэлы, Чили, Парагвая и других стран. Менее многочисленны мулаты, появившиеся в результате смешения европейского и африканского населения; к ним принадлежат часть афро-американцев США, значительные группы населения Бразилии, Кубы, Венесуэлы, ряд народов Вест-Индии. В некоторых случаях метисов и мулатов разделить трудно, так как в Бразилии, Венесуэле, Колумбии и других странах имеются группы индейско-негритянского происхождения. Для обозначения степени участия тех или иных расовых групп в формировании населения латиноамериканских стран существует целый ряд терминов. Доля групп смешанного расового происхождения непрерывно увеличивается.

К негроидной расе в Америке принадлежат несмешавшиеся (или мало смешавшиеся) потомки привезенных из Африки негров-рабов. Крупнейшие негроидные группы живут в Бразилии и США, негры являются основным населением Гаити, Ямайки и многих других стран Вест-Индии. В целом же в Америке европеоиды составляют 53% всего населения, метисы и мулаты – 34%, негры – несколько менее 7% и монголоиды – индейцы – чуть более 6%.

В Австралии и Океании до прихода европейцев большая часть населения относилась к двум типам австралоидной большой расы – австралийскому и папуасско-меланезийскому. На

востоке и севере Океании – в Полинезии и Микронезии – были распространены типы, занимавшие промежуточное положение между большими расами человечества. В результате массовой иммиграции в новое и новейшее время европейского и в меньшей степени азиатского населения расовый состав этого региона претерпел сильные изменения. В Австралии и Новой Зеландии сейчас резко преобладают представители европеоидной расы, в основном относящиеся к ее переходным формам и реже к северной группе. Смещение океанийцев с европейцами и азиатами в Полинезии и Микронезии, а также на островах Фиджи и Новая Каледония привело к образованию значительных метисных групп. В целом же в Австралии и Океании европеиды (преимущественно переходные формы) составляют большинство населения.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

Языковая и этническая принадлежность, как правило, совпадает, что обуславливает важность лингвистического описания при выделении и определении этносов и этнических общностей, при изучении происхождения народов (их этногенеза). Языки народов мира классифицируются по языковым семьям и их ветвям на основе методов сравнительно-исторического языкознания и установления генетического родства между языками. При этом родство языков может означать и родство по происхождению, однако, как полагают некоторые лингвисты, за время своего существования народ мог неоднократно менять язык, что ограничивает возможности использования лингвистических данных при решении этногенетических задач.

Сравнительное языкознание, основываясь на анализе фонетики, грамматики и словарного состава (лексики), устанавливает наличие или отсутствие родства между языка-

ми. Это позволяет объединить языки в языковые семьи, являющиеся главными единицами лингвистического подхода к описанию родственных по происхождению языков. Такого рода языковые семьи развивались в ходе истории из языка-основы. Но язык – это исторически развивающееся и изменяющееся во времени явление, поэтому родственные по происхождению языки в наше время могут не только сильно отличаться один от другого, но и не иметь многих признаков, характеризующих их языковую семью в целом. Вследствие этого языки классифицируются не по их современному состоянию, а по принципу исторического генетического родства. Например, родственные по происхождению русский, английский, персидский и другие языки относятся к одной индоевропейской семье, так как восходят к общему языку-основе. Но их историческое развитие шло совершенно по-разному, и сегодня взаимопонимание между носителями этих языков невозможно. Со временем внутри языка развиваются диалекты, которые могут стать самостоятельными языками. В отличие от языка, служащего средством общения для целой этнической общности, диалект – это региональный вариант внутри языка, употребляемый ограниченной группой людей, принадлежащей к территориальной, а иногда и социальной или иной общности.

Язык – общественное явление и может существовать только в обществе. Возникновение общества и языка как средства передачи социальной информации было неразрывно связано с развитием трудового процесса. Языки подвержены самым различным изменениям: спонтанным, а также заимствованиям из чужих языков, вследствие чего наличие общих слов не обязательно является свидетельством родства языков, – и проходят столь же сложные пути исторического развития, как и этнические общности. И поскольку этносы и языки часто совпадают, лингвистическое описа-

ние составляет одну из основ выделения этнических общностей и установления их происхождения.

Ученые пытаются обнаружить связи между языковыми семьями, восходящие к языкам-основам. Так, в частности, выдвинуто предположение, что в глубокой древности несколько известных сегодня языковых семей объединились в единую семью «ностратических» языков. Эта гипотетическая макросемья включала в себя языки Евразии и Африки: индоевропейские, картвельские, семито-хамитские, уральские, тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейские, дравидские и многие другие.

Количество языковых семей, а тем более их групп (языковых ветвей), языков и говорящих на них народов, очень велико, поэтому мы ограничимся перечислением лишь основных семей и групп, а также языковых семей и языков, важных для этнологии и этнической психологии.

Индоевропейская семья

В наше время эта семья представлена на всех континентах, и кроме того, она известна по ряду мертвых, древнеписьменных языков. Время сложения индоевропейской семьи языков ученые относят к периоду не позднее эпохи бронзы, а возможно, и к более раннему времени. В дальнейшем шло выделение языковых групп, регионы в которых происходило первоначальное формирование народов, говоривших на индоевропейских языках, точно не установлены, и по этому поводу существует значительное количество гипотез.

В индоевропейскую семью входят языковые группы, на языках которых говорят перечисленные ниже народы.

Славянская группа:

- а) восточноевропейская подгруппа. Народы: русские, украинцы, белорусы;

- б) западнославянская подгруппа. Народы: поляки, лужичане, чехи, словаки;
- в) южнославянская подгруппа. Народы: словенцы, хорваты, славяне-мусульмане (боснийцы), сербы, черногорцы, македонцы, болгары.

Балтийская группа. Народы: литовцы, латыши.

Германская группа. Народы: немцы, австрийцы, германошвейцарцы, лихтенштейнцы, эльзасцы, люксембуржцы, фламандцы, голландцы, фризы, африканеры, евреи Европы и Америки, англичане, шотландцы, шотландо-ирландцы, англо-африканцы, англо-австралийцы, англо-новозеландцы, англо-канадцы, англо-американцы США, багамцы, ямайцы, гренадцы, барбадосцы, тринидадцы, белизцы, гайанцы-креолы, суринамцы-креолы, шведы, норвежцы, исландцы, фарерцы, датчане.

Кельтская группа. Народы: ирландцы, гэлы, уэльсцы, бретонцы.

Романская группа. Народы: итальянцы, сардинцы, санмаринцы, итало-швейцарцы, корсиканцы, ретороманцы, французы, монегаски (монакцы), нормандцы, франко-швейцарцы, валлоны, франко-канадцы, гваделупцы, мартиникцы, гвианцы, гаитийцы, реюньонцы-креолы, маврикийцы-креолы, сейшельцы, испанцы, гибралтарцы, кубинцы, доминиканцы, пуэрториканцы, мексиканцы, гватемальцы, гондурасцы, сальвадорцы, никарагуанцы, костариканцы, панамцы, венесуэльцы, колумбийцы, эквадорцы, перуанцы, боливийцы, чилийцы, аргентинцы, парагвайцы, уругвайцы, каталонцы, андоррцы, португальцы, галисийцы, бразильцы, антильцы, румыны, молдаване, аромуну, исторорумыны.

Албанская группа. Албанцы.

Греческая группа. Народы: греки, греки-киприоты, каракачаны.

Армянская группа. Армяне.

Иранская группа. Народы: талыши, гилянцы, мазендаранцы, курды, белуджи, луры, бахтиары, персы, таты, хазарейцы, чараймаки, таджики, памирские народы, пуштуны (афганцы), осетины.

Нуристанская группа. Нуристанцы.

Индоарийская группа. Народы: бенгальцы, ассамцы, ория, бихарцы, тхару, хиндустанцы, раджастханцы, гуджератцы, парсы, бхилы, маратхи, конкани, пенджабцы, догра, синдхи, западные пахари, кумаони, гаркхвали, гуджар, непальцы, кашмирцы, шина, кохистанцы, кхо, пашаи, тирахи, индомаврикийцы, суринамцы-индопакистанцы, тринидадцы-индопакистанцы, фиджииндийцы, цыгане, сингалы, ведды, мальдивцы.

Картвельская семья

Грузины.

Дравидская семья

Народы: тамилы, ирула, малаяли, ерава, ерукали, кайкади, каннара, бадага.

Уральско-юкагирская семья

Финно-угорская группа. Народы: финны, карелы, вепсы, ижорцы, эстонцы, ливы, саамы, марийцы, мордва, удмурты, коми, коми-пермяки, венгры, ханты, манси.

Самодийская группа. Народы: ненцы, энцы, нганасаны, селькупы.

Юкагирская группа. Юкагиры.

Алтайская семья

Тюркская группа. Народы: турки, турки-киприоты, гагаузы, азербайджанцы, карадагцы, шахсевены, карапалахи, афшары, каджары, кашкайцы, хорасанские, тюрки, халаджи, туркмены, салары, татары, крымские татары, караимы,

башкиры, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногойцы, казахи, каракалпаки, киргизы, узбеки, уйгуры, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, якуты, долганы.

Монгольская группа. Народы: монголы, халха-монголы, монголы КНР, ойраты, дарха-калмыки, буряты, дауры.

Тунгусо-маньчжурская группа. Народы: эвенки, негидальцы, эвены, орочи, удэгейцы, нанайцы, ульчи, ороки.

Корейская семья

Корейцы.

Японская семья

Японцы.

Эскимосско-алеутская семья

Народы: эскимосы (включая гренландцев), алеуты.

Афразийская (семито-хамитская) семья

Семитская группа. Народы: арабы Юго-Западной Азии и Северной Африки, мальтийцы, евреи Израиля, ассирийцы, амхара, аргобба, харари, гураге, тигран, тигре.

Берберская группа. Народы: кабилы, шауйя, рифы, тамазигхт, шильх (шлех), туареги.

Чадская группа. Народы: хауса, ангас, сура, анкве, баде, болева, бура, мандара (вандала), котоко, маса, муби.

Кушитская группа. Народы: беджа, агау, афар (данакиль), сахо, оромо (галла), сомали, консо, сидамо, омета, каффа, гимира, маджи, ираку.

Северокавказская семья

Абхазо-адыгская группа. Народы: абхазы, абазины, адыгейцы, кабардинцы, черкесы.

Нахско-дагестанская группа. Народы: аварцы (включая андо-цезов), лакцы, даргинцы, лезгины, удины, агулы, рутульцы, цахуры, табасаранцы, чеченцы, ингуши.

Сино-тибетская семья

Китайская группа. Народы: китайцы, хуэй (дунгане), бай.

Тибето-бирманская группа. Народы: тибетцы, бутанцы, ладакхи, балти, мьянма (бирманцы).

Группы: бодо-гаро, миджу, дигаро, мири, дхимал, лекча, восточногоималайская, невари, гурунг, западногоималайская.

Австро-азиатская семья

Мон-кхмерская группа. Народы: вьеты (кинх) и др.

Никобарская группа. Никобарцы.

Группы кхаси и мунда.

Семья кадаи

Тайская группа. Народы: сиамцы (кхонтаи), дай, лао (лаосцы).

Австронезийская семья

Западноавстронезийская группа. Народы: малайцы Индонезии, малайцы Малайзии, среднесуматринские малайцы (пасемах, серавей).

Центральноавстронезийская группа.

Восточноавстронезийская группа.

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЭТНОСФЕРЫ

При характеристике этносов исследователи в большинстве случаев учитывают их религиозную принадлежность.

Соотношение религиозных и этнических общностей на разных этапах исторического развития было различным. В первобытнообщинную эпоху и в раннеклассовом обществе (по крайней мере, на начальной его стадии) эт-

нические и религиозные границы, как правило, совпадали. В раннеклассовом обществе каждая государственно-политическая единица и соответствующий ей этнос имели своих общих богов, единые религиозные представления. С развитием общества, усилением контактов между этносами возникали более широкие религиозные общности, одна и та же религия становилась характерной для многих народов. В дальнейшем одна часть этноса продолжала придерживаться старых верований, а другая принимала новую веру, и народы таким образом постепенно становились поликонфессиональными. С возникновением так называемых мировых религий этнические границы уже, как правило, перестали совпадать с религиозными, однако и при этом в рабовладельческую и феодальную эпохи этническое самосознание очень часто вытеснялось самосознанием религиозным. Особенно это характерно для средних веков, когда мировоззрение было по преимуществу теологическим. В некоторых случаях религиозные различия играли важную роль и в национальном разграничении очень близких в языковом отношении групп населения (голландцев и фламандцев, сербов и хорватов и т. д.).

В последующие эпохи религиозная принадлежность все более теряла свою связь с принадлежностью этнической. Подавляющая часть более или менее крупных современных народов включает в свой состав группы, принадлежащие к различным конфессиям (не говоря уже о том, что в составе каждого народа увеличивается процент неверующих); в то же время одна и та же религия нередко исповедуется многими этносами. Сейчас лишь в единичных случаях, и то весьма условно, можно говорить о национальных религиях (армяно-григорианская церковь – у верующих армян, синтоизм – у основной части японцев, сикхизм – у части пенджабцев и некоторые другие).

Несколько по-иному обстоит дело в мусульманских странах, где и поныне этническое самосознание все еще нередко подменяется религиозно-общинным. Население этих стран группируется статистикой главным образом по религиозному признаку, а в число национальных меньшинств включаются группы, не исповедующие ислам – господствующую в этих странах религию. Так, в Иране национальными меньшинствами признаются не только армяне, евреи, ассирийцы, но и гербы (зороастрийцы), хотя они и являются частью персидского народа. В некоторых арабских странах к этническим меньшинствам принято относить не только всех немусульман, но и тех, кто принадлежит к различным направлениям ислама, которые не являются господствующими в данной стране.

Как и для этнических общностей, для религиозных общностей характерна иерархичность. Любая религия состоит из различных направлений, течений, сект, церквей. И если мы с определенной долей условности можем говорить о мусульманских, христианских, буддийских народах или странах, то на более низком таксономическом уровне эта однородность исчезает. Как правило, в каждой мусульманской стране имеются последователи разных направлений, сект и толков. Еще большие различия характерны для некоторых христианских стран; даже в тех из них, где подавляющее большинство населения являются протестантами или католиками, религиозная картина обычно осложняется наличием многих течений и церквей. Так, немцы исповедуют протестантизм (в двух его формах – лютеранство и реформаторство) и католицизм; среди различных групп жителей Швейцарии имеются протестанты (реформаторы) и католики; среди шотландцев преобладают протестанты-пресвитериане, но есть и католики; половина голландцев – протестанты-реформаторы, другая половина – католики. Наиболее сложная религиозная структура сло-

жила в США; в этой стране – около 260 зарегистрированных церквей, 86 из них насчитывают свыше 50 тысяч последователей каждая.

Принадлежность разных представителей одного и того же народа к нескольким церквям приводит к возникновению внутри него культурно-бытовых различий и к образованию так называемых этнорелигиозных групп. Такой группой были, например, старообрядцы в составе русского народа. Среди курдов резко обособилась религиозная группа йезидов, среди арабов Сирии и Ливана – друзы, среди египтян – копты. При наличии других сопутствующих обстоятельств религиозные различия могут служить важным этнодифференцирующим фактором. Государственное размежевание западных бенгальцев-индуистов и восточных бенгальцев-мусульман постепенно приводит к образованию двух самостоятельных наций – западнобенгальской и бангладешской. Постепенно обособливаются пенджабцы-мусульмане Пакистана от пенджабцев Индии (последние состоят из двух религиозных групп – индуистов и сикхов, этнические различия между которыми также весьма значительны).

В последней трети XX в. огромные достижения технических и естественных наук, быстрый подъем культурного и образовательного уровня населения привели к отходу широких масс населения от религии. Темпы этого процесса различны в странах с разными уровнями социально-экономического развития. Влияние религии невелико в бывших социалистических и в развитых капиталистических странах Европы и Америки. В то же время в развивающихся странах Азии и Африки, где значительные массы населения неграмотны и культурный уровень которых низок, влияние религии все еще очень велико. Темпы отхода от религии зависят в определенной степени и от религиозной системы, которая господствует в той или иной стране.

Уменьшение влияния религии во многих странах мира еще, конечно, не означает, что Церковь утрачивает все свои позиции. Приспосабливаясь к новым условиям, религия продолжает оказывать большое влияние на жизнь людей, на их общественно-политическую деятельность, быт и культуру. Многие политические события в послевоенном мире трудно понять, если не учитывать религиозную ситуацию, сложившуюся в тех или иных регионах. Достаточно перечислить такие важнейшие события послевоенной истории, как раздел бывшей Британской Индии по конфессиональному признаку на два отдельных государства (что вызвало миграцию в разных направлениях почти 2 миллионов индуистов и мусульман), столкновения различных конфессиональных групп в Ольстере, Ливане, на Филиппинах. Во всех этих конфликтах, вызванных в первую очередь различными политическими и социально-экономическими причинами, существенную роль играл и религиозный фактор. Религия влияет и на внутривнутриполитическую жизнь многих стран; в некоторых из них даже политические партии и профсоюзы построены по конфессиональному признаку.

Из всего сказанного видно, что для правильного понимания различных исторических событий и явлений современной жизни, для уяснения этнических взаимоотношений необходим анализ религиозной структуры населения. Но перед тем как познакомиться с конфессиональным составом населения современного мира, сделаем краткий экскурс в историю религий.

Зачатки религии появились много десятков тысяч лет назад у людей неандертальского типа. С течением времени формы религии стали усложняться. Начали распространяться магические (вера людей в возможность влиять сверхъестественным путем на других людей, животных, явления природы) и тотемические верования (вера в сверхъестественное родство групп людей с каким-либо видом животных,

растений или явлением природы). Позднее возникали анимизм (вера в духов, душу и всеобщую одухотворенность природы), шаманизм (вера в способность человека входить в общение с духами и использовать их силу для врачевания и других практических целей) и фетишизм (почитание неодушевленных предметов, которым приписываются сверхъестественные свойства). Анимистические верования постепенно эволюционируют в направлении особого почитания духов предков и культа природы.

С разложением первобытнообщинного строя и возникновением раннеклассовых государств большое значение приобретают культы предков-покровителей, племенных вождей, земледельческие и скотоводческие культы, появляется иерархия духов, в качестве особого сословия выделяется жречество. Классовое расслоение общества нашло свое отражение в том, что религии стали выделять высшие и низшие божества, а затем и одно главное божество. В некоторых религиях (так называемых монотеистических) этот процесс привел к возникновению единобожия.

Со II в. до н. э. начинают возникать религии, сохранившиеся вплоть до настоящего времени. Одним из самых ранних таких верований был иудаизм, появившийся в Передней Азии сперва как политеистическая религия, но впоследствии ставший религией монотеистической. В начале I в. до н. э. в том же регионе развивалась другая религия – зороастризм (в его основе лежит дуализм – представление о противоборстве доброго и злого начал), а в XI в. н. э. возникло одно из его ответвлений – йезидизм. В других частях Азии сформировались политеистические религии. В Южной Азии это были: брахманизм (трансформировавшийся позднее в индуизм), окруживший религиозным ореолом господствовавшую в этом районе кастовую систему, и джайнизм (VI–V вв. до н. э.), отвергший кастовый строй. В VI–V

вв. до н. э. в Китае почти одновременно появляются два философско-этических учения, со временем сложившиеся в религии,— даосизм и конфуцианство. В Японии на основе господствовавших в этой стране в первобытнообщинную эпоху почитания предков и культа природы возникает синтоизм.

Некоторые религии, распространившись на огромных территориях, превратились в так называемые мировые религии (к ним обычно относят буддизм, христианство и мусульманство).

Буддизм, возникший в VI–V вв. до н. э. в северной части Южной Азии как антитеза брахманизму, вскоре распался на два основных направления, сильно различающихся между собой: тхераваду (или хинаяну) и махаяну; ответвлением последней является буддизм-ламаизм.

В начале I в. н. э. в Передней Азии появилась монотеистическая религия — христианство. В 1054 г. оно раскололось на два направления: православие и католицизм. В XVI в. в результате так называемой реформации от католицизма откололся протестантизм, отвергший власть римского первосвященника — Папы и провозгласивший своей целью возврат к раннему христианству. Протестантизм оформился в виде нескольких самостоятельных течений, главные из которых — англиканство, лютеранство и кальвинизм. Эти течения, в свою очередь, дали значительное число ответвлений. Кроме перечисленных выше трех основных направлений христианства (православие, католицизм и протестантизм), существуют еще два менее распространенных направления, сложившихся в V в. и по обрядности близких к православию,— монофистинство и несторианство.

Другая монотеистическая религия — ислам — возникла в VII в. среди арабов. Вскоре после своего появления новая религия распалась на три направления: суннизм, шиизм и

хариджизм (последнее направление не получило значительного распространения). Основное различие между суннизмом и шиизмом состоит в том, что сунниты, кроме Корана, признают еще в полном объеме «священное предание» – сунну; шииты же принимают это предание только частично, признавая лишь разделы, основанные на авторитете родственников Пророка. Что касается хариджитов, то они близки к суннитам, но предъявляют более суровые требования к своим последователям: осуждают роскошь, запрещают игры и музыку и т. д. Наиболее известной сектой суннизма является ваххабизм. Шиизм дал большое количество сект, крупнейшие из которых – зейдизм и исмаилизм; от исмаилизма, в свою очередь, ответвились секты друзов и нусайритов (или алавитов), вобравшие в себя элементы зороастризма и христианства.

Религиозный состав населения Земли можно назвать лишь приблизительно. Статистический учет религиозной структуры ведется во многих странах, однако официально определяемая численность последователей тех или иных религий часто значительно превосходит действительное количество верующих, поскольку опрашиваемые при переписях населения нередко указывают свою принадлежность к той религии, от которой они фактически уже отошли. В разряд атеистов обычно попадают лишь активные противники религии, а безразлично относящиеся к ней, как правило, отмечаются как верующие. Кроме того, в некоторых странах умышленно искажают численность последователей различных вероисповеданий, преувеличивая за счет других количество приверженцев господствующей религии.

С очень большой осторожностью следует подходить и к данным церковных организаций. Во-первых, численность приверженцев определяется в этих организациях по-разному (в одних случаях учитываются все связанные с церк-

вью люди, в других – лишь люди старше определенного возраста, прошедшие тот или иной обряд). Во-вторых, статистика Церквей часто бывает тенденциозной.

Следует также отметить, что в некоторых восточноазиатских странах один и тот же человек нередко отправляет культ двух, а то и трех религий, и его соответственно включают в число последователей сразу нескольких религий. В качестве примера можно привести Японию, где многие верующие одновременно являются синтоистами и буддистами. В некоторых развивающихся странах к adeptам той или иной разновидности христианства или мусульманства иногда причисляют лиц, фактически придерживающихся своих традиционных верований.

И все же официальная статистика свидетельствует о росте рядов атеистов. Так, в Нидерландах, согласно данным переписи 1971 г., более чем пятая часть всего населения признала себя атеистами, а в Амстердаме – даже около половины. Правда, имеющиеся материалы переписей населения других стран дают более низкий процент неверующих: в Финляндии, Австрии, Люксембурге, Чили, Мексике удельный вес атеистов составляет от 2 до 5%, а в некоторых странах – еще ниже. В Великобритании и Франции, по косвенным данным (в переписях населения этих стран вопрос о религиозной принадлежности не ставится), около трети жителей не связано с Церковью. В социалистических странах, как правило, большая часть населения отошла от религии.

Несмотря на то что данные о численности последователей отдельных конфессий очень неточны и не всегда сопоставимы, они все же позволяют ориентировочно оценить относительное влияние различных религий.

Общее количество христиан в мире – около 1 млрд человек, среди них католиков – 580 млн, протестантов – от 350 до 380 млн и православных, включая приверженцев других восточных церквей, – около 80 млн. Основная часть ка-

толиков сосредоточена в Америке (более половины их общего числа); на Европу приходится приблизительно 180 млн, на Азию и Африку – по 50 млн Протестантов больше всего в Америке (2/5 их общего числа) и Европе (1/3 всех протестантов сосредоточена преимущественно в северной половине этой части света); в Африке и Азии количество протестантов равно 36 и 65 млн соответственно, в Австралии и Океании – около 14 млн (2/3 всего населения). Православные и приверженцы других восточных церквей преобладают среди верующего населения Юго-Восточной Европы, России и Северо-Восточной Африки.

Из протестантов наиболее крупные группы образуют баптисты – 75 млн, лютеране – 70 млн англикане – 67 млн, реформаторы и пресвитериане – 52 млн, методисты – 43 млн, пятидесятники – 8 млн, свидетели Иеговы – 5 млн, последователи «Армии спасения» – 5 млн, мормоны – 4 млн, конгрегационисты – 3 млн, адвентисты седьмого дня – 3 млн Среди представителей восточных церквей – около 20 млн монофизитов и 100 тыс. несториан.

Общее количество мусульман – около 800 млн, из них суннитов – 730 млн и шиитов – 70 млн Подавляющее большинство мусульман сосредоточено в Северной Африке и Азии (исключая ее восточную часть).

Приверженцы всех остальных религий – в основном жители Азии. Индуистов насчитывается примерно 520 млн, буддистов – 250 млн (среди них махаянистов – около 60%), конфуцианцев – 180 млн, синтоистов – 90 млн, даосистов – 30 млн, сикхов – 12 млн, джайнов – 3 млн, зороастрийцев – 250 тыс., йезидов – 100 тыс.; иудаистов – около 13 млн, причем более половины из них живут в странах Америки.

Труднее всего поддаются учету приверженцы местных традиционных верований, в значительном числе сохранившиеся в Африке, Азии и Океании. Их сложно учесть хотя бы потому, что переход от традиционных верований к ми-

ровым религиям совершается очень постепенно, а формальная религиозная принадлежность не всегда соответствует подлинным верованиям населения. Кроме того, население указанных регионов слабее всего изучено в статистическом отношении. Согласно весьма приблизительным подсчетам, количество последователей традиционных верований в этих регионах составляет около 100 млн чел.

В связи с указанными выше сложностями учета конфессионального состава населения выявить динамику численности последователей различных религий довольно трудно. Это объясняется тем, что в странах, где господствуют индуизм и ислам, наблюдается наивысший прирост населения. Кроме того, ислам в Африке активно продвигается на юг, в ее тропическую часть, а индуизм распространяется среди племен Индии. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что идеи атеизма пока еще не получили в районах господства этих двух религий широкого распространения.

Несколько изменилось соотношение различных религий и их направлений и по отдельным частям света, регионам и странам. Так, в Африке (к югу от Сахары) в результате деятельности миссионеров заметно возросла численность христиан и мусульман за счет сокращения числа последователей племенных религий. В Латинской Америке, остающейся цитаделью католицизма, за последние десятилетия довольно сильно возрос процент протестантов. Наоборот, в США, Канаде и некоторых европейских странах (Нидерланды, Германия, Швейцария), где имеются как протестанты, так и католики, удельный вес последних несколько повысился (что связано с характерной для них более высокой рождаемостью). В 1990-е годы усилили свои позиции католицизм и различные реформаторские конфессии в России.

Распространение конфессиональных групп по крупным регионам выглядит следующим образом.

Среди верующих на территории бывшего СССР преобладают православные (большинство районов России, Украины, Белоруссии, Молдавии и Грузии). Верующие Армении принадлежат к монофиситской армяно-григорианской церкви. В Литве наиболее распространен католицизм, в Латвии и Эстонии – лютеранство. В России и в бывших государствах Советского Союза имеются небольшие группы отклонившихся от православия старообрядцев и представителей различных протестантских Церквей и сект. Ислам распространен среди части верующего населения Средней Азии и Казахстана, Азербайджана, Татарии, Башкирии и большинства российских республик Кавказа. Буддизм-ламаизм исповедует основная часть верующих в Бурятии, Туве и Калмыкии. Верующие евреи – иудаисты.

На севере Европы преобладает протестантизм в форме лютеранства, в Англии – англиканства, в Шотландии – пресвитерианства. На западе и юго-западе Европы (Бельгия, Люксембург, Франция, Испания, Португалия, Италия), а также в Австрии и на Мальте распространен католицизм. В Центральной Европе католиков и протестантов примерно равное количество, причем в Германии среди протестантов преобладают лютеране, а в Швейцарии и Нидерландах – реформаторы. В Греции подавляющее большинство верующих – православные, а в европейской части Турции – мусульмане.

Среди верующих в Польше, Чехии, Словакии и Венгрии преобладают католики, в Болгарии и Румынии – православные, в Албании – мусульмане (преимущественно сунниты). В Югославии и Македонии больше всего православных, в Хорватии и Словении – католиков, в Боснии – православных и мусульман.

В Азии распространены самые разнообразные религии. Ислам резко преобладает во всех странах Передней Азии (кроме Израиля, Кипра и Ливана), а также в Паки-

стане, Бангладеш, на Мальдивских островах и в Индонезии. Более половины населения принадлежит к мусульманам в Малайзии и Ливане, значительное количество приверженцев ислама имеется на Кипре, в Восточном Тиморе, в Индии, Шри-Ланке, на Филиппинах. В большинстве стран господствует суннитское направление ислама, лишь в Иране преобладает шиизм, а в Ираке, Йемене и Бахрейне суннитов и шиитов примерно поровну. В Иране, Индии, Пакистане есть небольшие группы зороастрийцев, в Иране, Ираке и Турции – йезидов.

Основными районами распространения индуизма являются Индия и Непал. Индуисты образуют, кроме того, значительную долю среди верующих в Шри-Ланке и Бангладеш, а также на острове Бали в Индонезии.

В странах Индокитая и в Шри-Ланке подавляющее большинство верующего населения придерживаются буддизма (во Вьетнаме – в форме махаяны, в остальных странах – тхеравады). Махаянистский буддизм распространен также в странах Восточной Азии, где он сосуществует с другими религиями: конфуцианством и даосизмом – в Китае, конфуцианством и традиционными верованиями – в Корее, синтоизмом – в Японии. Верующее население Монголии – буддисты-ламаисты.

Христианство преобладает лишь в двух странах Азии: на Филиппинах (преимущественно в форме католицизма) и на Кипре (православные). Почти половина верующих населения Ливана также христиане (2/3 из них – марониты).

Количество последователей племенных культов в Азии непрерывно сокращается. В настоящее время они сохраняются лишь в труднодоступных горных районах Южной и Юго-Восточной Азии.

В Африке во всех арабских странах, а также в Сомали и Джибути господствует ислам суннитского направления. В ряде стран, лежащих к югу от Сахары (Судан, Чад, Нигер, Бур-

кина-Фасо, Мали, Сенегал, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Сьерра-Леоне, Либерия, Кот д'Ивуар), наряду с приверженцами ислама сохранились группы, придерживающиеся местных традиционных верований. В Эфиопии 2/3 населения исповедует христианство монофистского направления. В Нигерии есть мусульмане (их больше половины всего населения, и они размещены на севере страны), христиане, а также люди, придерживающиеся местных традиционных верований. Во всех остальных странах Африки в разных пропорциях представлены христиане (протестанты и католики) и приверженцы местных традиционных верований. Всего же на этом континенте сосредоточено больше всего сохранившихся на Земле последователей местных традиционных культов.

Почти во всех странах Америки христианство резко преобладает над другими религиями, причем в США и Канаде много и протестантов, и католиков, а в странах Южной и Центральной Америки подавляющее большинство верующих – католики. В Вест-Индии на одних островах доминирует католицизм, на других – протестантизм. Считается, что значительная часть населения Кубы порвала с религией, но ее относят к католическим странам. В Гайане, Суринаме и Тринидаде и Тобаго, кроме христиан (протестантов и католиков), имеется значительное количество индуистов и мусульман. Индейское население глубинных районов Южной Америки частично сохраняет местные традиционные верования.

В Австралии и Океании большая часть верующих – протестанты различных течений и сект, меньшая – католики; лишь на островах Новая Каледония, Гуам и островах Уоллис и Футуна католиков больше, чем протестантов. На островах Фиджи наряду с христианами много индуистов и мусульман. Приверженцев местных традиционных культов больше всего осталось на Вануату, в Папуа-Новой Гвинее и среди аборигенов Австралии.

Общей тенденцией в мире является отход значительной части населения от религии. Отход от религии – процесс сложный и длительный. На первых порах он выражается в том, что люди, принадлежащие к определенной конфессии, не исполняют ее предписаний и плохо разбираются в тонкостях официального вероучения. Затем появляются люди, которые считают себя принадлежащими к той или иной церкви «по традиции», в силу этнического происхождения. Это широко проявляется в России. И наконец, все более значительные группы населения теряют связь с религией и не идентифицируют себя с конкретной конфессией.

ГЛАВА 3. НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ ЗЕМЛИ: СТРУКТУРА И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

СТАНОВАНИЕ ДЕМОГРАФИИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

Демография является наукой, изучающей структуру и динамику народонаселения. Под народонаселением, или населением, в демографии понимают совокупность людей, проживающих на определенной территории. Территория эта может быть самой разной по величине – от Земного шара до маленького района.

Как известно, население изучают и другие науки, но демография изучает численность, территориальное размещение и состав населения. Поскольку все эти характеристики не остаются неизменными, они должны рассматриваться не только в статике, но и в динамике. Другими словами, демография – это наука, исследующая закономерности воспроизводства населения. Под воспроизводством населения подразумевают постоянное возобновление населения в результате естественного движения (рождений и смерти), а также миграции, т. е. передвижения людей с одной территории на другую.

Впервые термин «демография» применил французский ученый А. Гийяр в работе «Элементы статистики человека, или Сравнительная демография» (1855). В 1871 г. немецкий статистик Э. Энгель предложил рассматривать «демологию» и «демографию». По мнению Энгеля, первая из них призвана раскрывать суть процессов, происходящих в населении, в то время как вторая – лишь описывать их. Но такое разделение не утвердилось и за всей наукой закрепилось название «демография». А демологией обозначают одну из отраслей демографической науки – теоретическую демографию.

Гораздо шире в XIX в. при изучении населения применялся термин «статистика населения». Демография зарождалась на базе статистики и лишь затем в результате специализации выделилась в самостоятельную науку. Что же касается статистики населения (или демографической статистики), то под этим названием в настоящее время понимают отдельную отрасль знания, которая одновременно является частью как демографии, так и статистики. Эта отрасль занимается применением статистических методов исследования к сбору, обработке и анализу данных о населении (его численности, составу, размещению, воспроизводству). Нередко под демографической статистикой понимают самую совокупность числовых данных о населении и демографических процессах, а иногда и практическую деятельность по сбору, обработке и анализу данных о населении.

Общая демография в своих исследованиях широко обращается к статистическим методам и пользуется материалами, которые дает статистика населения. Так же как и статистика, демография изучает в первую очередь количественные закономерности развития населения. В последнее время определенное внимание в демографии стало уделяться и качественным характеристикам населения. Появилось даже специальное понятие «качество народонаселения», вклю-

чающее целую систему характеристик населения (образовательный уровень, профессиональная структура, состояние здоровья и т. д.).

Таким образом, научная дисциплина демография оформилась во второй половине XIX в., хотя элементы ее появились гораздо раньше. Предтечей демографии традиционно принято считать Дж. Граунта, автора книги «Естественные и политические наблюдения, сделанные над бюллетенями смертности» (1662). Если выходявшие прежде работы о населении содержали лишь абстрактные размышления, то Дж. Граунт в своем исследовании использовал статистические материалы – бюллетени смертности (публиковавшиеся в Лондоне с 1629 г.) – и дал их глубокий научный анализ, позволивший ему определить некоторые биологические и социально-экономические факторы смертности. Кроме того, на основе статистического материала он выделил ряд демографических закономерностей, таких, например, как соотношение мальчиков и девочек среди новорожденных, доля мужчин и женщин в населении, уровни повозрастной смертности, различия показателя смертности, различия показателя смертности в городах и сельской местности и т. д. Дж. Граунт первым составил таблицу смертности. Он считал, что исследования, аналогичные проделанному им, позволят лучше управлять обществом и был убежден в их необходимости.

Изыскания Дж. Граунта продолжил его друг и последователь В. Петти, основавший школу так называемых политических арифметиков. Из наиболее известных европейских исследователей, занимавшихся в XVII–XVIII вв. анализом статистических данных о населении, можно назвать Э. Галлея. В России первым к демографическим сюжетам обратился М. В. Ломоносов.

На рубеже XVIII и XIX вв. большой резонанс вызвала вышедшая анонимно в 1798 г. и затем неоднократно переиздававшаяся книга английского священника Т. Мальтуса

«Опыт закона о населении». В этом труде Т. Мальтус выразил крайнее беспокойство по поводу четко обозначившихся тенденций демографического развития. Отправной точкой его работы явился постулат о несоответствии между возможностями роста населения, с одной стороны, и имеющимися в распоряжении людей средствами к существованию – с другой. Согласно Т. Мальтусу, население способно расти в геометрической прогрессии, тогда как средства к существованию – лишь в арифметической. Указанное несоответствие, считал он, служит естественным тормозом на пути неограниченного роста населения. Т. Мальтус же предлагал этому естественному тормозу противопоставить добровольный тормоз, или «безусловным препятствиям» (positive checks) противопоставить «превентивные препятствия» (preventive checks). К «безусловным препятствиям» он относил прежде всего войны и другие эксцессы, но считал, что их, в конце концов, можно будет избежать и со временем главным «безусловным препятствием» станет нехватка пропитания. Характеризуя «превентивные препятствия», Т. Мальтус находил большинство из них порочными и отвергал. К таковым он относил проституцию, сексуальные извращения, контрацепцию и аборты. Единственное превентивное препятствие, которое Т. Мальтус считал допустимым, – это длительное безбрачие и целомудрие.

Возмущение общественности вызвала не сама эта теория, а некоторые выводимые из нее положения. Так, Т. Мальтус считал, что человек, который родился в уже занятом мире, в случае, если родители не могут его прокормить и если общество не нуждается в его труде, не имеет никакого права требовать даже маленькой порции пропитания. На великом банкете Природы для него не окажется прибора. Природа ему прикажет уйти и не замедлит добиться своего требования. Подобные заявления были во многом направлены против действовавшего тогда в Англии Закона о бед-

ных, предусматривавшего общественную помощь неимущим жителям страны (а в 1775 г. – как раз незадолго до выхода в свет книги Т. Мальтуса – было принято решение увеличить государственные расходы на поддержку бедных). Т. Мальтус расценивал этот закон как неэффективный и даже унижительный и считал, что помощь бедным должна быть частным делом и носить избирательный характер.

Хотя многие положения концепции Т. Мальтуса, безусловно, не могут быть приняты, его несомненной заслугой является доказательство зависимости человека от окружающей среды, зависимости, которая непосредственно вытекает из потребностей человека в средствах к существованию. Очень важно и то, что Т. Мальтус привлек внимание исследователей и широкой общественности к показателям роста численности населения и поставил вопрос о возможностях его регулирования, в частности о необходимости планирования рождаемости. Идеи Т. Мальтуса оказали заметное влияние на развитие науки о населении в XIX в.

В XIX в. продолжалось дальнейшее накопление эмпирических данных, большие успехи были достигнуты в развитии системы учета населения и в анализе различных статистических материалов. Наибольший интерес у ученых вызывали показатели смертности и рождаемости и факторы, влияющие на эти показатели. Началось изучение и других демографических особенностей народонаселения. Во второй половине XIX в. появилась потребность в решении и некоторых теоретических проблем, в частности была развернута дискуссия о предмете демографии. Именно тогда и получило признание название этой науки.

В XX в., особенно во второй его половине, резко возрос интерес к демографическим проблемам. С одной стороны, он был обусловлен широко развернувшейся пропагандой контроля над рождаемостью, с другой – принятием во Франции, а позже и в других странах законов, поощряю-

щих рождаемость. Наряду с дальнейшим развитием идей, высказанных еще в предшествующем столетии, в XX в. появились и новые демографические концепции. Новшеством по сравнению с XIX в. было, в частности, изучение связей между демографическими и социальными характеристиками, а также между демографическими фактами и историческими событиями.

Объектом пристального анализа в XX в. стала статистика рождаемости: выявлялись ее различия по регионам, оценивалось влияние на показатели рождаемости таких факторов, как профессия, социальная принадлежность, религия и т. д. В последнее время исследователи стали обращать все большее внимание на то, как влияет на демографические показатели экологическая обстановка. При изучении миграций и размещения населения по территориям и странам демография вступает в тесные контакты с географией, прежде всего с *географией населения*. При анализе особенностей воспроизводства населения в разные исторические периоды демографы широко обращаются к *историческим материалам*. Изучение рождаемости, смертности, продолжительности жизни требует кооперации демографии с медицинскими дисциплинами: социальной гигиеной, геронтологией и др. Для изучения влияния окружающей среды на процессы воспроизводства населения необходимы всесторонние знания о семье, которые дает демографии в первую очередь *социология*, к помощи которой демография прибегает и при выяснении социальных факторов воспроизводства населения, различий демографического поведения разных социальных групп.

Поскольку на показатели рождаемости, брачности, разводимости некоторое влияние оказывает действующее в стране законодательство, демографии приходится интересоваться и *правовыми актами*. Понимание различий демографических характеристик у разных народов невозможно без знакомства с данными *этнологической науки*.

Пересечение демографии с рядом наук оказалось настолько широким и органичным, что возникли новые, «пограничные», научные дисциплины. Так, на пересечении демографии и истории образовалась самостоятельная дисциплина – *историческая демография*, целью которой является изучение закономерностей воспроизводства населения в разные исторические периоды.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

Как и любая другая наука, демография имеет определенный комплекс используемых ею приемов. Сюда входят как общенаучные (анализ, синтез, сравнения, обобщения и др.), так и специальные методы демографии и некоторых смежных с ней наук.

Демографические методы исследования призваны содействовать раскрытию специфики воспроизводства населения, выявлению взаимосвязи различных демографических характеристик. К ним, в частности, относятся методы продольного и поперечного анализа.

Метод продольного анализа получил такое название в связи с тем, что при его применении исследователь идет как бы «вдоль» жизни определенной группы людей. К этому методу прибегают для изучения динамики какого-либо демографического процесса на протяжении жизни одного поколения. При использовании данного метода демографические события описываются в когортах (под когортой понимается совокупность людей, которые одновременно вступили в то или другое состояние, например родились в одном и том же году, заключили брак в одном и том же году и т. п.).

Поэтому данный метод называют еще методом реального поколения, или когортным. Метод продольного анализа позволяет также выявить календарь демографических событий, т. е. их распределение по периодам жизни когорты.

Однако метод продольного анализа имеет и свои недостатки. Во-первых, при его использовании необходимо располагать достаточно подробными данными за многие годы о рождениях, браках, разводах, смертях и т. д., что на практике не всегда осуществимо. Во-вторых, поскольку полные сведения о числе тех или иных демографических событий можно собрать только после выхода когорты из данного демографического состояния, то полученная таким способом информация представляет собой в основном лишь исторический интерес. Например, изучение процесса рождаемости этим методом возможно только по достижении женщинами рассматриваемой когорты возраста 45–50 лет. При изучении же когорт, не достигших такого возраста, результаты будут как бы «усеченными». Правда, в настоящее время, когда широкое распространение получило внутрисемейное планирование рождаемости, данные для когорт, еще не вышедших из указанного возраста, дополняются, исходя из «ожиданий» (в приведенном примере – на основании сведений о числе детей, которых еще собираются иметь женщины рассматриваемой когорты). Для восполнения недостающих данных иногда прибегают также к экстраполяции. Такими приемами метод продольного анализа удается отчасти приспособить к изучению современности.

Недостатки метода продольного анализа в определенной мере восполняются с помощью другого демографического метода – *поперечного анализа*, который позволяет представить современное состояние демографических процессов. Суть данного метода состоит в следующем. Обычно, изучая население, исследователь имеет сведения о его численности и половозрастном составе на дату последней переписи, а также материалы текущего статистического учета различных демографических событий (рождений, смертей и т. д.) за годы, близкие к дате переписи. Располагая сведениями о возрастном составе населения, реальные по-

коления можно как бы «рассечь» сверху вниз. Одновременно используются материалы текущего статистического учета о числе происшедших демографических событий по возрастам (например, о числе умерших по возрастам). Таким образом, получаются повозрастные характеристики демографического события (в нашем примере – смертности) гипотетического, или условного, поколения, т. е. условной совокупности людей, для которых делается допущение, что на протяжении жизни этих людей интенсивность демографических процессов в каждом возрасте будет такой же, как существующая в современный период. В данном случае люди разных возрастов, живущие в настоящее время, условно рассматриваются как принадлежащие к одному и поколению. Поскольку при этом исследователь мысленно идет «поперек» линии жизни, метод получил название поперечного анализа, а так как приходится иметь дело с гипотетическим, или условным, поколением, то его еще называют методом условного (гипотетического) поколения. Метод поперечного анализа – один из наиболее распространенных в демографии ввиду того, что для его применения нужны данные всего за год-два. Он позволяет судить о современном состоянии демографических процессов, однако при резких изменениях во времени характера этих процессов может дать искаженную картину.

К распространенным демографическим методам относятся *метод потенциальной демографии*, когда демографические процессы выражаются не числом конкретных событий или прожитых человеко-лет, а так называемыми демографическим потенциалом – числом человеко-лет предстоящей жизни, и *метод стандартизации демографических коэффициентов*, позволяющий исключить при сопоставлениях влияние различий в составе населения сравниваемых территорий или за сравниваемые периоды времени. Например, если у населения двух территорий наблюдаются

разные показатели рождаемости, то это может быть вызвано как разной интенсивностью данного этого процесса у людей одинаковых возрастов, так и различиями в возрастной структуре (понятно, что сокращение доли молодых возрастов ведет к уменьшению общего показателя рождаемости). Метод же стандартизации позволяет показать демографические процессы в «чистом виде».

Так как демография имеет дело с массовыми явлениями, она прочно взяла на вооружение статистические методы. В демографии используются все распространенные в статистике приемы: применение относительных и средних величин, различных индексов и др.

Вместе с тем демографическая статистика выработала и свои собственные методы. Это, в частности, *построение демографических таблиц*. Демографические таблицы фактически представляют собой систему вероятностных характеристик повозрастных интенсивностей демографических процессов. Первыми, как уже отмечалось, были составлены таблицы смертности, позже – также таблицы других демографических процессов (брачности, рождаемости и пр.). Демографические таблицы используются для описания демографических процессов как в реальных, так и в условных когортах. В качестве шкалы таблицы берется время, прошедшее с момента образования когорты. Это может быть возраст, продолжительность брака и т. п. Популярен в демографии и *метод построения демографических моделей*. Широкое применение моделирования обусловлено невозможностью постановки чистого эксперимента, предполагающего многообразные повторения. Составление различных моделей – это уже применение математических методов в демографии. С их помощью также рассчитываются демографические показатели и даются оценки, составляются прогнозы. В последнее время, с ростом интереса к изучению различных факторов рождаемости, смертности, миграции,

брачности, разводимости, в демографии стали более широко применяться социологические методы: наблюдение, опрос по специально разработанным анкетам, тесты и т. д.

При исследовании демографических процессов в структуре населения немалую помощь оказывают карты (плотности населения, этнические и др.), картодиаграммы, картограммы.

Как уже отмечалось, при изучении населения демографию интересуют и его количественные, и качественные характеристики. Наиболее общей количественной мерой населения является его численность, будь то численность населения всего мира или частей света, отдельных регионов, стран, городов и т. д. Однако население находится в постоянной динамике и его численность все время меняется в результате рождения и смертей, а применительно к отдельным территориям также и из-за прибытия извне и выбытия в другие места. Поскольку численность населения на протяжении периода изменяется, в демографических исследованиях обычно пользуются *средней численностью населения*, или *средним населением*. Это показатель рассчитывается как обычная хронологическая средняя. Так, например, если нужно определить среднюю численность населения за год и известна численность на начало каждого месяца прошедшего года и на начало наступившего года, то расчет будет следующим: надо вычислить $1/12$ суммы, слагаемыми которой будут половина численности населения на начало прошедшего года, численность населения за каждый последующий месяц и половина численности населения на 1 января следующего года.

УЧЕТ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Потребность в учете населения появилась еще в глубокой древности. Сохранились сведения о таких учетах в Древнем Египте, Двуречье, Китае, Индии, Японии, Древней

Греции, Древнем Риме. Необходимость учета вызывалась в те далекие времена в первую очередь военными и фискальными нуждами. Наиболее совершенными в древности были учеты населения в Древнем Риме. Там с 435 г. до н. э. по I в. н. э., регулярно проводились так называемые цензы, во время которых каждый римский гражданин под присягой сообщал цензорам (переписчикам) свое имя и возраст, имена и возраст членов своей семьи, а также сведения о своем имуществе.

В средние века учеты населения имели случайный, эпизодический характер и в большинстве случаев проводились после войн, эпидемий, голода и других социальных потрясений. Наиболее распространенным видом учета были описания хозяйств. Самым полным учетом населения в средневековье, сведения о котором дошли до нас, является землеописание 34 графств Англии, осуществленное в 1086 г. по приказу Вильгельма Завоевателя и вошедшее в историю под названием «Книга Страшного Суда». Проводились в средневековье учеты населения и в отдельных городах, например в Нюрнберге в 1449 г. и в Страсбурге в 1473 г. В 1567 г. учет населения был произведен в швейцарском кантоне Цюрих.

С середины XVIII в. в связи с возросшим интересом к изучению населения, учет в развитых странах стал более или менее регулярным. Однако все тогдашние учеты длились по нескольку лет и не охватывали всего населения. Поэтому их нельзя назвать переписями в современном значении этого слова.

На Руси учитывать население стали с IX в. (имеются данные о проведенных в IX в. учетах в Киевской Руси и в Земле Новгородской). Поскольку эти учеты населения преследовали лишь фискальные цели, они охватывали только податное и в основном мужское население. Позднее, в период татаро-монгольского ига, по требованию татарских

ханов в целях определения размеров дани, были произведены учеты населения некоторых русских княжеств. Такие учеты были осуществлены в 1245, 1257, 1259 и 1273 гг.

Поскольку на ранних этапах русской истории главной целью учета населения был сбор налогов, то формы этих учетов зависели прежде всего от характера существовавшей в тот или иной период системы наолгообложения.

Так, в XIV в. единицей налогового обложения был земельный участок, производительно использовавшийся в хозяйстве, и учет населения носил поземельный характер. В XVII в., с развитием ремесел и торговли, единицей налогообложения вместо земельного участка стал двор (т. е. хозяйство) и «переписи» превратились из поземельных в подворные. Они учитывали главным образом тягловое (платившее налоги) население. Общегосударственные «подворные переписи» были проведены в 1647, 1678–1679, 1710 и 1715–1716 годах. Все они имели тот недостаток, что учитывали только тягловые дворы и только мужское население. Кроме того, получаемые в результате них данные были неточными, потому что недоучитывали часть населения как по причине несовершенной организации, так и из-за умышленного искажения подаваемых сведений, поскольку от результатов исчисления зависели размеры налогов; нередко были и ошибки писцов.

В начале XVIII века налоговая система претерпела новые изменения. Вводилось подушное обложение, единицей которого стала мужская душа. В соответствии с новой системой налогообложения была принята и новая форма учета населения – так называемые ревизии («подушные переписи»). Всего в России было проведено 10 ревизий. Указ о проведении первой ревизии издал Петр I 26 ноября 1718 г. Сама же «перепись» началась после опубликования указа сената от 22 января 1719 г. и продолжалась до 1727 г. В ходе проведения этой ревизии были переписаны не только русские, но и большинство других народов. И все же ряд наро-

дов (башкиры, часть татар и др.) не был учтен. Кроме того, первоначально ревизия не распространялась на Прибалтику, Малороссию, Слободскую Украину.

На протяжении почти полутора столетий ревизия фактически являлась единственной достаточно широкой формой учета населения страны (лишь в некоторых районах помимо нее проводились местные исчисления). Однако этот вид учета имел целый ряд существенных недостатков. Так, ревизии не охватывали полностью все население, большинство из них не покрывало всей территории страны, а главное, они были растянуты во времени (хотя сроки их проведения постепенно уменьшались). Все это вместе взятое сильно искажало сведения о численности и составе населения, и ревизии, конечно, нельзя считать переписями населения в современном понимании.

Первая настоящая перепись населения была проведена в 1790 г. в США в соответствии с принятым в 1787 г. решением конгресса. Тогда же было предусмотрено, что переписи должны проводиться в стране через каждые 10 лет.

В первой американской переписи определялось лишь сравнительно небольшое число демографических характеристик: учитывались численность свободных белых мужчин с подразделением их на две возрастные группы (до 16 и старше 16 лет), численность свободных женщин, а также численность свободного цветного населения и рабов. Объектом исчисления в этой переписи, в отличие от более ранних переписей, было постоянное население, т. е. все люди переписывались там, где они обычно жили; лица же, не имевшие постоянного места жительства, фиксировались в том месте, где они находились в первый понедельник августа 1790 г.

Являясь первым опытом подлинно научного переписного учета, американская перепись населения 1790 г. имела некоторые дефекты. Так, из-за недостаточно тщательной организации были неточно определены границы ряда счетных участ-

ков, что приводило к ошибкам при подведении итогов; угроза нападения со стороны индейцев помешала счетчикам своевременно попасть в некоторые регионы страны. Тем не менее, несмотря на все эти недостатки, первая перепись населения США была крупным достижением в деле учета населения.

В 1800 г. перепись была проведена в одной из европейских стран – Швеции (вместе с принадлежавшей ей тогда Финляндией), а затем стала осуществляться и в ряде других стран. В XIX в. начали проводить переписи населения и в большинстве стран Латинской Америки, Вест-Индии. В 1851 г. было впервые переписано население Канады и Новой Зеландии, а в 1881 г. – население английских колоний Австралии. Страны Азии и Африки в XIX в. были слабо охвачены переписным учетом, в этом веке переписи были проведены лишь на Цейлоне, в Индии, Японии, Нигерии, Египте и в некоторых других странах. В большинстве же азиатских и африканских стран переписи населения впервые прошли уже в XX столетии. В XX в. впервые были проведены переписи и в некоторых странах Америки (в Сальвадоре, Никарагуа, Панаме и др.), Океании (на Вануату, на Соломоновых островах, в Папуа – Новой Гвинее и др.), а из европейских стран – в получивших независимость Польше и Албании, а также в двух государствах-карликах: Ватикане и Андорре. В Польше, после создания в результате первой мировой войны Польского государства, впервые перепись населения была осуществлена в 1921 г., однако на территориях Австрии, Германии и России, вошедших в состав независимой Польши, переписи были проведены еще в XIX в. – соответственно в 1818, 1856 и 1897 гг.

Что же представляет собой перепись населения в ее современном понимании, какие основные научные принципы ее характеризуют?

По определению Статистической комиссии ООН, перепись населения – это «единый процесс сбора, обобщения, оценки, анализа и публикации или распространения

инным образом демографических, экономических и социальных данных, относящихся по состоянию на определенное время ко всем лицам в стране...». По резолюции ООН целесообразно проводить переписи населения примерно раз в 10 лет, чему сейчас практически следуют многие страны мира.

Современная, научно организованная, перепись населения характеризуется следующими основными принципами:

1. Первым важнейшим научным принципом является ее *всеобщность*, т. е. переписью должно быть охвачено все без исключений население.

2. Второй принцип – разработка соответствующего содержания *программы переписи и ее единство* (см. приложение), что очень важно для сопоставления данных переписей населения как во времени, так и по территории отдельной страны, как на национальном, так и на международном уровне.

3. Принцип *самоопределения* заключается в том, что практически все сведения получают не из документов, а непосредственно от каждого человека, т. е. *поименно*. С последним связано и такое условие успешного проведения переписи, как соблюдение статистической тайны.

4. Проведение переписи приурочивается к определенному моменту времени, получившему название *критический момент переписи населения* (умершие до и родившиеся после этого момента не учитываются, в результате чего и получается «моментный снимок» населения). Таким образом, *одномоментность* является очень важным принципом при проведении переписи населения.

5. Наконец, выделим такой принцип, как *централизация* проведения переписи населения. Не случайно решение о проведении очередной переписи населения принимает правительство страны. В России ее подготовкой и проведением руководит Госкомстат РФ.

В СССР в послевоенный период переписи проходили примерно через каждые десять лет – в 1959, 1970, 1979, 1989 гг.

Такая периодичность соответствовала рекомендациям ООН. Проведение переписей зимой, в январе, является наиболее предпочтительным с точки зрения наименьшей подвижности населения и, кроме того, удобным для сравнения итогов переписи с данными оценок населения, производящихся на начало года.

Последняя перепись населения СССР состоялась 12 января 1989 г.

Цели и задачи переписи, порядок и сроки ее проведения широко разъяснялись населению через средства массовой информации. Население переписывалось по месту жительства, хотя бы временного, а не по месту работы или службы. Сборы сведений при переписи осуществлялись путем обхода счетчиками всех помещений, опроса граждан и записи ответов в переписные листы. Поскольку перепись основана на доверии к сообщаемым населением данным, документы, подтверждающие правильность ответов, при опросе не требовались. Например, каждый гражданин был вправе назвать ту национальность, к которой он себя относит (национальность детей определяется родителями). В ходе переписи и после нее гарантировалась конфиденциальность полученных о каждом лице сведений.

Для обеспечения полноты учета населения при переписи были проведены контрольные мероприятия – заполнения контрольного бланка, справки о прохождении переписи, выборочные контрольные обходы. В основном с этой же целью учитывались при переписи две категории населения – наличное и постоянное. В результате осуществления контрольных мероприятий было выявлено 0,4 млн непереписанных лиц. Эта численность была включена в итоги переписи.

Программа переписи населения 1989 г. содержала широкий круг вопросов, комплексно характеризующих социально-демографический состав населения, размещение его по территории страны. Как и ранее, при переписи 1989 г. часть вопросов программы задавалась не всем опрашиваемым, а выборочно, в каждом четвертом жилом помещении, причем только постоянно живущим в нем. Это делалось для экономии времени и средств при сборе данных и их последующей обработке.

По сравнению с 1979 г. в программу переписи были включены девять новых вопросов, из них семь, посвященных жилищным условиям. Ранее эта тема разрабатывалась лишь при переписи населения 1926 г.

Для углубленного изучения передвижения населения была расширена тема о миграции – включен дополнительный вопрос о месте рождения. Для выяснения профессионально-технической подготовки молодых рабочих был поставлен вопрос об окончании профессионально-технического учебного заведения. Программой переписи населения было предусмотрено также получение сведений о двух источниках средств существования вместо одного при ранее проводимых переписях. При этом перечень источников был пополнен новыми их видами – работой в кооперативе и индивидуальной трудовой деятельностью. Кроме того, в программу переписи были внесены некоторые другие изменения, дополнения.

Подсчет итогов переписи осуществлялся в два этапа. На первом из них, в целях быстрого получения результатов, были подведены по каждой территории и стране в целом краткие предварительные итоги о численности всего населения, городского и сельского, мужчин и женщин. В апреле 1989 г. эти итоги были опубликованы в печати. По предварительным итогам численность населения СССР, включающая проживающих в стране иностранных граждан, составила 286 731 тыс. чел., постоянного – 285 743 тыс. чел.

ГЛАВА 4. ДИНАМИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Все ускоряющийся рост численности населения Земли – главный феномен демографических процессов второй половины XX в. В отечественной и зарубежной этнологической литературе, затрагивающей проблемы народонаселения, а также в специальных демографических работах при характеристике этого феномена чаще всего употребляется термин «демографический взрыв».

На протяжении многих тысячелетий население мира росло чрезвычайно медленно, что может быть объяснено низким уровнем развития производительных сил и большой зависимостью человека от природы на ранних этапах его истории. Хотя в древности и средневековье рождаемость была почти повсеместно весьма высокой, близкой к биологически возможной, но очень высокой была и смертность, особенно детская, что было связано с антисанитарными условиями жизни, периодически вспыхивающими опустошительными эпидемиями, хроническим недоеданием, го-

лодом и частыми войнами, в ходе которых иногда истреблялись целые народы. Поэтому уровень рождаемости в целом оказывался не намного выше уровня смертности.

По очень приблизительной оценке, к концу палеолита (примерно 15–16 тыс. лет назад) число людей на Земле достигало 3 млн. Есть основания полагать, что человек заселял тогда не более трети современной ойкумены (около 40 млн кв. км.), а средняя плотность населения вряд ли превышала 8–10 чел. на 100 кв. км. Природная среда ставила предел росту численности первобытных людей, основу жизни которых составляли лишь охота, рыболовство и собирательство.

С развитием производительных сил темпы роста населения стали несколько увеличиваться. Переход к земледелию и скотоводству, начавшийся на Ближнем Востоке около 10 тыс. лет назад и значительно ослабивший влияние на человека природной среды, сыграл решающую роль в изменении динамики численности населения. В результате этого ко времени, когда в областях зарождения древних цивилизаций заканчивалась эпоха неолита (5–4 тыс. лет тому назад), население Земли уже насчитывало ориентировочно около 50 млн чел.

Последующее развитие человечества связано с такими явлениями, как распространение металлов (особенно железа) в качестве основного материала для изготовления орудий производства, дальнейшее совершенствование земледелия и скотоводства (улучшение агротехники, выведение более продуктивных сельскохозяйственных культур, одомашнивание новых видов животных), новые важные технические изобретения. В результате возрастала и численность населения. Население Земли в целом к началу новой эры определяется специалистами в 250–280 млн чел. Однако многие районы Земли в то время были или еще совсем не заселены или заселены очень слабо. Предполагают, что более 2/3 населения планеты проживало в Азии.

Большинство исследователей сходятся в том, что к 1000 г. население Земли едва ли превышало 300 млн. чел., а к 1500 г. возросло до 440–450 млн; пределы обитаемой суши значительно расширились и слабой заселенностью отличались лишь Северная Америка и Австралия, а также обширная зона влажных тропических лесов Африки и Южной Америки. Большая часть жителей планеты (около 3/5) по-прежнему была сосредоточена в Азии.

Начиная с XVII в. темпы прироста населения заметно повысились, развитие капитализма во многих странах сопровождалось расширением промышленного производства, подъемом сельского хозяйства, увеличением производства пищевых продуктов, успехами медицины, что не могло не сказаться на демографических процессах.

Динамика численности населения Земли с 1500 по 1900 г. представлена в таблице (в млн чел.). Из этой таблицы видно, что со второй половины XVIII в. происходит первый (из статистически зафиксированных) и чрезвычайно сильный «демографический взрыв», хронологически совпадающий с промышленной революцией в ряде западноевропейских стран. Если за первые 250 лет рассматриваемого периода население увеличилось меньше чем на 300 млн чел. (ежегодный прирост равнялся примерно 2%), то за последующие 150 лет — на 928 млн рост составил свыше 4% в год).

**Численность народонаселения Земли
с 1500 по 1900 г. (в млн чел.)**

Год	Россия	Зарубежная Европа	Зарубежная Азия	Африка	Сев. Америка	Латин. Америка	Австралия и Океания	Мир в целом
1500	15	75	260	60	1	26	2,5	440
1750	30	114	475	95	1	11	2	728
1800	50	160	620	90	6	24	2	952
1850	75	205	790	110	26	39	2,5	1248
1900	130	295	950	130	81	64	6	1656

П р и м е ч а н и е. В состав Северной Америки включены Канада, США, острова Бермудские, Сен-Пьер и Микелон, Гренландия, в состав Латинской Америки – все остальные страны континента.

Наиболее резкое увеличение темпов прироста характерно для второй половины XIX в. (свыше 6% в год), что объясняется начавшимся снижением смертности, особенно детской, при стабильном уровне рождаемости.

С 1900 по 1997 г. население Земли увеличилось более чем в 3,5 раза. Быстрее всего росло население Латинской Америки и Африки, медленнее всего – Европы и России. Причины этой неравномерности кроются в миграциях, последствиях двух мировых войн, особенно пагубных для населения России и Европы, и, что наиболее существенно, в опережающем естественном приросте населения в развивающихся странах (последнее обстоятельство приобрело решающее значение после второй мировой войны, когда разница в уровне естественного прироста развитых и развивающихся странах резко усилилась).

За последнее тысячелетие население увеличилось почти в 20 раз, причем для первого его удвоения потребовалось около 700 лет, для второго – 150, для третьего – около ста, для последнего же – менее 50 лет. Численность населения мира достигла 1 млрд примерно в 1820 г., 2 млрд – через 100 с небольшим лет (в 1927 г.), 3 млрд – 33 года спустя (в 1960 г.), 4 млрд через 15 лет (в 1975 г.) и более 6 млрд – на рубеже второго и третьего тысячелетий.

Динамику населения Земли в целом определяет его естественное движение, т. е. соотношение показателей рождаемости и смертности. В ряде же стран и частей света на изменение численности населения сильно влияют и миграционные процессы (в отдельные периоды истории в некоторых странах их воздействие было даже более значительным, чем влияние естественного движения). Так, в течение

нескольких десятилетий XIX в. величина иммиграции в США, Канаду, Австралию и Новую Зеландию была выше естественного прироста в этих странах. В Ирландии же, наоборот, несмотря на значительное превышение рождаемости над смертностью, население резко сокращалось из-за эмиграции (с 8,2 млн в 1845 г. до 5,4 млн в 1871 г.).

До конца XVIII в. рождаемость повсюду была очень высокой и колебалась по историческим периодам, а также по странам и регионам в сравнительно небольших пределах. Изменения в естественном приросте зависели преимущественно от показателей смертности, которые более тесно связаны с уровнем социально-экономического и культурного развития той или иной страны. И лишь в XIX и особенно в XX в., в связи с быстрым развитием процессов индустриализации и урбанизации, более широким вовлечением женщин в процесс общественного производства, ростом уровня образования и культуры, повышением возраста вступления в брак, показатели рождаемости в ряде стран стали существенно меняться. Следует тем не менее подчеркнуть, что демографическим процессам, несмотря на то, что они обуславливаются целым комплексом социально-экономических факторов, присуща известная самостоятельность и большая инерция. Демографическое поведение в отношении рождаемости очень консервативно и во многом зависит от существующих у народов традиций и установок, их быта, нравов, семейного уклада, религиозных воззрений и т. д.

В последней четверти XIX в. наивысший прирост населения (при высокой рождаемости и низкой для того времени смертности) наблюдался в странах Европы. В первые два десятилетия XX в. такой тип воспроизводства отмечался уже и в большинстве стран Латинской Америки (в Европе в это время снижение рождаемости было более значительным, чем снижение смертности). В начале XX в. в странах Азии и Африки смертность была намного выше, чем в

других регионах, а естественный прирост (несмотря на высокую рождаемость) – сравнительно низким. Высокая рождаемость (обычно превышавшая в год 40 %) была обусловлена в основном ранними браками, а также стремлением к многодетности. Последнее, в свою очередь, было связано с очень высокой детской смертностью, угрожавшей оставить родителей без потомства (в большинстве афро-азиатских стран каждый четвертый, а в некоторых странах Африки каждый третий и даже второй ребенок умирал, не дожив до года). Очень велика была смертность также в молодом и зрелом возрастах. Голод и эпидемии уносили ежегодно десятки и сотни тысяч, а иногда и миллионы жизней.

В первом десятилетии после первой мировой войны для мира в целом был характерен сравнительно высокий прирост населения, причем он наблюдался почти повсюду; исключение составляла лишь высокоурбанизированная Западная Европа, которая к тому же отдавала значительные контингенты мигрантов в Америку и Австралию. Ежегодный прирост населения в 15% в Азии, Африке и Америке свидетельствовал о высокой рождаемости, хотя смертность была в те годы в среднем почти в два раза выше, чем сейчас. Особенно ускорился рост населения в Азии и Африке, где естественный прирост повысился по сравнению с первыми двумя десятилетиями XX в. в несколько раз. С полным правом можно говорить о еще одном демографическом взрыве, произошедшем после окончания первой мировой войны, и затронувшем в основном лишь слаборазвитые страны.

Мировой экономический кризис начала 1930-х годов, напряженная политическая обстановка в различных регионах мира, развязывание военных конфликтов в Эфиопии, Китае и Испании сказались на демографических процессах. Среднегодовой прирост населения в 1930-х годах сократился в среднем по миру до 10,5%, а в некоторых развитых странах стали явно наблюдаться симптомы депо-

пуляции. Во Франции в 1935 г. число смертей уже превысило число рождений. Резко упал прирост населения и в крупнейшей стране капиталистического мира – США. Почти на треть снизились темпы роста населения в Азии. Лишь страны Латинской Америки оказались в стороне от этих тенденций – там среднегодовой прирост населения в 1930-х годах даже увеличился до 18%.

Вторая мировая война обрушила на народы мира, особенно Евразии страшные бедствия. Одни только прямые людские потери во второй мировой войне составили более 50 млн. чел. Что же касается косвенных потерь, связанных со снижением рождаемости и увеличением смертности (во многих странах в военные годы рождаемость была ниже смертности), то они, по приблизительным расчетам, были по меньшей мере в 2,5 раза выше прямых потерь (пользуясь методом экстраполяции, можно предположить, что Земля в результате второй мировой войны «недосчиталась», по крайней мере, 175 млн чел.).

В 1940-х годах среднегодовой прирост по миру в целом упал до 8,5%, а по Европе – до 3% (только к концу 1947 г. численность населения этой части света превысила довоенную). В Советском Союзе, принявшем на себя основную тяжесть войны и понесшем наибольшие человеческие жертвы, население за рассматриваемое десятилетие уменьшилось на 15 млн чел. (довоенный уровень был достигнут лишь в 1955 г.). Несколько сократились темпы роста населения в Азии и Африке. Лишь в странах Америки, прямо не затронутых войной, а также в Австралии численность населения стала расти все ускоряющимися темпами. В эти регионы в первые послевоенные годы хлынул поток эмигрантов из разоренных стран Западной Европы.

Глобальный демографический взрыв, наблюдающийся после второй мировой войны, и в качественном и в количественном отношении отличается от всех предыду-

щих. Дело в том, что резкое снижение смертности населения произошло в послевоенное время в очень короткие сроки и охватило подавляющее большинство стран мира. Рождаемость в этот период изменялась не столь существенно. В результате среднегодовой естественный прирост населения увеличился практически во всех странах Земли и достиг к середине 1960-х годов в среднем по миру 20%, а в ряде стран Центральной и Южной Америки, Африки и Азии превысил 30%. В некоторых из этих стран рождаемость превысила 50%, т. е. приблизилась к биологически возможной, смертность же даже в самых отсталых районах снизилась до 20 – 30%. В итоге численность населения многих стран и даже регионов (Африка и Латинская Америка) с 1950 по 1995 г. более чем утроилась. За этот период в 17 государствах и территориях население увеличилось свыше чем в 3–3,5 раза и еще в 70 – от 2 до 2,5 раза. В то же время в большинстве стран Европы население за эти годы возросло менее чем на одну треть.

Послевоенное повышение рождаемости в развитых странах (так называемый «baby boom»), связанное с возвращением мужчин из армии, восстановлением прерванных семейных отношений, оживлением экономики, оказалось более значительным и длительным, чем ожидалось (и, во всяком случае, большим, чем после первой мировой войны), причем повышение рождаемости сопровождалось резким снижением смертности (особенно детской). Поэтому прирост населения в первое послевоенное десятилетие оказался весьма существенным.

С середины 1960-х годов общая тенденция в большинстве развитых стран изменилась: началось сокращение рождаемости, которое, обгоняя снижение смертности, привело к замедлению темпов естественного прироста; продолжающемуся до настоящего времени.

Иначе складывалась демографическая ситуация в развивающихся странах, постепенно освобождавшихся от колониальной или полуколониальной зависимости. Ускорение темпов роста населения в этих странах в последние три десятилетия было вызвано прежде всего существенным снижением смертности при сохранении высокой рождаемости (в некоторых странах последняя даже несколько возросла). Это снижение было обусловлено в первую очередь сокращением смертности детей вследствие налаживания акушерской службы и внедрения элементарных правил санитарии и гигиены. Улучшение санитарно-гигиенических условий и энергичные мероприятия по борьбе с эпидемическими и остроинфекционными болезнями, проводившиеся во многих странах с помощью международных организаций, за короткий срок привели к уменьшению общего коэффициента смертности более чем вдвое.

Однако по-прежнему наблюдается весьма большой разрыв в средней продолжительности жизни (44 года в Африке и 71 год – в Европе; поэтому доля лиц 60-летнего возраста и старше в развивающихся странах в 2–3 раза ниже, чем в развитых), общем коэффициенте смертности (в развивающихся странах в целом – около 13,2%, в остальных странах – 9,7% в год) и особенно младенческой смертности (именно она в основном и определяет сравнительно высокую общую смертность в развивающихся странах). Смертность детей в возрасте до одного года в настоящее время по миру в целом составляет около 80 на 1000 родившихся живыми (в развивающихся странах – в среднем около 100, в остальных – около 25). В ряде стран Африки 150–200 младенцев из каждой тысячи живорожденных умирают, не достигнув года. Что же касается рождаемости, то она в развивающихся странах в 2 раза выше, чем в развитых. В связи с более низким естественным приростом населения в развитых странах их доля в общем при росте населения мира уменьшилась с 20% в середине 1950-х годов до 7,5% в 1995 г.

В развивающихся странах социально-экономические преобразования, оказывающие влияние на снижение рождаемости, в определенной мере компенсируются традициями многодетности. Во многих аграрных странах, где дети с малых лет привлекаются к труду, большое число детей все еще рассматривается как один из факторов, создающих благосостояние семьи. Поэтому в последнее время демографы, исследуя проблемы динамики рождаемости, особое внимание уделяют изучению этнических особенностей народов, их традиций, религиозных воззрений, быта, нравов, семейного уклада, а также анализу социально-психологических факторов этногенеза: взглядов, установок, предрасудков, стереотипов и экспектаций.

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОЖДАЕМОСТИ

Средний уровень естественной рождаемости, т. е. число детей, которое может родить женщина, непрерывно находясь в браке и не принимая каких-либо специальных мер планирования семьи, составляет приблизительно 10 рождений. В случае же нескольких многоплодных родов (к которым некоторые женщины генетически предрасположены) максимум детей у одной женщины может достигать и до 40. Физиологический фактор рождаемости включает также длительность репродуктивного периода. У женщины этот период начинается в 12–17 лет и заканчивается примерно к 45 годам. У мужчин репродуктивный возраст начинается с 15 лет, а заканчивается в 55–70 лет, иногда – гораздо позже (иногда он длится до 90 и более лет). Особых вариаций по этническому и расовому признакам, как показали специальные наблюдения, в репродуктивном возрасте нет. Что же касается предрасположенности к многоплодным родам, то здесь была замечена определенная региональная (а возмож-

но, и расовая) дифференциация. Многоплодные роды особенно часты у народов Тропической Африки, значительна частота таких родов и у населения Южной Азии. В Европе же случаи многоплодных родов встречаются гораздо реже, а в Восточной Азии – совсем редко.

Значительно воздействуют на показатели рождаемости брачно-семейные факторы: возраст вступления в брак, степень охвата населения брачными отношениями, возможность разводов или повторных браков, формы брака и типы семьи. Все эти параметры у различных народов весьма не одинаковы, и поэтому брачно-семейные факторы приобретают этнический аспект. Например, у разных этносов в довольно широких пределах колеблется возраст вступления в брак. Во многих странах существуют законы, устанавливающие минимальный брачный возраст: он варьирует от 12 лет в Испании, Греции, ряде стран Латинской Америки и некоторых штатах США до 18 лет в большинстве европейских стран. Однако между установленными законодательными нормами в этой области и преобладающей практикой нет жесткой взаимосвязи. Официально разрешенный в стране весьма низкий брачный возраст еще не означает, что там преобладают очень ранние браки. Так, в пяти государствах Латинской Америки девушкам по закону разрешено вступать в брак с 12 лет и еще в девяти – с 14 лет, в Африке же лишь в пяти странах разрешено выходить замуж до 15 лет. Тем не менее средний фактический возраст вступления в брак в Африке ниже, чем в Латинской Америке: соответственно 18,5 и 20,5 лет. У большинства народов браки заключаются в подавляющем числе случаев позже, чем разрешено по закону, причем для мужчин это характернее, чем для женщин. Возраст вступления в брак у мужчин обычно существенно выше, чем у женщин, а у ряда этносов (австралийских племен, индейцев Южной Америки, народов Индии) очень распространены браки между пожилыми

(у австралийцев – даже очень старыми) мужчинами и молодыми девушками. У некоторых народов (например – у мордвы, удмуртов, китайцев, корейцев), наоборот, в прошлом были частыми браки, когда невеста была на 10–15 лет старше жениха.

Возраст вступления в брак довольно сильно влияет на показатель рождаемости. Народам, у которых распространены ранние браки, свойственна более высокая рождаемость. Именно в регионах с максимальной рождаемостью наблюдается самый низкий брачный возраст: в Африке, как уже говорилось, он составляет 18,5 лет. При ранних браках детность увеличивается как за счет удлинения периода, во время которого возможно деторождение, так и за счет большей плодовитости в молодых возрастах. Впрочем, говоря о влиянии брачного возраста на уровень рождаемости, надо отметить, что это влияние существенно у народов, мало практикующих внутрисемейное планирование числа детей.

С возрастом вступления в брак довольно тесно сопряжена доля людей, состоящих в браке. У народов, предпочитающих ранние браки, удельный вес женатых и замужних намного выше, чем у народов, для которых более характерны поздние браки. Так, у современных народов Африки и Азии доля состоящих в браке среди людей, имеющих по закону право вступить в брак, колеблется от 95 до почти 100%, в то время как у европейских народов она очень редко превосходит 90%. На величину этого показателя существенное влияние оказывает традиционное отношение того или иного народа к безбрачию. Например, у многих африканских народов к неженатым мужчинам относятся с явным предубеждением. У большинства народов Азии и Африки общественный статус незамужней женщины намного ниже, чем женщины замужней. В противоположность этому европейские народы в целом к безбрачию относятся довольно спокойно.

На показатель рождаемости влияет также возможность разводов и допустимость повторных браков (как после развода, так и после смерти одного из супругов). У большинства народов, живущих родо-племенным строем, разводы очень просты. Отношение к разводу у более развитых народов различно. Существенную роль при этом играет религиозный фактор.

Так, предельно легки разводы (для мужской стороны) у народов, исповедующих ислам. У христиан отношение к разводу гораздо более строгое, особенно это касается деноминаций, признающих брак таинством. Католикам вообще запрещено разводиться. Довольно сложна процедура развода у православных, хотя она и стала сейчас несколько легче, чем раньше, когда для развода требовалось разрешение Святейшего Синода, и случаи разводов поэтому были крайне редки. У протестантов разводам церковь не препятствует, хотя отношение к ним неодобрительное. Осуждаются разводы и в иудейской религии.

Впрочем, у христиан, как и у народов, придерживающихся других религий, разводимость растет. Это связано с тем, что значительная часть браков стала в последнее время оформляться гражданскими актами. Так, даже в такой консервативной стране, как Англия (вместе с Уэльсом), в 1989 г. гражданскими органами было оформлено 48% всех бракосочетаний.

На возможность заключения повторных браков религиозная принадлежность наряду с существующими народными традициями также оказывает большое влияние.

У народов, живущих родо-племенным строем, для повторного брака разведенных и вдов каких-либо препятствий обычно не имеется. Нет существенных преград для повторного брака и у мусульманских народов: будущему супругу необходимо лишь выждать два-три месяца после прекращения предыдущего брака, пока он не убедится, что женщина

не была беременна. Раньше у мусульман широко бытовал и левират. У современных христианских народов отношение к повторным бракам вдов (а в случае, когда развод разрешен, и к повторным бракам разведенных) вполне терпимое, хотя сохранение вдовой верности покойному мужу ценится весьма высоко. Для раннего же христианства было характерно отрицательное отношение к повторным бракам вдов.

У многих буддийских народов хотя буддизм и не запрещает вступать в новый брак, вдовы и вдовцы часто сознательно остаются одинокими, чтобы лучше подготовиться к загробной жизни. Так, согласно китайским религиозно-этническим нормам, «целомудренные вдовы», как называли сохранивших верность покойным мужьям женщин, считались образцом добродетели. Негативное отношение к бракам вдов характерно для народов, исповедующих индуизм, хотя в Индии еще в 1856 г. колониальными властями был издан закон, разрешающий вдовам вновь выходить замуж. Естественно, что индуистское положение о недоступности повторного замужества вдов оказывает на рождаемость отрицательное воздействие тем более, что у индуистов широко распространены браки, когда муж намного старше жены, в результате молодые вдовы (иногда им всего 15–20 лет) оказываются исключенными из процесса деторождения.

Немалое влияние оказывает на рождаемость принятая у народов форма брака. У большинства этносов брак моногамен. Вместе с тем у некоторых народов сохраняется и полигамия. Полигамные браки бывают двух видов: полигамные (когда муж имеет несколько жен) и полиандрические (когда у жены несколько мужей).

Полигамные браки распространены, в частности, у народов, исповедующих ислам (арабов, персов и др.). Коран разрешает мусульманину иметь четыре жены и сколько угодно наложниц. Очень часты полигамные браки у африканских народов, причем не только у мусульманских, но и у при-

держивающихся местных родоплеменных верований. Раньше полигамные браки встречались также в Индии и Китае. У европейских народов полигамия была изжита еще в средние века. Этому способствовало в первую очередь христианство, практически все направления которого запретили многоженство. Разрешено было многоженство только у одной маргинальной протестантской секты – мормонов, живущих в основном в США в штатах Юта и Айдахо.

Полиандрические браки встречаются редко. Полиандрия подразделяется на братскую (когда мужья являются родными братьями) и небратскую (когда мужья не состоят между собой в кровном родстве). Братская полиандрия была распространена у тибетцев, некоторых гималайских народов (бхотиев, шерпов, ладакхов и др.), а также у ряда дравидоязычных народов Южной Индии (кандхов, тода, бадага, кодагу). Небратская полиандрия практиковалась среди наяров – одной из каст малаяли. Теперь у всех этих народов полиандрических семей почти нет. Полиандрические браки встречались также у некоторых индейских народов Северной Америки, эскимосов, полинезийцев Маркизских островов. По-видимому полиандрические браки, отрицательно влияют на рождаемость. В таких семьях женщины быстро физически изматываются, здоровье их подрывается.

Определенная связь прослеживается также между уровнем рождаемости и типом семьи. В больших семьях рождаемость обычно выше, чем в малых, поскольку в них родители могут надеяться на помощь родственников в обеспечении детей пищей и уходом. В малых же семьях часто приходится откладывать брак и рождение детей до достижения экономической самостоятельности. Вместе с тем в больших семьях иногда имеются и факторы, понижающие репродуктивность: например, в них строже, чем в малых семьях, соблюдаются бытующие у многих народов половые ограничения.

Из мировых религий самая аскетичная – буддизм. Как известно, по буддийскому вероучению жизнь считается цепью страданий и правоверный буддист должен подавлять в себе жажду бытия. Последнее, конечно, не может не оказывать влияния и на установки относительно рождаемости. Большинство направлений буддизма поощряют безбрачие, считая его самым верным путем к спасению. У буддистов очень развит также институт монашества, а у ламаистов желтошапочного толка, наиболее распространенного в Тибете и Монголии, от монахов требуется безбрачие, причем доля монахов в Тибете до учиненных в годы «культурной революции» репрессий была очень велика (обычно второй по возрасту сын в семье становился монахом).

Вместе с тем буддизм содержит ряд положений, объективно способствующих повышению рождаемости. Так, в этой религии существует положение об ахимесе – непричинении зла, которое запрещает избавление не только от уже родившегося ребенка (как, впрочем, и от всего живого), но и от плода. Не одобряются в буддизме и другие меры контроля над рождаемостью. Все это, естественно, препятствует ее снижению. В том же направлении действуют и издавна существующие у народов, исповедующих буддизм, традиции многодетности.

Что касается христианства, то разные его положения оказывают противоречивое воздействие на процесс рождаемости. С одной стороны, эта религия призывает верующих увеличивать свое потомство, что, разумеется, положительно влияет на рождаемость. Повышению рождаемости способствует и то, что, согласно христианской морали, единственной целью брака является рождение детей. С другой стороны, для христианства некоторых направлений (прежде всего для восточных церквей) характерен аскетизм: верующие должны направлять все свои помыслы к Богу, а не к земным наслаждениям, что вроде бы не должно поощ-

рять рождаемость. Более того, в некоторых христианских деноминациях определенные группы людей вообще не могут участвовать в деторождении, так как связаны обетом безбрачия. Так, институт обязанного соблюдать безбрачие монашества существует у католиков, православных и представителей других восточных церквей, а celibат для всего духовенства установлен лишь у католиков. Есть и одна сравнительно небольшая ответвившаяся от православия секта – скопцы, которая вообще не позволяет своим приверженцам иметь половые отношения и рожать детей: все члены этой секты подвергаются кастрации.

Третья мировая религия – ислам – придерживается ярко выраженной пронаталистской позиции. Она призывает как можно больше и как можно скорее множить последователей ислама. Не случайно именно в мусульманских странах в большинстве случаев самая высокая рождаемость. Каноны ислама не устанавливают женщинам низший возрастной предел для половых отношений. Занимая более низкое социальное положение по сравнению с мужчиной, мусульманская женщина может несколько повысить свой статус, лишь будучи матерью большого числа сыновей. Высокой рождаемости у мусульман способствует и их отношение к абортам: по законам ислама зародыш с момента зачатия считается человеком и его уничтожение приравнивается к убийству.

Вместе с тем некоторые положения мусульманского вероучения отрицательно воздействуют на рождаемость (хотя они, конечно, многократно перекрываются факторами, способствующими высокому уровню рождаемости). Так, в мусульманском обществе, как уже говорилось, весьма прост развод (хотя нет и трудностей при заключении повторных браков), разрешено многоженство. Отрицательное воздействие на рождаемость в исламских странах оказывает также существующая в большинстве из них диспропорция полов («нехватка» женщин).

В то же время, несмотря на пронаталистские положения ислама, во многих странах с преобладанием мусульманского населения активно проводится политика, направленная на ограничение рождаемости. Хотя мусульманское духовенство прагматически относится к этой проблеме, обычно не препятствуя такой политике, население в большинстве случаев весьма скептически настроено к регулированию рождаемости.

Некоторое воздействие на рождаемость оказывают и конфуцианство и индуизм.

Конфуцианство, вне всякого сомнения, положительно, хотя и весьма своеобразно, влияло на процесс рождаемости. Прямых призывов к рождаемости в философско-этическом учении Кунцзы (Конфуция) не содержится. Однако инкорпорированный в конфуцианстве культ предков требует выполнения после смерти отца его сыном определенных обрядов, которые никто другой выполнить не может. При невыполнении же обрядов душе будет очень плохо в загробном мире. Поэтому приверженцы конфуцианства стремятся иметь как можно больше сыновей, чтобы даже в случае смерти нескольких из них было кому совершить требуемый обряд. Естественно, что это положение конфуцианства приводило к существенному повышению рождаемости.

Что касается индуизма, то эта религия влияет на показатель рождаемости очень своеобразно. С одной стороны, в ней много внимания уделяется половым отношениям, содержатся призывы к ранним и всеобщим бракам, что в связи с непопулярностью средств контрацепции способствует высокой рождаемости. Однако упоминавшееся выше отрицательное отношение индуизма к повторному замужеству вдов, естественно, несколько снижает рождаемость.

Установки на высокую рождаемость характерны для многих традиционных племенных верований, особенно связанных с культом предков.

В тех случаях, когда этносы страны исповедуют разные религии, религиозные факторы рождаемости могут приобрести значение фактора этнического. Так, в Сербии подавляющее большинство сербов – православные, второй же по численности народ в этой стране – албанцы – исповедует ислам. Рождаемость среди албанцев намного выше, чем рождаемость у сербов. Правда, повышенная рождаемость среди албанцев обусловлена не только конфессиональной принадлежностью, но и некоторыми другими причинами (более низким образовательным и культурным уровнем и т. д.).

В современную эпоху, когда в некоторых странах число верующих сильно сократилось, а религиозные установки в большинстве случаев не имеют юридической силы, религиозные факторы рождаемости перекрываются рядом других факторов.

Так, на уровень рождаемости сильно влияют характерные для народа традиции и обычаи. У подавляющего большинства народов, хотя бы в прошлом, существовала традиция многодетности. Это было связано с тем, что на ранних стадиях развития, в условиях высокой смертности и частых столкновений с соседними общинами, человеческие коллективы были очень заинтересованы в быстром росте своих членов.

В развивающихся же странах традиции и обычаи до сих пор играют довольно видную роль в общественной и семейной жизни. В частности, у большинства народов этих стран прочно сохраняется традиция многодетности. Считается, что многодетность повышает престиж семьи; мать большого числа детей, особенно сыновей, пользуется особым почетом. Стойкость традиции многодетности связана с бытовавшей прежде почти повсеместно, но и теперь продолжающейся сохраняться у многих народов, высокой смертностью детей: родители не без оснований опасаются, что, если детей у них мало, они могут их всех лишиться. Тради-

ции многодетности весьма свойственны также земледельческим народам, что связано с широким использованием труда детей в хозяйстве.

Очень сильны традиции многодетности у африканских этносов, прежде всего у земледельческих племен. Это нашло отражение и в религиозном представлении о том, что заключенная в женщине-матери сила плодородия передается земле. У некоторых африканских племен женщины-матери носят специальную одежду, отличающую их от бездетных женщин и подчеркивающую их более высокое социальное положение. Бездетность – самая большая трагедия и позор для африканки. Бесплодная женщина рассматривается как пристанище злых духов, само же бесплодие часто объясняется колдовством. А поскольку бесплодие женщин Африки не редкость, лучшими невестами считаются те, у которых уже есть дети, что служит доказательством их плодovitости. Поэтому многие африканские народы (в первую очередь приверженцы родо-племенных верований) положительно относятся к добрачным половым связям. Более того, у некоторых из них считается, что сексуальные отношения просто необходимы девушкам, достигшим половой зрелости, иначе они быстро «увянут» и станут бесплодными.

Одновременно существуют и обычаи, которые несколько сдерживают рождаемость. Например, у многих народов Тропической Африки женщине запрещено иметь половые отношения с начала беременности до исполнения ее ребенку трех лет. Довольно распространен у разных этносов обычай воздержания от половых связей во время выполнения определенных видов хозяйственной и иной деятельности. Например, женщинам из африканского племени абабуа возбраняется иметь половые отношения в период изготовления глиняного сосуда (с момента поиска материала и до того как сосуд будет готов). У другого африканского народа – тонга все мужчины обязаны воздерживаться от по-

ловых связей во время войны (в противном случае, согласно поверью, война будет проиграна). Хорошо известно также, что многие религии требуют воздержания в дни некоторых праздников, постов и т. д.

Уровень образования, как и культурный уровень в целом, обычно находится в обратной пропорциональной зависимости к показателям рождаемости. Для получения хорошего образования требуются годы учебы, а во время нее люди, как правило, стараются не заводить детей (не случайно у студентов по сравнению с другими лицами того же возраста пониженная рождаемость). С повышением образовательного и культурного уровня у людей растет круг интересов, и они часто не хотят отказываться от привлекательных для них занятий ради рождения еще одного ребенка. К тому же более образованные люди лучше информированы о способах предотвращения беременности и поэтому более эффективно практикуют внутрисемейное планирование рождаемости.

С повышением образования в большинстве стран улучшается и благосостояние людей. В целом уровень благосостояния находится в обратной зависимости от рождаемости, хотя эта связь не абсолютна. Например, в периоды, когда страна переживает кризис и доходы населения сокращаются, падает и рождаемость, и, наоборот, с улучшением материального положения супруги нередко реализуют откладываемое ранее рождение детей. Тем не менее обеспеченные слои имеют меньше детей, чем малоимущие. Кстати, именно семьи из социально продвинутых кругов общества стали первыми практиковать регулирование рождаемости. Потом, правда, рождаемость начала сокращаться (причем даже более интенсивно) и у других групп населения: рабочих, крестьян, мелких служащих. В некоторых развитых странах (например, в США) после резкого падения уровня рождаемости начался ее подъем, причем он был более значительным у обеспечен-

ных и образованных слоев. В результате в XX в. в развитых странах различия в показателях рождаемости у разных социальных групп меньше, чем в XIX в. Однако обратно пропорциональная зависимость между рождаемостью и благосостоянием в целом все же сохраняется. Именно в наиболее бедных странах наблюдается самая высокая рождаемость.

На показателях рождаемости сказывается и процесс урбанизации. Для городского населения обычно характерен более низкий уровень рождаемости, чем для сельского населения. Однако и эта зависимость не абсолютна. В развивающихся странах более высокий уровень рождаемости иногда наблюдается именно в крупных городских агломерациях. Обычно это связывают с сокращением интервалов между рождениями из-за несоблюдения традиционных табу половой жизни (поскольку контроль над рождаемостью там еще не получил широкого распространения).

В результате комплексного воздействия целого ряда факторов и получается дифференциация по уровню рождаемости у разных этносов. Поэтому показатели рождаемости могут различаться даже у этносов, живущих в одной стране. Так, в США рождаемость у индейцев и мексиканцев значительно выше, чем у белых американцев. В России подобное различие наблюдается в рождаемости у этносов Северного Кавказа и русских. В Новой Зеландии из-за неординарных коэффициентов рождаемости у англоновозеландцев и маори численность последних растет гораздо быстрее, чем численность первых. У живущих в Израиле арабов показатель рождаемости в два раза выше чем у евреев. В бывшем СССР эти показатели у тюркских народов превышали показатели рождаемости у славян. Еще более различается рождаемость по крупным регионам мира. Самые высокие коэффициенты рождаемости наблюдаются в Африке и Юго-Восточной Азии, самые низкие – в Европе и России, население которых находится на грани депопуляции.

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СМЕРТНОСТИ

Анализ этнических аспектов смертности целесообразно начать со среды обитания этноса, влияющей на распространение болезней, которые оказывают существенное влияние на смертность. Природную обусловленность имеют прежде всего паразитарные заболевания. Например, малярия бывает только во влажных болотистых тропических и субтропических районах – местах обитания малярийного комара; сонная болезнь – там, где есть условия для размножения мухи цеце. Имеется и много других болезней, распространенных лишь в жарких странах («тропические болезни»). К их числу относятся, в частности, шистосоматоз (передается микроорганизмами, живущими в воде), филяриатоз (его разносят кровососущие насекомые), фрамбезия (возбудителем ее является один из видов спирохеты).

Некоторые инфекционные заболевания, например, грипп, распространены повсеместно, и им подвержены все народы. По числу смертельных исходов грипп вышел на первое место среди инфекционных болезней после того, как медицине удалось найти эффективные средства для предупреждения многих тяжелых болезней, свирепствовавших ранее и уносивших жизни миллионов людей. Так, практически полностью удалось победить черную оспу (последние очаги ее находились в Эфиопии и Сомали), уменьшились случаи заболевания чумой. Возникающие время от времени вспышки эпидемий удается быстро локализовать и ликвидировать. Ограничилось распространение таких смертоносных болезней, как тиф, холера. Их эпидемии отмечают в основном лишь в развивающихся странах.

Расширение ареалов болезней являлось следствием усиливающихся контактов между народами. При этом нередко случалось, что для народов, прежде не знавших ту или иную болезнь, она оказывалась гораздо страшней и чаще приво-

дила к смертельному исходу, чем в местах своего прежнего распространения. До прихода в Центральную Америку конкистадоров индейцы не знали, например, таких болезней, как холера и тиф, эпидемии которых унесли миллионы жизней ацтеков, майя и инков. Это было связано с тем, что в тех районах, где болезнь свирепствовала давно, у человека за столетия и даже тысячелетия выработался определенный иммунитет, в новых же условиях люди, не имея иммунитета, оказывались безоружными перед недугом. Например, корь сравнительно безобидна только для европейских народов, но в Океании в XIX в. от нее умирала значительная часть заболевших. Так, население о. Эроманга во время эпидемии кори в 1859–1861 гг. сократилось почти на треть. На архипелаге же Фиджи в 1875 г. от кори погибла четвертая часть всех коренных жителей.

В наше время, когда в борьбе со многими инфекционными болезнями человечеству удалось добиться впечатляющих успехов, сведя некоторые из них до минимума, из Африки стало распространяться новое страшное заболевание – СПИД, который за его 100%-ный летальный исход и полное бессилие перед ним медицины нарекли чумой XX в. Реально угрожая всему человечеству, СПИД пока распространен среди различных народов очень неравномерно. Больше всего им поражена Тропическая Африка, много инфицированных в США (особенно среди негритянской части населения). Значительно меньше больных СПИДом в странах Европы и Латинской Америки. В Азии до недавнего времени заболевания СПИДом были очень редки, теперь же его очаги появились в ряде азиатских стран (в Гонконге, Таиланде и др.), причем в Азии он распространяется очень быстрыми темпами. Осваивает СПИД и просторы России.

В ходе последних наблюдений за этой болезнью выяснилась примечательная деталь: среди африканских народов при огромном числе инфицированных (и, следовательно,

передающих при половых контактах болезнь) оказалось относительно немного больных в активной форме (у остальных этносов соотношение инфицированных и больных заметно иное). Возможно, организм африканцев, смог к ней как-то приспособиться.

Следует отметить, что отдельные человеческие популяции не только выработали иммунитет к некоторым заболеваниям, но и антропологически адаптировались к жизни в определенных условиях, хотя и в разной степени. Так, черная кожа негроидов предохраняет их от заболеваний, вызванных повышенной солнечной радиацией, узкий выступающий нос у европейцев в какой-то мере защищает их зимой от переохлаждения морозным воздухом.

В результате изоляции человеческих популяций у них сложились свои особые генотипы, т. е. совокупности генов – наследственная основа организма. В связи с этим генетические, или наследственные, заболевания также оказались географически, а иногда и этнически ограниченными. Так, серповидная-клеточная анемия встречается только у народов Африки. Некоторые другие генетические заболевания (например, болезнь Дауна), хотя и не являются регионально ограниченными, распространены у разных народов в неодинаковой степени.

Вероятность передачи ребенку генетического заболевания увеличивается, когда у народов существуют традиции, допускающие или даже поощряющие браки между родственниками (двоюродными братьями и сестрами, дядями и племянницами и т. д.). Например, родственные браки очень распространены у народов Индии – в определенной степени такая традиция обусловлена тем, что у индустов запрещено вступать в брак представителям разных каст. Кузенные браки довольно часты у евреев. Вероятность того, что аномальный ген имеется у обоих родителей и может передаваться их потомству, повышается и у небольших эт-

нических общностей. У этносов обычно преобладают эндогамные браки и при небольшой численности населения увеличивается доля брака между родственниками. У крупных этносов междоусобные браки бывают довольно распространены в замкнутых сельских общинах.

Иногда влияние генетических факторов может проявиться довольно неожиданно. Так, во время второй мировой войны в страны Дальнего Востока были завезены новые лекарственные препараты против малярии. Однако вскоре обнаружилось, что у некоторых больных они вызывают тяжелую форму анемии, в то время как для других пациентов совершенно безвредны. Позже было установлено, что отрицательная реакция вызывалась наличием у отдельных людей не известного до этого гена.

Начало эпидемиологической революции положили открытия французского ученого, основателя современной микробиологии и иммунологии Л. Пастера (1822–1895 гг.). Им были получены вакцины против сибирской язвы, бешенства и разработаны методы практической вакцинации, а также асептики и антисептики. В наиболее передовых странах Европы и Северной Америки первый этап эпидемиологической революции пришелся на конец XIX–начала XX вв., в большинстве развивающихся стран, как уже говорилось – на середину XX столетия. Надо также отметить, что во многих азиатских и африканских странах эпидемиологической революцией не было охвачено население глубинных районов, да и проводилась она не всегда достаточно последовательно. И все же антиэпидемические мероприятия и там дали неплохие результаты: во второй половине XX в. уровень смертности в подавляющем большинстве развивающихся стран сильно понизился.

Между тем в наиболее развитых странах, где инфекционные болезни были в основном побеждены, с 50-х годов начался второй этап эпидемиологической революции.

Поскольку там на первый план в качестве причин смерти выдвинулись хронические заболевания, то главными на этом этапе стали профилактические и гигиенические мероприятия, пропаганда здорового образа жизни, разработка эффективных способов диагностики и лечения. Для второго этапа характерно менее стремительное падение смертности и некоторое замедление наметившегося ранее роста продолжительности жизни. В развитых странах этот этап ознаменовался в первую очередь снижением смертности от сердечно-сосудистых и опухолевых заболеваний. Из-за того, что мероприятия, проводимые на втором этапе эпидемиологической революции, имеют долгосрочный характер и требуют гораздо больших затрат средств, они оказались многим бедным странам недоступными.

В результате больших различий в уровне здравоохранения структуры смертности у народов развитых и развивающихся стран сильно отличаются друг от друга. У народов развивающихся стран по-прежнему (как в прошлом у всех народов мира) основной причиной смертности являются инфекционные заболевания. В развитых же странах первое место среди причин смертности занимают сердечно-сосудистые, второе – раковые заболевания, третье – болезни нервной системы и лишь четвертое место – инфекционные заболевания.

Более низкие показатели по возрастной смертности и большая продолжительность жизни у народов богатых, процветающих странах связаны также с достаточностью и полноценностью питания, что является неперенным условием здорового человека. В отставших же в своем развитии государствах проблема питания до сих пор не решена, и во многих странах Азии и Африки периодически, а в некоторых из них (например, в Сомали) и достаточно регулярно случается голод.

На уровень смертности очень существенное влияние оказывают жилищные условия населения (здесь важно как число человек, живущих в одном помещении, так и наличие в квартирах удобств – горячей воды, канализации, отопления и т. п.).

В целом благосостояние сильно влияет на смертность и продолжительность жизни – швейцарский демограф Херш даже ввел в научный оборот выражение «неравенство перед смертью». Сложилась, например, своеобразная дифференциация болезней у людей, относящихся к разным социальным группам. Люди из социально продвинутых групп чаще страдают от болезней сердца, гипертонии, атеросклероза, рака почек и мочевого пузыря, а представители низших социальных слоев больше подвержены туберкулезу, сифилису, алкоголизму, циррозу печени, раку желудка, пневмонии, бронхиту.

Поскольку в многонациональных странах доля лиц с высшим образованием у разных этносов часто заметно варьирует и нередко отдельные народы занимают определенные социальные ниши, то культурно-образовательные факторы смертности иногда имеют хорошо выраженные этнические аспекты. Но так как культурно-образовательный уровень довольно тесно связан с распределением населения по занятиям, то эта связь несколько нарушает достаточно четкую зависимость между смертностью и культурно-образовательным уровнем. Дело в том, что у лиц, занимающих наиболее высокие посты, смертность выше, а продолжительность жизни несколько короче, чем у работников среднего звена. Здесь, судя по всему, сказываются нервные перегрузки, частые стрессовые ситуации, вызванные большой личной ответственностью людей, занимающих высокие должности.

Традиционные занятия народов также оказывают воздействие на смертность. Установлено, что смертность бродячих охотников и собирателей выше, чем у оседлых сосе-

дей. Для ряда занятий характерны свои специфические болезни, существенно влияющие на общую картину смертности. Рисоводы, работающие на залитых водой чеках, часто болеют кишечными болезнями. Народы, занимающиеся разведением крупного рогатого скота, подвержены заболеванию сибирской язвой.

На смертность в определенной степени влияют и некоторые элементы материальной и духовной культуры, хотя, безусловно, в культуре любого этноса гораздо больше полезных и рациональных элементов, чем вредных, поскольку, традиционная культура в течение длительного времени адаптируется к конкретным условиям существования народа. Поэтому негативные последствия чаще имеет не следование традиции, а, наоборот, ее разрушение.

Тем не менее важно привести отдельные примеры, когда какие-то элементы, присущие народам традиционной культуры, способствуют возникновению определенных заболеваний и повышают смертность. Известно, что система питания каждого народа вырабатывается в течение веков, хорошо отражая возможности окружающей среды. К ней со временем приспособляется и человеческий организм. Например, у эскимосов, несмотря на то, что они питаются в основном рыбой и мясом, содержание в крови холестерина не увеличивается, т. е. у них не создается предрасположенность к сердечно-сосудистым заболеваниям. Однако в системе питания могут быть и вредные для здоровья традиции, приводящие к тому, что какой-то народ чаще, чем другие, страдает от определенных болезней. Например, народы, употребляющие очень острую пищу, более подвержены раку пищеварительного тракта. Риск раковых заболеваний возрастает и при слишком горячей еде, а также от частого использования в пищевом рационе копченостей. Обычай некоторых этнических групп, занимающихся рыболовством, есть сырую рыбу приводит к глистным инвазиям.

Весьма большое влияние на смертность оказывает традиция употребления алкогольных напитков. Замечено, что различные народы имеют неодинаковую реакцию на эти напитки и соответственно разную предрасположенность к алкоголизму. У народов, живущих в районах выращивания винограда и давно занимающихся виноделием, алкоголизм встречается реже – за века их организм выработал своеобразную защитную реакцию. Народы же, относительно поздно познакомившиеся со спиртными напитками, этой защитной реакции не приобрели и при постоянном употреблении алкоголя быстро спиваются. Такая трагедия, в частности, у индейцев Америки и коренных народов Севера России.

К вредным традициям, широко распространенным у некоторых народов, можно отнести и курение, повышающее возможность заболевания раком легких, горла и полости рта. Особенно опасно курение с использованием сильных наркотических веществ. Традиционное употребление сильных наркотиков было распространено во многих регионах Азии (в Китае, Индии, Юго-Восточной и Юго-Западной Азии), в Северной Африке и Северной Америке.

У некоторых народов существуют или существовали в прошлом и довольно экстравагантные традиции, небезопасные для здоровья человека, а потому способные влиять на смертность. У одной из этнических групп нага, живущих в Мьянме, признаком женской красоты считается очень длинная шея. Чтобы ее удлинить, на шею надевают специальные кольца, постепенно увеличивая их число. Если же по какой-то причине их нужно было снимать, то часто происходил перелом шеи. В Китае в подражание одной из императриц, имевшей крохотную ножку, маленьким девочкам туго забинтовывали ступни, подгибая внутрь пальцы. В результате кости ступни постепенно деформировались и приводили к инвалидности.

Первые медицинские представления, попытки врачевания появились у людей в очень глубокой древности и постепенно совершенствовались. В результате практически у всех этносов сложились целые комплексы народной медицины. Основу ее у любого народа, бесспорно, составляют экспериментально добытые знания и полезные навыки: целители использовали лекарственные растения и иные природные материалы, делали довольно сложные операции и знали другие приемы лечения болезней. Вместе с тем неспособные лечить многие болезни и не понимающие их природу, эти лекари иногда прибегали к способам врачевания, приносящим вред, иногда со смертельным исходом. Например, на о. Увеа (в Тихом океане) вплоть до середины XIX в. всем новорожденным делали трепанацию черепа. Считалось, что этой операцией создаются условия для выхода духа болезни из тела человека на протяжении всей его последующей жизни.

Из-за непонимания причин появления на свет близнецов у некоторых народов сложилось крайне отрицательное отношение к ним вплоть до убийства одного из них, а то и всех родившихся.

В Индии и Китае раньше широко практиковался обычай убийства новорожденных девочек, если в семье уже была дочь. Вообще для народов с сильными патриархальными традициями весьма характерно пренебрежительное отношение к женщинам и девочкам. Девочки, особенно в бедных семьях, получают гораздо худший уход, чем мальчики, их ограничивают в пище, в случае болезни нередко не приглашают лекаря. Поэтому у таких народов смертность девочек обычно намного выше, чем мальчиков, а смертность женщин (из-за бытовых тягот) существенно превосходит смертность мужчин. В результате в странах с патриархальными устоями (особенно в мусульманских) наблюдается сильная диспропорция полов. В Ливии, например, на 1000 мужчин приходится 880 женщин.

Еще одним жестоким обычаем, распространенным у ряда племен (например, атабасков), была практика убийства (или «добровольного» самоубийства) стариков. Этот обычай был связан с трудностями обеспечения едой всех членов рода. У некоторых народов Океании и особенно Африки вплоть до недавнего времени существовал каннибализм (кое-где он встречается и поныне). На смертность влиял распространенный у многих народов Африки, Юго-Восточной Азии, Океании и Южной Америки обычай «охоты за головами». Обильную «жатву» собирала широко распространенная в прошлом (и не изжитая полностью вплоть до настоящего времени) кровная месть, в процессе которой истреблялись целые семьи и даже роды.

В свое время влияло на смертность и одно из положений синтоизма (японской религии), согласно которому войны, избравшие добровольную смерть за родину, – камикадзе – становились богами и их души поселялись в самом почитаемом храме – Ясукуни.

Некоторые религиозные обычаи могут оказывать на смертность не прямое, а опосредованное влияние. Например, у мусульман, иудаистов, а также у приверженцев многих африканских племенных верований существует обряд обрезания. Если он производится с соблюдением медицинских норм, то может считаться даже полезным в гигиеническом смысле, тем более что он распространен у народов, живущих преимущественно в жарких, а часто в безводных районах. Однако нередко этот обряд совершается в антисанитарных условиях, вызывая различные инфекции и даже приводят к смерти ребенка.

К политическим факторам смертности относятся прежде всего войны. В большинстве случаев они носят ярко выраженный этнический аспект. Величина потерь в войнах в разные исторические периоды была весьма различной. У многих первобытных племен существовало не-

писаное правило прекращать войну после первой крови. В древности и в средневековье войны также не отличались особой кровопролитностью. Лишь в XX в. жертвы войн стали исчисляться миллионами и даже десятками миллионов. Во время войны люди гибнут не только непосредственно от военных действий, но и от часто вспыхивающих эпидемий, от недоедания и истощения. Так, вплоть до первой мировой войны большую смертность давали не потери на полях сражений, а широкое распространение во время войн эпидемий. А поскольку эпидемии не знают государственных границ, то они перекидывались и на невоюющие страны, что приводило к повышению смертности у народов, не участвовавших в войне.

Многочисленными были и потери, связанные с колониальной экспансией. В результате колониальных завоеваний много людей погибло не только на войне, но и от новых, ранее не известных завоеванным народам болезней. Некоторые аборигенные народы вообще исчезли с лица Земли, например такие индейские народы, как тайрона, мочика, а также тасманийцы и др. Оттеснение во время освоения Америки индейцев в наименее пригодные для жизни районы (резервации) также привело к росту смертности среди аборигенов.

Смертность африканских народов резко возросла после начала работорговли. Рабы вывозились в Америку для работ на создаваемых там плантациях. Одни из них гибли еще в пути, другие быстро умирали из-за тяжелых условий работы на плантациях. По ориентировочным подсчетам, всего в XVII–XVIII вв. от работорговли пострадало до 100 млн. чел. Работорговля вызывала вооруженные конфликты между самими африканскими племенами. Так, народ фанти, живущий на территории современной Ганы, активно занимался посреднической деятельностью, снабжая работорговцев захваченными представителями соседних племен.

Непосредственное воздействие на смертность оказывают межнациональные конфликты. Крайним проявлением национальной или религиозной, расовой розни служит геноцид – физическое уничтожение людей определенной национальности, религии или расы. Самые известные случаи геноцида (из-за их массовости и жестокости) – уничтожение курдами и турками в Османской империи в 1915 г. более 1,5 млн армян и истребление немецкими национал-социалистами в годы второй мировой войны евреев и цыган.

Увеличивает дифференциацию показателя смертности по отдельным этносам и проводимая государственным политикой репрессий против определенного народа (или группы народов). Особенно прославился такого рода политикой сталинский режим, по воле которого целые народы подвергались депортации.

Так же как при анализе факторов, влияющих на рождаемость, при изучении факторов, воздействующих на смертность, следует учитывать, что они действуют не изолированно друг от друга, а в совокупности, «накладываясь» один на другой. Уже говорилось, как влияет на показатель смертности взаимосвязь таких характеристик, как образование и род занятий. Отмечалось и то, что в военное время обычно учащаются эпидемии, т. е. политический фактор сопрягается с природно-биологическим. С другой стороны, роль последнего фактора несколько снижается по мере совершенствования здравоохранения, развитие которого, в свою очередь, зависит от общего культурного и экономического состояния государства.

МИГРАЦИЯ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ

Важнейшей формой движения населения (этноса) является его пространственное перемещение, или миграция. Под миграцией населения в демографии понимается про-

цесс перемещения людей через границы каких-либо территорий со сменой навсегда или на какое-то время постоянного места жительства либо с регулярным возвращением туда.

Миграция – сложный процесс, и при разных исследованиях ее характеризуют с различных сторон, соответственно классифицируя по целому ряду признаков. Рассмотрим основные классификации миграций.

1. В зависимости от типа пересекаемых границ миграцию делят на *внешнюю* (когда пересекаются государственные границы) и *внутреннюю* (когда перемещения происходят внутри одной страны). Внешняя миграция подразделяется на *межконтинентальную* и *внутриконтинентальную*.

2. По временным параметрам миграция подразделяется на постоянную (безвозвратную), временную, сезонную и маятниковую. *Безвозвратной* считается такая миграция, когда человек навсегда меняет постоянное место жительства. При *временной миграции* человек переселяется на какой-то достаточно длительный, но ограниченный период, причем нередко срок бывает заранее определен. Примером временной миграции может служить переселение на несколько лет для работы по контракту. Иногда временную и постоянную миграцию бывает довольно трудно разграничить, потому что порой человек сам не знает, навсегда ли он сменил место жительства или лишь на какой-то ограниченный, хотя и достаточно длительный, период. *Сезонной миграцией* называются ежегодные перемещения людей в определенные месяцы. К сезонным миграциям можно отнести отхожие промыслы крестьян зимой, проезд на уборку урожая людей из других мест, посещение курортов. *Маятниковые миграции* – это регулярные поездки на работу или учебу за пределы своего населенного пункта с постоянным возвращением домой. Маятниковые миграции происходят, когда место работы или учебы находится в другом

населенном пункте, но достаточно близко, что и позволяет совершать каждодневные (или почти каждодневные) перемещения.

3. Миграцию делят на разные типы по причинам переселения. К *миграциям по социально-экономическим причинам* следует отнести переселения в поисках работы, лучших заработков, свободных сельскохозяйственных земель, с целью улучшить условия жизни, приобрести более высокий статус. Под *миграциями по политическим причинам* понимают бегство от идеологических, расовых, религиозных и прочих притеснений, а также репатриацию. *Военными причинами* называются эвакуация, реэвакуация, депортация.

4. В зависимости от того, оказывается ли мигрантам какое-либо содействие со стороны государственных или общественных органов, миграцию подразделяют на *общественно-организованную* и *неорганизованную*.

5. Наконец, различают *добровольную миграцию*, когда люди сами принимают решение о своем переезде, и *принудительную*, когда перемещение осуществляется независимо от их желания.

При исследовании миграций, как и любых других демографических явлений, важно знать их количественные характеристики. Для открытого населения можно определить показатели, которые бы характеризовали его миграционное взаимодействие с другим населением. Для населения любой территории (страны, района, города и т. д.) миграция делится на *выбытия* за ее пределы и на *прибытия* извне. Разность между числом убытий и числом прибытий за какой-то период составляет *чистую миграцию (нетто-миграцию, или сальдо миграции)*, сумма же убытий и прибытий образует *валовую миграцию (брутто-миграцию)*.

Миграционная активность в значительной степени зависит от демографических характеристик населения. Замечено, что в миграциях наибольшее участие принимают лица

молодого возраста, мужчины подвижнее женщин, бездетные легче решаются на переселение, чем люди, имеющие детей. Кстати, между подвижностью и наличием в семье детей наблюдается взаимная зависимость: часто перемещение на новое место влечет за собой откладывание рождения детей.

Понятно, что миграции приводят к изменению численности населения в районах выбытия и прибытия. Под воздействием миграций трансформируется возрастная структура населения. В районах, где выезд превышает въезд, обычно увеличивается доля старших возрастов, а в центрах притяжения мигрантов население зачастую более молодое. Изменение же возрастной структуры влечет за собой и сдвиги в показателях естественного прироста. Из-за преобладания мужчин среди переселенцев миграция может вызвать диспропорцию полов, что отрицательно сказывается на брачности и рождаемости. Миграция приводит и к другим изменениям в структуре населения. Так, если среди мигрантов преобладают люди определенной национальности, то территориальные перемещения населения вызывают заметную динамику этнического состава. Миграции могут способствовать также переходу людей из одних социально- профессиональных групп в другие, часто приводят к изменению образа жизни, а вслед за этим и трансформации установок, связанных с брачностью, рождаемостью и т. п. Все это влияет на воспроизводство населения.

Наряду с экономическими факторами миграции, всегда игравшими важную роль в развитии миграционных процессов, все большее значение в определении направления миграций приобретают политические факторы (образование новых государств, изменение границ, политико-экономические преобразования в различных странах и т. д.). Иногда миграции обусловлены национальными и религиозны-

ми мотивами. Наибольший размах по-прежнему в странах Азии, Африки и Латинской Америки имеют переселения из сел в города со все возрастающими темпами урбанизации.

Большие масштабы приобрели миграции населения во время второй мировой войны. Массовые переселения были связаны с неорганизованным бегством и организованной эвакуацией мирных граждан из районов военных действий. В послевоенное время основная часть этих переселенцев возвратилась на прежнее местожительство. Большая часть военнопленных и лиц, насильственно вывезенных из стран, временно подвергшихся фашистской оккупации, также вернулась на родину. В Западной Европе остались лишь группы так называемых перемещенных лиц (из восточноевропейских стран), которые затем переселились в США, Австралию, Канаду и другие неевропейские страны (в Европе, главным образом в Великобритании, Франции, Бельгии и ФРГ, осело 200 тыс. перемещенных лиц, или около 15% их общего числа).

В годы Великой Отечественной войны произошли резкие территориальные сдвиги и в размещении населения СССР, связанные с эвакуацией в восточные области из прифронтовой полосы около 25 млн чел. В последующие годы большая часть этого населения возвратилась в родные места.

После поражения фашистской Германии было организовано переселено почти 10 млн немцев из Польши и Чехословакии в ГДР, ФРГ и Западный Берлин (а частично и в Австрию). Соответственно в освобожденные районы переместилось около 5 млн поляков и 2,3 млн чехов. В 1945–1947 гг. началось массовое возвращение в Японию, продолжавшееся вплоть до 1956 г., японцев из захваченных ими ранее стран (главным образом из Китая и Кореи); всего возвратилось на родину около 6,3 млн японцев. При образовании на территории бывшей Британской Индии двух независимых государств – Индии и Пакистана – и последую-

щем выделении из Пакистана Бангладеш обмен населения между этими государствами охватил около 18 млн мусульман и индуистов.

Значительные миграции происходили на Ближнем Востоке. За первое четырехлетие после создания государства Израиль в 1948 г. туда переехало около 700 тыс. евреев, преимущественно из Европы и арабских стран Азии Африки. В это же время (и особенно во время израильско-арабской войны 1948 г.) около 730 тыс. арабов бежали из Израиля и захваченных им арабских земель в соседние страны; сейчас эти переселенцы и их дети (так называемые палестинские беженцы), составляющие значительный процент населения в соседних с Израилем арабских странах, борются за возвращение на свои исконные земли и создание Палестинского арабского государства.

В странах, издавна привлекавших переселенцев, – США, Канаде, Австралии, некоторых государствах Южной Америки – в послевоенное время были приняты новые законодательные меры, ограничивающие иммиграцию. Однако, несмотря на это, приток туда населения из других стран значительно возрос по сравнению с последним предвоенным десятилетием, когда охваченные небывалым экономическим кризисом заокеанские государства практически приостановили въезд, так как не могли обеспечить работой даже своих собственных граждан. Так, из стран Западной Европы в 1921–1930 гг. эмигрировало 5,9 млн чел., в 1931–1939 гг. – лишь 1,2 млн, а в послевоенное время – почти 10 млн. Основная часть европейских мигрантов направлялась в страны Америки.

Научно-техническая революция привела к усилению подвижности населения. Появился и новый своеобразный вид миграции (главным образом в США) – переманивание высококвалифицированных специалистов («перекачка мозгов»). Начало этой миграции было положено в 1930-х го-

дах, когда США получили монопольную возможность отбора ученых, бежавших из фашистской Германии и оккупированных стран Европы. Эта «перекачка», происходящая и в настоящее время и охватившая страны Азии и Африки (с 1960 г. из развивающихся стран эмигрировали в США, Канаду и Великобританию сотни тысяч высококвалифицированных специалистов), пагубно действует на культуру и экономику развивающихся стран, где кадры интеллигенции пока еще малочисленны.

Резко возросли в послевоенное время внутриконтинентальные и внутригосударственные миграции. Это касается не только стран Европы, для которых такие явления были характерны и прежде, но и других частей света.

Странами иммиграции стали ФРГ, Франция, Бельгия, Швейцария, Швеция, в меньшей степени другие государства Западной и Северной Европы. Число переселяющихся сюда, главным образом неквалифицированных рабочих, достигало в разные годы 7–12 млн чел. Едут эти рабочие из экономически менее развитых и к тому же отличающихся более высоким естественным приростом населения стран Южной Европы – Италии, Греции, Югославии, Испании, Португалии, а также из Турции.

Очень пеструю картину представляют собой современные внутригосударственные миграции. Они вызываются преимущественно теми же побудительными причинами, что и внешние: из относительно перенаселенных малоземельных районов мигранты направляются во вновь осваиваемые области, из сельской местности – в города, происходят сезонные перемещения на сельскохозяйственные работы и т. д. В Европе такие миграции сравнительно невелики – небольшой размер стран и большая густота населения не способствуют его иммиграции.

ГЛАВА 5. РЕГУЛИРОВАНИЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ

Проблема регулирования народонаселения имеет давнюю историю. Еще в первобытном обществе применялись аборт, детоубийство и длительные перерывы в брачной жизни, чтобы не допустить роста населения.

Рост численности населения древних государств в благоприятные годы, когда войны и стихийные бедствия, эпидемии и неурожаи не сокращали его, вынуждал к его контролю путем стимулирования рассредоточения, вплоть до принудительной эмиграции. Греческую колонизацию Средиземноморья и Причерноморья (а истоки ее уходят к VIII в. до н.э.) можно, пожалуй, считать первой формой целенаправленного регулирования численности и размещения населения.

Переселение жителей из густонаселенных районов в малонаселенные с избытком земли для поддержания оптимальной пропорции между количеством земли, продовольствия и населения предлагалось еще древнекитайским философом Конфуцием (551–479 гг. до н. э.) и его последователями как эффективная государственная мера.

Необходимость поддерживать соответствующий баланс между окружающей средой, ресурсами и населением осознавалась как проблема демографической политики и в других странах.

Так, по вопросам регулирования численности населения высказывались выдающиеся греческие мыслители Платон (427–347 гг. до н. э.) и Аристотель (384–322 гг. до н. э.). Платон предлагал поддерживать ее неизменной, регулируя число браков. При недостатке населения государству предписывалось составление кратковременных брачных союзов для увеличения числа рождений, при избытке – воздерживаться от деторождения и создавать колонии. Платон полагал, что избегающие женитьбы должны нести и материальное (штрафы) и моральное наказание. Аристотель рекомендовал контролировать возраст вступления в брак и рождения детей, допускал аборт и детоубийства, если необходимо остановить размножение народонаселения.

Некоторые идеи Платона и Аристотеля позднее были воплощены в жизнь императорами Рима, когда появилась потребность стимулировать рост убывающего населения, в основном воздействуя на брачность и рождаемость.

Истоки активной демографической политики восходят к римскому императору Гаю Юлию Цезарю (101–44 гг. до н. э.). Поддерживая многодетных, он распределил общественные земли, не находившиеся в частном владении, между 20 тыс. граждан, имеющих по трое и более детей. Цезарь основывал новые колонии, расселив по заморским территориям около 80 тыс. граждан. При императоре Августе (правил Римом с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э.) политика как система мероприятий получила законодательное оформление в своде законов «Lex Julia et Papia Poppaеа», принятых между 18 г. до н. э. и 9 г. н. э., и включала в воздействие на брачность и укрепление семьи, стимулирование рождаемости через привилегии семьям с детьми и т. п. Принуждая

граждан репродуктивного возраста к длительному супружеству, Август надеялся получать от семей большее потомство. В годы правления императора Нервы (96–98 гг.) учреждается система мер государственной помощи беднейшим семьям с детьми. Император Траян (правил в 98–117 гг.) развил систему семейных пособий, комбинируя натуральную и денежную помощь. В Риме 5 тыс. детей получали хлеб от государства бесплатно (эта раздача хлеба существовала на протяжении всего II в.). Дети из бедных семей получали денежные пособия.

Однако, несмотря на явную пронатолическую ориентацию политики, ни в Греции и Риме, ни в других государствах рабовладельческой эпохи прерывание беременности запрещено не было. Законы предписывали делать аборт не позже, чем через 40–80 дней от начала беременности. Это вполне соответствует современным рекомендациям об оптимальном сроке для искусственного аборта.

Демографическая политика рабовладельческих государств, направленная на расширенное воспроизводство свободного населения, игнорировавшая интересы и условия жизни «говорящих орудий» – рабов (а они подчас составляли от четверти до половины населения), не дала тех результатов, которые от нее ожидалось. Богатая часть свободного населения не была заинтересована в расширенном воспроизводстве семьи, бедные слои не имели экономических условий для содержания нескольких детей. Что касается воспроизводства рабского населения, то основным источником пополнения рабов были войны, захват пленных. Как правило, купить раба на рынке было дешевле, чем нести расходы по содержанию детей рабов.

Смена рабовладения феодализмом способствовала появлению у крестьян стимулов к большой семье – воспитание детей стоило дешево, а рабочая сила в хозяйстве была нужна, тем более что налогами облагалось в основном толь-

ко взрослое население. Заинтересованы были в увеличении численности крестьян, а следовательно, и в поощрении ранних браков и деторождения, и феодалы, чье могущество определялось во многом числом их подданных. Нуждались в увеличении населения и государи. Раздробленные феодальные княжества и государства, не имевшие достаточного населения и собственной армии, не могли противостоять своим соседям и недругам во время нередких войн. Помимо экономических стимулов брак и деторождение поддерживались христианской церковью: она поощряла единобрачие, осуждала аборт, детоубийство и какое-либо регулирование деторождения.

Отношение к численности населения, к семье определялось высоким уровнем смертности, эпидемиями, уносившими сотни тысяч жизней. Например, «черная смерть», – европейская пандемия чумы, в 1347–1353 гг. сократила население местами на 80–90%, а в целом в Европе умерло примерно 25 млн чел., или 50% населения того времени. Такие потери, безусловно, способствовали формированию теории и политики, ориентированных на поддержку роста (или, как минимум, восстановления) численности населения. Уже в конце XII в. во Франции устанавливаются налоговые скидки и иные привилегии для поощрения рождаемости и иммиграции.

Подобное отношение к численности населения отражено в трудах великих мыслителей раннего средневековья Фомы Аквинского, Н. Макиавелли, родоначальников утопического социализма Т. Мора и Т. Кампанеллы и многих других.

Так, теолог и философ Фома Аквинский (1225–1275 гг.) полагал, что богатство общества умножается с возрастанием числа лиц физического труда.

Томас Мор (1478–1535) в своей «Утопии» (1516 г.) сконструировал общество социального равенства и достатка, базирующееся на сознательном поведении граждан и про-

изводительном ремесленном и сельскохозяйственном труде. Мор высказывался в пользу многолюдства, разумного расселения городского и сельского населения, поддержания оптимальной численности городов, регламентации брака и размеров семьи-домохозяйства. Механизм регулирования численности и структуры населения, описанный Мором, опирался прежде всего на миграцию, предполагавшую высокую степень мобильности населения.

С «Утопией» Мора тесно перекликается другая знаменитая социальная фантазия – «Город Солнца» (1602 г., издана в 1623 г.). Ее автор Томмазо Кампанелла (1568–1639), философ, монах ордена доминиканцев, нарисовал в своей книге утопическую картину гармоничного социального устройства, предполагавшего среди прочего и регулирование воспроизводства населения, причем не только его количества, но и качества. Главные цели политики – обеспечение планомерных зачатий, рождение и воспитание здорового потомства, в чем Кампанелла видел залог будущей общественной гармонии.

Популяционизм (приверженность росту населения) был господствующим направлением демографической теории и политики в период феодализма, но не единственным. Уже к концу XVI в. появляются и противоположные воззрения, предупреждающие об опасностях перенаселения. Предшественником новых концепций стал англичанин У. Холишед, утверждавший в 1577 г., что большое население и многочисленные браки не приносят стране пользы, а, наоборот, осложняют существование людей. Позднее идеи угрозы возможного перенаселения Земли были развиты в работах П. Ралейха, Р. Уоллеса, Д. Таунсенда, Д. Стюарта и др.

Развитие демографической мысли и демографической политики того времени во многом определялось философией меркантилизма, отражавшей интересы зарождающе-

гося торгового капитала. Меркантилисты (Т. Мен, А. Серра, С. Фортрей и др.) считали, что рост населения ведет к обогащению нации, что цель государственной политики – увеличение населения. Увеличение же населения поддерживает военное могущество, способствует росту притока в казну налогов и пошлин.

В период появления ростков будущего капиталистического строя европейские государства проводили довольно определенную демографическую политику, направленную на поощрение деторождения, запрещение эмиграции и облегчение иммиграции. Эта политика включала: 1) поощрение вступления в брак премиями, введение налогов с холостяков, снижение налогов при раннем вступлении в брак; 2) поощрение плодовитости, освобождение от налогов лиц с большим количеством детей и другие привилегии семьям с детьми; 3) положительное отношение к внебрачной беременности, вплоть до поощрения.

В XVII в. Франция, одна из первых в Европе, начинает проводить политику стимулирования роста населения. Ее мотивы обуславливались и учением меркантилизма, и демографической ситуацией. Франция понесла большие потери в 30-летней войне с Германией (1618–1648), а также теряла население из-за значительной эмиграции, вызванной религиозными преследованиями гугенотов.

Эта политика связана с именем Жана-Батиста Кольбера (1619–1683), министра финансов Франции при дворе Людовика XIV. Популяционистская политика Кольбера была направлена на восстановление матримониальных законов римского императора Августа и, согласно эдикту короля (1666 г.), включала:

– освобождение от налогов на несколько лет лиц, вступивших в брак до 21 года;

– учреждение «касс для невест», «касс для выдачи приданого»;

– освобождение от податей тех, кто платил налог при наличии 10 детей, из которых никто не пошел в монахи или священники;

– выплату специальных пособий дворянам (хотя они и так не платили податей) в размере от 1 до 2 тыс. ливров в год при наличии 10 детей, из которых никто не пошел в монахи или священники;

– пособие в половину этой суммы для буржуа, плативших поголовный налог.

Меры против эмиграции поначалу были не слишком эффективны, поэтому в 1682 и 1685 гг. они были усилены. Капитаны кораблей и купцы за содействие побегу гугенотов облагались штрафом в 3000 ливров. Позднее за это была введена даже смертная казнь.

Прусский монарх Фридрих Вильгельм I стимулировал брачность и рождаемость, предписывая вступать в брак не позже 25 лет. При Фридрихе II в 1746 г. был отменен закон о публичном церковном покаянии за рождение внебрачного ребенка. Эдикт 1765 г. запретил преследовать женщин за рождение детей вне брака. Для них были учреждены общественные родильные дома и госпитали. В германских государствах практиковались популяционистские меры политики, в частности лишение холостяков права занимать общественные должности или заниматься ремеслом без уплаты особой пошлины. В Тюрингии был введен дополнительный денежный налог на холостяков и незамужних женщин старше 25 лет. Для увеличения рождаемости использовались запреты на прерывание беременности. Закон, запрещающий аборт, был принят в Баварии. А в Саксонии в 1744 г. была даже введена смертная казнь за совершение аборта.

В Испании и Англии, в Савойе и Австрии в XVII–XVIII вв. также проводилась некоторая политика поощрения рождаемости и брачности и ограничения эмиграции. В

Испании с 1623 г. и до конца следующего столетия практиковались налоговые скидки тем, кто вступал в брак в молодом возрасте и имел много детей.

К середине XVIII века усилились экономические предпосылки популяционизма, связанные с расширением мануфактурного производства и увеличением спроса на рабочую силу. Это поддерживало дальнейшее распространение идей о желательном росте населения. Они нашли свое отражение в трудах великих французских просветителей Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), Ш. Монтескье (1689–1755), Д. Дидро (1713–1784), а также Гельвеция, Т. Мора, Юма и других мыслителей. Так, Руссо в «Общественном договоре» (1762 г.) высоко оценивал правительства, при которых больше всего возрастает население. Выступал он и против ограничения рождаемости в браке, считая это противоестественным и аморальным. Монтескье считал сокращение населения крайне негативным явлением и в работе «О духе законов» (1748 г.) обосновывал потребность европейских стран в законах, способствующих размножению населения.

Пожалуй, лишь Вольтер (1694–1778) критически относился к идеям о росте населения, соотнося эту проблему с проблемами благосостояния и духовного развития. Он отмечал, что большинство отцов семейств опасаются иметь детей, тогда как правительства хотят умножения народа, обратив тем самым внимание на противоречие между ограниченными экономическими возможностями семьи содержать детей и экономическими и политическими потребностями государства увеличивать число граждан – налогоплательщиков и воинов.

Многие русские государственные деятели и ученые XVI–XIX вв. поддерживали идею увеличения населения. В крепостной России существовал закон, по которому каждая семья платила подать («тягло»). Отсюда проистекала заинтересованность государства в ранних браках, так как уве-

личение числа новых семей обеспечивало приток новых доходов в казну. Ранние браки и высокая рождаемость одобрялись церковными догматами, формировавшими установки и поведение населения.

Наиболее цельное и систематизированное изложение необходимых и возможных мер политики в отношении населения в России было представлено в трактате М. В. Ломоносова «О сохранении и размножении Российского народа» (1761 г.). Предложенные Ломоносовым меры, в основном культурно-просветительные и административно-правовые (пересмотр церковных правил и обычаев), были направлены на создание благоприятных условий для рождения детей в браке и вне, на сокращение детской смертности, на прекращение эмиграции. Им подробно были рассмотрены 13 способов содействия росту населения и предложено все «вредное приумножению и сохранению народа запретить», а именно:

- запретить браки с большой разницей в возрасте;
- запретить принудительные браки;
- отменить запрещение четвертого брака;
- разрешить вдовым попам и дьяконам вступать во второй брак и не постригать прежде 50 лет;
- учредить богадельные дома для приема незаконно-рожденных;
- для уменьшения детской смертности издать большим тиражом книги о повивальном искусстве и лечении детских болезней и «распродать во всем государстве, по всем церквам»;
- бороться с суевериями, в частности запретить крестить детей в холодной воде («невеждам попам физику толковать нет нужды, довольно принудить властью, чтобы всегда крестили водою летней...»);
- бороться с чрезмерной смертностью взрослого населения, в том числе с невоздержанностью и неосторожностью в употреблении питья и пищи («...пожирают у нас мас-

леница и св. неделя великое множество народа одним только переменным употреблением питья и пищи»), бороться с антисанитарией, просвещать народ («любви Господа твоего сердцем, сиречь не кишками»);

– бороться с шарлатанством в лечении, увеличить число докторов (больше обучать студентов за границей), лекарей и аптек;

– изучить и описать меры профилактики смертности от эпидемий и «насильственных, натуральных и случайных обстоятельств (моровые язвы, пожары, потопления, морозы)»;

– сократить смертность от убийств, «кои бывают в драках и от разбойников»;

– устранить причины бегства русских граждан за границу, для чего «пограничных с Польшей жителей облегчить податьми и снять солдатские наборы»;

– привлекать людей из-за границы (Россия «в состоянии вместить в свое безопасное недра целые народы и довольствоваться всякими потребами...»)

Реализация этих и других мер, по оценке Ломоносова, могла дать прирост населения до полумиллиона в год.

При императрице Екатерине II (видимо, под воздействием ломоносовского трактата, как и не без влияния того, что осуществлялось во Франции, а ранее – в Риме) были отменены «венечные памяти» (по сути, пошлина за венчание), облегчено вступление в брак вдовам и женам ссыльных, при выборах на общественные должности предпочтение стали оказывать тем, у кого больше детей. Указ Екатерины от 1774 г. повелевал «не венчать малолетних с взрослыми девками». Указ 1784 г. синода предписывал в проповедях призывать народ к благосклонному отношению к внебрачным детям. Были учреждены дома для подкидышей и незаконнорожденных.

Почти все прогрессивные деятели России того времени (государствоведы, медики, философы и писатели) разделяли популяционистские позиции (А. П. Волынский,

А. Н. Радищев, В. Н. Татищев и др.). Пожалуй, лишь историк и публицист М. М. Щербатов считал быстрое увеличение крестьянского населения фактором распространения бедности в России.

На рубеже XVIII–XIX вв. на смену популяционизму пришла противоположная доктрина, доказывающая необходимость сдерживания роста населения. Она получила название *мальтузианство* по имени своего создателя Т. Р. Мальтуса (1766–1834). Экономической предпосылкой антипопуляционизма был активно свершавшийся промышленный переворот. Он вел к появлению «лишних рабочих рук и ртов», накоплению относительно избыточного населения.

Т. Мальтус, заимствуя идеи англичанина М. Хейла и итальянца Дж. Ортеза о возрастании населения в геометрической прогрессии и ряд других экономических идей и теорий, объяснял причины возникновения бедности и пауперизма перенаселенностью и неразумным размножением рабочего класса, видя следствия умножения нищеты в обществе не в социально-политических и экономических особенностях и законах новой капиталистической системы, а в демографических процессах с их естественной биологической основой воспроизводства населения. Суть политики, по Мальтусу, должна быть направлена на предупреждение избытка населения, в том числе распространением норм христианского аскетизма, воздержанием от вступления в брак и обузданием «инстинкта размножения».

К концу XIX в. экономическая и географическая экспансия, сопровождавшая борьбу за раздел мира на сферы влияния, вновь повысила роль численности населения как фактора силы, возможности создания большой армии. Кроме того, возрождению популяционистских идей способствовали низкая рождаемость во многих странах Европы, уменьшение прироста населения. Эти проблемы стали предме-

том обсуждений на заседаниях европейских парламентов. Были выдвинуты различные проекты увеличения рождаемости.

Так, известный французский демограф Жак Бертильон (1851–1922), объявивший теорию Мальтуса «позорной», и требовавший законодательными методами влиять на увеличение рождаемости, в 1896 г. основал Национальный союз за увеличение численности французского населения (в 1935 г. союз был переименован в Национальное общество борьбы против депопуляции). Суть многих проектов сводилась к восстановлению применявшихся еще во времена Кольбера фискальных (налоговых) мер. В частности, в июле 1913 г. бюджетная комиссия парламента Франции увеличила подоходный налог на холостяков на 20% для тех, кому больше 30 лет, чтобы «уменьшить экономические преимущества бессемейной жизни», повысить брачность. Среди других предлагавшихся мер - прогрессивное уменьшение налогов пропорционально росту семьи; обложение налогами родителей в возрасте до 19 лет, имеющих к 45 годам меньше 3 детей; премия за каждого ребенка выше «нормы».

В США и Англии были учреждены скидки с подоходного налога для женатых, а также введены различные уровни необлагаемого дохода для холостяков и женатых, увеличивавшиеся по мере роста семьи (чем больше детей, тем больше размер доходов, не облагаемых налогом). Однако попытки увеличить рождаемость, стимулируя процесс брачности, не давали должного эффекта, поскольку главной причиной малой рождаемости была не низкая брачность, а внутрисемейное ограничение числа детей. Налоговые льготы не покрывали расходов на воспитание детей и не выравнивали бюджет, обремененный расходом на детей.

Концепции политики в области народонаселения не ограничивались только количественными аспектами. Так, утопические идеи Кампанеллы о выведении качественного

человеческого потомства получили в конце XIX века продолжение в евгенической теории, принципы которой были сформулированы английским антропологом, психологом и биологом Френсисом Гальтоном (1822–1911). Изучение факторов риска наследственных заболеваний, возможностей улучшить наследственные качества населения преследуют вполне гуманные цели. (В наши дни проблемы борьбы с наследственными заболеваниями решаются в рамках медицинской генетики, а добрачные освидетельствования в генетических консультациях рекомендуются как разумная и гуманная мера, повышающая информированность супругов и способствующая их ответственности). В тоже время, уже в XX в., евгенические идеи были использованы для оправдания расизма и геноцида, например, в фашистских расовых теориях.

Развитие взглядов на демографическую политику в XX в. получило особую почву в Италии и Германии. Экспансия, борьба за жизненное пространство были стержнем геополитики итальянского и германского фашизма, которая принесла неисчислимые беды народам Европы, привела к потерям десятков миллионов людей, погибших во второй мировой войне.

Популяционистская демагогия составляла важное звено идеологического арсенала фашизма. Так, выступая в палате депутатов в 1927 г., итальянский дуче Муссолини заявил: «Не основным, но предрешающим фактором политической, а также экономической и моральной мощи наций является их демографическая мощь». Им была написана брошюра «Численность как сила», в которой он провозглашал, что «высокая рождаемость будет отличать фашистский народ от прочих европейских народов, так как будет указывать на его жизнеспособность, на его волю к продлению жизнеспособности в веках». Итальянский демограф Цингали в докладе, посвященном политике населения Муссолини (на Международном

конгрессе по изучению населения, Рим, 1934 г.), выделял специальные меры, составляющие содержание демографической политики: стимулирование брачности и плодовитости браков; решительное осуждение и борьбу с предупреждением беременности; ограничение эмиграции; борьбу с урбанизацией; борьбу со смертностью и т. п.

Политика народонаселения фашистов в Германии, подобно политике Муссолини, диктовалась двумя соображениями: 1) большое население было необходимо для растущей потребности в «пушечном мясе»; 2) демографический компонент был важной составной частью «расовой теории». Под лозунгом возвращения женщин к «натуральной профессии» – деторождению их увольняли с работы, заменяя безработными мужчинами. Ограничивался доступ женщинам в средние и высшие школы. Проводилось принудительное выселение безработных в деревню. Был принят «Закон о займах вступающих в брак» (женщины, получившие займы, были обязаны уйти с работы и рожать). Для «планового выращивания полноценного немецкого народа» с большой шумихой создавалось движение «крестных семей», в которых дети попадали под особое наблюдение и воспитание фашистов (субсидировалось это движение за счет рабочих фондов). Были запрещены смешанные браки (арийцев и неарийцев).

Демографическая ситуация 40-х годов для Европы была крайне неблагоприятной в связи с тяжелыми потерями стран – участниц второй мировой войны. Только потери Советского Союза составили почти 26 млн чел., а всего потери во время войны составили более 50 млн чел. Иная ситуация складывалась в развивающихся странах, которая была во многом предопределена существенным изменением политической карты мира в 50–60-е годы и освобождением от колониальной зависимости десятков стран, прежде всего в Африке и Азии. Традиционно высокая рождаемость в них в сочетании со снижающейся в результате развития медици-

ны и здравоохранения смертностью породила там «демографический взрыв». Быстрый рост населения оказался серьезной проблемой для развивающихся национальных экономик, постепенно приобретая глобальный характер. Президент Международного банка реконструкции и развития Ю. Р. Блек в 1961 г. в обращении к Экономическому и социальному совету ООН писал, что «рост населения угрожает свести к нулю все наши усилия по поднятию уровня жизни во многих странах».

В планировании семьи и регулировании рождаемости многие политики, общественные деятели и ученые увидели единственное доступное для нищей экономики бывших колоний средство торможения роста населения, не отрицая при этом важности социальных и экономических преобразований. Так, в коллективном труде «Кризис народонаселения и использование мировых ресурсов» (Гаага, 1964) для противостояния росту населения и увеличивающемуся давлению населения на имеющиеся ресурсы предлагалось проводить активную демографическую политику, принимать на государственном уровне решения, связанные с регулированием рождаемости.

В 1964 г. ООН провела опрос правительств, который показал, что многие развивающиеся страны были озабочены высоким темпом роста своего населения, затрудняющим экономическое развитие. В связи с этим все в большем числе развивающихся стран получила признание и поддержку политика контроля рождаемости. В десятках стран Африки, Азии и Латинской Америки действовали программы по распространению практики планирования семьи, ориентированные на снижение рождаемости и сокращение темпов роста населения.

Программы снижения рождаемости включали санитарное просвещение и консультирование по вопросам планирования семьи, обеспечение населения противозачаточны-

ми средствами, пропаганду преимуществ малодетной семьи, стимулирование малодетности экономическими и административными мерами. Некоторые страны (Индия, Малайзия, Непал, Пакистан и др.) в качестве одного из методов ограничения величины семьи разрешили добровольную стерилизацию и обеспечили доступность ее проведения.

Однако, отсутствие социально-экономических стимулов к внутрисемейному ограничению деторождения и низкий культурно-образовательный уровень населения существенно ограничивали эффективность программ планирования семьи. Реализация их тормозилась также нехваткой финансовых и технических средств, недостатком квалифицированных специалистов для служб планирования семьи.

Тем не менее во многих странах, взявших официальный курс на снижение рождаемости, программы планирования семьи являются составной частью национальных планов экономического развития. В 1969 г. XV сессия Комиссии по народонаселению ООН рекомендовала не ограничиваться только финансированием программ контроля над рождаемостью, но и использовать эти средства для исследования взаимодействия социально-экономического и демографического развития. В резолюциях региональных конференций по народонаселению (Мехико, 1970; Аккара, 1971; Токио, 1972; Бейрут и Каир, 1973) было особо подчеркнуто, что политика народонаселения – составная часть политики и планирования развития страны.

Программы планирования семьи поддерживают различные специализированные и региональные учреждения ООН, а также ряд неправительственных организаций: Международная федерация по планированию семьи, Совет по народонаселению и др. В 70-х годах к вопросам регулирования размеров семьи как части проблемы сохранения здоровья матери и ребенка подключились Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).

В 1974 г. Комиссия по народонаселению приняла документ «Деятельность ООН в области народонаселения», в котором в число пяти основных направлений оперативной деятельности ООН вошли политика в области народонаселения и программы планирования семьи.

Принятый на Всемирной конференции в Бухаресте (1974 г.) Всемирный план действий в области народонаселения вновь обратил внимание правительств на то, что политика народонаселения не заменяет социально-экономического развития, а является частью его. При подведении итогов реализации плана был обобщен опыт разработки демографической политики в разных странах. В рекомендациях по дальнейшему осуществлению Всемирного плана действий в области народонаселения (Мехико, 1984), в Амстердамской декларации, принятой международным форумом «Народонаселение в XXI в.» (1989), в 20-летней Программе действий в области народонаселения и развития, принятой на Всемирной конференции по народонаселению в Каире (1994), и в других международных и региональных документах сформулированы основные принципы проведения национальной демографической политики, поставлены цели и задачи, предложены мероприятия. В них подчеркивается суверенное право каждой страны самостоятельно определять эти цели и методы их достижения. Например, правительство Китая с начала 70-х годов принимает жесткие меры, чтобы обеспечить эффективный контроль за ростом населения. За 15 лет, к середине 80-х годов, удалось снизить рождаемость в 2 раза, а естественный прирост – почти в 2,5 раза. В статье 25 Конституции КНР (принятой в 1982 г.) говорится: «Государство осуществляет планирование рождаемости, с тем чтобы привести в соответствие рост населения с планами экономического и социального развития». Исходя из этого, при планировании семьи поощряются поздний брак и рождение одного ребен-

ка. Однако, практикуемые в Китае материальные и моральные меры наказания за рождение «лишнего» ребенка трактуются экспертами как нарушение права семьи свободно и ответственно решать вопрос о числе детей.

Для того чтобы иметь возможность получать и обобщать информацию о национальных политиках, ООН проводит периодические опросы правительств по проблемам политики в области населения. Такие опросы были проведены – в 1963, 1972, 1976, 1982, 1988, 1993 гг. Специально созданная база данных о политике в области населения (Global Population Policy database) по состоянию на 1993 г. включала информацию по 190 странам.

Существуют и региональные базы данных. Так, экспертами Европейского Содружества в рамках специально созданной организации «Обсерватория семейной политики» осуществляется мониторинг политики в области семьи и рождаемости, готовятся регулярные доклады, отражающие развитие мер семейной политики как в целом, так и по отдельным странам ЕС.

Дискуссионным на Западе остается вопрос о том, какими должны быть размеры семейных пособий и других льгот и компенсаций, чтобы они не ослабляли трудовую мотивацию и не снижали степень участия родителей в общественном производстве, не подрывали экономические функции заработной платы.

Следует также отметить, что тенденция улучшения материального уровня жизни неизбежно ведет к усилению эксплуатации природных ресурсов, а это в свою очередь, приводит к тому, что дальнейший рост населения достигается ценой ухудшения условий жизни. Новые открытия в науке и новые технологии могут, конечно, ослабить остроту этой проблемы, но снять ее с повестки дня будет практически невозможно, если рост населения продолжится. Подобные идеи и выводы (стратегия нулевого роста) содер-

жаты и в докладах Римского клуба – неправительственной организации, под эгидой которой подготовлено несколько экспертных прогнозов мировой динамики, получивших всемирную известность.

В заключении подчеркнем, что проблемы народонаселения носят глобальный характер, так же как экологические и энергетические проблемы, поэтому решение этих проблем может и должно быть найдено на уровне ООН в форме компромисса и согласованных стратегических действий национальных правительств и международных организаций.

ГЛАВА 6. РОССИЯ И ЕЕ НАРОДЫ. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Анализ этнической карты России невозможен без учета ее этно-лингвистических особенностей.

Всего в России (площадь 17,1 млн. кв. км) на 1 января 1999 г. проживало около 146 млн чел. Этническая структура населения очень сложна – в материалах последней переписи населения Российской Федерации 1989 г. было выделено 128 народов.

Наиболее высок удельный вес в населении России народов индоевропейской языковой семьи. Особенно многочисленна в ней славянская группа, к которой относится основной народ страны – русские, очень близкие к ним по языку и культуре украинцы и белорусы, а также поляки, чехи, болгары, сербы. К балтийской группе индоевропейской семьи принадлежат литовцы и латыши, к германской – немцы, к романской – молдаване и румыны, а также обособившиеся в России испанцы и кубинцы, к греческой – греки, к иранской – осетины, горские евреи, курды, таджики, персы, к индоарийской – цыгане, к армянской – армяне. Особое положение в языковом отношении занимают евреи,

родным языком которых был близкий к немецкому идиш, а ныне стал по большей части русский (идиш, по данным переписи 1989 г. считало своим родным языком только 9% живущих в России евреев).

Вслед за народами индоевропейской семьи идут по численности этносы алтайской семьи, представленные тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской и корейской группами. К тюркской группе относятся татары, крымские татары, башкиры, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, казахи, киргизы, азербайджанцы, турки, гагаузы, туркмены, узбеки, уйгуры, алтайцы, хакасы, тувинцы, якуты, долганы, чувашаи, к монгольской группе – буряты, калмыки, к тунгусо-маньчжурской группе – эвенки, эвены, нанайцы, удэгейцы, к корейской – корейцы.

Немало в России и народов уральско-юкагирской языковой семьи, подразделяющейся на финно-угорскую, самодийскую и юкагирскую группы. Наиболее многочисленна среди них финно-угорская группа. К ней принадлежат карелы, финны (в основном так называемые ингерманландцы), ижорцы, эстонцы, вепсы, саами, марийцы, мордва, удмурты, коми, коми-пермяки, манси, ханты, венгры. Самодийскую группу образуют ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, юкагирскую – юкагиры.

Северокавказская языковая семья ограничена территорией Северного Кавказа. Она делится на абхазо-адыгскую и нахско-дагестанскую группы. В первую входят кабардинцы, черкесы, адыгейцы и шапсуги (иногда эти четыре близких этноса считают единым народом), абхазы и абазины, во вторую – чеченцы, ингуши, аварцы.

Остальные языковые семьи невелики по численности. К чукотско-камчатской языковой семье относятся чукчи, коряки и ительмены, к эскимосско-алеутской – эскимосы и алеуты, к картвельской – грузины и грузинские евреи, к афразийской (семито-хамитской) – ассирийцы и арабы, к сино-тибетской – китайцы, к австрало-азиатской – вьетнамцы.

Основной этнос России – русский, численность которого по данным переписи населения 1989 г., составила около 120 млн. чел. (81,5% при общем числе жителей Российской Федерации в год переписи 147 млн чел.).

Столетия совместного проживания в одной стране привели к тому, что многие народы России живут вперемежку. Тем не менее во всех без исключения крупных регионах РФ (Северном, Северо-Западном, Центральном, Центрально-Черноземном, Поволжском, Уральском, Западно-Сибирском, Восточно-Сибирском, Дальневосточном) подавляющее большинство населения – русские. В краях и областях РФ русские составляют от 72% (Астраханская, Оренбургская и Магаданская области) до 97% населения (Курская, Орловская, Тамбовская и Магаданская области). К русским принадлежит большинство населения и во всех, кроме двух (Коми-Пермяцкого и Агинского-Бурятского), автономных округах, а также в Еврейской автономной области. Русские образуют абсолютное большинство населения также в 9 из 21 республики, входящей в состав РФ (в Хакасии, Карелии, Бурятии, Адыгее, Мордовии, на Алтае, в Удмуртии, Коми, Саха), и относительное большинство в трех республиках (Марий-Эл, Карачаево-Черкесии и Башкортостане).

В некоторых национально-территориальных образованиях русские составляют подавляющее большинство населения. Например, в Еврейской автономной области доля русских – 83%, в Республике Хакасия – 79%, в Республике Карелия – 74%, в Республике Бурятия – 70%.

Славянские народы

Все славянские народы принято разделять на 3 группы: западные славяне (чехи, словаки, поляки), восточные славяне (русские, украинцы, белорусы) и южные славяне (сербы, хорваты, македонцы, болгары). По переписи 1989 г. русских в СССР насчитывалось 145,2 млн чел., украинцев –

44,2 млн чел., белорусов – 10 млн чел. Русские и украинцы всегда были самыми многочисленными национальностями в ССС, белорусы в 1960-е годы уступили третье место узбекам (16,7 млн чел. в 1989 г.).

До недавнего времени название «русские» часто огульно закреплялось за всеми восточными славянами. Между X и XIII вв. центром Руси был Киев, и его жители были известны под названием «русичи». Но по мере того, как политические условия способствовали усилению лингвистических и культурных различий между территориальными группами восточных славян, они разделились на малороссов (украинцев), белоруссов (белорусов) и великороссов (русских).

За столетия территориальной экспансии русские ассимилировали варягов, татар, финно-угров и десятки народов Сибири. Все они оставили свои лингвистические следы, но не повлияли заметно на славянскую идентичность. В то время как русские мигрировали по всей Северной Евразии, украинцы и белорусы продолжали населять свои компактные этнические ареалы. Современные границы трех государств примерно соответствуют этническим границам, но все славянские территории никогда не были национально гомогенными. Этнические украинцы в 1989 г. составляли 72,7% населения своей республики, белорусы – 77,9%, а русские – 81,5%.

Русских в Российской Федерации в 1989 г. было 119 865,9 тыс. чел. В других республиках бывшего СССР русское население распределялось следующим образом: на Украине оно составляло 11 355,6 тыс. чел. (22% населения республики), в Казахстане – 6 227,5 тыс. чел. (37,8% соответственно), Узбекистане – 1 653,5 тыс. чел. (8%), Белоруссии – 1 342 тыс. чел. (13,2 % населения республики), Киргизии – 916,6 тыс. чел. (21,5% населения республики), в Латвии – 905,5 тыс. чел. (37,6 % населения республики),

Молдавии – 562 тыс. чел. (13% населения республики), Эстонии – 474,8 тыс. чел. (30% населения республики), Азербайджане – 392,3 тыс. чел. (5,5% населения республики), Таджикистане – 388,5 тыс. чел. (7,6% населения республики), Грузии – 341,2 тыс. чел. (6,3% населения республики), Литве – 344,5 тыс. чел. (9,3% населения республики), Туркмении – 333,9 тыс. чел. (9,4% населения республики), Армении – 51,5 тыс. чел. (1,5% населения республики). В дальнем зарубежье численность русского населения в целом составляет 1,4 млн чел., большинство проживают в США (1 млн чел.).

Возникновение региональных различий у русского народа относится к феодальному периоду. Еще у древних восточнославянских племен отмечены различия в материальной культуре между Севером и Югом. Эти различия еще больше усилились после активных этнических контактов и ассимиляции неславянского населения Азии и Восточной Европы. Формированию региональных различий способствовало также наличие особого военно-служилого населения на границах.

По этнографическим и диалектологическим признакам наиболее заметны различия между русскими севера и юга Европейской России. Между ними находится широкая промежуточная зона – среднерусская, где в духовной и материальной культуре сочетаются северные и южные черты. В отдельную региональную группу выделяются волгари – русские Среднего и Нижнего Поволжья.

Этнографы и лингвисты выделяют также три переходные группы: западную (жители бассейнов рек Великой, Верхнего Днестра и Западной Двины) – переходную между северно- и среднерусской, средне- и южнорусской группами и белорусами; северо-восточную (русское население Кировской, Пермской, Свердловской областей), образовавшуюся после заселения русских территорий в XVI–XVII вв.,

по оказавшему диалекту близкую к северорусской группе, но имеющую среднерусские черты из-за двух главных направлений, по которым шло заселение края – с севера и из центра Европейской России; юго-восточную (русские Ростовской области, Ставропольского и Краснодарского краев), близкую к южнорусской группе по особенностям языка, фольклора и материальной культуре.

К другим, менее крупным, историко-культурным группам русского народа относятся поморы, казаки, старожилы-кержаки и сибиряки-метисы.

В узком смысле поморами принято называть русское население Беломорского побережья от Онеги до Кеми, а в более широком смысле – всех жителей побережья северных морей, омывающих Европейскую Россию. Поморы – это потомки древних новгородцев, отличавшиеся от северорусских особенностями хозяйства и быта, связанными с морем и морскими промыслами.

Своеобразна этносословная группа казачества – амурского, астраханского, донского, забайкальского, кубанского, оренбургского, семиреченского, сибирского, терского, уральского, уссурийского.

Донские, уральские, оренбургские, терские, забайкальские и приамурские казаки, хотя и имевшие разное происхождение, отличались от крестьян своими экономическими привилегиями и самоуправлением. Донское казачество, сформировавшееся в XVI–XVII вв. из славянских и азиатских компонентов, исторически делилось на верховское и понизовское. Среди верховских казаков было больше русских, среди понизовских преобладали украинцы. Северокавказские (терские и гребенские) казаки были близки к горским народам. Ядро уральских казаков в XVI в. составляли выходцы с Дона, а ядро забайкальских казаков, появившихся позднее, в XIX в. – не только русские, но и буряты с эвенками.

Старожилы Сибири – это потомки переселенцев XVI–XVII вв. из Северной России и Приуралья. Среди западно-сибирских старожилов больше распространено оканье, а в Восточной Сибири кроме окающих русских есть и акающие – выходцы из южнорусских земель. Особенно сильно аканье распространено на Дальнем Востоке, где преобладают потомки новоселов конца XIX – начала XX в.

Многие кержаки – сибирские старообрядцы сохранили свои этнографические особенности. Среди них выделяются: «каменщики», потомки белых старообрядцев из горных районов Алтая, живущие по рекам Бухтарма и Уймон; «поляки», говорящие на акающем диалекте, потомки старообрядцев, переселенных после раздела Польши из местечка Ветка в районе Усть-Каменогорска; «семейские», потомки старообрядцев, высланных из европейской России в Забайкалье в XVIII в.

Среди сибиряков-метисов выделяются якутяне и колымчане, потомки смешанных русско-якутских браков, камчадалы, карымы (обрусевшие буряты Забайкалья) и потомки затундренных крестьян, воспринявших доганский язык и обычаи, живущих по рекам Дудинка и Хатанга.

Украинцы (4362,9 тыс. чел.) проживают в основном в Тюменской области (260,2 тыс. чел.), Москве (247,3 тыс. чел.), а кроме того, в Московской области, в пограничных с Украиной районах, на Урале и в Сибири. Из них 42,8% считают украинский язык родным, а еще 15,6% свободно им владеют, 57% российских украинцев считают родным русский язык. Украинских этнографических групп в пределах России нет. Среди кубанских (черноморских) казаков преобладает украинский компонент.

Белорусы (1206,2 тыс. чел.) проживают дисперсно по всей территории России и преимущественно (на 80%) в городах. Среди них выделяют особую этнографическую группу полещуков.

Западнославянская группа

Поляки (94 тыс. чел.) на территории Российской Федерации имеют в основном иммигрантское происхождение. Большая часть их проживает в Москве, Санкт-Петербурге, а также в Томской, Омской и Иркутской областях, в Алтайском крае. Среди других западнславянских народов можно выделить чехов (4,4 тыс. чел.) и словаков (0,7 тыс. чел.).

Южнославянская подгруппа

На территории Российской Федерации эта подгруппа включает такие народы, как болгары (32,8 тыс. чел.); проживают в основном в российских городах, а также в Московской, Тюменской и Кемеровской обл., в Республике Коми), сербы (1,6 тыс. чел.); говорят на штокавском диалекте сербохорватского языка) и хорваты (0,5 тыс. чел.).

Немцы

Самой старой немецкой общиной в пределах Российской империи можно считать балтийских немцев – потомков средневековых тевтонских рыцарей, воинов и купцов. Они оказались в России в начале XVIII в., после завершения Северной войны. Привилегии немецкого дворянства и городских классов, подтвержденные польскими и шведскими хартиями, постепенно размывались и после Октябрьской революции 1917 г., когда в Прибалтике образовались независимые государства, были полностью отменены. В 1940–1941 гг., когда в СССР была включена Прибалтика, балтийские немцы, согласно советско-германскому пакту о ненападении, были репатриированы в Германию. Другая, меньшая по численности, группа российских немцев включала потомков тех, кто приехал в Россию в разное время на военную службу, в качестве преподавателей, ремесленни-

ков или торговцев. Но большую часть российских немцев составляли потомки фермеров-иммигрантов, селившихся в Нижнем Поволжье, около Саратова и в Новороссии.

Политика привлечения немецких колонистов, начатая Екатериной II в 1762 г., была пересмотрена в 1870-е годы, когда были отменены некоторые из привилегий, в первую очередь право по религиозным причинам не служить в армии. Это вызвало активную эмиграцию иностранных колонистов в Америку.

После 1917 г. немцы Поволжья стали первым советским этническим меньшинством, которое получило свою национальную территорию – Трудовую Коммуну немцев Поволжья (1918 г.), трансформировавшуюся позднее в АССР немцев Поволжья. После начала войны с Германией около 700 тыс. немцев было депортировано на восток, а АССР немцев Поволжья была упразднена. Депортация украинских немцев была сорвана стремительным наступлением германской армии, но в 1944–1945 гг. многие из советских немцев, эвакуированных в 1941 г. на территорию Польши и Германии, были возвращены в Советский Союз. Указами 1955 и 1964 гг. немцы Поволжья были реабилитированы, но вернуться на прежнее место жительства им не удалось, и, несмотря на открытие школ с преподаванием на немецком языке и разрешение совершать лютеранское богослужение, все попытки российских немцев восстановить свою национальную территорию оканчивались неудачей. Это вызвало массовую эмиграцию в ФРГ, значительно сократившую долю немцев в населении страны.

В России немцев (самоназвание дойче) 842,3 тыс. чел.. Проживают они в Омской области (134,2 тыс. чел.), Алтайском крае (127,7 тыс. чел.), Новосибирской области (61,5 тыс. чел.), Красноярском крае (54,3 тыс. чел.), в Кемеровской (48,0 тыс. чел.), Оренбургской (47,6 тыс. чел.), Челябинской (39,2 тыс. чел.) областях, Краснодарском крае

(31,8 тыс. чел.), а также в Свердловской (31,5 тыс. чел.), Тюменской (29,6 тыс. чел.), Волгоградской (28,0 тыс. чел.), Саратовской (17,1 тыс. чел.), Пермской (15,3 тыс. чел.) областях, Ставропольском крае (13,2 тыс. чел.) и Самарской области (10,6 тыс. чел.). В республиках России наибольшее число немцев в Коми (12,9 тыс. чел.), Хакасии (11,3 тыс. чел.), Башкирии (11,0 тыс. чел.), Кабардино-Балкарии (8,6 тыс. чел.). Из республик бывшего СССР больше всего немецкого населения сосредоточено в Казахстане (957,5 тыс. чел.). К 1989 г. численность немцев в СССР достигала 2038,6 тыс. чел., но сейчас их стало меньше в связи с эмиграцией в Германию. По переписи 1989 г., лишь 48,7% всех немцев России считали немецкий язык родным, тогда как 50,6% из них считали родным русский язык. Общая численность немецкого населения достигает 86 млн чел.

Евреи

По переписи 1989 г. в Советском Союзе насчитывалось 1 млн 378 тыс. евреев. На протяжении всего XX в. число евреев уменьшалось: их было 5 млн в 1897 г., 2,7 млн в 1926 г. и 2,2 млн в 1959 г. Более 2,5 млн. советских евреев погибло во время Великой Отечественной войны.

Около 90% советских евреев составляют западные евреи – ашкенази, говорящие на идиш (вариант средневекового немецкого). Восточные евреи–сефарды проживают в Средней Азии и на Северном Кавказе. В 1989 г. около 9 тыс. евреев проживало в Еврейской автономной области, что равнялось лишь 4% от общей численности населения.

Евреи – преимущественно городской народ. В городах сосредоточено 98% всех евреев, около ? из них – в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве. Они традиционно имеют высокий уровень образования. Например, в 1975 г. евреи, доля которых в населении страны не превышала тогда 0,8%, со-

ставляли 4,1% лиц с высшим образованием. Среди советских евреев всегда было много адвокатов, врачей, ученых, работников культуры и искусства, писателей и журналистов. Но их крайне мало было в партийном аппарате, органах государственной безопасности и на дипломатической работе – ситуация, обратная той, которая наблюдалась в первые два десятилетия после революции 1917 года, когда они были «локомотивом» революционных преобразований.

Доля евреев падала не только из-за эмиграции в Израиль, но также из-за низкой рождаемости в еврейских семьях и активной ассимиляции. В 1989 г. из 537 тыс. евреев России 91% считали русский язык родным, хотя в 1926 г. более 70% евреев называли своим родным языком – идиш.

Территории, заселенные западными евреями, вошли в состав русской империи после трех разделов Польши при Екатерине II. В царское время они подвергались сильной дискриминации и понесли большие потери из-за массовых погромов, а после революции – и гражданской войны. Советская власть предоставила им равные права с другими народами, при этом были запрещены еврейские националистические партии, ограничено официальное употребление идиш.

Романская группа

Она включает такие народы, как молдаване (172,6 тыс. чел.) и румыны (6 тыс. чел.).

Балтийская группа

В эту группу входят литовцы (70,4 тыс. чел. проживают в основном в Москве и в городах Калининградской, Иркутской, Пермской областей), а также латыши (46,8 тыс. чел.; живут по преимуществу в Москве, Омской области, Башкирии).

Литовцы и латыши, заселяющие восточные берега Балтики получили официальное признание после революции 1917 г. Языки латышей и литовцев принадлежат к балтийской группе индоевропейских языков, и хотя латыши и литовцы не похожи друг на друга, оба языка имеют общую лексическую структуру. Культура и языки прибалтийских народов обязаны своим расцветом подъему национальных движений в последней четверти XIX в. и шедшему параллельно процессу этнокультурного возрождения. Лютеранство, распространенное в Латвии, повлияло на уровень грамотности среди местного крестьянства и вместе с литовским католицизмом удерживало эти народы в стороне от их восточнославянских соседей.

Армянская группа

Включает всего один народ – армян (самоназвание хай; численность в пределах РФ достигает 532,4 тыс. чел.). Армяне – основное население Республики Армения (3083,6 тыс. чел.), компактно расселены в Нагорном Карабахе (145,6 тыс. чел.), Грузии (437,2 тыс. чел.). Они живут также свыше чем в 70 странах мира и больше всего их США (650 тыс. чел.). Общая численность армян мира превышает 6,5 млн чел. Армянский язык имеет множество диалектов и говоров, а также два варианта литературного языка – восточноармянский и западноармянский. Верующие армяне – главным образом христиане-монофиситы, но небольшая часть – армяно-католики, католики и протестанты. Самые крупные на территории России анклавы армянского населения – в Москве (44 тыс. чел.), Санкт-Петербурге, Майкопе, Краснодаре и Краснодарском крае, Адыгее, Ростовской области. В Армавире и его окрестностях проживает этнографическая группа армян – черкесские армяне (или черкесогаи), ранее жившие среди запад-

ных адыгов и переселившиеся с территории Северо-Западного Кавказа под натиском ислама, который распространили крымские ханы.

Греческая группа

Включает всего один язык и один народ – греков (на территории РФ – 91,7 тыс. чел.). Однако греческий язык имеет множество наречий, подчас взаимонепонимаемых. Российские греки живут главным образом в сельской местности Северного Кавказа – в Краснодарском крае, Северной Осетии, Адыгее. На территории Грузии и в Приазовье сохранилась особая этнолингвистическая группа греческого народа – греки-тюркофоны (урумы).

Индоевропейская группа

Представлена в России всего одним народом – цыганами (152,9 тыс. чел.). Цыгане делятся на многочисленные этнографические группы, а цыганский язык имеет несколько диалектов. Самая крупная группа – русская рома, а среди других этнографических групп цыган можно назвать ловари, ездэлари, синт, кишиневцев и др. Цыганское население живет дисперсно в северо-западных, северных, центральных и восточных областях Европейской России, а также в Сибири, на Алтае.

Согласно переписи населения 1989 г., в Советском Союзе проживало 262 тыс. цыган, но действительная цифра ближе к 600 тыс. Эта разница возникла из-за того, что многие цыгане до сих пор ведут кочевой образ жизни, затрудняющий точную оценку их численности; кроме того, родители часто регистрируют своих детей не как цыган. Согласно переписям, численность цыган за последние полвека более чем утроилась, несмотря на гибель многих тыс. на

территориях, занятых немцами во время второй мировой войны, поскольку по немецкой расовой классификации кочевые цыгане относились к евреям.

Большинство цыган бывшего СССР сейчас проживает в России, Белоруссии, на Украине и в Прибалтике. Они мигрировали сюда двумя волнами. Первая волна двигалась с юга через Балканы в XV–XVI вв., вторая – через Германию и Польшу в XVI–XVII вв. Цыганский язык произошел от индоарийской ветви индоевропейской языковой семьи, хотя диалекты цыганского языка несут на себе отпечаток языка страны проживания. Из-за того что большая часть цыган прошла через Византию, их язык, «ром», несет на себе следы сильного балканского влияния. Хотя цыгане живут в общинах, и широко рассеяны по многим странам мира, они повсюду успешно сопротивляются языковой ассимиляции.

Перед революцией цыгане в основном занимались торговлей лошадьми (мужчины) и гаданием на картах (женщины), а также были кузнецами, пастухами, лесорубами. Большинство цыган кочевали, но те из них, которые регулярно посещали крестьянские рынки и праздники, жили в столицах, где выступали как певцы, скрипачи и танцовщики.

Из-за того что у цыган нет рабочих традиций, для советских властей оказалось большой проблемой включить их в экономику. Все чисто цыганские колхозы, образованные в ходе коллективизации, вскоре распались, и даже в тех хозяйствах, где цыгане были смешаны с представителями других национальностей, их не удавалось удержать на одном месте. Тем не менее многие из них работают, отдают детей в школы, пользуются медицинской помощью и держат свои вклады в банках. Но большинство цыган многие десятилетия упорно сопротивляются попыткам устроить их на постоянную работу. И хотя указ Верховного Совета 1956 г. квалифицировал кочевую жизнь цыган как преступление,

за которое они наказывались исправительно-трудовыми работами, даже эта мера не оказала значительного воздействия на их образ жизни.

Наиболее заметно цыганское влияние в российской музыкальной культуре. Мода на цыганские песни началась в конце XVIII в., когда фаворит Екатерины II Григорий Орлов привез цыганский хор из Молдавии для выступления перед императрицей, и в течение следующего XIX в. цыганские певцы, танцовщицы и музыканты оставались наиболее популярными исполнителями в дворянских домах и столичных ресторанах. Но на самом деле цыганский романс, наиболее известный жанр цыганской песни, – русское изобретение, не имеющее корней в народной традиции. После революции цыганские труппы стали критиковать как искусственное порождение старой аристократической культуры, но с конца 1929-х годов цыгане получили возможность развивать свою собственную культуру – выпускать журналы и школьные учебники на цыганском языке. Впрочем, это разрешение действовало недолго, и с конца войны вплоть до 1970-х годов публикации на цыганском языке не появлялись.

Тюркская группа

Около 90% тюркских народов бывшего СССР принадлежат к исламской вере. Большая их часть населяет Казахстан и Среднюю Азию. Остальные мусульмане-тюрки живут в Поволжье и на Кавказе. Из тюркских народов не были затронуты исламом только гагаузы и чуваша, живущие в Европе, а также якуты и тувинцы, живущие в Азии. Общих физических особенностей у тюрков нет и объединяет их только язык.

Поволжские тюрки – татары, чуваша, башкиры – находились под длительным влиянием славянских переселенцев, и сейчас их этнические районы не имеют четких гра-

ниц. Туркмены и узбеки испытали на себе влияние персидской культуры, а киргизы – длительное воздействие монголов. Некоторые кочевые тюркские народы понесли значительные потери в период коллективизации, насильственно прикрепившей их к земле.

В Российской Федерации народы этой языковой группы составляют второй по численности «блок». Все тюркские языки весьма близки между собой, хотя обычно в их составе выделяется несколько ветвей: кыпчакская, огузская, болгарская, карлукская и т. д.

Татары (5522 тыс. чел.) сосредоточены в основном в Татарии (1765,4 тыс. чел.), Башкирии (1120,7 тыс. чел.), Удмуртии (110,5 тыс. чел.), Мордовии (47,3 тыс. чел.), Чувашии (35,7 тыс. чел.), Марий-Эл (43,8 тыс. чел.), однако дисперсно проживают во всех регионах Европейской России, а также в Сибири и на Дальнем Востоке. Татарское население делится на три основные этнотерриториальные группы: волго-уральских, сибирских и астраханских татар. Татарский литературный язык сформировался на основе среднего, но при заметном участии западного диалекта. Выделяется особая группа крымских татар (21,3 тыс. чел.; на Украине, в основном в Крыму, около 270 тыс. чел.), говорящие на особом, крымско-татарском языке.

Башкиры (1345,3 тыс. чел.) проживают в Башкирии, а также Челябинской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Курганской и Тюменской областях, в республиках Средней Азии. Вне Башкирии в РФ живет 40,4% башкирского населения, а в самой Башкирии этот титульный народ составляет третью по численности, после татар и русских, этническую группу.

Чуваши (1773,6 тыс. чел.) в языковом отношении представляют особую, болгарскую, ветвь тюркских языков. В Чувашии численность титульного населения составляет 907 тыс. чел., в Татарии – 134,2 тыс. чел., в Башкирии –

118,6 тыс. чел., в Самарской области – 117,8 тыс. чел., в Ульяновской области – 116,5 тыс. чел. Однако в настоящее время чувашский народ обладает относительно высокой степенью консолидации.

Казахи (636 тыс. чел., общая численность в мире более 9 млн. чел.) делились на три территориальных кочевых объединения: Семиречье – Старший Жуз (улы жуз), Центральный Казахстан – Средний Жуз (орта жуз), Западный Казахстан – Младший Жуз (киши жуз). Жузовая структура казахов сохранилась до сих пор.

Азербайджанцы в РФ (335,9 тыс. чел., в Азербайджане 5805 тыс. чел., в Иране около 10 млн чел., всего в мире около 17 млн чел.), говорят на языке огузской ветви тюркских языков. Азербайджанский язык делится на восточную, западную, северную и южную диалектные группы. По большей части азербайджанцы исповедуют ислам шиитского толка, и лишь на севере Азербайджана распространен суннизм.

Гагаузы – (в РФ 10,1 тыс. чел.), проживают в Тюменской области, Хабаровском крае, Москве, Санкт-Петербурге; большинство гагаузов живет в Молдавии (153,5 тыс. чел.) и на Украине (31,9 тыс. чел.); отдельные группы – в Болгарии, Румынии, Турции, Канаде и Бразилии. Гагаузский язык относится к огузской ветви тюркских языков. Считают родным гагаузский язык 87,4% гагаузов. По вероисповеданию гагаузы православные.

Турки-месхетинцы – (9,9 тыс. чел. в РФ), живут также в Узбекистане (106 тыс. чел.), Казахстане (49,6 тыс. чел.), Киргизии (21,3 тыс. чел.), Азербайджане (17,7 тыс. чел.). Общая численность в бывшем СССР – 207,5 тыс. чел., говорят на турецком языке.

Хакасы (78,5 тыс. чел.) – коренное население Республики Хакасия (62,9 тыс. чел.), живут также в Туве (2,3 тыс. чел.), Красноярском крае (5,2 тыс. чел.).

Тувинцы (206,2 тыс. чел.) живут в Туве (198,4 тыс. чел.), Монголии (25 тыс. чел.), Китае (3 тыс. чел.). Общая численность тувинцев – 235 тыс. чел. Они делятся на западных (горно-степные районы западной, центральной и южной Тувы) и восточных, или тувинцев-тоджинцев (горно-таежная часть северо-восточной и юго-восточной Тувы).

Алтайцы (самоназвание алтай-кижи) – коренное население Республики Алтай. В РФ проживает 69,4 тыс. чел., в том числе в Республике Алтай – 59,1 тыс. чел. Их общая численность – 70,8 тыс. чел. Существуют этнографические группы северных и южных алтайцев. Алтайский язык распадается на северные (туба, кумандинский, ческанский) и южные (алтай-кижи, теленгит) диалекты. Большая часть верующих алтайцев – православные, есть баптисты и др. В начале XX в. среди южных алтайцев распространился бурханизм – разновидность ламаизма с элементами шаманизма. При проведении переписи 1989 г. 89,3% алтайцев назвали свой язык родным, а 77,7% указали на свободное владение русским языком.

Телеуты в настоящее время выделяются в отдельный народ. Они говорят на одном из южных диалектов алтайского языка. Их численность составляет 3 тыс. чел., причем большинство (около 2,5 тыс. чел.) живут в сельской местности и городах Кемеровской области. Основная часть верующих телеутов – православные, но среди них бытуют и традиционные религиозные представления.

Чулымцы (чулымские тюрки) проживают в Томской области и Красноярском крае в бассейне реки Чулым и ее притоков Яи и Кии. Численность – 0,75 тыс. чел. Верующие чулымцы – православные христиане.

Узбеки (126,9 тыс. чел.) живут диаспоризованно в Москве и Московской области, в Санкт-Петербурге и в областях Сибири. Общая численность узбеков в мире достигает 18,5 млн чел.

Киргизы (в РФ около 41,7 тыс. чел.) – основное население Киргизии (2229,7 тыс. чел.). Живут также в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане, Синьцзяне (КНР), Монголии. Общая численность киргизского населения мира превышает 2,5 млн чел.

Каракалпаки (6,2 тыс. чел.) в РФ живут главным образом в городах (73,7%), хотя в Средней Азии они составляют преимущественно сельское население. Общая численность каракалпаков превышает 423,5 тыс. чел., из них в Узбекистане проживают 411,9 тыс. чел.

Карачаевцы (150,3 тыс. чел.) – коренное население Карачая (в Карачаево-Черкесии), где проживает большая их часть (свыше 129,4 тыс. чел.). Карачаевцы живут также в Казахстане, Средней Азии, Турции, Сирии, США. Говорят на карачаево-балкарском языке.

Балкарцы (78,3 тыс. чел.) – коренное население Кабардино-Балкарии (70,8 тыс. чел.). Живут также в Казахстане и Киргизии. Общая численность достигает 85,1 тыс. чел. Балкарцы и родственные им карачаевцы – мусульмане-сунниты.

Кумыки (277,2 тыс. чел., из них в Дагестане – 231,8 тыс. чел., в Чечено-Ингушетии – 9,9 тыс. чел., в Северной Осетии – 9,5 тыс. чел.; общая численность – 282,2 тыс. чел.) – коренное население Кумыкской равнины и предгорий Дагестана. В большинстве своем (на 97,4%) сохранили родной язык – кумыкский.

Ногайцы (73,7 тыс. чел.) расселены в пределах Дагестана – (28,3 тыс. чел.), Чечни – (6,9 тыс. чел.) и Ставропольского края. Живут также в Турции, Румынии и некоторых других странах. Ногайский язык распадается на караногайский и кубанский диалекты. Верующие ногайцы – мусульмане-сунниты.

Шорцы (самоназвание шор) достигают численности 15,7 тыс. чел. Шорцы – коренное население Кемеровской

области (Горной Шории), живут также в Хакасии и Республике Алтай. Верующие шорцы – православные христиане.

Иранская группа

Иранские народы распространились с территории Кавказа в Среднюю Азию; s ?х составляют таджики, имеющие близкие родственные народы в Северном Иране. Вторым иранским народом являются осетины, находящиеся под более сильным влиянием русских, чем другие горские народы. Тюрки-азербайджанцы по своей культуре ближе к иранцам.

Осетины (402 тыс. чел.) – основное население Северной Осетии (около 335 тыс. чел.), живут также в Кабардино-Балкарии, Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии. Делятся на две субэтнические группы: иронцев и дигорцев (последние сосредоточены на северо-западе Осетии). Иронский диалект был положен в основу осетинского литературного языка.

Курды (4,7 тыс. чел.) живут преимущественно в Краснодарском крае. В бывшем СССР численность курдского населения достигала 152,7 тыс. чел. (Кавказ и Средняя Азия). Курды являются автономным населением Курдистана – части Ирана (5,5 млн чел.), Турции (6,5 млн чел.), Ирака (4 млн чел.), Сирии (720 тыс. чел.). Общая численность курдов превышает 17 млн. чел. Верующие курды – мусульмане-сунниты, хотя среди них есть мусульмане-шииты и христиане.

Таты (19,4 тыс. чел.), живут в южных районах Дагестана (12 тыс. чел.), и небольшими группами в других республиках Северного Кавказа. В Азербайджане проживает около 10 тыс. татского населения. Все таты делятся по религиозному признаку на три группы: таты-мусульмане (шииты), таты-иудаисты (горские евреи) и таты-христиане (монофисисты).

Горские евреи (самоназвание джухур) – этнолингвистическая группа в составе евреев, а также этноконфессиональная группа в составе татов (11,3 тыс. чел. в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Чечне, Ингушетии). Говорят на татском языке, имеющем махачкалинско-нальчикский, дербентский, кубанский говоры.

К числу проживающих в РФ народов, говорящих на языках иранской группы индоевропейской языковой семьи, относятся также таджики (38,2 тыс. чел.), среднеазиатские (бухарские) евреи (этнолингвистическая группа евреев, 1,4 тыс. чел., говорят на северотаджикском диалекте), талыши (0,2 тыс. чел.), белуджи (0,3 тыс. чел.), ирани (персы) (2,6 тыс. чел.), афганцы (пуштуны) (0,9 тыс. чел.).

Монгольская группа

Все монгольские народы принято подразделять на несколько больших подгрупп, самыми крупными из которых являются буряты и калмыки. Хотя многие народы Азии, например тувинцы, алтайцы и эвенки, испытали на себе сильное влияние монгольской культуры, их языки не относятся к монгольской группе и их следует рассматривать отдельно. Только очень небольшая доля тех, кто принадлежит к монгольским народам, считает русский язык родным. В XVII в. буряты вели кочевой образ жизни, многие из них платили дань монголам, но после того как была установлена граница между Монголией и Россией, большая их часть решила остаться на российской территории. Они сохраняли старинные традиции и находились под косвенным, а не прямым управлением царского правительства. Калмыки, как и буряты, говорят на диалекте монгольского языка. Первоначально они жили на территории Западной Монголии (в Джунгарии), а в начале XVII в. мигрировали в Нижнее Поволжье, спасаясь от феодальных войн. К началу XVIII в. они перешли от шаманизма к буддизму и их культурные

связи с Монголией сохранились. Позднее, под давлением царского правительства, часть калмыков вернулась в Китай, а оставшиеся 13 тыс. поселились на юго-западе Астраханской губернии. Как и буряты, калмыки имели своих племенных правителей. После революции кочевое скотоводство стало для калмыков менее важным, и в 1930-е годы, после насильственной коллективизации и прикрепления к земле, оно почти полностью исчезло.

Буряты (421 тыс. чел.) – коренное население Бурятии (249,5 тыс. чел.), Усть-Ордынского автономного округа Иркутской области (49,3 тыс. чел.), Агинского Бурятского автономного округа Читинской области (42,4 тыс. чел.). Небольшие группы бурят проживают в Монголии и на северо-востоке Китая. Их общая численность достигает 500 тыс. чел. Несмотря на христианизацию, западные буряты остались шаманистами, а верующие буряты Забайкалья – буддисты-ламаисты.

Калмыки (самоназвание хальмг) достигают численности 165,8 тыс. чел., составляют основное население Калмыкии (146,3 тыс. чел.), но живут также в Астраханской, Волгоградской, Ростовской, Оренбургской областях, Ставропольском крае и в Сибири. Верующие калмыки – буддисты (ламаизм, школа гелугпа), но часть из них – православные христиане.

Халха-монголы (2,1 тыс. чел.) живут в крупных городах, в основном в Москве. Подавляющая часть халха-монголов живет в Китае (Внутренняя Монголия) и в Монголии. Верующие – буддисты-ламаисты.

Корейская группа

Эту языковую группу составляет один народ – корейцы (107,1 тыс. чел.; всего в мире 69,8 млн чел.). Большая часть корейцев живет в двух государствах Корейского полуострова, но заметные их группы есть также в Китае

(1,92 млн чел.), Японии (670 тыс. чел.), США (500 тыс. чел.) и в среднеазиатских республиках бывшего СССР (438,7 тыс. чел.). В России наиболее компактные группы корейцев проживают на Сахалине (35,2 тыс. чел.), в Приморском крае (8,5 тыс. чел.), Ростовской области (7,1 тыс. чел.), Краснодарском крае (1,8 тыс. чел.), Ставропольском крае (4,6 тыс. чел.), Кабардино-Балкарии (5 тыс. чел.) и Северной Осетии (3 тыс. чел.). Большая часть корейцев России владеет русским языком. Верующие российские корейцы придерживаются традиционных верований, составляющих сложное переплетение буддийских, конфуцианских, даосских представлений с элементами христианства (которое в форме православия распространилось среди корейцев России в конце XIX в.) и мощным пласта древних шаманских культов.

Народы Севера

Коренное население Российского Севера гораздо более разнообразно и многочисленно, чем население арктической и субарктической Америки. Советские этнографы использовали понятие «малые народы Севера» для общего обозначения 26 народов, принадлежащих к алтайской и уральской-юкагирской семьям и палеоазиатским народам, но исключили при этом две большие по численности национальные северные группы – коми и якутов. Наряду с мордвой, удмуртами и марийцами они были причислены к финно-угорским народам. С другой стороны, эстонцы и карелы, хотя и принадлежащие к финно-уграм, были отнесены к группе балтийских народов.

Численность некоторых народов Севера при царском режиме сокращалась, но вряд ли можно говорить об изменении этой ситуации после революции: численность их, например, с 1926 по 1970 г. возросла менее чем на 10%.

Правда, частично это объясняется ассимиляцией народов Севера с русскими мигрантами, которую не смогло предотвратить широко разрекламированное изобретение письменности почти всеми малыми народами, численностью более 30–40 тыс. чел.

В результате миграции русских все народы Севера, уже в первые десятилетия советской эпохи, за исключением коми-пермяков, стали меньшинствами на собственных территориях, носивших их имя.

Якуты (самоназвание саха) в РФ достигают численности 380,2 тыс. чел., в Якутии – 365,2 тыс. чел. Основные территориальные группы якутов – амгинско-ленские, вилюйские, олекминские, северные якуты-оленоводы. Якутский язык входит в карлукскую ветвь тюркских языков.

Долганы (6,6 тыс. чел.) живут в Таймырском (Долганом-Ненецком) автономном округе, главным образом в Хатангском районе, а также в Якутии. Говорят на долганском диалекте якутского языка. По вероисповеданию православные.

Эвенки (29,9 тыс. чел.) живут от побережья Охотского моря на востоке до Обско-Иртышского междуречья на западе, от Северного Ледовитого океана на севере до Прибайкалья и р. Амур на юге, а также на северо-востоке Китая (20 тыс. чел.). Верующие эвенки – православные, при сохранении мощного пласта дохристианских верований.

Эвены (устаревшее название ламуты) достигают численности 17,2 тыс. чел. Они населяют территорию Охотского побережья и прилегающих нему районов Верхне-колымского бассейна, а также побережья Гижигинской и Пенжинской губ. Распространенная религия – православное христианство, но сохранились и дохристианские религиозные представления.

Нанайцы (12 тыс. чел.) живут в основном в Хабаровском крае на Амуре (районы Хабаровский, Нанайский, Комсомольский), а также в Приморском крае, на Сахалине. Часть

нанайцев (4,2 тыс. чел.) расселена в Маньчжурии (КНР). Формально к XIX в. нанайцы были обращены в православие, однако сохранили традиционные верования – анимизм, шаманизм.

Ульчи (3,2 тыс. чел.) живут в Ульчском районе Хабаровского края (2,7 тыс. чел.) и некоторых других регионах Приамурья. Верующие ульчи – православные.

Удэгейцы (1,9 тыс. чел.) – один из народов Хабаровского и Приморского краев (живут в районах Нанайском, Хабаровском, имени Лазо, Пожарском, Красноармейском, Тернейском и др.). Язык удэгейцев бесписьменный. Среди удэгейцев преобладают традиционные верования – шаманизм, анимизм.

Орочи (915 чел.) живут в Хабаровском крае дисперсно, преимущественно на реке Тумнин близ города Советская (в прошлом Императорская) Гавань, а также на Амуре. Язык орочей бесписьменный. Современные орочи двуязычны, но молодое поколение владеет только русским. Почти 80% орочей считает родным русский язык.

Негидальцы (622 чел.) преимущественно живут в Хабаровском крае на реках Амур и Амгунь. Традиционные верования негидальцев – анимизм, шаманизм. В XIX в. они были формально крещены в православие.

Ороки (179 чел.) проживают в Сахалинской области. Орокский язык относится к числу бесписьменных. Верующие ороки исповедуют православие.

Селькупы (остяки-самоеды, остяки: 3,6 тыс. чел.) живут в Красноселькупском районе Ямало-Ненецкого автономного округа и в других районах Тюменской области (1632 чел.), в Каргасокском, Парабельском, Верхнекетском, Колпашевском районах Томской области (1347 чел.), а небольшая их группа – в Туруханском районе Красноярского края. В составе селькупов различаются две территориальные изолированные группы: северные и южные селькупы.

В 1989 г. русский язык в качестве родного назвали 50,6% селькупов. Для традиционной религии селькупов характерны анимистические представления.

Нганасаны (самоеды-тавгийцы; 1,3 тыс. чел.) расселены в Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе (849 чел.). Разделяются на две группы: западные (авамские нганасаны, с центрами в поселках Усть-Авам и Волочанка) и восточные (вадеевские нганасаны, с центром в п. Новая). Различаются авамский и вадеевский говоры. Вадеевские нганасаны владеют также долганским языком. Сам нганасанский язык бесписьменный. По религиозным воззрениям нганасаны – шаманисты.

Энцы (198 чел.; по данным этнографических опросов, 340 чел.) – коренное население Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа (103 чел.). Живут в Усть-Енисейском и Дудинском районах. Энецкий язык имеет диалекты. Верующие энцы – православные.

Юкагирская группа

Юкагиры (самоназвание – одул, вадул; устаревшее русское наименование омоки) достигают численности 1,1 тыс. чел., живут в Нижнеколымском (тундренные юкагиры, или одул). Юкагирский язык имеет тундренный и таежный диалекты. Распространены также якутский, эвенский и чукотские языки. С XVIII века среди юкагиров внедрялось православие, однако они сохранили и дохристианские верования.

Чукотско-камчатская группа

Чукчи (15,1 тыс. чел.) – коренное население Чукотского автономного округа (11,9 тыс. чел.). Живут также на севере Корякского округа (1,5 тыс. чел.) и в Нижне-колымском районе Якутии (1,3 тыс. чел.). В 1989 г. более 1,5 тыс.

чел. проживало в городах Магадан, Анадырь. Христианизированы слабо. Традиционные верования – анимизм, шаманизм.

Коряки (единого самоназвания не имели; 8,9 тыс. чел.) – коренное население Корякского автономного округа Камчатской области (6,6 тыс. чел.). Живут также в Чукотском автономном округе и в Северо-Эвенском районе Магаданской области (1 тыс. чел.). Общая численность в бывшем СССР – 9,2 тыс. чел. Основные группы – коряки береговые, оседлые и коряки оленные, кочевые. Обращены в православие, но сохраняют и традиционные верования – шаманизм, промысловые культы.

Ительмены (камчадалы; 2,4 тыс. чел.) – коренное население Камчатки. Верующие ительмены – православные. Компактно (1,2 тыс. чел.) проживают в Тигильском районе Корякского автономного округа и Магаданской области (509 чел.).

Эскимосско-алеутская группа

Эскимосы, азиатские эскимосы (самоназвание юпигыт, югыт; 1,7 тыс. чел.) живут смешанно с чукчами на восточном побережье Чукотки и на о. Врангеля. Американские эскимосы живут также в США (35 тыс. чел.), Канаде (26 тыс. чел.), Гренландии (45 тыс. чел.). Азиатские эскимосы практически не христианизированы и сохранили свои традиционные верования – промысловые культы, шаманизм.

Алеуты (самоназвание алеут, унанган) – коренное население Командорских островов. В России проживает всего 644 алеута, а их численность на территории бывшего СССР достигала 702 чел. Алеуты живут также в США (Алеутские острова, юго-западная оконечность Аляски и некоторые прилегающие к Аляске мелкие острова). Общая численность алеутов – 3 тыс. чел. Алеутский язык распадается

ся на уналашкинский (восточный), аткинский (центральный), аттуанский (западный) диалекты. Родной язык сохранили немногие алеуты, перейдя в основном на русский или английский (в США) языки. Все алеуты православные, на них сильное влияние оказала русская культура. Для традиционных верований алеутов характерны вера в духов, шаманство.

Китайско-тибетская группа

Китайцы (5,2 тыс. чел.) в настоящее время представлены как собственно китайцами, так и их потомками от смешанных браков, которые считают себя китайцами, но в большинстве не знают китайского языка.

Кавказские народы

Кавказ – живой музей языков и народов, которые населяли эту территорию с древнейших времен. Это армяне, чей язык относится к индоевропейскому; народы Северо-Западного Кавказа – абхазы и адыги; нахские народы – чеченцы и ингуши, населяющие склоны Большого Кавказского хребта; картвелы (грузины), занимающие юго-западную и центральную часть Кавказа, а также около 30 народов Дагестана. Автономия кавказских народов сыграла важную роль в сохранении национальных языков, поддерживая преподавание на родных языках, трансляции передач национального радио и телевидения. На Кавказе всегда был обычен би- и трилингвизм, но в процессе советизации русский язык постепенно вытеснял тюркский в качестве *lingua franca*, языка межнационального общения. Культурное доминирование русских вызвало эрозию даже такого древнего языка, как грузинский, но процесс русской экспансии и колонизации затронул Кавказ в гораздо меньшей степени, чем Сибирь.

Нахско-дагестанская группа

Нахская подгруппа

Чеченцы (самоназвание нохчий; 899 тыс. чел.) – коренное население Чечни. Их численность в Чечне и Ингушетии составляет 734,5 тыс. чел., в Дагестане – около 58 тыс., в Ставропольском крае – 15 тыс., в Волгоградской области – 11,1 тыс., в Калмыкии – 8,3 тыс., в Астраханской области – 7,9 тыс., в Саратовской области – 6 тыс., в Тюменской области – 4,6 тыс., в Северной Осетии – 2,6 тыс., в Москве – 2,1 тыс. В Казахстане численность чеченцев достигает 49,5 тыс. чел., в Киргизии – 2,6 тыс., на Украине – 1,8 тыс. Чеченцы – мусульмане-сунниты, среди них распространены суфийские учения двух толков – накшбанди и надири. Особую этнотерриториальную группу составляют чеченцы-аккинцы Дагестана.

Чеченский язык делится на ряд диалектов: плоскостной, аккинский, чеберлоевский, мелхинский, итумкалинский, кистинский (под сильным влиянием грузинского языка), галанчоужский (близкий к ингушскому языку). В составе нахской подгруппы вместе с ингушским и чеченским выделяется также бацбийский язык, употребляемый в единственном Цова-тушинском селении Ахметаского района Грузии.

Ингуши (самоназвание галгаи; в РФ в 215,1 тыс. чел.) проживают в Ингушетии и Чечне (163,8 тыс.), Северной Осетии (32,8 тыс. чел.) и др. Общая численность ингушей – более 237 тыс. чел. Верующие ингуши, как и большинство коренных народов Северного Кавказа – мусульмане-сунниты.

Дагестанская подгруппа

Аваро-андо-цезская ветвь. Аварцы – коренное население Дагестана. Их численность в РФ, включая родственные андийские, цезские народы, арчинцев (говорящих на

языке, близком к лезгинскому), составляет 544 тыс. чел., в том числе в Дагестане – 496,1 тыс. Аварцы живут также в Чечне, Калмыкии, а кроме того, в Азербайджане (44,1 тыс.), Грузии (4,2 тыс.), Казахстане (2,8 тыс.). Общая численность всех аварцев достигает 601 тыс. чел. Диалекты аварского языка делятся на две группы: северное наречие и южное наречие. Аварцы исповедуют суннитское направление ислама.

Андийские народы – группа народов в составе андо-цезских (андо-дидойских) народов Дагестана. Их общая численность в РФ (вместе с цезскими народами) достигает, по оценочным данным за 1992 г., 55–60 тыс. чел. Андийские народы населяют высокогорья Западного Дагестана и в языково-культурном отношении родственны аварцам. Среди них выделяются андийцы (около 30 тыс., по оценкам 1992 г.). Андийский язык имеет 7 говоров, которые объединяются в два сильно различающихся между собой диалекта – верхнеандийский и нижнеандийский. Среди андийцев распространены также аварский и (у мужчин) чеченский языки. В качестве отдельных андийских народов можно назвать ахварцев, багулалов (или кванединцев), ботлихцев, годоберинцев, чамалалов, каратинцев, тиндалов. Языки этих народов обычно употребляются в пределах лишь одного или нескольких аулов, поэтому для общения между собой и с народами цезской группы используется аварский язык.

Цезские народы – группа этносов и языков в составе андо-цезских (андо-дидойских) народов Дагестана; родственны аварцам, в составе которых и учитывались при проведении переписей. Эта группа народов – коренное население Западного Дагестана. Их селения разбросаны по ущельям в приграничной с Грузией полосе. Часть цезских народов в годы советской власти переселилась на Кумыкскую плоскость. Цезские языки имеют значительное количество диалектов; различия между этими языками сильнее,

чем между андийскими. Наиболее крупный народ – цезы (или дидойцы), которые кроме Западного Дагестана живут также в Грузии. Их общая численность, по оценке 1989 г., 8 тыс. чел. Часть исследователей считает дидойцев субэтнической группой в составе аварцев. Другие цезские народы – хваршины, гинухцы, гунзибцы, бежтинцы.

Даргинская ветвь. Даргинцы в РФ (вместе с кайтагцами и кубачинцами) достигают численности 353,3 тыс. чел.; в том числе в Дагестане – 280,4 тыс., в Ставропольском крае – 32,7 тыс. и в Калмыкии – 12,9 тыс. чел. Общая их численность – 365 тыс. чел. Важнейшие диалекты даргинского языка – акушннский, цудахарский, урахинский (хюркилинский), сирхинский, мекегинский, хайдагский, муэринский, губденский, кадарский, кубачинский, чирагский, мегебский. В составе даргинцев выделяется несколько этнографических групп: в первую очередь – кубачинцы и кайтагцы, а также акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муэринцы. Кайтагцев, одни исследователи считают субэтнической группой даргинцев, а другие самостоятельным этносом. Они говорят на хайдагском (кайтагском) диалекте даргинского языка и живут в средней части Дагестана (предгорная, горная и равнинная зоны) с районным центром в с. Маджалис. По переписи 1926 г. численность кайтагцев составляла 14,4 тыс. чел. Кубачинцы — жители пос. Кубачи Дахадаевского района Дагестана (по оценке 1,9 тыс. чел.). Переписью 1926 г. они выделялись как самостоятельный этнос (2371 чел.), в дальнейшем включались в состав даргинцев.

Лакская ветвь. Лакцы (или казикумухцы; 106,2 тыс. чел.) живут в центральной части Нагорного Дагестана (Лакский и Кулинский районы), а также в равнинной части Дагестана (Новолакский и другие районы), в городах и за пределами Дагестана (Ставропольский край и др.). Общая их численность – 118,1 тыс. чел., из них в Дагестане живут

91,7 тыс. чел. Лакский язык распадается на кумухский, вицхинский, вихлинский, шаднинский, аракульский, бартхинский и аштикулинский диалекты.

Лезгинская ветвь. Лезгинские языки делятся на пять подгрупп: восточнолезгинскую с лезгинским и табасаранским языками; западнолезгинскую с рутульским, агульским и цахурским языками; южнолезгинскую, или шахдагская, с крызским и будугским языками, а также арчинский и удинский языки, составляющие каждый отдельную подгруппу.

Лезгины (в РФ 257,2 тыс. чел.) – коренное население Юго-Восточного Дагестана (Курахский, Сулейман-Стальский, Магарамкентский, Ахтынский, частично Рутульский и Хивский районы, где их насчитывается 204,4 тыс. чел.) и прилегающих районов Азербайджана (171,4 тыс.). Общая численность лезгин в бывшем СССР – 466 тыс. чел. Диалекты лезгинского языка делятся на три группы: кюринскую, самурскую и кубинскую. Этнографические группы совпадают с диалектными: кюринцы, ахтынцы, кубинцы и др. Большинство лезгин кроме родного знают азербайджанский и русский языки. Хотя верующие лезгины – мусульмане-сунниты, в с. Мискинджа Ахтынского района распространено шиитское направление ислама.

Арчинцы (оценочная численность свыше 1 тыс. чел.) – коренное население Дагестана. Обычно включались в ходе переписей в состав аварцев, хотя арчинский язык близок к лезгинским языкам.

Табасараны (93,6 тыс. чел. в Дагестане – 78,2 тыс.) живут в юго-восточной части Дагестана (Хивский и Табасаранский районы), на равнине (Дербентский район), а также в предгорной зоне Табасаранского района. Общая численность – 97,5 тыс. чел. Табасаранский язык распадается на северный и южный диалекты.

Агулы (17,7 тыс. чел., в Дагестане 13,8 тыс. чел., а общая численность 18,7 тыс.) делятся на 4 этнографические группы, именуемые по названиям соответствующих уще-

лий. Агульский язык имеет диалекты: тпигский (агульский), керенский (ричинский), кошанский, буркиханский, фитинский, а каждая община – свой говор.

Рутульцы (19,5 тыс. чел.) живут в Рутульском и Ахтынском районах Дагестана, основное селение – Рутул. В Дагестане их численность достигает 14,95 тыс. чел., но они живут также в Нухинском районе Азербайджана. Их общая численность – 20,4 тыс. чел. Рутульский (или мухадский) язык имеет диалекты: мухадский, шиназский, мюхрекский, ихрекский, борчинско-хновский.

Цахуры (6,5 тыс. чел., из них в Дагестане – 5,2 тыс.). Цахуры живут также в Азербайджане (13,3 тыс. чел.). Общая численность – 19,8 тыс. чел. Цахурский язык включает цахский и гельмецкий диалекты.

Удины (их численность в РФ – 1,1 тыс. чел., в Азербайджане – 6,1 тыс.). Удины живут также в Грузии. Их общая численность около 8 тыс. чел. Удинский язык имеет два диалекта: варташенский и ниджский. Среди них распространены, кроме того, азербайджанский и армянский языки. Верующие удины – христиане (монофиситы и православные).

В особую группу («шахдагская группа») объединяются три народа лезгинской ветви – будугцы, крызы и хиналугцы. Каждый из них говорит на своем языке, но в быту почти все пользуются азербайджанским языком. Из них только будугцы в настоящее время живут в пределах России – в нескольких селениях Кубинского и Хачмасского районов Дагестана.

Абхазо-адыгская группа

Адыги – этническая общность, включающая в настоящее время адыгейцев, кабардинцев, черкесов и шапсугов. Численность адыгского населения России – 559,7 тыс. чел. Адыги живут, кроме того, во многих странах мира, главным образом на Ближнем и Среднем Востоке, где их обыч-

но называют черкесами. Здесь адыгские народы расселены компактно и включают также абхазов, абазин, осетин и других выходцев с Северного Кавказа. Общая численность адыгов свыше 1 млн чел. По вероисповеданию все они мусульмане-сунниты. Языки – адыгейский и кабардино-черкесский. По другим классификациям выделяется один адыгский язык, включающий западноадыгскую диалектную группу (адыгейский язык с диалектами) и восточно-адыгскую группу (диалекты кабардино-черкесского языка).

Кабардинцы (самоназвание адыгэ; 386,1 тыс. чел.) проживают в Кабардино-Балкарии (363,5 тыс. чел.), а также в Краснодарском и Ставропольском краях и Северной Осетии. Общая численность в пределах бывшего СССР около 391 тыс. чел. Кабардинский язык делится на диалекты Большой Кабарды (его баксанский говор лег в основу литературного кабардино-черкесского языка), моздокский, бесленевский и кубанский (диалект кабардинцев, живущих в Адыгее); выделяется также малокабардинский говор в составе диалекта Большой Кабарды. Кабардинцы – мусульмане-сунниты, но моздокская группа народа – в основном христиане-православные.

Адыгейцы (самоназвание адыгэ; 122,9 тыс. чел.) живут в Адыгее (95,4 тыс.), а также в соседних районах Краснодарского края (20,8 тыс. чел.). Часть адыгейцев живет в Турции и других странах Ближнего Востока. До начала XX в. существовали следующие субэтнические группы: абадзехи, бесленевцы, бжедуги, жанеевцы, егерухаевцы, мамхеги, махошевцы, натухайцы, темиргоевцы, хатукаевцы, шапсуги, хакучи. Западно-адыгская диалектная группа включает четыре диалекта: тимиргоевский (положенный в основу адыгейского литературного языка), абадзехский, бжедугский и, наиболее своеобразный, шапсугский.

Черкесы (самоназвание адыгэ; 50,8 тыс. чел.) проживают в 17 аулах Карачаево-Черкесии (40,2 тыс. чел.), а также в странах Юго-Западной Азии и Северной Африки, куда переселились во второй половине XIX в. Черкесы имеют единый литературный язык с кабардинцами.

Шапсуги в настоящее время выделяются как самостоятельный народ. В 1992 г. было принято решение о создании Шапсугского национального района. Современная численность шапсугов около 10 тыс. чел. Они живут в Туапсинском и Лазаревском районах Краснодарского кр., и небольшими группами в Адыгее.

Абхазы (самоназвание апсуа; 7,3 тыс. чел.) – коренное население Абхазии (93,3 тыс. чел.). Живут также в Турции, Сирии, Иордании и в некоторых странах Западной Европы, США. Диалекты абхазского языка – абжуйский и бзыбский. Верующие абхазы – христиане – православные и мусульмане-сунниты.

Абазины (самоназвание абаза; 33 тыс. чел.) расселены в Карачаево-Черкесии (27,5 тыс.). Живут также в Турции, Сирии, Иордании, Ливане (около 10 тыс. чел.). Общая численность около 44 тыс. чел. Язык, близкородственный абхазскому, имеет два диалекта (соответствующих двум субэтническим группам): тапантский (лежит в основе литературного языка) и ашхарский. Тапантский диалект занимает особое место в рамках абхазо-абазинской языковой общности, ашхарский же близок к абхазскому языку. Распространен также кабардино-черкесский язык.

Некоторые исследователи говорят о едином абхазо-абазинском языке и его диалектах. Промежуточное положение между адыгским и абхазо-абазинским языками занимает ныне почти мертвый убыхский язык. Его помнят лишь несколько человек – потомки убыхских махаджиров, проживающие в Западной Турции. Оставшиеся сегодня убыхи полностью ассимилированы либо абхазами, либо адыгейцами-шапсугами.

Картвельская группа

Из представителей этой языковой семьи в РФ проживают по преимуществу грузины (самоназвание картвели; 130,7 тыс. чел.). Грузины – основное население Грузии (3787,4 тыс. чел.); в пределах России живут в Москве, Санкт-Петербурге, Северной Осетии (12,3 тыс. чел.), Краснодарском крае (12,8 тыс.), Ставропольском крае (6 тыс.), Чечне (1 тыс.), Дагестане (0,9 тыс. чел.). Грузинский язык имеет многочисленные диалекты. Свои языки имеют субэтнические группы в составе грузин – мегрелы, сваны (Западная Грузия), лазы (в основном Турция). Сохраняются локально-этнические группы грузинского народа – картлийцы, кахетинцы, имеретины, тушины, хевсуры, пшавы, мтиулы, мохевцы, рачинцы, лечхумцы, гурийцы, аджарцы, месхи, джавахи, ингилойцы (в Азербайджане). Большинство грузин – христиане-православные. Аджарцы, грузинские месхи и ингилойцы – мусульмане-сунниты. Есть небольшие группы грузин-католиков.

Грузинские евреи (самоназвание эбразли) – этнолингвистическая группа евреев. В РФ их 1,2 тыс. чел., в Грузии – 14,31 тыс. чел. Говорят на грузинском языке. Используют его также в качестве письменного языка. Верующие – иудаисты. В 1970 г. 43 тыс. грузинских евреев называли родным грузинский язык; 70% из них к концу 1970-х годов выехало в Израиль.

Финно-угорские народы

Финская группа

Народы финской группы уральско-юкагирской языковой семьи составляют несколько ветвей: прибалто-финскую, поволжско-финскую и пермскую.

Мордва (998 тыс. чел.) – коренное население Мордовии (313,4 тыс.). Живут также в Башкирии (31,9 тыс.), Татарии (28,9 тыс.), Чувашии (18,7 тыс.), Самарской (116,5 тыс.), Пензенской (86,4 тыс.), Оренбургской (68 тыс.), Ульяновской (61,6 тыс.), Нижегородской (36,7 тыс.), Саратовской областях (23,4 тыс.), в Сибири и на Дальнем Востоке (более 80 тыс.), а кроме того, в Казахстане (30 тыс.), на Украине (19,3 тыс.), в Узбекистане (11,9 тыс. чел.). Мордовский народ состоит из двух субэтнотипов – эрзя и мокша, имеющих свои языки. В Мордовии группа мокша расселена преимущественно в западных и южных районах, а эрзя – на востоке республики. Выделяются и небольшие этнографические группы: теньгушевская мокша, именуемая иногда «шокшей» (проживают в основном в Теньгушевском районе Мордовии), и каратайская мордва, именуемая иногда «каратаями» (проживают в Камско-Устьинском районе Татарстана). Еще в первой половине XX в. существовала выделялась особая этнографическая группа – терюшевская мордва (терюшане, или терюхане). Полностью перейдя на русский язык, они продолжали считать себя мордвой и сохраняли мордовские (эрзянские) черты в материальной и духовной культуре. Эрзянский язык включает 5 диалектов, мокшанский – 3. Верующие представители мордовского народа – православные, их крещение было завершено уже в середине XVIII в.

Марийцы, или черемисы (643,7 тыс. чел.), – коренное население Республики Марий-Эл (324,4 тыс. чел.). Компактно живут также в Башкирии (105,7 тыс.), Татарии (19,5 тыс.), Удмуртии (9,5 тыс.), Нижегородской, Кировской, Свердловской и Пермской областях. Делятся на три основные субэтнические группы: горных (правобережье Волги), луговых (Ветлужско-Вятское междуречье) и восточных (к востоку от р. Вятки, главным образом на территории Башкирии) марийцев. В марийском языке выделяются следующие

щие наречия: горное, луговое, восточное и северо-западное. Верующие марийцы преимущественно православные и приверженцы «марийской веры» («марла вера»), сочетающие православие с традиционными верованиями, но восточные марийцы сохранили дохристианские культы.

Удмурты, или вотяки (714,8 тыс. чел.) – коренное население Удмуртии (496,5 тыс.). Они живут также в Татарии (24,8 тыс.), Башкирии (23,7 тыс.), Марий-Эл (2,5 тыс.); в Пермской (32,8 тыс.), Кировской (2 тыс.), Тюменской (7,1 тыс.), Свердловской (23,6 тыс.) области; в Казахстане (15,8 тыс.), на Украине (8,6 тыс.), в Узбекистане (2,7 тыс.), Белоруссии (1,2 тыс. чел.). Удмуртский язык имеет несколько диалектов – северный, южный, бесермянский – и срединные говоры. Большая часть верующих – православные, но некоторые придерживаются дохристианских верований. У южных удмуртов ощущается тюркское влияние, у северных – русское. В настоящее время лишь 69,6% удмуртов России считают удмуртский язык родным. Однако в пределах своей республики удмуртский язык считают родным 75,7% удмуртов. Выделяется этнографическая группа бесермян, которые проживают на северо-западе Удмуртии в бассейне р. Чупцы (приток р. Вятки), а также в сопредельных районах Кировской области. Их численность по переписи 1926 г. составляла 10 тыс. чел., но в последующих переписях они включались в число удмуртов. В языке бесермян ощутимо тюркское влияние.

Коми (коми-зыряне, 336,3 тыс. чел.), составляя «титульный» народ Республики Коми (291,5 тыс. чел.), живут также в Архангельской, Свердловской, Мурманской, Омской, Тюменской областях, Ненецком, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах. Основные этнографические группы коми – верхневычегодцы, вымичи, ижемцы, печорцы, прилузцы, сысьольцы, удорцы. Язык народа коми имеет следующие диалекты: верхневычегодский, верхнесысьольский, вымский, ижемский, лузско-летский, нижневы-

чегодский, печорский, присыктывкарский, среднесыольский, удорский. Большая часть верующих – православные, но есть и старообрядцы.

Коми-пермяки (147,3 тыс. чел.) – коренное население Коми-Пермяцкого автономного округа (95,4 тыс. чел.) и части Пермской области. Общая численность коми-пермяков в бывшем СССР была составлена 152,1 тыс. чел. В пределах одноименного автономного округа они составляют 60% населения. За его пределами исторически сложились две компактные группы коми-пермяков – язьвинские и зюздинские. Язьвинские коми-пермяки живут в Пермской области в бассейне р. Язьвы (приток Вишеры) и насчитывают около 2 тыс. чел. Зюздинские коми-пермяки живут в бывшем Зюздинском (ныне Афанасьевском) районе Кировской области (в 1950-х годах их было около 7 тыс. чел.). В настоящее время зюздинские коми-пермяки как этнографическая группа находятся на грани исчезновения. В последних переписях их записывали русскими, хотя часть из них сохранила и национальное самосознание и родной язык. Коми-пермяцкий язык, близкородственный коми-зырянскому и удмуртскому, имеет 4 наречия: северное (косинско-камское), южное (иньвенское), верхнекамское и коми-язьвинское. Большая часть верующих коми-пермяков – православные христиане, среди которых есть и старообрядцы.

Карелы (124,9 тыс. чел.) проживают в Республике Карелия (78,9 тыс.), а также в Тверской области – тверские, или верхневолжские, карелы (23,2 тыс.), в Ленинградской, Мурманской, Архангельской, Московской, Кемеровской областях. Основные диалекты карельского языка – собственно карельский (средняя и северная часть Карелии), ливвиковский (Приладожье), людиковский (Прионежье). Распространен также финский язык. Верующие карелы – православные.

Финны (47,1 тыс. чел.) живут в Карелии (18,4 тыс.), Ленинградской области (11,8 тыс.), Санкт-Петербурге (5,5 тыс.). Их численность в Финляндии 4,6 млн. чел. Самая многочисленная группа в РФ – финны-ингерманландцы, старожильческое население современной Ленинградской области. Традиционно финны исповедуют лютеранство.

Эстонцы (46,4 тыс. чел.) – основное население Эстонии, где они составляют 963,3 тыс. чел. Общая численность эстонцев в мире – 1,1 млн чел. Диалекты эстонского языка объединяются в группы – северную, южную и северо-восточную прибрежную. Верующие эстонцы – лютеране, однако есть православная этноконфессиональная группа эстонцев – сету.

Вепсы (дореволюционное русское название «чудь») живут группами на юге Республики Карелия, в северо-восточных районах Ленинградской и в северо-западных районах Вологодской области. Общая численность вепсов в РФ 12,5 тыс. чел., из них 49,6% проживает в Карелии. Вепсский язык делится на три диалекта: северный, средний и южный. Среди вепсов распространено православие.

Ижорцы (449 чел.) говорят на ижорском языке, который имеет 4 диалекта: сойкинский; нижнелужский, характеризующийся наличием водского субстрата; восточный (или хеваский), и ордежский, на котором, в отличие от остальных, не сказалось воздействие финского языка. Ижорцы живут преимущественно в северо-западной части Ленинградской области и в Эстонии. Общая их численность в пределах бывшего СССР 820 чел.

Водь (самоназвание вадьялае) – крошечный прибалто-финский народ, насчитывающий в настоящее время менее 100 чел. (в середине XIX в. численность води достигала 5 тыс. чел.). Живут чересполосно с ижорцами и русскими. По большей части утратили родной язык. По вероисповеданию православные христиане.

Саамы (лопари; 1,8 тыс. чел.) живут на Кольском п-ове (главным образом в Ловозерском районе Мурманской области с центром в с. Ловозеро). В отличие от саамов Скандинавии и Финляндии, называются кольскими саамами. Язык кольских саамов имеет 4 диалекта: иокангский, кильдинский, нотозерский и бабенский, а также ряд говоров. Верующие саамы – православные.

Угорская группа

Ханты (остяки; 22,3 тыс. чел.) – коренное население Западной Сибири. Сосредоточены в Ханты-Мансийском (11,9 тыс.), Ямало-Ненецком (7,2 тыс.) автономных округах и Томской области (804 чел.). Выделяются три этнографические группы хантов – северные, южные и восточные. Они различаются диалектами, самоназванием, хозяйственными и культурными особенностями. Внутри каждой из них выделяются также территориальные группы (васюганские, салымские, казымские и др.) по названиям обских и иртышских притоков, где живут эти группы хантов. Верующие ханты – православные, сохранились и дохристианские верования.

Манси (вогулы; 8,3 тыс. чел.) — коренное население Ханты-Мансийского автономного округа (6,6 тыс. чел.). Живут на левых притоках Оби. Небольшая группа есть на северо-востоке Свердловской области. Объединяются с хантами под названием «обские угры». Родной язык сохранили лишь 3,1 тыс. манси. Среди них выделяются этнографические группы: северная с сосьвинским и верхнелозьвинским диалектами; южная (или тавдинская); восточная с кондинским диалектом; западная с пелымским, вагильским, среднелозьвинским и нижнелозьвинским диалектами. Язык и традиционная культура сохранились лишь у северных (сосьвинско-ляпинских) и восточных (кондинских) манси.

Манси были крещены, но сохранили пережитки дохристианских верований.

Венгры (5,7 тыс. чел.; живут также на Украине – 161,1 тыс.). Общая численность в мире 14,5 млн чел., в том числе в Венгрии – 10,6 млн чел. В России венгры проживают дисперсно в крупных городах. Верующие в основном католики, но есть кальвинисты и незначительное число лютеран.

Самодийская группа

Ненцы (самоеды, юраки; 34,2 тыс. чел.) – коренное население Европейского Севера и северной части Западной Сибири. Живут в Ненецком автономном округе (6,4 тыс. чел.), Лешуконском, Мезенском и Приморском районах Архангельской области (0,8 тыс.), северных районах Республики Коми, Ямало-Ненецком (20,9 тыс.) и Ханты-Мансийском автономных округах Тюменской области, Таймырском (Долгано-Ненецком) автономном округе Красноярского края (2,4 тыс. чел.). Выделяются две этнографические группы: тундровые ненцы и лесные ненцы, различающиеся по фамильно-родовому составу, диалектам, особенностям культуры. Лесные ненцы насчитывают около 2 тыс. чел.

ГЛАВА 7. ДИНАМИКА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Знакомство с этнической структурой населения России и расселением ее народов дает возможность лучше понять направленность и темпы характерных для нее в последней трети XX в., демографических, миграционных да и социальных процессов.

Численность всего населения России за 30-летие между переписями 1959 и 1989 гг. увеличилась в 1,25 раза (с 117,5 млн до 147,0 млн чел.) однако динамика роста численности разных народов страны была весьма различной. По темпам прироста все народы можно поделить на две основные группы: имеющие прирост более высокий, чем средний показатель по России, и имеющие прирост ниже среднего показателя.

Прирост русских был за 30-летие немного ниже среднего по России – их численность увеличилась в 1,2 раза, что привело к уменьшению доли основного народа страны в общем населении России с 83,3 до 81,5%. Близкий к рус-

ским прирост (примерно в 1,2 раза) имели чувашаи, удмурты, коми. Немного выше среднего (в 1,3 раза) прирост был в данный период у украинцев, марийцев, манси, нивхов. Прирост в 1,4 раза имели татары, башкиры, белорусы, хакасы, удэгейцы, коряки, чукчи. Почти вдвое возросла численность греков и ногайцев. Еще больше увеличилась численность чеченцев и ингушей (более чем в 3 раза), узбеков и азербайджанцев (более чем в 4 раза!).

Исключительно высокий прирост характерен для большинства этносов Северного Кавказа вследствие высокой рождаемости (правда, более чем трехкратное увеличение чеченцев и ингушей связано с другой причиной – возвращением на родину некоторых, до того не вернувшихся семей, депортированных в Казахстан и другие республики СССР). Что же касается более чем четырехкратного увеличения численности в России узбеков и азербайджанцев, то оно обусловлено миграцией представителей этих народов в российские города.

Уменьшение численности характерно прежде всего для народов, которые выделяются дисперсным расселением. Невысокий прирост, помимо русских, и других восточнославянских народов, был свойствен также народам Поволжья. У большей части народов Сибири и Дальнего Востока, вопреки бытующим представлениям об их вымирании по данным переписи, наблюдался не очень высокий, но достаточно стабильный прирост.

Сильно влияли и продолжают влиять на изменение этнического состава населения РФ этнические процессы, хотя действительная глубина этого влияния несколько затушевывается существующей фиксацией этнической принадлежности в паспорте. Активно идущая конверсация русскими части живущих в России украинцев и белорусов, а также ассимиляция мордвы, карел и представителей некоторых других народов, вместе с начавшимся воз-

вращением русских из ближнего зарубежья, несколько сглаживают существующую тенденцию к снижению доли русских в населении РФ.

Как известно, на динамику численности воздействуют демографические, миграционные и этнические процессы.

Демографическая ситуация в России в конце XIX в. отличалась очень высокой рождаемостью (около 50%), высокой смертностью (более 30%) и большим по сравнению со странами Европы естественным приростом (около 20%). Очень высокая рождаемость была обусловлена повсеместно распространенными ранними браками и почти полным отсутствием планирования размеров семьи. Заметной дифференциации рождаемости по этническому признаку не было. Уровень же смертности у разных народов заметно варьировал, и эти различия в первую очередь были вызваны сильной дифференциацией показателей младенческой смертности. Повышенная младенческая смертность, наблюдавшаяся у русских, было связана с распространенным на селе обычаем давать ребенку едва ли не с рождения, наряду с материнским молоком, жеваный хлеб, кашу и другую пищу, что оборачивалось частыми желудочными заболеваниями. У мусульманских народов новорожденного ребенка кормили только грудью, причем период грудного вскармливания был довольно большим, что определяло более низкий уровень младенческой смертности.

В первое десятилетие XX в. рождаемость несколько снизилась (в 1913 г. до 45% в Европейской части России). Немного понизился и уровень смертности (до 27%), что частично объясняется уменьшением рождаемости и связанным с ним некоторым уменьшением доли младенческой смертности, а также успехами в борьбе с эпидемиями.

В дальнейшем большое снижение рождаемости (до 25%) было обусловлено первой мировой войной, причем одновременно резко возросла смертность. Эта тенденция

продолжалась и в последующие годы. Так, огромные людские потери, были связаны с гражданской войной, вспыхнувшими эпидемиями тифа и испанки, засухой. С октября 1917 г. до начала 1923 г. численность населения страны непрерывно падала, кроме того, из-за эмиграции. В 20–30-е годы рост смертности был связан с гибелью людей во время коллективизации, не учитывавшей возможности страны форсированной индустриализаций, и катастрофической засухи 1932–1933 гг. По некоторым данным, в 1933 г. уровень смертности в России стал самым высоким в мире. Рост смертности сопровождался и снижением рождаемости. В результате резко упал естественный прирост.

Снижение рождаемости было особенно характерно для русских, живших в промышленно развитых районах страны, несколько в меньшей степени – для украинцев. У народов Поволжья, слабее охваченных индустриализацией и урбанизацией, снижение уровня рождаемости было менее значительным. Довольно высокая рождаемость сохранялась также на Северном Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. На Северном Кавказе это было связано со стойко державшимися традициями ранних браков и многодетности. В Сибири и на Дальнем Востоке высокая рождаемость может быть объяснена относительно молодым составом населения, что, в свою очередь, обуславливалось постоянным притоком мигрантов.

Огромные потери населению России нанесла вторая мировая война. Только прямые потери составили 16 млн чел., вместе же с косвенными (резким уменьшением уровня рождаемости и увеличением уровня смертности гражданского населения) общие потери от войны достигли 45 млн чел.

В первые послевоенные годы в России, как и повсюду в воевавших странах, происходило компенсационное повышение рождаемости, захватившее и начало 50-х годов.

Одновременно наблюдалось еще более заметное снижение смертности, что привело к существенному увеличению естественного прироста. Наибольшим он был в Азиатской части РФ, наименьшим – в сильнее всего затронутых войной западных и центральных областях Европейской части.

Однако со второй половины 50-х годов уровень рождаемости начал постепенно снижаться. Особенно существенным это снижение стало в 60-е годы. Одновременно появилась тенденция к стабилизации и даже к некоторому повышению уровня смертности. Все это привело к уменьшению естественного прироста. Снижение рождаемости в 60-е годы объясняется тем, что в этот период в брачный возраст вступили поколения военных лет (1942–1945 гг.), по численности которые сильно уступали предыдущим. Сказалось также все более практикующееся внутрисемейное планирование детности.

В последующие десятилетия основные демографические тенденции в целом сохранились. Некоторое же увеличение рождаемости в начале 80-х годов было обусловлено прежде всего тем обстоятельством, что в это время в репродуктивный период вступили когорты женщин 50-х годов рождения, отличавшиеся многочисленностью. Но с конца 80-х годов вновь начинается заметный спад рождаемости, продолжающийся и поныне. На падение уровня рождаемости влияет как неблагоприятная возрастная структура населения, так и тяжелое экономическое положение. В 1993 г. коэффициент смертности (14,3%) даже превысил коэффициент рождаемости (9,0%), что свидетельствует о начале *депопуляции*. Причем уровень рождаемости у основного народа России – русских ниже, чем этот показатель у большинства других народов страны. Например, в 1989 г. русские, составляя 81,5% населения республики, давали лишь 75% всех рождений. Печальна в РФ и ситуация с показателем младенческой смер-

тности: 24 умерших в возрасте до одного года на тысячу родившихся, что в 3–4 раза выше, чем в странах Западной Европы.

Тревожит и такой демографический показатель, как средняя продолжительность жизни, обнаруживающий тенденцию к снижению. Впервые проявившись в конце 60-х годов (у мужчин средняя продолжительность жизни начала сокращаться с 1966 г., у женщин – с 1968 г.), эта тенденция не развивается до сих пор. Достигнув очень низкой отметки к концу 70-х годов (61,5 года у мужчин и 73,2 года у женщин), этот показатель в середине 80-х годов, в период проведения антиалкогольной кампании, несколько повысился. Однако затем вновь продолжалось его снижение. В 1993 г. средняя продолжительность жизни россиян едва превышала 66 лет, что на 5–10 лет ниже, чем в развитых странах Запада. Неприятной демографической особенностью России является то, что для нее характерен один из самых высоких в мире разрывов между средней продолжительностью жизни у мужчин и женщин. Жизнь мужчин в нашей стране в среднем на 10–14 лет короче, чем жизнь женщин, тогда по миру в целом этот разрыв составляет 3 года. И еще одна, весьма специфическая особенность России: в отличие от большинства других стран мира в ней средняя продолжительность жизни в городах выше, чем в сельской местности, что связано с тяжелыми условиями труда и быта в деревне.

В то же время, показатели средней продолжительности жизни варьируют у разных народов. Так, средняя продолжительность жизни русских ниже, чем средняя продолжительность жизни в целом по России. Показатели средней продолжительности жизни татар и немцев идентичны соответствующему показателю у русских. Одной из основных причин высокой смертности и низкого показателя продолжительности жизни у некоторых северных народов является алкоголизм.

Снижение показателей средней продолжительности жизни у большинства народов России вызвано «омоложением» смертности (впрочем, одновременно с этим за счет сильного сокращения рождаемости наблюдается увеличение доли лиц пожилого возраста). Возрастные же характеристики смертности зависят прежде всего от качества жизни населения. При этом, продолжительность жизни больше у людей с более высоким культурным и образовательным уровнем, так как они более рационально относятся к своему здоровью. Симптоматично, например, что смертность детей у матерей с высшим образованием в два раза ниже, чем соответствующий показатель по России. На здоровье населения и соответственно на продолжительность жизни непосредственное влияние оказывает также экологическая обстановка в местах обитания. В частности, в сильно загрязненных индустриальных районах на юге Сибири состояние здоровья населения очень плохое. На продолжительности жизни сказывается и то, насколько тот или иной народ приспособлен к жизни в данных природных условиях. Например, интенсивные миграции русских привели к тому, что некоторые из переселенцев оказались расселенными в районах, сильно отличающихся по природно-климатическим условиям от исходных мест обитания, что отразилось на показателе смертности: смертность русских в Сибири выше, чем в европейских областях.

Как известно, основными причинами смертей ныне являются сердечно-сосудистые и онкологические заболевания, которые в последнее время все более «молодеют». Повышает смертность и учащающийся производственный и бытовой травматизм, тесно связанный с распространением алкоголизма и плохим состоянием техники безопасности. Для этнодемографического анализа наибольший интерес представляет «этническая избирательность» болезней, обусловленная в основном особенностями питания. Так, у тюр-

кских народов самый высокий в России уровень заболеваемости раком пищевода; у якутов, например, широкое распространение рака пищевода связано с постоянным употреблением в пищу замороженной рыбы, политой уксусом и посыпанной перцем.

Для структуры населения России характерна диспропорция полов. В 1991 г. мужчины составляли лишь 47% населения РФ. Это еще дающие о себе знать последствия войны (естественно, что мужчин погибло во время войны значительно больше, чем женщин) и результат большей продолжительности жизни женщин. Поэтому диспропорция полов характерна только для старших возрастов; в возрастных группах до 35 лет численность мужчин и женщин примерно равна. Однако у разных народов соотношение мужчин и женщин неодинаково. У большинства этносов России женщины численно преобладают над мужчинами. Мужчин больше, чем женщин, у живущих в России азербайджанцев, узбеков, таджиков, туркмен, каракалпаков, уйгуров, тюрк-месхетинцев, курдов, лезгин, ингушей, ассирийцев, энцев. Преимущественно это мусульманские народы, и многие, большинство из них не являются коренными жителями РФ, а хорошо известно, что для исламских стран и народов очень характерно преобладание мужчин.

Согласно большинству прогнозных оценок, сделанных разными исследователями, численность населения России будет сокращаться в течение ближайших 10–15 лет. Убыль населения должна смениться некоторым ростом при условии достаточно благоприятного развития процессов рождаемости и смертности, с одной стороны, и довольно значительного миграционного притока населения – с другой. Как уже говорилось, процессы рождаемости, смертности и миграции населения составляют главные компоненты демографической динамики, причем определяющую роль, обычно, играют процессы рождаемости и смертности.

Уровень рождаемости в России в основном определяют брачные рождения. Хотя в последние годы растет доля детей, рожденных вне брака: с 1980 по 1994 г. она увеличилась в 1,8 раза и приблизилась к 20%. Современная Российская семья характеризуется устойчивой малодетностью. По оценкам демографов, в России почти 100% женщин контролируют рождаемость, причем не только число рождений, но и сроки появления детей на свет. В значительной мере контроль рождаемости осуществляется посредством искусственных абортов. Однако соотношение родов и абортов с 1980 по 1993 гг. не изменилось: 204,6 абортов на 100 родов в 1980 г. и 235,2 – в 1993 г.

Таким образом, начавшийся в 90-е годы социально-экономический кризис не был основной причиной снижения рождаемости, а лишь ускорил его. Согласно оценкам, в условиях отсутствия кризисных явлений в экономике подобное снижение рождаемости произошло бы на 6–8 лет позднее. Социально-экономические трудности современного периода лишь на 10–15% обусловили падение общего числа рождений.

Отметим, что в первом полугодии 1996 г. рождаемость снизилась практически во всех регионах России, кроме г. Москвы, Мурманской, Сахалинской областей и Чукотского автономного округа. Наиболее значимое ее сокращение отмечено в Ингушской Республике, Республике Адыгея, Ульяновской, Калужской, Ивановской областях и Хабаровском крае (на 25–11%) при общем уровне по России 9%.

Краткосрочными прогнозами на период до 2000 г. допускалась возможность незначительного роста рождаемости под влиянием структурных факторов. Долгосрочные прогнозы рождаемости исходят из предположения о сохранении низкой, не обеспечивающей уровня простого воспроизводства населения, рождаемости даже при улучшении экономической конъюнктуры в стране.

Наиболее неблагоприятные тенденции наблюдаются в процессах смертности населения России. Во многих странах мира кризисные явления в экономике вызывают изменения в демографической динамике, в том числе и в динамике смертности. Но в России эти процессы имеют свои особенности.

Общей тенденцией эволюции смертности является рост средней продолжительности предстоящей жизни в результате перемещения интенсивности смертности от младших к старшим возрастам. В России данный процесс был довольно устойчивым вплоть до середины 1960-х годов, когда наступил длительный период стагнации этого показателя, иногда сменявшийся его снижением. Средняя продолжительность предстоящей жизни достигла минимума в 1979 – 1980 гг., составив 61,6 года у мужчин и 73 года у женщин. Медленный рост ее был усилен проведением антиалкогольной кампании в середине 80-х годов, когда за двухлетний период она выросла на 2,6 года у мужчин и на 1,2 года у женщин. Максимальный уровень средней продолжительности предстоящей жизни был отмечен для мужчин в 1987 г. – 64,9 года, а для женщин в 1989 г. – 74,6 года.

С конца 80-х годов рост средней продолжительности жизни прекратился и усилились неблагоприятные тенденции смертности населения России. Они проявились в снижении средней продолжительности предстоящей жизни как для новорожденных, так и для достигших определенных возрастов.

Особенно катастрофический спад произошел в 1993 г., когда за один календарный год средняя продолжительность жизни мужчин снизилась на 3,1 года, женщин – почти на 2 года, составив 58,9 года для мужчин и 71,9 года для женщин. В 1994 г. снижение этого показателя продолжилось до 57,5 года у мужчин и 71 года – у женщин. В целом по сравнению со своим максимумом средняя продолжительность

жизни мужчин снизилась на 7,4 года, женщин – на 3,6 года. Современный уровень продолжительности жизни в России не имеет аналогов в развитых странах. Особенно это касается разрыва в величине продолжительности жизни у мужчин и женщин, достигающего в нашей стране 11–14 лет.

Причины такого снижения средней продолжительности предстоящей жизни достаточно сложны. Помимо отказа от борьбы с алкоголизмом, они непосредственно связаны с факторами социально-экономического кризиса, ухудшением экологической обстановки, что в совокупности приводит к снижению качества жизни и падению уровня жизни населения.

Падение средней продолжительности жизни повлияло на показатель уровня смертности. В 1990–1994 гг. увеличение числа смертей произошло почти во всех возрастных группах как мужчин, так и женщин. Согласно оценкам, 79% этого прироста обеспечил рост половозрастной интенсивности смертности и лишь 21% – постарение населения. Особенностью последних лет стало увеличение смертности мужчин в возрасте старше 45 лет, тогда как в предыдущие годы росла смертность в более молодых трудоспособных возрастах.

Неблагоприятные тенденции сложились и в самой младшей возрастной группе. Снова стал расти показатель младенческой смертности, который неуклонно снижался до начала 90-х годов, после временного повышения в начале 70-х. На рост младенческой смертности влияет ухудшение социально-экономических и экологических условий, некачественная медицинская помощь и низкий уровень здоровья женщин. В России младенческая смертность в настоящее время почти в три раза выше, чем в развитых странах.

Тенденции смертности взрослого населения России в значительной мере определяются стереотипами самосохранительного поведения. Антиалкогольная кампания лишь

ненадолго снизила смертность от несчастных случаев и травм, но в то же время способствовала расширению самогонварения. Последующее распространение пьянства, токсикомании и наркомании, привело к ухудшению здоровья населения, что подтверждает рост инфекционных и венерических заболеваний, туберкулеза, увеличение частоты депрессий, невротических расстройств.

Максимальные потери среди трудоспособного населения связаны со смертью от отравления алкоголем, самоубийств и убийств: смертность в расчете на 1000 чел. населения за 1987–1994 гг. возросла в 4,7 раза от отравлений алкоголем, в 1,8 раза – самоубийств и 4,7 раза – от убийств. Такой катастрофический рост смертности от убийств и самоубийств свидетельствует об утрате социального контроля над ситуацией.

За последние 30 лет главными, определяющими динамику средней продолжительности жизни населения России, были такие причины смерти, как болезни системы кровообращения и несчастные случаи, травмы и отравления. В то время как в развитых странах смертность от болезней системы кровообращения устойчиво снижалась, что было основным источником роста средней продолжительности жизни населения, в нашей стране она оставалась высокой, а с 1990 г. обнаружила тенденции к росту, увеличившись с 617 до 832 умерших на 100 тыс. чел., населения в 1994 г. Что же касается смертности от несчастных случаев, травм и отравлений, возросшей с 134 умерших на 100 тыс. чел. населения в 1990 г. до 247 (из них около 75% умерших от несчастных случаев, отравлений и травм приходилось на лица трудоспособного возраста) в 1994 г., то в России она была выше, чем в развитых странах. С тех пор этот разрыв еще более увеличился.

Кризисные явления смертности не в последнюю очередь связаны с проблемами развития здравоохранения.

Пока главными причинами смерти являлись экзогенные заболевания, для эффективной борьбы с ними было достаточно проведения массовых мероприятий по вакцинации населения, что довольно успешно осуществлялось в России. Увеличение заболеваемости эндогенными болезнями потребовало глубоких перемен не только в отношении людей к своему здоровью, но и в отношении общества к охране здоровья своих членов. В развитых странах это выразилось в росте затрат на нужды здравоохранения. В бывшем СССР этого не произошло. За 1960–1990 гг., по ряду оценок, расходы на здравоохранение в расчете на душу населения возросли в США в 18,2 раза, во Франции – в 39,3, а в России – только в 4,7 раза.

Резкое ухудшение условий жизни населения начиная с 1992 г. заставило людей интенсифицировать свою трудовую деятельность – работать в нескольких местах, отказываясь от выходных дней и отпуска, что, безусловно, наносит ощутимый ущерб здоровью.

Неблагоприятные тенденции смертности населения в России свидетельствуют о демографическом кризисе. Негативные тенденции состояния здоровья населения могут привести к дальнейшему росту смертности и снижению продолжительности предстоящей жизни, хотя темпы этого снижения замедляются. Выход из демографического кризиса возможен прежде всего на пути уменьшения смертности и укрепления здоровья населения, что потребует времени, больших материальных затрат и изменения стандартов самосохранительного поведения населения.

Среди социально-экономических последствий современной демографической ситуации следует отметить интенсификацию процесса старения населения, который ведет к увеличению экономической нагрузки на трудоспособное население, к простому, а в перспективе и к суженному замещению населения в трудоспособных возрастах пожилы-

ми людьми. Учитывая современные проблемы подготовки квалифицированных кадров («утечка умов»), потерю количества населения, особенно молодых возрастов, трудно будет компенсировать качеством населения.

В 90-е годы в России наблюдается снижение совокупной трудовой активности населения: в 1993 г. только 83% населения трудоспособных возрастов было занято в общественном производстве по сравнению с 94% в первой половине 80-х годов. Одновременно в экономически активном населении растет паразитический компонент, пополняемый в основном за счет частного сектора – в нем занято более 1/3 трудо-активного населения, свыше половины которого, по оценкам, составляют спекулянты, мошенники, рэкетеры.

В России в 1993 г., согласно оценкам, не работало 14 млн чел., причем основную их долю неработающих составляли безработные, беженцы, бомжи и другие категории лиц, пополняющие быстро увеличивающееся люмпенизированное население. Растут маргинальные слои населения, которые оказались неспособными адаптироваться к условиям рыночной экономики и не в состоянии самостоятельно трудоустроиться. Маргинальное население пополняется в основном за счет молодежи, особенно сирот и детей из неблагополучных семей, женщин-работниц, имеющих детей, и матерей-одиночек. В конце 1994 г. 39,3% зарегистрированных безработных составляла молодежь в возрасте от 15 до 30 лет.

Неблагоприятные социальные последствия демографического развития связаны с ухудшением психофизического здоровья молодых поколений, отрицательно влияющим на процесс формирования призывников, и приводящим к сокращению общей численности призывных контингентов, из числа которых происходит комплектование Вооруженных Сил России. Если использовать принятые в развитых стра-

нах нормативы годности к военной службе, то в нашей стране только один из пяти юношей призывного возраста по состоянию здоровья соответствует этим критериям.

Политические последствия современной демографической ситуации могут выразиться в значительном увеличении среди электората численности лиц пожилых возрастов, имеющих наиболее консервативные взгляды, с одной стороны, а с другой – наиболее активных в выборных кампаниях, в то время как численность молодежи, менее консервативной, чем лица старших возрастов, будет сокращаться.

Среди политических последствий демографической динамики необходимо выделить усиление межнациональной напряженности в условиях ухудшения экономической ситуации. Рост населения сам по себе не может быть источником межнациональной напряженности. Но в условиях социально-экономического и политического кризиса различия в динамике численности и удельного веса отдельных национальностей дают толчок к возникновению конфликтных ситуаций в области межнациональных отношений. В свою очередь, развитие конфликтных ситуаций может способствовать изменениям интенсивности демографических процессов, носящим негативный характер.

Наряду с демографическими процессами важную роль в динамике этнической структуры в РФ играют этнические процессы.

В России в основном распространены этнообъединительные процессы. В прошлом российской истории были известны процессы этнической диффузии (один из последних процессов такого рода – слияние нескольких близких по языку и культуре тюркоязычных племенных и территориальных групп в хакасский народ), однако теперь на территории России они отсутствуют.

Зато для России характерна этническая консолидация. Ею затронуты почти все более или менее значительные по численности народы страны. Так, многие из существовавших субэтнических групп русских либо прекратили свое существование (например, однодворцы), либо сильно приблизились в культурном отношении к основной части русского народа (например, поморы, а также ранее сильно обособленные субэтнические группы крайнего северо-востока страны: колымчане, русские устьянцы, марковцы, камчадалы). Все слабее ощущаются различия между двумя основными субэтническими подразделениями чувашского народа – вирьял и анатри; между северными и южными удмуртами. Идет консолидация и других этносов Поволжья и Урала, народов Северного Кавказа (например, у осетин сплавиваются две их субэтнические группы – иронцы и дигорцы), этносов Сибири и Дальнего Востока (консолидируются восточные и западные буряты, разные группы калмыков, чукчей, коряков и т. д.).

Широкое распространение получили в России процессы этнической ассимиляции. Объектами ассимиляции являются малочисленные этносы, народы, живущие в сильном территориальном смешении с другими народами, а также национальные группы (нередко состоящие из живущих обособленно представителей достаточно крупных и хорошо консолидированных этносов), для которых характерно дисперсное расселение. Важным каналом ассимиляционного процесса в России служат межэтнические браки, однако имеет место и «внесемейная» ассимиляция.

На протяжении нескольких десятилетий само существование ассимиляционных процессов в нашей стране, отвергалось, так как термину «ассимиляция» придавался негативный смысл. В результате порой искажался характер многих этнообъединительных процессов и ко всем им прилагался термин «консолидация». Однако с 60-х годов термин «ассимиляция» стал вновь вводиться в научный оборот.

Из малых народов России в XX в. были ассимилированы тюркоязычные сойоты, влившиеся в бурятский народ. Растворились среди окружающего русского населения близкие к кетам юги, процесс ассимиляции (языковой, а затем и этнической) частично затронул и многие другие малочисленные народы Сибири и Дальнего Востока. Так, по данным переписи 1989 г., русский язык считали родным 82% орочей, 80% ительменов, 76% нивхов, 72% алеутов, 71% чуванцев и т. д. Конечно, переход на другой язык еще не означает этнической ассимиляции данных групп (например, практически все чуванцы перешли на русский либо на чукотский язык, но сохраняют свое этническое самосознание), однако говорит о том, что предпосылки для такой ассимиляции созданы.

Подвергаются частичной ассимиляции основным народом страны и некоторые народы Европейской части России, прежде всего мордва, карелы, финны-ингерманландцы, вепсы, живущие в сильном смешении с русскими.

Ассимиляция охватила также представителей многих этнических общностей, в основном сосредоточенных за пределами России, а в ней самой, как уже говорилось, – расселенных дисперсно. Правда, скорость развития ассимиляционных процессов у разных живущих в России национальных групп различна. Быстрее всех сливаются с русскими представители двух близких им по языку и культуре восточнославянских народов – белорусов и украинцев (этот процесс можно назвать этнической конверсацией). Обычно дети прибывших на жительство в Россию белорусов и украинцев считают своим родным языком русский и обладают определенными элементами русского этнического самосознания, хотя полному растворению их среди русского населения мешают пока еще существующие правила указания в паспорте национальной принадлежности, в соответствии с которыми последняя определяется не по самосознанию,

а по национальности отца или матери. В 1989 г. 63% живущих в нашей стране белорусов и 57% украинцев считали своим родным языком русский. Дети, родившиеся в России в смешанных белорусско-русских и украинско-русских семьях, в подавляющем большинстве случаев называют себя русскими. Вместе с тем, растворение среди русских украинцев существенно замедлено в тех районах, где украинцы живут компактными группами, а таких мест в стране немало. Впрочем, темпы этнической конверсации украинцев и белорусов определить по данным переписи трудно, так как оба народа вплоть до последнего времени в широких масштабах мигрировали в Россию и численность их там изменялась под воздействием и этнических и миграционных процессов (препятствует этому определению и принятый у нас порядок детерминации национальной принадлежности, о котором говорилось выше).

Довольно быстрой ассимиляции подвергаются живущие в РФ представители других славянских народов: поляки, болгары, чехи, сербы. Все эти этносы живут в России дисперсно, что облегчает процесс их ассимиляции. Так, русский язык указали в качестве родного 75% поляков и подавляющее большинство болгар, чехов, сербов. Правда, языковая ассимиляция еще не говорит об ассимиляции этнической, и полному слиянию с русскими полякам и чехам, издавна живущим в России, мешает, помимо всего прочего, традиционная религиозная принадлежность.

Представители других некоренных этносов России ассимилируются русскими в значительно более слабой степени. Так, немцы, несмотря на давнее проживание в нашей стране и высокую долю лиц, перешедших на русский язык (58%), довольно стойко сохраняют свое этническое самосознание. Их численность за 30-летний период немного возросла, несмотря на существенные масштабы эмиграции в

Германию. Сохранению немецкого этноса в немалой степени способствует то, что большая часть немцев расселена достаточно компактными группами.

Еще медленнее протекает процесс ассимиляции корейцев, которому препятствует ярко выраженная культурная специфика этой этнической общности, а также и ее антропологическая обособленность. Хотя корейцы уже давно живут в России и большинство из них (63%) считают русский родным языком, они, как и немцы, хорошо сохраняют этническое самосознание и проявляют высокую внутриэтническую солидарность.

Проявляют этническую стойкость и живущие в России представители тюркоязычных этносов, составляющих основное население нескольких республик бывшего СССР (казахи, азербайджанцы, узбеки), чему способствует их существенная культурная специфика. Подавляющее большинство представителей этих народов сохраняют свой национальный язык.

На другом полюсе стоят по своим демографическим показателям живущие в России представители народов Средней (Центральной) Азии, однако их численность невелика.

Для кавказских народов также характерен высокий естественный прирост, хотя по этому показателю они все же существенно уступают среднеазиатским этносам (среди народов кавказского происхождения несколько более низкий естественный прирост у грузин и армян).

Наиболее крупные сибирские народы – буряты и якуты – по показателям естественного прироста занимают среднее положение между европейскими и кавказскими народами. Что же касается естественного прироста малочисленных народов Сибирско-Дальневосточного региона, то о нем судить довольно трудно.

Таким образом, из народов, имеющих показатели естественного прироста, существенно отличающиеся от среднего по стране, значительную долю в населении России

составляют только кавказские этносы и лишь их демографическое поведение оказывает заметное влияние на изменение этнической структуры населения страны. Быстрый рост численности народов Северного Кавказа в течение последних лет оказывал наряду с другими факторами заметное влияние на снижение процента русских в общем населении Российской Федерации.

ОСОБЕННОСТИ МИГРАЦИЙ В РОССИИ

По отношению к России внутренние и внешние миграции иногда трудно разграничить из-за многовековой территориальной экспансии и хозяйственного освоения новых земель.

До реформы 1861 г. миграционная политика царского правительства была направлена прежде всего на максимальное ограничение переселенческого движения. Но и в первой половине XIX в. земледельческое население России продолжало переселяться в Новороссию, Южное Приуралье, на Северный Кавказ и в Западную Сибирь. Эмиграция считалась незаконной и вредной, и поэтому большинство российских эмигрантов из недворянских сословий, за исключением евреев, выезжали нелегально, под видом временного отъезда на заработки.

Дореформенная эмиграция из России была невелика по размерам. Переселенцы XVII–XVIII вв. – русские старообрядцы, бежавшие от религиозных преследований в Белоруссию, Бессарабию и Правобережную Украину, – оказались в составе расширившей свои границы Российской империи. Лишь небольшое их число осталось в отошедшей к Австрии Буковине и на территории Добруджи. Начиная с середины XVIII в. в заселении Новороссии и Нижнего Поволжья приняло участие более 100 тыс. иностранных им-

мигрантов. Приток немецких колонистов, греков, болгар, сербов и венгров продолжался до 1820-х годов и снова возрос в середине XIX в. В 1828–1860-е г. миграционный баланс русских подданных оказался отрицательным за счет эмигрантов-поляков, покидавших Россию после подавления восстания 1831 г., а также крымских татар и ногайцев Северного Кавказа, не дождавшихся отделения Крыма и Кавказа от России во время Крымской войны. Эмиграция из России в Америку вплоть до 1860-х годов была незначительной, хотя Западную Европу в этот период покинуло почти 7 млн чел.

В 1870-е годы переселения крестьян на окраины по-прежнему считались самовольными и вредными. По приговорам общин крестьяне имели право приобретать земли в других частях России, но это могли позволить себе только зажиточные переселенцы. Гораздо шире практиковался отход по паспортам в многоземельные области Новороссии и Кавказа на работу батраками и шахтерами. При благоприятных возможностях «отходники» навсегда оставались на новом месте жительства. Постепенно власти стали осознавать целесообразность заселения окраин империи и в 1880-е годы начали помогать переселенцам в Западную Сибирь и Семиреченскую, Акмолинскую и Семипалатинскую области, предоставляя им в постоянное пользование государственную землю. Новоселы на несколько лет освобождались от уплаты казенных сборов и получали отсрочку в отбывании воинской повинности. С 1893 г. переселенцам начали выдавать путевые пособия, оказывать врачебно-продовольственную помощь и устанавливать для них пониженные транспортные тарифы. Основными районами выхода мигрантов были Центральное Черноземье, Левобережная Украина, Среднее Поволжье и Промышленный Центр, т. е. территории, на которых наибольших размеров достигало земельное «утеснение». В целом до конца XIX в. Европейс-

кая Россия потеряла около 4 млн чел., мигрировавших в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию. Направление миграционных потоков было стабильным на протяжении всего XIX в. В Новороссию прибывали уроженцы Левобережной Украины. Северный Кавказ, так же как Сибирь, Казахстан и Южное Приуралье заселяли выходцы из Центрального Черноземья. Москва и Петербург привлекали мигрантов Озерного и Центрально-Промышленного районов.

В 1870–1890-е годы основную массу эмигрантов из России составляли евреи, немцы и поляки, которые почти не принимали участия в заселении окраин. Иммиграция поляков в Америку была самой масштабной по сравнению с другими славянскими народами. Кроме поляков в США иммигрировали жители Финляндии и Прибалтики и, в гораздо меньшей степени, Правобережной Украины, Белоруссии и Новороссии. Новым явлением стала сезонная иммиграция сельскохозяйственных рабочих из западных и юго-западных губерний России в Германию, Данию и Швецию. Их проезд оплачивался работодателем, а заработки были в несколько раз больше, чем в России.

В то же время приток иностранцев в Россию в 1870–1890-е годы постепенно нарастал и до начала XX в. их прибыло свыше 2 млн. чел. Наибольшую долю переселенцев составляли жители Германской и Австро-Венгерской империй, а также армяне из Турции и азербайджанцы из Персии, которых было особенно много на нефтепромыслах в Баку.

Политический кризис, разразившийся в России в начале XX в., заставил царские власти полностью отказаться от политики ограничения переселений. Право на переезд получили все желающие, независимо от имущественного положения. Новый правительственный курс, сформированный законом от 6 июня 1904 г., освобождал новоселов от круговой поруки и расширял льготы и пособия переселенцам. В

результате за предвоенное десятилетие на окраины империи мигрировало более 5 млн. чел. Значительная доля мигрантов направлялась в Сибирь и на Дальний Восток, за ними по числу переселенцев следовали Казахстан, Средняя Азия и Кавказ. В отличие от конца XIX в., когда заселялся преимущественно Северный Кавказ, перед первой мировой войной увеличился миграционный поток в Закавказье – в Бакинскую губернию и Карскую область. Особое положение занимала Новороссия. Крестьяне уезжали отсюда на Кавказ, в Сибирь и Казахстан, но область Войска Донского притягивала земледельческих переселенцев со всей Европейской России, а в Екатеринославскую губернию прибывали крестьяне Центрального Нечерноземья. Многие мигранты оседали в портовых городах юга, среди которых лидировала Одесса. В центре России полюсами притока были Москва и Петербург, имевшие почти двухмиллионное сальдо механического миграционного прироста.

В начале XX в. эмиграция из России жителей западных губерний еще больше возросла и одновременно увеличился приток в страну иностранцев. Так, 1901–1914 гг. из России в страны Нового Света эмигрировало почти 3 млн человек. Решающий вклад внесли поляки, финны, литовцы и уроженцы Волыни. Но большую часть иммигрантов в США составляли евреи. В 1901–1920-е годы в США, спасаясь от политического и экономического бесправия, выехало 700 тыс. евреев, и общее их число превысило в этой стране 1 млн чел. В начале века на первом по числу прибывших в Россию оказалась Персия, а среди мигрантов преобладали жители южного Азербайджана. Но самым массовым был нелегальный приток армян, которых, по очень грубым оценкам, переселилось не менее 400 тыс. чел.

Война привела к резкому спаду экономической миграции, но вызвала массовую миграцию беженцев, спасавшихся от наступавших немецких и австро-венгерских войск. Эва-

куация началась уже в конце 1914 г., в связи с вторжением немецких войск в пределы Царства Польского. В 1915–1916 гг. немцы оккупировали Курляндию, Гродненскую и часть Волынской губернии и бегство мирного населения приняло массовый характер. В 1917 г. эвакуация охватила всю Прибалтику, Украину и Белоруссию. По данным комитета великой княгини Татьяны Николаевны, к началу 1915 г. было зарегистрировано 900 тыс. беженцев, через год их насчитывалось уже 2,7 млн, к концу мая 1916 года – 3,7 млн, а во 2-ой половине 1917 года – 7,4 млн чел. Большая их часть размещалась в губерниях Центральной России. После окончания войны часть беженцев репатриировалась в Польшу, Западную Украину и в Прибалтику. К началу 1918 г. в Россию возвратилось около 3 млн пленных.

Вопрос о «белой эмиграции» до сих пор не выяснен. Большинство исследователей считают, что абсолютное число российских эмигрантов, покинувших Россию в 1918–1922 гг., составляет примерно 1,5–2 млн. чел. В августе 1921 г. в Польше их насчитывалось 650 тыс., в Германии – 300 тыс., во Франции – 250 тыс., в Румынии – 100 тыс. и в Югославии – 50 тыс. человек. И хотя в 1922 г. в Россию вернулось около 120 тыс. казаков, большая часть политических эмигрантов навсегда осталась за пределами страны.

Как и в царской России, после революции продолжалось заселение и хозяйственное освоение восточных и северных районов страны. Но если в первой половине 1920-х годов в восточные районы (Сибирь и Казахстан) прибыло только 400 тыс. чел., то с конца 1920-х годов и до начала второй мировой войны масштабы этих переселений, по большей части принудительных, возросли на порядок и достигли 8,5 млн чел. Особенно заметной была миграция из сел в города, сформировавшая современную городскую сеть страны. И аиболее быстрыми темпами, несмотря на введение института прописки, увеличивалось

население столиц и столичных областей. Так, в Московскую область в 1926–1939 гг. прибыло 3,5 млн чел., в Ленинградскую – 1,5 млн.

Между переписями 1939 и 1959 гг. внутренние миграционные процессы были исключительно мощными. В первую очередь они складывались из эвакуированных в 1941–1942 гг. насчитывавших около 12 млн чел. (70% всех эвакуированных пришлось на долю населения Восточной Украины), и послевоенных переселенцев в восточные и северные районы. Русские устремлялись в Закавказье, Среднюю Азию, Казахстан и Молдавию, где быстро росла сеть городов, а местное сельское население еще не было готово к сельско-городской миграции. Приток русских в Прибалтику также был сопряжен с ростом городов, но помимо различий в уровне жизни миграция русских была связана и с низким естественным приростом коренного населения.

В 1960-е годы традиционные маршруты переселений из центральных районов СССР на окраины еще сохранялись, причем, как и раньше, большую часть мигрантов отдавала Российская Федерация. Отток шел также из Белоруссии и Закавказья, а полюсами миграционного притока были Украина, Казахстан и республики Средней Азии. В 1960-е годы численность русских за пределами России возросла более чем на 1/3, превысив в 2,4 раза их естественный прирост. Именно в этот период в большинстве республик наблюдались самые высокие темпы урбанизации. Увеличению численности русских за пределами России способствовал низкий жизненный уровень в ее сельской местности, многие десятилетия являвшейся главным поставщиком мигрантов.

В 1970-е годы в РСФСР был впервые отмечен положительный миграционный баланс. По мере повышения мобильности коренного сельского населения, расширения подготовки квалифицированных кадров и укрепления нацио-

нального самосознания приток русских в другие республики замедлялся. Демографический взрыв в Средней Азии, Закавказье и Казахстане, высокая скрытая безработица и аграрное перенаселение создали напряжение на их рынках труда, и русским, украинцам и белорусам оставалось там все меньше места. С другой стороны, в России демографические ресурсы села оказались исчерпанными, а благоприятная ситуация с трудоустройством и поступлением в вузы и другие специальные учебные заведения способствовала возвращению русских. Их приток мог быть гораздо большим еще ранее, при условии введения свободной прописки в городах. В 1970-е годы рост численности русских мигрантов уже только в два раза превышал их естественный прирост, а в 1980-е годы вообще не вышел за его рамки, что означало полное прекращение миграционного оттока русских из России.

В 1980-е годы начался активный отток русских из союзных республик Средней Азии, Закавказья и Казахстана. Миграционные тенденции этого периода оказались полностью противоположными тем, которые наблюдались в XIX – первой половине XX в. Приток мигрантов отмечался только в России и Прибалтике. В конце 1980-х годов процесс оттока из Казахстана, Средней Азии, Закавказья и Молдавии еще больше усилился и приобрел черты эвакуации. Наряду с вытеснением русских происходил процесс стягивания коренных народов в пределы своих национально-территориальных образований. Например, с 1959 по 1989 г. доля армян, живущих за пределами своей республики, уменьшилась с 44,6 до 33,3%, узбеков – с 16,2 до 15,3%, эстонцев – с 9,7 до 6,2%.

В последние годы, особенно после распада СССР, направление миграций сильно изменилось. Если раньше главный поток переселенцев устремлялся из России в другие республики, то теперь, наоборот, наблюдается приток рус-

скоязычного населения в РФ. Этот обратный поток русских в Россию связан прежде всего с тем, что в новых независимых государствах, возникших на территории бывшего СССР (особенно в странах Балтии), зачастую проводится явно дискриминационная политика по отношению к некоренному населению. И этот поток, по-видимому, будет расти. Кроме того, в Россию направляется множество переселенцев разных национальностей из районов межнациональных конфликтов.

Так, в 1993 г. в РФ прибыли 2 млн беженцев и экономических мигрантов. Это русские, армяне, азербайджанцы, грузины и представители многих других национальностей. По одному из прогнозов, в ближайшие два года в Россию прибудет около 4 млн чел., в том числе из Средней Азии – 3 млн, из Прибалтики – 0,5 млн, с Кавказа – 0,4 млн.

Едут в Россию и мигранты (причем многие нелегально) из дальнего зарубежья. Например, в 1995 г. только в Москве нелегально проживало около 150 тыс. иностранцев, половину которых составляли китайцы, 15 тыс. – афганцы, 10 тыс. – иракцы, остальные – вьетнамцы и представители других национальностей.

Приток населения из стран ближнего зарубежья мог бы оказаться и еще большим, если бы не кризисное состояние российской экономики, сильно затрудняющее создание нормальных условий жизни для переселенцев и беженцев. Сложная экономическая и политическая ситуация в России, несомненно, останавливает часть потенциальных мигрантов. Следует также учитывать, что крупномасштабное переселение, если к нему не быть подготовленным, может усугубить и без того напряженную внутреннюю обстановку. Однако миграции могут оказать и известное позитивное воздействие на экономику России, увеличив долю ее трудоспособного населения (особенно ценен приток высококвалифицированных специалистов) и улучшив демографическую ситуацию.

Для государственного решения проблем переселенцев в последние годы в стране создан специальный орган – Российская миграционная служба, призванная оказывать всестороннюю помощь беженцам и репатриантам в их обустройстве на новом месте.

МОТИВАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Миграционные процессы, связанные с выездом за рубеж, представляют собой совокупность определенных действий и поступков населения, обусловленных переселением в другую страну на постоянное или длительное проживание. Это поведение находится под влиянием как факторов макроуровня (политическая система, уровень экономического развития страны, занятость, доходы населения, потребление, экологическая обстановка, миграционная политика), так и факторов микроуровня – (социальная среда, ценностные ориентации и приоритеты).

Факторы макроуровня – это наиболее общие и глубинные причины эмиграции, обусловленные прежде всего поиском материального благополучия или личной безопасности. В России они определяются процессами трансформации российского общества, перехода экономики из государственной в рыночную.

Изменение внешней среды обитания обуславливает развитие и направленность миграционных намерений индивида, переориентацию его установок с внутренней миграции на эмиграцию.

Изучение эмиграционного поведения, выполненное Е. С. Красинец (1997), позволило уточнить конкретные причины переселения за рубеж, выявить мотивы эмиграции, потребности, побуждающие людей уезжать из страны на-

совсем или на длительный срок. Это исследование показало, что в последние годы заметно расширился спектр мотивов, определяющих эмиграцию из России. Если ранее мотивы эмиграционного поведения носили преимущественно этнический или политический характер, то теперь они все более приобретают характер экономический и социальный. В большинстве своем люди, уезжая руководствуются не одним каким-то мотивом эмиграции (хотя бывают ситуации, когда преобладает и какой-то один повод), а решают или пытаются решить для себя целый ряд проблем выживаемости в условиях развивающегося в России капитализма. Поэтому эмигранты чаще всего выделяют для себя сразу несколько причин переезда за рубеж.

В целом в структуре мотивов эмиграции, как показывают результаты этносоциологических исследований, доминируют мотивы, связанные с разочарованием в перспективах проводимых в российском обществе реформ. Такой мотив эмиграции как «обеспокоенность за будущее своих детей», на первое место поставили около 48% эмигрантов. Возможно, на приоритет этого мотива повлиял семейный характер эмиграции из России. Однако за этим мотивом может скрываться и социальное настроение, общее неверие в развитие российской экономики.

Второе место занимают мотивы, которые носят отчетливо выраженный экономический характер. Эти мотивы назвали свыше 40% эмигрантов, направляющихся из России за рубеж. Принятие решения об эмиграции обусловлено как экономической мотивацией, побуждающей к выезду из страны (неудовлетворенность жизнью в стране, в первую очередь материальным благополучием), так и мотивами, связанными с оценкой предстоящей жизни в новой для себя стране (возможность накопить за границей капитал, решить проблемы личного достатка). Во всей совокупности опрошенных наиболее часто встреча-

ются мотивы «жизнь стала просто невозможной» (25%), «невозможность реализовать свои деловые и профессиональные качества» (12%).

Следующим по рангу мотивом выезда являются семейные причины («переезд к ранее выехавшим членам семьи или родственникам») – 28% респондентов. По существу, этот мотив отражает этнический характер российской эмиграции – преимущественный выезд этнических немцев в Германию и евреев в Израиль. Другими словами, мотивы репатриации на историческую родину также доминируют. Этнические мотивы как выталкивающие обстоятельства (недоброжелательное отношение к национальности) указали менее 20% опрошенных. Если учесть, что современная миграция из России имеет ярко выраженную национальную структуру выезжающих, то смещение этнических мотивов на средний план свидетельствует о смене приоритетов, изменении характера миграционного поведения этнических эмигрантов.

Обследование показало, что для части опрошенных не теряют остроты и политические аспекты мотивационной основы их выезда. Нынешняя политическая нестабильность и свежие воспоминания о прошлых режимах привели к тому, что 13% респондентов беспокоит высокая вероятность возврата к прежним порядкам, и именно это стало одним из основных мотивов их эмиграции.

Весьма важное значение для изучения закономерностей формирования миграционного поведения имеет выяснение деятельности по принятию решения о выезде за рубеж. Опрос показал, что действия, связанные с эмиграцией из страны, не носят случайного характера, а являются результатом продуманных поступков, основанных на критическом отношении россиян к ходу социальных трансформаций в обществе. По результатам опроса, временной лаг между принятием решения об эмиграции и самим выездом

у основной массы эмигрантов (2/3 от общего числа) составляет от 1 до 3 лет. В общей массе эмигрантов примерно у 15% этот период охватывает от 3 до 5 лет. Относительно небольшой является доля выезжающих (13,2%), у которых с момента принятия решения об эмиграции до самого процесса переселения прошло менее года.

Говоря о формировании миграционных установок на выезд за рубеж, необходимо отметить, что в современной российской семье вопросы эмиграции решаются, как правило, коллегиально и на основе демократизма. Только 3–4% опрошенных показали, что в их семьях проблема выезда практически не обсуждалась или была воспринята ими пассивно. После принятия решения об эмиграции необходимость переселения становится безусловным приоритетом у большинства членов семьи. Установлено, что у преобладающей части эмигрантов (72%) выехать за границу высказали желание все члены семьи, у 14% из числа опрошенных отношение к переселению было неоднозначным и только у 11% респондентов желание уехать среди членов семьи имели только сами опрошенные.

Анализ факторов эмиграции на микроуровне позволяет увидеть и причины, удерживающие россиян от выезда из страны насовсем. Главная из них на сегодня – сложность организационных процедур эмиграции (получения въездной визы, оформления выездных документов в российских гос.учреждениях). Но есть и факторы, внушающие оптимизм – сохраняющаяся у части населения надежда на перемены к лучшему в России.

Обследование Е. С. Красинец, 1997 выявило и жизненные планы российских эмигрантов. Большинство (почти 2/3 от числа ответивших) хотели бы резко не менять социальное положение и сохранить свою экономическую активность. Примерно 13% респондентов, в основном женщины, предполагают заняться воспитанием детей, домашним

хозяйством. Каждый десятый эмигрант намерен продолжить образование, пройти переподготовку, получить нужную профессию.

Приоритетность миграционных установок на труд в общей структуре эмиграционных намерений в значительной степени объясняется высокой долей в эмиграционном потоке лиц активных трудоспособных возрастов (30–45 лет). Именно в этой демографической группе в структуре мотивов миграции преобладают трудовые мотивы. Необходимо также учесть, что профессиональные планы у выезжающих из страны представляются ими по-разному. Большинство (58%) связывают свою будущую трудовую деятельность за границей с работой по найму. В силу неразвитости рыночных отношений и структур в России наши соотечественники, за немногим исключением, пока не имеют опыта самостоятельного предпринимательства и бизнеса. В результате в западной рыночной экономике уверенно видят себя в качестве предпринимателей, бизнесменов, руководителей фирм только 6% из числа опрошенных, среди них половина хотела бы работать самостоятельно, иметь свое дело, обходясь при этом без наемных работников.

В рамках выявленных общих особенностей формирования эмиграционного поведения эти процессы специфичны и на уровне отдельных социально-демографических групп. Прежде всего выделяются отклонения от средних характеристик поведения в зависимости от пола и возраста эмигрантов.

Если рассматривать миграционные намерения выезжающих с учетом их демографических характеристик, можно отметить, что внутри семьи женщины по сравнению с мужчинами реже инициируют саму идею эмиграции из страны. В силу своей большей экономической зависимости они труднее определяются в выборе своей дальнейшей судьбы за рубежом, менее охотно идут на отказ от российского гражданства. Если в миграционных установках мужчин явно

преобладают намерения работать за границей по найму или стать предпринимателем, то у женщин больший удельный вес занимают ориентации на домашнее хозяйство, создание условий для лучшего будущего детей. В мотивационном блоке эмиграционного поведения трудовые мотивы у женщин в сравнении с мужчинами выражены слабее. Профессиональный статус за рубежом для женщин имеет меньшее значение, чем для мужчин.

Процесс формирования эмиграционного поведения по-разному протекает у эмигрантов разного возраста. Так, молодежь (особенно до 20 лет) легче решает для себя вопрос о смене гражданства: треть молодых людей из числа опрошенных хотела бы поменять свое гражданство. В старших возрастах (предпенсионном и пенсионном) такое желание высказывается значительно реже. Для эмигрантов в зрелом возрасте экономические мотивы эмиграции больше связаны с ориентацией на улучшение условий для самореализации, усталостью от неустроенности своего быта в России.

Эмиграционные намерения зависят также от образовательного уровня и экономического статуса выезжающих. Образование, занятие, профессия, квалификация являются признаками, определяющими положение людей в обществе, их принадлежность к той или иной социальной группе. Социальный статус эмигрантов отражается на индивидуальном-личностном мире ценностных ориентаций людей, во многом определяет поведенческие установки выезжающих.

Важной составляющей выезда за рубеж выступает деятельность эмигрантов в процессе адаптации в новой для себя стране. Предстоящие проблемы в сфере занятости и трудоустройства за границей вызывают у российских эмигрантов наибольшую озабоченность.

Реализация жизненных планов, связанных с получением за рубежом интересной высокооплачиваемой работы по специальности, для большинства российских эмигрантов

оказывается самой сложной задачей их интеграции в новую для себя социальную среду. И это вполне естественно. Практически во всех странах иммигранты встречаются с различными формами дискриминации при поиске работы, признании квалификации, оплате труда, продвижении по службе. У иностранцев больше шансов потерять работу, выше риск оказаться безработным.

Необходимо подчеркнуть, что в мире уже сложилось международное разделение труда. Рынок труда экономически развитых стран перенасыщен работниками с традиционной технической или гуманитарной подготовкой, средним (по западным меркам) уровнем квалификации.

В сфере занятости спрос на иностранцев сохраняется только по двум профессиональным группам – высококвалифицированные специалисты (прежде всего в области новейших технологий, маркетинга, проектирования производства, финансов, брокерских операций) и низкоквалифицированная рабочая сила, готовая выполнять многие виды непрестижных работ, которых избегают местные работники (в низкооплачиваемых отраслях промышленности, сельском хозяйстве, городских коммунальных службах, гостиничном комплексе, ресторанном сервисе, на многих малых предприятиях, работающих на грани прибыльности, и др.).

При решении вопросов получения работы за рубежом надо учитывать приоритетность трудоустройства на национальных рынках труда Запады собственных граждан, острую конкуренцию за свободные рабочие места не только среди местных работников, но и со стороны мигрантов из других стран, а также жесткие требования работодателей к возрасту и знанию языка.

До выезда из России только каждый пятый эмигрант имеет конкретные предложения по трудоустройству за рубежом (в основном через знакомых, родственников, ранее выехавших членов семьи). Преобладающему большинству

(80%) эмигрантов еще предстоит поиск работы за границей. И для многих из них он начнется с посещения курсов иностранного языка, переобучения в профессиональных центрах переподготовки кадров.

Второе место среди всех предстоящих проблем адаптации занимает преодоление языкового барьера. От этого зависят шансы эмигрантов получить доступ ко всему, что новая страна могла бы им предложить, прежде всего в области занятости, образования, здравоохранения, обустройства и обеспечения жильем, социальной защиты. Из десяти выезжающих только двое свободно владеют иностранным языком, четверо могут объясниться и еще четверо местного языка практически не знают. В совокупности 25% эмигрантов с хорошим знанием языка после выезда за рубеж намерены сменить российское гражданство, а среди неспособных разговаривать на местном языке – таких только 20%.

Интересно, что проблемы предстоящей адаптации в принимающих странах видятся для мужчин и женщин по-разному. Из всех ожидаемых трудностей жизни за рубежом для мужчин на первом плане стоят проблемы, связанные с трудоустройством по специальности, приобретением жилья, а женщин волнует больше всего эмоциональная сторона их интеграции в новую для себя социальную среду – отсутствие близких друзей и знакомых, незнание языка, быта, обычаев, нравов местных жителей.

Деятельность в процессе адаптации в принимающей стране – заключительная стадия эмиграционного поведения. Однако ее рассмотрение не может дать полного представления обо всей сложности проблемы эмиграции, ибо конкретные поведенческие поступки, связанные с переселением в другую страну, носят всеобщий или групповой характер с одной стороны, и в то же время, различаются у выезжающих в отдельные страны. Поскольку важнейшее место в эмиграции из России занимает переселение этни-

ческих немцев и евреев, тот оно оказывает определяющее влияние на среднероссийские тенденции миграционного оттока из страны и особенности формирования эмиграционного поведения населения.

ЭМИГРАЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Среди проблем современной эмиграции из России главное место занимают процессы, связанные с оттоком за рубеж творческой интеллигенции и высококвалифицированных кадров, что в мире обозначается термином «утечка умов». В условиях сохраняющегося кризиса внешняя и внутренняя миграция научных, научно-технических и научно-педагогических кадров представляет реальную угрозу снижения интеллектуального потенциала российского общества, невосполнимого разрушения всего научно-технического комплекса страны.

По официальным данным, за время проведения реформ Россию покинули десятки тысяч высококвалифицированных профессионалов. Только в 1995 г. из страны эмигрировало 8,3 тыс. чел., входящих в группы работников науки, культуры, искусства, преподавателей вузов, специалистов, что составляет 11,3% по отношению к общей численности взрослых россиян, выехавших на постоянное место жительства за пределы ближнего зарубежья. В результате эмиграции Россию покидают ученые специалисты ведущих отраслей экономики, преимущественно программисты, химики, электронщики, механики, специалисты по молекулярной биологии, физике твердого тела, прикладной механике, а также представители перспективных направлений медицинской науки.

Большую тревогу и озабоченность вызывает отток кадров высшей квалификации из академической науки. Так, за 1991–1992 гг. более половины выехавших на постоянное место жительства за границу сотрудников РАН имели ученую степень кандидата наук, 16% – доктора наук.

Основные потоки интеллектуальной эмиграции идут из регионов, обладающих высоким научно-техническим потенциалом: Северо-Западного, Центрального и Западно-Сибирского; из городов преобладают Москва, Санкт-Петербург и Новосибирск. По данным Госкомстата РФ, в 1995 г. свыше 65% выехавших из Москвы и Санкт-Петербурга – дипломированные специалисты.

Ориентированы потоки интеллектуальной эмиграции в настоящее время на США, Канаду, Израиль, Австралию, страны Западной Европы – Великобританию, Германию, Францию. Эти страны не только принимают, но и поощряют иммиграцию высококвалифицированных кадров, в первую очередь специалистов в области современных технологий, программистов, инженеров, врачей, специалистов по естественным наукам. По данным МВД России за 1995 г., в общей массе выехавших в США две трети – специалисты с высшим и средним специальным образованием, с сильным перевесом в сторону технического. Почти три четверти эмигрировавших в Канаду и Австралию – дипломированные специалисты. Среди выехавших в Израиль таких 57%, во Францию – 62%.

Потенциал эмиграции высококвалифицированных специалистов остается высоким. По имеющимся оценкам, не менее половины докторов и кандидатов наук военно-промышленного комплекса России заинтересованы в работе за рубежом.

Один из основных вопросов заключается в том, собираются ли высококвалифицированные профессионалы уезжать навсегда или на время (до 5 лет), поработать и вернуться. По

данным опросов в Москве, четыре пятых специалистов с высшим образованием и три четверти с дипломом кандидата (доктора) наук уезжают за границу на постоянное место жительства, на работу по временному контракту – 5–7%. Таким образом, «утечка умов» в основном носит безвозвратный характер, что обостряет проблему выхода страны из кризиса, становится тормозом развития общества.

Так, заметный отток преподавательского состава снижает возможности страны в подготовке и обучении новых научно-технических кадров и квалифицированных работников. Потери в результате интеллектуальной эмиграции обостряют проблемы структурной перестройки экономики, внедрения достижений научно-технического прогресса, повышения конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке. И дело здесь не только в количестве выехавших, но и в том, что отъезд даже отдельных ведущих специалистов, ярких научных, творческих личностей ведет к ослаблению или даже закрытию научных школ, перспективных научных направлений и может стать фактором общего снижения качества научных исследований и разработок, привести к «провинциализации» науки.

Принципиальным моментом безвозвратной интеллектуальной эмиграции из России, так же как и эмиграции в целом, является относительно слабая подготовленность выезжающих к их будущему трудоустройству. По данным социальных исследований конкретные предложения на работу имеет только каждый четвертый специалист с высшим техническим образованием и каждый пятый с высшим гуманитарным образованием. Среди научных и научно-педагогических работников с ученой степенью доктора или кандидата наук этот показатель несколько выше (около 40%). Но тем не менее даже среди них каждые шесть ученых из десяти едут без заранее определенного места работы, рассчитывая только на обещание помощи и надеясь на удачу.

Важно учитывать, что в развитых странах существует проблема верификации российских дипломов. Кроме того, существует языковой барьер: свободно владеют языком страны въезда только 16% лиц с высшим техническим образованием и 20% – с высшим гуманитарным; владеют с большим трудом или совсем не знают – соответственно 44 и 40%. Эти две основные предпосылки успешной профессиональной адаптации приводят к тому, что не все ученые и специалисты, эмигрировавшие из России, могут найти, вскоре после приезда, работу по специальности. Часть из них меняет сферу профессиональной деятельности, а другие снижают свой статус (специалисты работают в должности лаборантов, медицинских сестер и т. д.). Это означает, что часть безвозвратной интеллектуальной эмиграции – потеря не только для России, но и для мирового научно-технического потенциала в целом.

Основные причины выезда высококвалифицированных специалистов за рубеж носят экономический характер. В период формирования рыночной экономики и передела собственности произошло массовое обнищание людей интеллектуального труда, занятых в бюджетной сфере (в первую очередь работников науки и научного обслуживания). Давая оценку своего материального положения в обществе, треть эмигрантов с дипломами кандидата и доктора наук считают себя бедными. Среди ученых практически нет таких, кто считал бы себя богатым по сравнению с другими членами общества. Большинство из них оценивают свой достаток в России как средний, придерживаясь, однако, мнения, что лучше быть бедным в Америке, чем иметь средний достаток в России.

Общий низкий уровень доходов преобладающей части квалифицированных кадров в известной мере связан с их принадлежностью к определенным профессиональным группам. Из страны уезжают прежде всего, как уже говори-

лось, специалисты, научные работники, творческая интеллигенция. В течение периода так называемых реформ в этих профессиональных группах материальное положение ухудшилось, причем у каждого третьего – значительно. Если работники умственного труда не сотрудничали в финансовых и коммерческих структурах, то уровень их заработной платы к моменту выезда за рубеж был существенно ниже, чем в других отраслях народного хозяйства.

Это относится и к высококвалифицированной части работающих в научно-техническом комплексе России. Даже наличие у специалиста ученой степени не гарантирует ему высоких заработков, если он занят в бюджетной сфере. По данным социологов, только у трети эмигрантов со степенью кандидата наук и у каждого четвертого доктора наук материальное положение в последнее время осталось без изменения, а у 58 и 50% соответственно – ухудшилось, и даже значительно.

Если сравнивать материальное положение эмигрантов из числа специалистов и представителей рабочих профессий, то, по их собственной оценке, у первых положение несколько хуже, при этом каждый пятый считает себя бедным.

Обследование вместе с тем показало, что в период социальных и экономических реформ положение людей с высшим техническим образованием значительно прочнее, чем у «гуманитариев». Примечательно в этой связи, что 22% «технарей» заявили о некотором улучшении своего материального положения против 14% «гуманитариев». Одновременно снижение реальных доходов отметили около 50% специалистов технического профиля и 62% – гуманитарного.

Важным фактором, стимулирующим интеллектуальную эмиграцию, является невозможность реализовать в своей стране профессиональные устремления высококвалифицированных специалистов. Если раньше это было связано в

первую очередь с политическими и идеологическими причинами, то в настоящее время – с экономической невыгодностью заниматься интеллектуальным трудом.

Значительное влияние на увеличение масштабов интеллектуальной эмиграции в ближайшем будущем может оказать рост численности безработных специалистов и, вследствие этого, пессимистическая оценка ими перспектив реализации профессиональных, или личных интересов в стране.

Отсутствие в настоящее время в России объективных условий для реализации работниками умственного труда потребностей профессионального или личного характера обуславливает действие «выталкивающих» факторов, а наличие таких возможностей за рубежом формирует совокупность «привлекающих» факторов. К ним в первую очередь относятся современная научно-техническая база, более высокие доходы, лучшие условия труда.

«Утечка умов» из России косвенно стимулируется целенаправленной иммиграционной политикой большинства экономически развитых стран мира, в первую очередь США, Канады, Австралии. Так, начиная с 1949 г. иммиграционные службы США стали уделять иностранным работникам нужных специальностей огромное внимание притоку из-за рубежа высококвалифицированных кадров: на льготных условиях предоставляются въездные визы. В 1990 г. правительство США более чем в два раза увеличило ежегодную иммиграционную квоту для высококвалифицированных специалистов (с 58 до 130 тыс. чел.) при лимите численности иммигрантов с низким уровнем квалификации 10 тыс. чел.

Динамика интеллектуальной миграции из Российской Федерации тесно связана с проблемой финансирования по всем направлениям науки, научного обслуживания и подготовки специалистов в высшей школе. При современном

положении дел с оплатой труда в стране наука и высшее образование не являются и не могут являться привлекательной сферой занятости. Поэтому в условиях стабильно высокого спроса на высококвалифицированных ученых и специалистов на рынках труда развитых стран Запада эмиграционный отток наиболее квалифицированных кадров из России может оказаться устойчивым.

ГЛАВА 8. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ НАРОДОВ РОССИИ В XXI ВЕКЕ

Сегодня в Евразии идут геополитические процессы оказывающие влияние на судьбу народов и государств, развивающихся под влиянием России в течение нескольких столетий.

После распада СССР, перед Россией, остро встала проблема сохранения единства и целостности, как федеративного государства. В значительной степени решение этой проблемы обусловлено определением геополитического статуса новой России и ее места в современном многополярном мире и выработка соответствующей стратегии поведения. Для этого прежде всего необходимо четко определиться со структурой и динамикой совокупной геополитической мощи страны, т. е. суммой сильных или слабых сторон положения России, на фоне ведущих государств мира и их союзов.

Ряд евразийских государств, в том числе, и в СНГ, под воздействием националистических элит и внешних антироссийских сил отказываются от позитивных культурных, экономических и политических связей с Россией под разнообразными предлогами, в том числе под предлогом ухода от тоталитаризма.

Основной причиной снижения геополитического потенциала России, ее деградации, обычно считают – и не без основания – экономику, которая находится в состоянии перманентного кризиса. В долгосрочной перспективе будет все заметнее сказываться негативное воздействие еще одного, приобретающего самостоятельное значение фактора – демографического. России грозит острая нехватка (в соответствии с ее территорией и размерами ее природных богатств) номинально дееспособного населения, все более прогрессирующее ухудшение его качества (в результате физической, психической и духовной деградации), изменение этнодемографической структуры народонаселения.

Русские – основной образующий государственный этнос находится в тяжелом демографическом положении. В не столь отдаленной перспективе это грозит серьезными последствиями как для самого этноса, так и для Федерации в целом, поскольку замещение русских каким-то иным этносом, породит хаос и конфликты, лишит Евразию важнейшего этнического и культурно-политического компонента.

Такое демографическое положение русских особенно тревожно в сравнении с демографическим ростом евразийского Юга, который, напротив, численно бурно развивается. Если эти тенденции будут сохраняться в существующей пропорции, то через 40–50 лет неизбежно произойдет вытеснение русских с занимаемых позиций в РФ, размывание относительной однородности России или даже поглощение русских южными народами.

Этот последний фактор может послужить причиной нарушения этнического баланса в Евразии и подтолкнуть бурно развивающиеся в демографическом смысле народы Юга к национальной экспансии на русские территории (особенно это касается Сибири и Дальнего Востока).

Эту проблему следует решать немедленно, с учетом имеющегося опыта геополитического анализа кризисных ситуаций. Реализация геополитических планов с самого начала обязана синхронно сопровождаться действиями, направленными на демографический рост русских и народов России и на их этническую перегруппировку с целью удержания «жизненного пространства». Достичь этой цели можно исключительно *политическими* методами, которые должны и привести непосредственно к искомому результату и предопределить экономические меры в этой области.

Идеологическим обеспечением этих геополитических планов может стать концепция *российского этноцентризма*. Концепция этноцентризма должна, по мнению большинства российских геополитиков, использовать не только государственную, но и культурно-этническую терминологию с особым ударением на такие категории как «державность», «народность», «духовность», и «этническую комплиментарность». При этом российский необходимо избегать любых попыток прямой реставрации тех форм, которые исторически себя исчерпали.

Демографические проблемы России, в последние годы волнуют не только специалистов-этнологов, демографов, политиков, но и предпринимателей, поскольку в реальную плоскость переходит невозможность освоения природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока (а, ведь, именно они могут стать локомотивом, способным вытянуть Россию из затяжного экономического кризиса и в дальнейшем, гарантировать ее независимое развитие); нехватка людских ресурсов для подъема промышленности и сельского хозяйства, ненасыщенность и прерывистость информационного пространства; слабая неэффективность коммуникаций; в долгосрочной перспективе – «обвал» численности и дальнейшее снижение качества социально-профессиональных групп интеллектуального труда, проблемы с созданием эффектив-

ной – достаточной по размерам (для защиты обширной территории) и качеству подготовки армии; фактическая «выдача приглашений» соседним перенаселенным странам так или иначе приглядываться к российским землям и ресурсам; радикализация русского этнобольшинства, озабоченного своей дегенерацией. Таким образом, сегодня Россию по совокупным геополитическим параметрам вряд ли можно в полной мере отнести к глобальным державам или глобальным центрам силы. Тем более, что остается неясной судьба СНГ, которое в принципе способно превратиться в обширную зону недвусмысленного геополитического доминирования России.

Нейтрализация негативных сторон геополитического положения России, например, протяженность и уязвимость новых государственных границ, ослабление ее глобальных позиций в международных отношениях, предполагает опору на сохранившиеся внутренние факторы российской геополитической мощи. К ним относятся такие традиционные геополитические ценности, как природные ресурсы и территория, оставшаяся военную мощь с упором на ядерное оружие, отдельные сферы промышленного (прежде всего военного) и интеллектуального потенциалов.

Внутренние возможности России сегодня не настолько велики, чтобы их можно было использовать во благо России, но наперекор любым внешним обстоятельствам. Отсюда и задачи – создать благоприятные международные условия, обеспечивающие некоторую «передышку» для приведения в порядок внутренней силовой базы и максимальную реализацию имеющихся геополитических ресурсов. Какая же геополитическая стратегия более всего соответствует этим задачам?

В принципе, существует три типа стратегий, в том числе и геополитических: *экспансионистские*; *уступающие* (допускающие сжатие сферы влияния и даже сокращение

физической территории страны); *позиционные*, направленные на консервацию статус-кво или по крайней мере его основных позиций.

Экспансионистская стратегия с проникновением в дальнее зарубежье потребовала бы большого избыточного запаса геополитической мощи – для проведения самой политики, закрепления на новых позициях (то есть «переваривания» завоеванного), долгосрочной их защиты от внутренней оппозиции и внешних конкурентов (именно последняя, «защитительная», задача и не была решена Советским Союзом в Афганистане). Такого потенциала у России нет.

Уступающая стратегия сознательно проводилась различными странами не раз. Вспомнить хотя бы важный геополитический маневр Великобритании в конце 50-х гг., известный как «уход с востока от Суэца». Или продажа в 1867 г. Россией Аляски, которую она вряд ли могла бы долго удерживать, учитывая отсутствие надежных коммуникаций из центра страны через Сибирь, низкую эффективность народного хозяйства (реформы 60-х гг. лишь открывали возможность для ускоренного развития страны), обостренные отношения с Турцией и великими европейскими державами и т. д. Значительно ближе к нашим дням пример уступательной стратегии государственных решений эпохи «перестройки», «сдавших», во многих случаях без адекватной компенсации, многие геополитические козыри СССР (уход из «третьего мира» и с рынков вооружений, поспешный и хаотичный вывод войск из Восточной Европы и Германии), а также «постперестройки», «жертвой» которой стал сам СССР. Дальше развитие этой линии губительно, ибо это означало бы уход России из СНГ и, вероятно, распад самой России.

По совокупной геополитической мощи на данном этапе Россия уступает практически всем глобальным центрам

силы. Значит, ей остается выбор в пользу *позиционной стратегии*, состоящей в конкретном российском случае из двух основных направлений.

Во-первых, удержания стран «ближнего зарубежья» в орбите российского притяжения, разумеется тех, которые представляют интерес для самой России. Важны материальные связи и зависимости – сохранение оставшихся и развитие новых экономических контактов России с государствами СНГ экспансия российского государственного и частного капитала в «ближнее зарубежье».

Во-вторых, со странами «дальнего зарубежья» и, прежде всего с глобальными центрами силы наиболее рациональна стратегия *«балансирующей равноудаленности»* (т. е. некоторой отстраненности России от международных дел под предлогом озабоченности собственными делами).

Стратегия «балансирующей равноудаленности» предполагает:

- что, у России, как впрочем и у любого крупного государства, нет и не может быть идеальных партнеров, она просто *«обречена» рационально подходить к планированию и осуществлению своей внешней политики;*

- Что, Россия, безусловно, не должна нарочито дистанцироваться от кого-либо из мировых лидеров (например, от Японии из-за притязаний Токио на Курильские острова): с каждым из них нужно стремиться находить области, где кооперация возможна и желательна для каждой из сторон. Следует принимать участие и в многонациональных проектах, но только тех, которые действительно отвечают ее интересам;

- что, России не стоит уповать на сотрудничество с глобальными центрами силами как на основное и универсальное средство преодоления ее внутреннего кризиса. Сегодняшний мир очень сложен и противоречив, поэтому коллизии в отношениях практически с каждым из мировых

лидеров будут негативно сказываться на уровне и объеме кооперации, будут придавать ей «нервозность». Существенным тормозом в сотрудничестве будет и воля многих государств не допустить возрождения России как мощной, стабильной и независимой державы-конкурента.

- что, России не следует ожидать открытости мировых рынков для российских товаров, особенно тех, которые могут составить конкуренцию продукции Запада. Поэтому реальная зарубежная экономическая мощь России до сих пор остается на скромном уровне и структура ее далека от оптимальной. Даже по западным экспертным оценкам, контраст между заявлениями о поддержке реформ в России и тем, как осуществляется содействие, настолько велик, что фактически речь идет о двух разнонаправленных стратегиях Запада;

- что, Россия не должна ориентироваться на какой-то один центр силы (Европу, США, Китай и т. д.). Безмерное сближение с любым из них в условиях ее нынешней слабости окажется положением ведомого. Это, в свою очередь, способно ущемить российские национальные интересы и подхлестнуть экстремистские настроения внутри страны. России выгодна хотя бы примерная взаимоуравновешенность мировых лидеров, обеспечивающая большую глобальную и региональную стабильность и дающая России ей наилучшую возможность использовать ограниченные ресурсы для эффективного внешнеполитического маневрирования. В любом геополитическом процессе действуют более активные и более пассивные его участники (причем обычно меняясь ролями), Россия – в силу ее нынешних трудностей – относится сегодня себя ко второй группе.

Вышесказанное позволяет с учетом экономических и этнодемографических условий, предположить, что для России на данном этапе оптимальной является политика «балансирующей равноудаленности» от новых и старых мировых ли-

дерев (или, по возможности, равноприближенности к ним). Сегодня России всего подходит роль, что веками играла Англия, следившая за европейскими пертурбациями как бы со стороны и периодически, в соответствии со своими интересами, выступавшая в качестве критического «веса» в большой политике – решающего и всеми желанного «довеска» в подвижном балансе коалиций континентальных держав.

В плане используемых средств национальная стратегия Великобритании опиралась на четыре принципа: предпочтительная опора на морскую мощь, а не на наземные силы; упор на гибкие внешнеполитические комбинации, а не на постоянные союзы; балансирование, а не покорение; (выборочная) интервенция вместо прочного «завязывания». Эта стратегия, была чрезвычайно успешна, обеспечивая Великобритании единоличный глобальный статус в течение двух веков. Парадоксально, но нынешнее состояние России увеличивает ее шансы играть роль такого «довеска»: для новых мировых лидеров она на данном этапе не является вызывающим тревогу конкурентом. Зато для большинства из них привлечение на свою сторону ее ресурсов весьма желательно.

Политика балансирующей равноудаленности по мнению геополитиков должна руководствоваться четырьмя задачами:

- максимальным использованием все-еще имеющихся у России рычагов воздействия на мировую политику, причем не только военно-политических. Складывающаяся структура международных отношений по сравнению с биполярной более динамична. Поэтому даже небольшие изменения в условиях протекания глобальных процессов (скажем, экономических) могут быть эффективны и иметь серьезные последствия. Россия, бесспорно, еще способна вносить такие изменения, к примеру, варьируя уровнем нефте- и газэкспорта;

- недопущением чрезмерного усиления отдельных геополитических полюсов за счет, например, активизации связей с претендентами, которые, очевидно, будут готовы предоставить России режим «политико-экономического благоприятствования»;

- использованием к своей выгоде существующих и потенциальных противоречий между ведущими мировыми державами и возглавляемыми ими коалициями, а также внутри них, между глобальными и региональными центрами силы. России вряд ли стоит предпринимать энергичные усилия для сглаживания подобных противоречий: их сохранение не только обеспечивает большую свободу действий, но и затрудняет возможность ее международной изоляции, образование глобальной или региональных антироссийских коалиций;

- применение во внешней политике принципа «увязки», т. е. жесткой обусловленности своих уступок аналогичными действиями других стран. Прежде всего, это должно касаться государств СНГ (от миротворчества до санкции, например, за нарушение условий межгосударственных соглашений, или отражения внешних угроз, затрагивающих Россию; и т. д.). При этом следует иметь в виду, что условия реализации российских интересов в каждом конкретном случае могут сильно различаться в соответствии с реакцией «объекта» интересов (например, зажатой между враждебными и потенциально недружественными государствами Армении, для которой Россия является единственной надеждой на национальное выживание, и Украины, которая активно предлагает себя Западу, а внешнеэкономическую политику планирует ориентировать прежде всего на Европейский союз. Подобные условия могут меняться с течением времени в зависимости от внутренней ситуации, эффективности российского подхода и результатов внешних влияний.

Отдельной проблемой стоит поиск социально-политических и этнодемографических инструментов реализации практикуемых в международных отношениях геополитических приемов (при условии наличия национальных интересов, которые стоят подобных усилий).

У России и сегодня еще сохраняются ресурсы воздействия на соседей по СНГ и Балтии. В то же время у нее практически нет – универсальных и одновременно безусловно действенных способов реализации своих интересов Дальнем Зарубежье. Такая ситуация требует тщательного отбора геополитических методик для каждого конкретного региона/страны и для каждой ситуации в межгосударственных отношениях при тщательном просчете возможных негативных последствий.

Во-первых, следует исходить из того, что чем менее стабильно государство-объект российских интересов и чем менее оно устоялось в социально-политическом плане, тем менее подходят экономические и политические методы, и тем более России придется полагаться на военно-политические и даже военные меры. Верна и обратная зависимость.

Во-вторых, нынешняя политическая власть в самой России слаба и противоречива, и таковой может оставаться еще довольно долго (учитывая политическую апатию одной части электората и поляризацию мнений в другом). Поэтому государственные структуры с трудом защищают базовые российские интересы даже в Ближнем Зарубежье. Сегодня им в этом может помочь по крайней мере одна сила, играющая все большую роль в российском обществе: крупные российские предпринимательские структуры (например, Газпром), включая коммерческие банки, для которых бывшие советские республики пока еще являются относительно «мягкой» для внедрения экономической зоной.

В-третьих, межэтнические и политические отношения «балансирующего» типа, следует учитывать три принципа из арсенала западного «внешнеполитического реализма». Прежде всего, это **принцип творческого использования старой мудрости, что слабое (ослабленное) государство имеет шанс на выживание только в том случае, если оно имеет не одного, а двух и более сильных соседей**. В советские времена этот принцип был известен как игра на межимпериалистических противоречиях. Сегодня, при неустоявшейся еще многополярности, Россия могла бы в полной мере воспользоваться эффектом взаимной нейтрализации разнонаправленных геополитических влияний, причем не только внутри самой России («соперничество за Россию»), но и вне России на региональном уровне, в частности, в Ближнее Зарубежье. К примеру, следует дифференцировать спектры исламской опасности с южного направления, следует различать конкурирующие антироссийский исламский анархоэкстримизм афганского толка (движение талибов), и ваххабизм и иранский госфундаментализм (с его представителями Россия довольно успешно сотрудничает) и турецкие светский ислам (хотя и обладающий ограниченным потенциалом кооперации с Россией, за исключением, пожалуй, экономики). Кроме религиозных (конфессиональных) необходимо учитывать и резко противостоящие друг другу этноконфессиональные конкурирующие геополитические экспансии в Центральной Азии и Закавказье — иранскую и турецкую. **Другой принцип** — «*пакетный*» метод увязывания тех проблем, где Россия имеет прочные позиции (поставки энергоносителей, расчеты по долгам), и тех, где ее позиции нуждаются в укреплении. Наконец, **третий принцип**, суть которого состоит в том, чтобы добровольно отказаться от того, что удержать невозможно или невыгодно, при этом снабдив такое подношение набором потенциальных проблем для нового «хозяина»

(Этот прием активно практиковался европейскими державами при предоставлении независимости своим колониям. Вспомним, какую взрывоопасную геополитическую «мозаику» оставили англичане на месте своих индийских и ближневосточных владений). Используя такой прием, Россия может вновь предложить активным международным структурам (европейским, глобальным полную свободу самим разрешать глубинные конфликты в Ближнем Зарубежье приняв это предложение, международные организации в конечном итоге распишутся еще в большем собственном бессилии, чем в бывшей Югославии); либо же резко уйти, скажем, из южных районов СНГ, если там станет слишком тяжело. За этим последует истощающее соперничество внешних держав за освободившееся место, перенапряжение ресурсов победителя, если таковой будет, и его вынужденное отступление на прежние позиции под давлением как несостоявшихся – и оттого разочарованных – геополитических вассалов, так и, надеюсь, окрепшей России, если она, конечно, опять определит свои интересы в оспариваемых районах.

В-четвертых, существует и такой механизм воздействия как возможности форсированной эвакуации всех желающих в Россию (речь идет прежде всего о южных республиках бывшего СССР). Размещение мигрантов-переселенцев в некогда обжитой сельской местности российского Нечерноземья и мелких российских городах, способствовала бы снижению депопуляции населения. Такое мероприятие, будь оно реализовано, помогло хотя бы частично решить проблему нехватки рабочих рук особенно на востоке страны. Возможность ее осуществления вызвала бы переполох в затронутых государствах, ибо они лишались бы, как правило, высококвалифицированной рабочей силы и специалистов. Оно также лишало бы страны СНГ возможности использовать диаспору в качестве заложника при общении с Россией, избавило

бы последнюю от постоянных и обременительных миротворческих и «пограничных» затрат, а также прекратило бы дискуссию о том, за кого Россия, собственно, отвечает: этнических русских, русскоязычных или российских граждан.

В-пятых, применение военной силы как «высшим» средством государственной политики. При этом, вопрос о применении войск (или устрашении) может возникнуть только в отношении тех регионов и в тех ситуациях, в которых реально и серьезно затронуты высшие государственные интересы, и только после тщательной оценки и анализа альтернативных (несиловых) вариантов действий. В западном мире, традиционные государственные потребности пытаются обеспечить, по крайней мере первоначально, номинально невоенными приемами – от экономической экспансии и политического заигрывания до различных форм экономического шантажа и военно-политического давления. Цель подобных действий, это международное признание и правовое закрепление, или легализация, своих интересов в определенных регионах мира (например, в виде договоров о прокладке трубопроводов, строительстве промышленных предприятий или продаже товаров отечественными компаниям), соглашений о размещении собственных или союзных войск на территории третьих стран, использовании морских портов и терминалов, оснащении и обучении местных армий и т.д.), на крайний случай – создание неформального международного консенсуса о существовании таковых. И лишь нарушение международно признанных интересов в решительной и грубой форме дает основания или повод для использования войска. При этом реализуемых российских интересов и инструментов их обеспечения, по крайней мере, в Ближнем Зарубежье, должно объективно вести к образованию сферы преимущественного геополитического влияния России за пределами ее физических границ.

Фактические границы сферы преимущественного влияния России могут определяться результатами совокупной оценки каждого потенциального ее компонента по крайней мере по трем параметрам:

- присутствие на данной территории реальных российских интересов и степень их важности сегодня и в будущем;
- наличие у России достаточных инструментов для их реализации в данном конкретном (суб) и регионе;
- общий баланс расходов и приобретений в процессе реализации государственных интересов.

Неоднозначный и тем более отрицательный результат по любому из этих критериев должен учитываться при принятии решения относительно ближайших перспектив России в данном (суб) регионе. Но с течением времени эти параметры могут меняться, что, очевидно, будет отражаться на географических координатах ориентированного на Россию геополитического пространства. На этих параметрах может сказываться и действие феномена этнической близости, регионализации и исторически обусловленной «неорганичности» многих возникших на постсоветском пространстве государств, некоторые из которых (или части которых), могут, и составить структуру зоны преимущественно российского влияния (это и бывшие Советские республики и союзники СССР, не нашедшие общего языка с новыми мировыми лидерами).

Пророссийское геополитическое пространство будет в обозримом периоде строиться за счет двухсторонних связей заинтересованных государств с Россией, которые отнюдь не исключают и параллельного существования многосторонних (не включающих Россию) отношений, как замкнутых внутри конкретного геополитического пространства, так и выходящих за его пределы. При этом не исключено, что в интересующих Россию регионах будет иметь место и не-

российское влияния – опыт таких различных регионов, как Западная, Центральная и Восточная Европа, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток, свидетельствует, что в рамках одной страны или группы стран вполне способны уживаться интересы различных, не всегда дружественных государств.

Сказанное выше позволяет заключить что Россия должна строить отношения со странами Ближнего и Дальнего Зарубежья *на строго индивидуальной основе*, не пытаясь разрабатывать какой-то единой для всех них стратегии. Единственное, что должно определять подходы России к бывшим союзным республикам и зарубежным партнерам, в контексте ее геополитических ориентиров – это незатронутый эмоциями и идеологическими соображениями прагматизм.

ЧАСТЬ II.

**ПСИХОЛОГИЯ
ПОВЕДЕНИЯ НАРОДОВ**

ГЛАВА 9. ПОВЕДЕНИЕ НАРОДОВ – ПРЕДМЕТ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ (Исторический аспект)

СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На заре европейской цивилизации, в античных Греции и Риме историки, философы, политики отмечали наличие различий как между людьми (Теофраст, «Характеры»), так и между представителями разных народов, населявших древнюю Ойкумену (Геродот, «Истории»). Фрагменты этнопсихологических знаний присутствуют в работах Гиппократ, Платона, Тацита, Плиния, Страбона и многих других. Мыслители античного мира не только делали меткие наблюдения, но и пытались объяснить причины отличий одного народа от другого.

Гиппократ в труде «О воздухах, водах, местностях» писал, что все различия между народами, в том числе по поведению, обусловлены местонахождением страны, климатом и другими природными факторами. В «Истории» Геродота мы также встречаемся с попыткой объяснить особенности жизни и характера разных народов спецификой окружаю-

щей их природной среды. Геродот замечает, что подобно тому, как небо в Египте иное, чем где-либо в другом месте, и как река Нил у них отличается иными природными свойствами, чем остальные реки, так и нравы и обычаи египтян отличаются от остальных народов.

При встречах с представителями других культур и языков у путешественников и ученых возникли вопросы о сущности этносов, об их различиях, особенно по духу (психологии), по природе человеческого поведения.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота считается описание Скифии, сделанное на основе личных наблюдений: в котором он повествует о богах, обычаях, обрядах побратимства и погребальных обрядов скифов, пересказывает мифы об их происхождении. Не забывает он и о чертах характера, выделяя суровость, неприступность, жестокость скифов. Геродот объясняет эти черты как особенностями окружающей среды, ведь Скифия представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую полноводными реками равнину, так и кочевым образом жизни скифов, благодаря которому никто не может их настичь, если только они сами не допустят этого.

Европа эпохи раннего Средневековья напоминала Древнюю Грецию после падения Микен: на развалинах древних полисов осваивались новые варварские этносы, принявшие христианство и признавшие Папу Римского главой Церкви. В средневековой Европе критерием оценки того или иного человека или целого народа стало отношение к христианским святыням, этике и морали. Люди делились на христиан и всех остальных. При этом только христиане обладали качествами достойных людей, независимости от их этнической принадлежности. Священнослужители облачались в единую одежду, которая стирала национальные различия. Латинский язык был языком официального общения, кото-

рый к тому же не имел своего этнического субъекта (Римская империя пала, а латинский язык, как и древнегреческий, считались мертвыми языками).

Уникальной лингвистической чертой, отличающей Средневековье, является исключительная роль латинского языка. Этот язык, который, по меньшей мере с VI века ни для кого уже не был родным, оказался более распространен, чем любой из живых языков; на нем свободно говорили все служители Церкви: белое духовенство и монахи, а также купцы и часть феодалов, студенты и профессора университетов на всей территории христианского Запада. Вдобавок это был единственный язык культуры: любое серьезное обучение велось на латинском языке. Человек не мог считаться образованным, если он не знал латыни. Долгое время все записи велись практически только на этом языке.

Однако большая часть мирян латыни не знала. Общество в целом тем не менее функционировало на латинском языке, и это было несложно, поскольку везде имелись представители духовенства, то есть люди, получившие образование в единственном учреждении, которое было способно давать образование – в Церкви. И эти люди принимали активное участие в самых различных видах деятельности. Они были министрами, посланниками, экономами, юристами, частными секретарями, вели переписку, оформляли юридические акты.

С Богом они также говорили на латинском языке. И их молитвы слушали те люди, которые приходили на мессу или участвовали в пышных литургических церемониях, совершавшихся по большим праздникам. Даже простые люди слушали речь и пение на латыни. Очевидно, они не понимали слов, но находили вполне естественным, что к Богу следует обращаться не на том языке, на котором говоришь в повседневной жизни. Важно было не самим понимать этот язык, а чтобы Бог его понял.

Таким образом, несмотря на наличие значительного разнообразия языков и диалектов для свершения важных дел, как Божественных, так и человеческих, существовал единый язык. Из этого рождалось ощущение христианского единства. Формирование европейских наций было еще делом далекого будущего. Существовал лишь местный патриотизм, процветало соперничество, постоянное столкновение интересов, порождавшее кровавые конфликты. Однако все знали, что повсюду на Западе люди обращаются к Богу на одном и том же языке. Это заменяло национальные чувства, и именно это сделало в дальнейшем возможным зарождение духа крестовых походов.

В сфере групповых отношений средневековых европейцев характерной особенностью был конформизм по отношению к своим и социальная агрессивность по отношению к чужим. Агрессия по отношению к другим объяснялась борьбой либо с ересью (инакомыслием), либо за ресурсы и не принималась во внимание этническая принадлежность противника (война Ланкастеров и Йорков, Варфаломеевская ночь во Франции, бесконечные войны в Германии и т. п.). Крестовые походы за освобождение Палестины и христианских святынь объединяли французских, английских, немецких и прочих европейских рыцарей и простолудинов.

Единой среди историков является оценка Средневековья как пестрого конгломерата народов и государств, представляющих единую цивилизацию. Общественно-экономическим строем был феодализм, а мировосприятием – теоцентризм, который объяснял все сущее промыслом всемогущего Бога.

Поиски пряностей и золота, подогреваемые любопытством, привел европейцев XIV–XVI вв. к Великим географическим открытиям. Физический мир менялся на глазах жителей средневековой Европы. Наступила эпоха Нового времени и нового осмысления этнических различий не толь-

ко между народами, но и между расами. И вновь объяснительным принципом этнических различий стал принцип географического детерминизма, поскольку считалось, что дух (психология) народа есть результат воздействия климата, почвы и рельефа местности проживания. В зависимости от природных условий у народа складываются особые формы социальных отношений, традиций и обычаев, которые и влияют на его жизнь и историю. Географическая среда рассматривалась как первичная основа духовных черт народа и его социально-политической истории.

Эпоха Просвещения в трудах Ш. Монтескье, Д. Юма, Г. Гегеля и многих других способствовала философскому осмыслению феномена психологии народов.

Первые попытки сделать народы предметом психологических наблюдений были предприняты в XVII веке. И снова именно среда и климат рассматривались в качестве факторов, лежащих в основе различий между ними. Так, обнаруживая различия в интеллекте, наблюдатели объясняли их внешними (температурными) условиями климата. Якобы умеренный климат Среднего Востока и Западной Европы больше способствует развитию интеллекта, а вместе с ним и цивилизованности, чем климат тропических областей, где «жара душит человеческие усилия».

Французские просветители XVIII века ввели понятие «дух народа» и также пытались объяснить проблему его обусловленности географическими факторами. Самым ярким представителем географического детерминизма среди французских философов был Ш. Монтескье, который полагал, что людьми управляют очень многие факторы: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; в результате действие всех этих факторов образуется общий дух народа. Но среди множества указанных выше факторов на первое место он ставил климат. Например, «народы жарких климатов», по его мнению, «робки, как старики»,

ленивы, не способны к подвигам, но наделены живым воображением. А северные народы «отважны, как юноши» и малочувствительны к наслаждениям. При этом климат влияет на дух народа не только непосредственно, но и опосредованно: в зависимости от климатических условий и почвы складываются традиции и обычаи, которые, в свою очередь, влияют на жизнь народов.

Наиболее интересной является позиция английского философа Д. Юма, отраженная в работе «О национальном характере». Юм считает природные условия жизни общности (воздух, климат), факторами определяющими характер, темперамент, традиции труда и быта. Однако главным в становлении национальных черт, по мнению Юма, являются социальные (моральные) факторы. К ним он относит все, что связано с социально-политическими отношениями в обществе.

Признание роли социальных отношений в формировании психологии общностей и конкретных слоев общества подтолкнуло Юма к проблеме психологии различных слоев общества и их соотношения с общенациональными чертами. По Юму, социально-профессиональные группы имеют свои черты психологии, ибо живут в неодинаковых условиях и деятельность их различна. С этой точки зрения он рассматривал характеры разных социальных групп общества. Общие черты формируются на основе общения в профессиональной деятельности, в результате чего общими становятся склонности, обычаи, привычки, аффекты, что и составляет духовность той или иной социально-профессиональной группы. Групповые черты характера имеют тенденцию к взаимовлиянию, что влечет за собой сближение различных групп. Эта тенденция усугубляется политико-экономическими интересами, например, интересами торговли, обороны, управления. Общие интересы нации, таким образом, способствуют становлению общенациональных черт единого языка и

других элементов национальной жизни. Следовательно, по Юму, национальный характер формируется на основе двух факторов: во-первых, духовного сближения профессиональных групп общества, во-вторых, экономико-политических закономерностей.

В работах Юма встречается много интересных суждений о характере различных народов. Правда, отмечается и некоторая односторонность (один народ характеризуется как трусливый, другой – как мужественный и честный и т. д.), что объясняется существовавшими тогда традициями и стереотипами общественного сознания. В то же время Юм высказал глубокие идеи о сущности национального характера, о факторах его формирования, о его роли в жизни народа.

Важным вкладом в развитие знания о характере наций являются произведения немецкого философа Г. Гегеля. В «Философии духа» он также рассматривает проблемы характера наций и рас. Национальный характер, по Гегелю, есть проявление субъективного духа в различных природных условиях, которые, по существу, определяют специфику духовного мира наций и рас. Следовательно, расовые и национальные различия – это проявления всеобщего природного духа в определенных условиях. Специфика и развитие национального характера определяют и саму историю нации. К чертам характера Гегель относит образ жизни, телесное развитие, занятия, направления ума и воли. В целом понимание им характера народов противоречиво. Например, в теоретических рассуждениях он преувеличивает роль географической среды, утверждает неизменность национального характера. Однако, переходя к конкретному рассмотрению национальных черт того или иного народа, Гегель отходит от этих положений. Так, при характеристике англичан он подчеркивает их способность к интеллектуальному восприятию мира, созерцанию. Итальянский и испанский характеры, по мнению Гегеля, близки друг к другу, их основная черта – индивидуаль-

ность. Однако индивидуальность итальянца имеет характер единичности, тогда как у испанца она носит форму всеобщности и рефлексивна. Основными чертами немцев, с точки зрения Гегеля, являются глубина мысли, рассудительность, выдержка, определяющие их успех во всех сферах деятельности. В оценке же характера французов он близок к Канту, подчеркивая их живость, заразительность, переходящую в энтузиазм.

Гегель решил и некоторые методологические вопросы. Так, он выступал против отождествления понятий «*характер*» и «*темперамент*», утверждая, что они различны по содержанию. Если национальный характер – **черта национальной общности**, то темперамент – **черта индивидуума**.

Во второй половине XIX в. наступает новый этап – становление этнической психологии как самостоятельной дисциплины. Он связан, прежде всего, с именами Х. Штейнталя, М. Лацаруса, В. Вундта, Г. Лебона.

В 1859 г. была издана книга немецких ученых, филолога Х. Штейнталя и философа М. Лацаруса, «Мысли о народной психологии». Авторы разделили науки на изучающие природу и изучающие дух (психологию). Одной из наук, изучающих дух, названа этническая, или народная, психология. Была определена и ее задача – исследование специфических образов жизни и форм деятельности духа у разных народов, при этом считалось, что эти образы и формы составляют духовную природу народов. Народная психология, считали авторы, это наука о «духе народа», то есть учение об элементах и законах духовной жизни народов, которое должно познать дух народа или открыть те законы человеческого духа, которые проявляются там, где многие люди живут и действуют сообща. Согласно этому учению дух народа есть развитие внутренней духовной деятельности человека, включающее в себя неизменное ядро – дух племени, который носит субстанционный характер. Следовательно, законосообразное

Среди *высших рас* могут занимать место только индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тому высокому уровню, какого достигла цивилизация. Пар и электричество – дело их рук. Наименее развитые из высших рас, например индусы, возвысились в области искусства, литературы и философии до такого уровня, какого никогда не могли достигнуть монголы, китайцы и семиты.

Между четырьмя большими группами, которые мы только что перечислили, невозможно никакое слияние; разделяющая их умственная пропасть очевидна» [3, с. 30].

Несмотря на спорность подобных высказываний, XIX век завершился рождением новой науки – этнической психологии.

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Современное положение западноевропейской и североамериканской этнопсихологии, по сути субдисциплины культурной антропологии, можно охарактеризовать рядом особенностей. Выступая в качестве междисциплинарной области знаний, этническая психология включает в себя элементы таких наук, как этнология, антропология, психология, биология, психиатрия, социология, что накладывает отпечаток на способы анализа и интерпретацию эмпирических данных. Существующее превалирование эмпирических знаний над теоретическими обусловлено чрезвычайно широким диапазоном школ, направлений исследований. Различные подходы к анализу этнических процессов сопровождаются в зарубежной этнопсихологической науке дискуссиями

о содержании и форме этнических понятий и терминов. Наибольшее распространение получило «социологизирование» терминологического описания этнических процессов, но встречаются и «биологизирующие» системы этнических понятий и терминов, причем обоим этим подходам свойственна абсолютизация частных аспектов этнического.

Развитие западной этнической психологии в XX в. обусловили два важнейших фактора: 1) стремление свести все проблемы, касающиеся различных структурных уровней этнических общностей, прежде всего к индивидуально-личностному аспекту и 2) проявление при этом философско-методологических пристрастий того или иного исследователя. Основной тенденцией стало совмещение психологии, ориентированной на «микрпроблемы» (то есть на проблемы, ограниченные во времени и пространстве и связанные с неисторическими и внекультурными явлениями), и антропологии с ее «макропроблемами» исторического и эволюционного характера. К числу общих проблем, изучаемых этнопсихологами, относятся: особенности формирования *национального характера; соотношение нормы и патологии* в различных культурах; *значение ранних опытов детства* для формирования человеческой личности.

Рассматривая развитие этнической психологии как взаимодействие антропологических, этнологических и психологических теорий, можно выделить несколько направлений. Это прежде всего психоаналитическое направление, опирающееся как на ортодоксальный психоанализ, так и на новейшую его модификацию – неофрейдизм.

В работах таких известных американских этнологов, как Р. Бенедикт и М. Мид, аспекты этнического рассматриваются со значительным уклоном в психоанализ и экспериментальную психологию. Методологическая концепция этих работ во многом заимствована из исследований австрийского психиатра З. Фрейда, а методика – из немецкой эксперимен-

тальной психологии, в частности – из работ В. Вундта. Это обусловлено в первую очередь тем, что антропологические полевые методы изучения индивидуального поведения были признаны непригодными при детализированном изучении индивидов в конкретном культурном контексте. Таким образом, этнологам понадобилась психологическая теория, ориентированная на исследование антропологических особенностей происхождения, развития и жизнедеятельности личности и базирующаяся на психологических методах ее изучения. Такой теорией и методом в то время стал психоанализ, который использовался этнопсихологами наряду с методиками, заимствованными из психиатрии и клинической психологии. Выделяется целый блок методов, используемых в исследованиях этого направления: глубинное интервьюирование, проективные методики и средства, анализ сновидений, подробная запись автобиографии, интенсивное длительное наблюдение межличностных отношений в семьях, представляющих различные этнические группы.

Этнопсихологи стали широко использовать положения Фрейда о том, что взаимосвязь культуры и личности можно вывести из невротических состояний субъекта. Такой подход во многом проявился при анализе «основной личности» – фундаментального термина этнопсихологов, характеризующего существенные черты индивидов различных этнических групп. К параметрам «основной личности» были отнесены: техника мышления, чувства, своего рода усредненный характер отдельной культуры, рассматриваемые как существенные признаки исследуемого народа. В процессе исследования «основной личности» широко применялись положения Фрейда об аналогии, сопоставимости невротика и первобытного человека и относительности грани между нормой и патологией. В соответствии с этим каждый народ считался носителем специфической патологии. Некоторое совпадение диагнозов патологии в разных культурах стали основанием для

сделанного Р. Бенедиктом вывода о существовании различных стандартов «нормальности» в этнокультурах. При таком подходе специфичность диагностики на индивидуальном уровне переносилась, как правило, на всю социальную общность, что привело в дальнейшем к тезису об уникальности культур. Это направление – этнопсихиатрия – получило широкое распространение в этнопсихологии. В рамках этнопсихиатрии рассматриваются проблемы специфики девиантного поведения в различных культурах, особенностей дисфункций психики в традиционных и современных обществах, этнических психозов и их генезиса и т. д. Традиционная тема изучения – сновидения и другие пограничные состояния сознания. Психоанализ как конкретная методика и методология является основой для ряда эмпирических и теоретических исследований этого направления.

Обобщением антропологического и психоаналитического подходов можно считать книгу американского исследователя Г. Деверо «Этнопсихоанализ». Этнопсихоаналитический подход связан с изучением генезиса и значения агрессивности и других психологических состояний (тревога, страх, привязанность, одиночество) в различных этнических общностях, а также с изучением невербальных коммуникаций, эмоциональной сферы этнофора, специфики и функции ритуала как особого типа этнического взаимодействия. Следует отметить, что наряду с широко распространенным представлением о врожденной природе агрессивности в рамках этнопсихоанализа имеется и другая точка зрения: агрессивность как продукт научения. Так, по мнению американского этнопсихолога А. Бандуры, агрессивное эмоциональное состояние – это явление, имеющее этносоциальное происхождение.

Другое направление западной этнопсихологии связано с изучением личности в различных культурах. Целый ряд сравнительных исследований этнических групп с при-

движение народного духа определяется неизменным ядром – племенным духом, от которого и зависит общественная жизнь и история каждого народа.

В концепции Х. Штейнталя и М. Лацаруса народный дух (психология народа) носит неконкретный, полумистический характер. Авторы не могут определить соотношение динамического и статистического в народной психологии, не могут решить проблему преемственности в ее развитии. Несмотря на это, в их взглядах много позитивного, особенно в постановке и решении методологических проблем создаваемой ими науки. Например, то, как они определяют задачи народной психологии:

- а) познать сущность психологии народа и его дух;
- б) открыть законы, по которым совершается внутренняя духовная деятельность народа;
- в) определить условия возникновения, развития и исчезновения представителей того или иного народа.

Народная психология, по мнению Штейнталя и Лацаруса, состоит из двух частей: абстрактной – отвечающей на вопрос, что такое народный дух, каковы его элементы, и прагматической – изучающей конкретные народы. Первая определяет законы, необходимые для всех народов; вторая описывает и характеризует народы. Первая – народно-историческая психология, вторая – психологическая этнология. Основными источниками познания являются продукты народного духа: язык, мифы, религия, искусство, нравы, обычаи – и в целом история народа.

Таким образом, Х. Штейнталь и М. Лацарус первыми попытались представить систему народной психологии как науку.

Особое место в становлении этнической психологии занимает В. Вундт. Теория психологии народов В. Вундта возникла из его идеи о необходимости изучения социально-психологических закономерностей функционирования от-

дельных социальных общностей и всего общества. Он считал, что если «народная душа» является такой же реальностью, как и индивидуальные души, то «почему бы не рассматривать с точки зрения актуального понятия о душе общие образования представлений, чувствования и стремления как содержание души народа, на том основании, на котором мы рассматриваем собственные представления и душевные движения как содержание нашей индивидуальной души; и почему этой „душе народа“ мы должны приписывать меньшую реальность, чем нашей собственной душе?» [9, с. 8]. Душа народа, по мнению Вундта, не простая сумма душевных различий индивидов, а их связь и взаимодействие, что определяет новые, специфические явления и своеобразные законы. Эти законы не определяют индивидуальное сознание, но и не мешают его функционированию. Такая новая среда связи и взаимодействия душ индивидов и составляет, с точки зрения Вундта, объект народной психологии.

Задачу народной психологии Вундт видел в изучении тех психических процессов, которые лежат в основе общего развития человеческих сообществ и возникновения духовных продуктов всеобщей ценности. Под народным духом, который составляет предметную область новой науки, он понимал высшие психические процессы, возникающие при совместной жизни многих индивидов. То есть народная душа есть связь психологических явлений, совокупное содержание душевных переживаний, общие представления, чувствования и стремления. Душевный строй народа, по Вундту, не имеет неизменной субстанции (как у Штейнталя и Лацаруса). Тем самым Вундт закладывает идею развития этнической психологии и не приемлет сведение социально-психологических процессов к некоторому бытию (субстанции), стоящему за ними. Психологические процессы, по мнению Вундта, обуславливаются активностью души, что он называет апперцепцией или коллективной творческой деятельностью.

Народный дух Вундт предлагает изучать методом анализа конкретно-исторических продуктов народов: языка, мифов, обычаев, составляющих основные области народной психологии. По его мнению, язык идентичен уму (представлениям), мифы – чувствам, обычаи – воле в индивидуальной психологии.

Вундт внес существенный вклад в становление науки о психологии народов, более конкретно определил предмет этой науки, провел разграничение между психологией народной (социальной) и индивидуальной. «Психология народов – самостоятельная наука наряду с индивидуальной психологией, и хотя она пользуется услугами последней, однако и сама оказывает индивидуальной психологии значительную помощь» [9, с. 28]. Достойной оценки заслуживает и понимание Вундтом закономерностей формирования народного духа, то, что он отказывается от излишнего абстрагирования своих предшественников и говорит о психологии того или иного конкретного народа. Можно считать, что Вундт определил исторический характер коллективного сознания, ввел в его изучение исторический метод. Большой заслугой Вундта является и то, что он не ограничился теоретическими исследованиями, а провел конкретное изучение языков, мифов, народов. Тем самым он оказал огромное влияние на развитие этнопсихологических исследований, в том числе и России, где его идеи развивали Н. Н. Ланге и Г. И. Челпанов.

Среди авторов, изучающих народную психологию, нельзя не назвать французского ученого Г. Лебона [25]. Происхождение его системы, представляющей собой несколько вульгаризованное отражение идей предыдущих авторов, связано, скорее всего, с двумя факторами конца XIX в. – начала XX в.: развитием массового рабочего движения и колониальными устремлениями европейской буржуазии. Целью этнопсихологических исследований Лебон считал описание

душевного строя исторических рас и определение зависимости от него истории народа, его цивилизации. Он утверждал, что история каждого народа зависит от преобразование души народа которое ведет к преобразованию учреждений, верований, искусства.

Из психологического склада рас вытекают все понятия народов о мире и жизни, их поведение и восприятие мира. Народная душа, определяющая исторический и духовный процесс, состоит из чувств, интересов и верований индивидов и должна изучаться через элементы цивилизации: язык, учреждения, идеи, верования, искусство, литературу; все они суть проявления народной души.

В структуре души различных народов и рас, отмечал Лебон, существуют огромные различия, они настолько глубоки, что говорить о равенстве народов и рас невозможно. Лебон делит народы на первобытные, низшие, средние и высшие. Среди высших народов он выделяет только европейцев.

«Первобытные расы, – пишет Г. Лебон, – те, у которых не находят ни малейшего следа культуры и которые остановились на той эпохе первобытной животности, какую переживали наши предки в каменном веке: таковы нынешние фиджийцы и австралийцы.

Кроме первобытных рас, существуют еще *низшие расы*, главными представителями которых являются негры. Они способны к зачаткам цивилизации, но только к зачаткам. Никогда им не удавалось подняться выше совершенно варварских форм цивилизации, хотя случай делал их (например, негров Сан-Доминго) наследниками высших цивилизаций.

К средним расам мы относим китайцев, японцев, монголов и семитские народы. Через ассирийцев, монголов, китайцев, арабов они создали высокие типы цивилизаций, которые могли быть превзойдены одними только европейскими народами.

менением разнообразных психологических тестов (Роршаха, Блеки и др.) позволил исследователям сделать вывод о существовании некоей «модальной личности», отражающей национальный характер. «Модальной личностью» оказывался личностный тип, к которому относится наибольшее количество взрослых членов данного общества. В этом случае национальный характер определялся с учетом частоты распространения определенных типов личности в данном этносе. Существование «модальной личности» обосновывалось результатами вариационной статистики; то есть «модальная личность» – это не конкретный, а некоторый «средний», обобщенный этнофор. При этом допускалось, что в популяции может быть представлен ряд типов (с переходными формами между ними), причем ни один из них не может оказаться абсолютно преобладающим. Концепция модальной личности использовалась для характеристики не только национальных, но и религиозных, профессиональных и других групп населения. Однако в связи с вопросом, насколько полно отражается психологический тип данной общности в характеристиках «модальной личности» из-за значительной внутригрупповой варибельности, распространение получила концепция мультимодальной нации: каждая нация представлена не одной модальной личностью, а несколькими, что позволяет выделить «характеристики нации» как коллектива.

Понятию «модальная личность» близко понятие «базовая личность», которое концентрирует внимание исследователей не на этническом обществе в целом, а на его культуре. Это понятие носит, скорее, не статистический, а описательный характер. Оно основано на представлении о коренных различиях в личностях, возникающих под влиянием этнических культур. Такой подход применял американский этнолог А. Кардинер для описания традиционных

племенных обществ. Возможность же его использования для изучения более сложных современных культур большинством этнопсихологов подвергается сомнению.

С точки зрения американского этнопсихолога Дж. Хонимана, главной задачей современной этнопсихологии является исследование того, как индивид действует, мыслит, чувствует в условиях конкретного социального окружения. Хониман выделяет два типа явлений, связанных с культурой: социально стандартизированное поведение (действия, мышление, чувства) некоторой группы и материальные продукты поведения такой общности. Он вводит понятие «модель поведения», которое определяет как закрепленный индивидом способ активного мышления или чувствования (восприятия). «Модель поведения» может быть универсальной, реальной или идеальной. В качестве идеальной модели рассматриваются желаемые стереотипы поведения, не получившие, однако, реализации в конкретной жизни. Анализируя этнокультурные модели поведения личности и социально стандартизированные образцы поведения, Хониман формулирует следующий основной вопрос этнопсихологии: как осуществляется вхождение личности в культуру? Он выделяет ряд определяющих этот процесс факторов: врожденное поведение группы, членом которой является индивид; ролевое поведение; разного рода служебные обстоятельства; географическое окружение и т. п. В дальнейших исследованиях Хониман еще более детализирует поведение человека, особо выделяя эмоциональную сферу. Для этой цели он использует понятие «этнос», подразумевая под ним эмоциональное состояние социально моделируемого поведения, которое отражает и потребностно-мотивационную сферу личности. Эмоции, по мнению Хонимана, отражают судьбу человеческих мотивов и являются результатом воспринимаемой ситуации. Он считал, что поведение личности в этнокультурной среде – это во многом продукт науче-

ния. В этих этнических общностях люди одинакового возраста, пола, социального статуса демонстрируют относительно однообразное поведение в сходных ситуациях. На основе результатов большого количества социальных исследований Хониман отстаивает тезис о наличии в каждой культуре есть «идеальная личность», которая содержит ценностные ориентации, оптимальные для передачи следующим поколениям. Внутри этнокультурной общности может быть несколько типов «идеальных личностей» в соответствии с полом и социальным статусом. Таким образом, культура как бы определяет социальный стандарт модели поведения, мышления и чувствования личности, являясь прочной основой этносоциальной общности.

Дальнейшее развитие этого направления связано с работами Ф. Хсю, который предложил переименовать направление «культура и личность» в «психологическую антропологию», поскольку это название в большей степени, по его мнению, отражает содержание этнопсихологических исследований. «Психологическая антропология, – считает Хсю, – имеет дело с осознанными и неосознанными идеями, распространенными у большинства индивидов в данном обществе, управляющими их действиями и описываемыми в терминах психологии коллективных представлений».

Современные исследования в области психологической антропологии сводятся к кросскультурному изучению личности в социокультурных системах и выходят на такие проблемы, как соотношения ценностей социальной структуры и моделей детского воспитания; соотношение модальной личности и ролевой системы в конкретной этнокультуре; этнокультурные факторы девиантного поведения. При анализе этнографических материалов доминирует тенденция к обособленному рассмотрению отдельных элементов воспитательной системы различных народов.

Американский этнопсихолог М. Спиро формирует основную проблему современных этнопсихологических исследований как изучение психологических условий, повышающих стабильность социальных и культурных этносистем. При этом он предлагает сделать акцент на изучении роли личности, как в изменении, так и в сохранении целых культур и этнических общностей. Поэтому первостепенной задачей психологической антропологии становится описание индивидуального поведения как микрофеномена. Существует и противоположная позиция. Ее занимает американский культуролог А. Уоллес, продолжающий традицию сведения всего этнокультурного разнообразия к особенностям личности. Именно эти два типа ориентаций: на социально-психологическую и индивидуально-психологическую теории – и их взаимовлияние определяют в настоящее время направления общетеоретического развития психологической антропологии.

Наиболее значительной по числу исследователей является интеракционистская, или социально-психологическая, ориентация. В современной западной этнопсихологии изучение проблем взаимодействия этнофоров из разных этнических групп чрезвычайно актуально. Особый акцент делается на изучение этноцентризма, расизма и национализма. Отмечается, что существование этноса зависит от осознания членами этноса своего группового единства и отличия от других, от устойчивости этнического самосознания, от силы «этнического притяжения». Важнейшими в этом направлении являются проблемы смены этнического самосознания и этнической принадлежности, прекращения существования этноса, растворения одной этнической общности в другой.

Проблема смены этнического самосознания выдвигается как ключевая при изучении этнической динамики. Но смена этнического сознания, по мнению большинства эт-

нопсихологов, может происходить только в межэтническом взаимодействии. Следовательно, важное значение приобретает проблема межэтнического взаимодействия на уровне этнофора. Американские этнопсихологи подходят к этой проблеме с точки зрения так называемой теории факторов, в которой этническое сознание рассматривается как набор компонентов или взаимосвязанных переменных. Например, отношение того или иного этнофора к другим этносам и даже к своему этносу объясняется такими факторами, как страх, неудачи, ригидность, авторитаризм, отчуждение, борьба за статус, консерватизм, конвенционализм и т. п., а также ссылкой на «фоновые» факторы: образование, занятия, религия, социальная мобильность, место жительства и т. п. Как отмечает М. Блэлок, многие из этих коррелятов этнической предубежденности переплетены друг с другом, и это весьма затрудняет выделение самых важных, непосредственно определяющих детерминант, что вызывает среди исследователей много споров об относительных достоинствах того или иного типа переменных.

Анализ феномена этнической идентичности привел американских исследователей к выводу, что этническая идентичность индивида является настолько же социальным конструктом, насколько им является «индивидуальное сознание». Р. Винч, следуя интеракционистскому подходу, определяет идентификацию как более или менее продолжительное влияние одной личности на другую, осуществляемое в условиях интер- и интрагруппового взаимодействия.

Один из аспектов проблемы этнической идентичности – этноцентризм. Американский социальный психолог и этнолог У. Самнер, рассматривая отношения внутри группы и между группами в первобытных обществах, отмечает, что конформизм внутри каждой этнической группы основан на этноцентризме. Согласно его определению, этноцентризм – это такая позиция, когда собственная группа является цен-

тром мироздания, а все остальные шкалируются и оцениваются в сопоставлении с ней, причем нередко обычаи чужой группы вызывают презрение. Изучение этноцентризма привело Самнера к выводу, что этническая группа может не только преувеличивать негативные качества отдельных известных ей представителей другой этнической общности, но и абсолютизировать их, перенося на всех представителей данного этноса. В результате возникает антипатия к этой этнической группе, предубеждение против нее, которое закрепляется и может превратиться в отрицательный этнический стереотип. На формирование этнических аттитюдов оказывают влияние различные факторы. Опираясь на методы интерпретации и измерения социального расстояния, применяемые для оценки этнического самосознания, американский социальный психолог С. Мюшер показал, что сохранение и исчезновение этнических аттитюдов зависит не только от религиозных и расовых переменных, но и от таких, как брак, дружба, профессия и политика.

Большинство концепций межэтнического взаимодействия можно классифицировать в зависимости от того, какие аспекты этнической идентификации берутся за основу теоретической модели: целевые, адаптационные, интегративные или латентные. **Целевая модель** предполагает наличие у индивида набора установок на то, каким он должен быть. **Адаптационная (социальная) модель** соответствует тому, как личность идентифицирует себя через отношение с другими. **Интеграционная (персональная) модель** соответствует тому, как личность идентифицирует себя посредством уникальности только ей свойственных признаков. **Латентная модель** учитывает то, как личность относится к себе.

Таким образом, важнейшие направления современных западных этнопсихологических исследований связаны с модификацией теоретических ориентаций или психологиче-

ских теорий, базирующихся на различных философских системах (экзистенциализм, неопозитивизм, необихевиоризм и т. д.). Их влияние проявляется в различном понимании личности и культуры, в отношении к бессознательному, в объяснении механизмов активации поведения. В настоящее время проблематика исследований западных этнопсихологов в значительной степени опосредуется спецификой таких наук, как социальная география и ландшафтоведение, биология и физиология, социология и политология, этнология и этология. В последние десятилетия наблюдается проникновение в этнопсихологию методологических принципов и методов исследования этих наук.

СТАНОВАЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ (Дореволюционный период)

В России этнопсихологические изыскания первоначально были делом литераторов, этнографов и языковедов. Очевидно, что рассматривать историю изучения самосознания конкретного народа необходимо в связи с теоретическим осмыслением феномена этнического самосознания в целом. Познавательный интерес к этническому самосознанию русского народа появился в эпоху русского Просвещения. Воспитание у соотечественников национальной гордости было лейтмотивом трудов М. В. Ломоносова, который положил начало традиции, подхваченной и развитой просветителями второй половины XVIII в. Стремление к формированию общественного мнения, к воспитанию национального достоинства, противодействие «офранцузиванию» русской знати можно увидеть в публикациях Н. И. Новикова, Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, А. Н. Радищева.

Преемниками идей просветителей в начале XIX в. стали декабристы. В программах преобразования Российского государства, особенно после Отечественной войны 1812 года, они учитывали значение этнопсихологического фактора воздействия на русское общество. Вслед за А. Н. Радищевым декабристы считали, что крепостное право есть унижение национального достоинства всякого русского, и возмущались тем, что просвещенная часть общества не видит своего унижения в рабстве большинства русского народа.

Продолжателем гуманистических традиций русского Просвещения был П. Я. Чаадаев, без учета творчества которого невозможно всесторонне оценить особенности развития русского национального самосознания в первой половине XIX в. С его именем связано начало двух важнейших общественно-политических течений, в рамках которых обсуждался вопрос о самобытности русского народа. В «Философических письмах» П. Я. Чаадаев впервые не отвлеченно, а предметно поднял проблему значения русских как народа, его особенностей. Во взглядах Чаадаева скептицизм и неприятие исторического прошлого русского народа сочетались с верой в его особое предназначение, мессианскую роль России в будущем Европы.

Идея мессианской роли России легла в основу теоретического построения славянофилов как представителей особого направления русской общественной мысли. Наибольшую активность это движение приобрело в 30–50-е годы XIX в. Создатели общества «Любомудров» Д. В. Веневитинов, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский считали самой насущной проблемой России становление национального самосознания русских, что возможно через достижение национальной самобытности, создание своей литературы и искусства.

Славянофилы второго поколения: К. С. Аксаков, И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, Ф. И. Тютчев, А. А. Григорьев и другие – в художественных и публицистических произведениях

также стремились обратить внимание зарождающейся русской интеллигенции и вообще читающей публики на проблему национального самосознания русских как этноса, имеющего уникальную историю и географию расселения. В отличие от своих предшественников, славянофилы второго поколения говорили не о народных основах национального возрождения, а конкретно указывали на то, что в послепетровской Руси только крестьянство и частично купечество выступают хранителями извечных самобытных черт и традиций (по выражению И. С. Аксакова – «самостоятельности русского возрождения»).

Другое направление русской общественной мысли – западничество – связано с ориентацией на вхождение России как европейского государства в мировое сообщество цивилизованных государств Запада. Идеологами этого направления выступали А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, В. П. Боткин, Н. А. Добролюбов. Связывая начало новой России с петровскими реформами, они приветствовали распространение европейского образования и сочетая национальные и социальные факторы в развитии самосознания русских. Западники, в отличие от славянофилов, не склонны были идеализировать ни историческое прошлое, ни нравственные качества русского народа. Но при этом они противостояли нивелированию национального, особенно в верхних социальных слоях русского общества, утрате частью дворянства чувства национального достоинства.

В становлении этнической психологии велико значение и русской этнографии. Экспедиции, снаряжавшиеся Академией наук начиная с XVIII в., привозили с севера России и из Сибири разнообразнейшие материалы. Для обработки материалов экспедиции и дальнейшего изучения страны в 1846 г. было учреждено Русское географическое общество. Его создание было связано с выполнением не только, и даже не столько научных, сколько социальных заданий. В про-

грамму Общества входило всестороннее изучение России – ее географии, природных богатств и народов. Одной из главных задач было изучение русского крестьянства для решения вопроса о крепостном праве. Государственные интересы требовали и сведений о народах Сибири, Средней Азии, Кавказа. Это наложило отпечаток на деятельность и самого Общества, и его этнографического отделения, в котором организовывались этнопсихологические исследования.

Этнографическое отделение возглавлял академик К. М. Бэр, членами этого отделения были Н. И. Надеждин и К. Д. Кавелин. На одном из первых заведений Общества в докладе «Об этнографических исследованиях вообще и в России в особенности» Бэр отметил, что главной задачей этих исследований является изучение умственных способностей народа, его способов жизни, нравов, религий, предрассудков, языка, сказок, песен, музыки.

Надеждин, поддерживая Бэра, отстаивал мысль о самобытности России и об особом месте русского народа. Занимавшийся историей и правоведением Кавелин настаивал на тщательном изучении духовной жизни народа, полагая найти в этнографии и народной психологии основу его развития. Этим определялся интерес Кавелина не только к народной психологии, но и к психологии вообще.

Задолго до вундтовской идеи создания психологии народов, в 1940–1950-х годах, Бэр, Надеждин и Кавелин сформулировали основные принципы этнографической науки, в том числе «психологической этнографии» (другими словами, этнической психологии), которые и стали проводиться в жизнь Русским географическим обществом. Европейская же этнография появилась несколько позже, в 1870-х годах, трудами Г. Спенсера, Э. Тайлора, Дж. Леббока и других ученых.

На одном из заседаний Географического общества в ноябре 1846 г. Надеждин выступил с программой «Об этнографическом изучении народности русской», в которой при-

зывал «подметить и описывать все собственно русское в своем складе и быте, в своих способностях, расположениях, потребностях и привычках, в своих нравах и понятиях».

Он выделил три направления этнических исследований. «После языка, выражающего собой... целостность человеческой природы, внимание этнографии естественно должно обращаться порознь на обе составные ее стихии, то есть „телесную“ и „духовную“, каждую из них подвергать исследованию в тех отличиях, коими запечатлевает ее народная особенность. Это составит две другие части народоописательной науки, кои можно назвать „этнографией физической“ и „этнографией психической“». Физическую этнографию Надеждин определил как науку о жизнедеятельности человека. При этом он отмечал связь физических свойств с психическими, считая, что открываемые в «телесной» стороне человеческой природы различия могут лежать в основании различения человеческих «пород». «Народы, хотя и не то же, что „породы“, однако в различии их всегда более или менее приметно и разнообразие физическое, телесно-животное, следовательно „породное“, которое посему, хотя частично, но входит в собственно „народное“».

Под этнографией психической Н. И. Надеждин понимал все те особенности, «коими в народах, более или менее, знаменуются умственные способности, сила воли и характера, чувство своего человеческого достоинства и происходящие отсюда стремление к непрерывному самосовершенствованию; одним словом – все, что возвышает „человека“ над животностью... Тут, следовательно, найдут себе законное место: народная в собственном смысле „психология“, или разбор и оценка уделенного достоинства народного ума и народной нравственности, как оно проявляется в составляющих народ личностях... Словом – разумные убеждения и глупые мечты, установившиеся

привычки и беглые прихоти, заботы и наслаждения, труд и забавы, дело и безделье, коими человек доказывает, что он живет не только как ему может, но как сам хочет и как умеет».

В соответствии с программой комплексного этнографического исследования Надеждиным была составлена «Инструкция этнографическая», которая предлагала описывать: 1) быт вещественный, 2) быт житейский, 3) быт нравственный и 4) язык. Нравственный быт включал в себя все явления духовной культуры и среди них «народную характеристику», то есть психический склад; сюда же входило описание умственных и нравственных способностей, семейных отношений и особенностей воспитания детей.

Таким образом, в этнографическом отделении Русского географического общества в конце 1840-х годов было положено начало новой отрасли психологии – народной психологии. Спустя десятилетие в Германии под редакцией крупных немецких ученых М. Лазаруса и Х. Штейнтала стал выходить «Журнал народной психологии и языкознания», публикации которого считаются истоком этнической психологии в Западной Европе.

Некоторое представление о материалах по этнической психологии, собранных по программе Географического общества, дают первые выпуски «Этнографического сборника», издававшегося Географическим обществом с 1850 г.

Что же записывали собиратели по психологическому разделу программы, обозначенному как «умственный и нравственный быт», «умственные и нравственные способности жителей» или «умственные и нравственные свойства»? Например, в одной из статей под названием «Быт малороссийского крестьянина» отмечается, что по характеру «...малоросс – добрый, спокойный, слегка насмешливый и не скоро забывающий оскорбление. Во всех его действиях и движениях проглядывается лень, но не та, которую придают ему досужие наблюдатели нравов народных, изучающие край из поч-

тового экипажа, не та, о которой так красноречиво пописывают некоторые беллетристы, а лень как достояние южного климата». Также подчеркивается, что исключительная черта малороссов – юмор. Много здесь содержится и социально-психологических наблюдений. Это прежде всего описания внутрисемейных отношений, положения женщины в семье и связанные с этим особенности поведения. Согласно отчету Географического общества, наибольшее количество материалов было получено из центральных и северных губерний России, из Белоруссии и с Украины.

Занятия Русского географического общества «психологической этнографией» привели к обоснованию объективного, «положительного» метода в психологии, который, по мнению Кавелина, заключается в изучении продуктов духовной деятельности людей – памятников культуры, фольклора, верований. С обоснованием применения в психологии объективного метода и выступил Кавелин, предлагая в книге «Задачи психологии» позитивистскую программу развития психологической науки.

Такая попытка внести в психологию метод изучения психики по историческим памятникам культуры вызвала резкие возражения Сеченова, которые имели принципиальное значение. Признание психологического процесса и утверждение необходимости изучать психику в качестве процесса не могли быть совместимы с предложением изучать психику по продуктам духовной культуры. И это коренное различие позиций на протяжении последующей истории психологической науки выявлялось каждый раз, как только сталкивалось признание процессуальности психики с требованиями ее изучения по продуктам культуры. В то же время Сеченов считал правильным введение в психологию объективного метода. По его мнению, только признавая психическое процессом, можно изучать психику по продуктам культуры народов – по истории верований, языку, искусст-

ву и т. д. «Всякий психолог, встречаясь с любым памятником умственной деятельности человека и задавшись мыслью проанализировать его, по необходимости должен подкладывать изобретателю памятника и собственную мерку наблюдательности, и собственные представления о способности пользоваться аналогиями, делать выводы и пр. Вне этой рамки анализ, очевидно, невозможен».

Особое место в истории русской этнографии и антропологии занимает научная деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая, одной из целей которого было доказательство единства человеческого рода, физической и психической равноценности людей всех рас и народов, обоснование мысли о том, что различия, имеющиеся между народами, вызваны условиями их жизни, как природными, так и социальными. Годы, проведенные Миклухо-Маклаем среди папуасов Новой Гвинеи, исследование народов Океании, накопление антропологических данных о материальной и духовной культуре коренных жителей тех мест, их психологии и социальных отношений, позволили ученому обоснованно отрицать любые расистские теории. Он решительно выступал против мнения о том, что так называемые темные расы как более низшие и слабые должны исчезнуть, дать место белой расе. «Допустив это положение и проповедуя истребление темных рас оружием и болезнями, логично идти далее и предложить отобрать между особями для истребления у белой расы всех неподходящих к принятому идеалу представителей единственно избранной белой расы. Логично не отступать перед дальнейшими выводами и признать ненужными, и даже вредными, всякие больницы, приюты, богадельни, ратовать за закон, что всякий новорожденный, не дотянувшись до принятой длины и веса, должен быть устранен и т. п. Дойдя, наоборот, при помощи беспристрастного наблюдения до положения, что части света с их разными условиями не могут быть заселены одной разновид-

ностью людей... что поэтому существование различных рас совершенно согласно с законами природы, приходится признать за представителями этих рас общие права людей».

Конкретные материалы по психологии народов, собранные Миклухо-Маклаем и включенные им в дневники путешествий, статьи и доклады, служат науке о человеке. И хотя в трудах ученого не поднимаются теоретические проблемы собственно этнической психологии, они насыщены наблюдениями, единственными в своем роде.

Исторически этническая, или народная, психология развивалась в России в двух направлениях. Одно представляло собой сбор этнографического материалы, а психологические проблемы оказались включенными в общие описания жизни разных народов. Другое направление было связано с языкознанием; здесь язык выступал как основа единства психического склада того или иного народа. Поддержку и развитие получила идея о том, что основой народной психологии является язык и он обуславливает существование этнических общностей. Эта идея повлияла на формирование психологического направления в языкознании, восходящего к работам известного немецкого ученого В. Гумбольдта. Главной чертой народной психологии стала ее связь с языкознанием.

Психологическое направление в русском языкознании и литературоведении наиболее ярко проявилось в трудах А. А. Потебни. Он искал в психологии опору для языкознания, но при этом считал, что в равной мере открытия ждут и психологию при ее сближении с языкознанием. Будучи приверженцем гумбольдтовских идей в языкознании и испытав в начале своей научной деятельности влияние Х. Штейнталя и М. Лацаруса, Потебня создает оригинальную концепцию языка и поэтики, исследует психологическую природу языка, отношение мысли к слову. В 1862 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» нача-

лась публикация ряда его статей под общим названием «Мысль и язык», составивших в итоге книгу, которая неоднократно переиздавалась.

Изучение структуры слова Потетбня сочетал с психологическим исследованием мышления, поскольку происхождение языка считал чисто психологическим, что позволило ему объяснить его развитие определенными психологическими закономерностями. «Верная, единственная примета, по которой мы узнаём народ, и вместе с тем единственное не заменимое ничем и неприметное существование народа есть единство языка... Он есть орудие сознания и элементарной обработки мысли и как орудие условливает приемы умственной работы... Поэтому народность, то есть то, что делает известный народ народом, состоит не в том, что выражается языком, а в том, как выражается».

Другой языковед и литературовед, Д. Н. Овсяннико-Куликовский, развитие национального уклада, национальных черт связывал с усвоением языка. По его мнению, ребенок до усвоения языка не имеет национальных психологических признаков, он «интернационален». В наибольшей степени национальный уклад проявляется в мышлении и творчестве талантливых мыслителей, поэтов, писателей. В психологическом смысле талант всегда глубоко национален, а субъекты с низким уровнем мышления лишены национальных признаков. «Национальность есть явление, по преимуществу, интеллектуального порядка. Поэтому интеллигенция полнее других слоев населения выражает национальную „подоплеку“ народа».

В составе национальной психики наряду с интеллектуальными элементами Овсяннико-Куликовский выделял и волевые: «задерживающую волю» и «действующую волю». Они образуют уклад воли, который проявляется в национальном характере. В национальных характерах им различались два типа – пассивный и активный. Каждый из них,

по его классификации, включает в себя два уклада. Пассивный тип: а) задерживающая и действующая воли не отличаются силой и осложняются психологическим элементом волевой лени (пример – русский волевой уклад); б) обе воли – задерживающая и действующая – одинаково сильны и характеризуются отпечатком психологической дисциплины (например – немецкий волевой уклад). Активный тип: а) обе воли сильны, но действующая воля осложняется психологическим элементом спорта (например – английский волевой уклад); б) сильная и импульсивная действующая воля соседствует с относительно слабой задерживающей волей, особый психологический элемент – героизм (например – французский волевой уклад). Овсяннико-Куликовский считал, что нельзя отрицать влияния культурного развития и исторических условий на уклад воли, но если как только этот уклад сложился, он становится принадлежностью национальной психологии, приобретает у каждого народа особую психологическую окраску. Разнообразие национального характера проявляется в общественной жизни, в политической и социальной борьбе, в истории каждого народа. Следовательно, согласно данному взгляду, общественное развитие оказывается подчиненным национальному характеру.

Теория национальной психологии, которую развивал Овсяннико-Куликовский, служила целями психологизации социально-исторической проблемы наций и национальностей, из нее делались практические выводы для национальной политики. Автор считал, что основной вопрос национальной политики сводится к вопросу о языке. Трактую язык как инструмент этнической идентификации, он видел в нем фактор национального самоопределения личности. Вслед за психологизацией социальных явлений Овсяннико-Куликовский сделал и другой шаг – биологизировал их, введя понятие патологии национальности, «болезней» национальной психики, таких, как национализм, шовинизм. Согласно его

взглядам, гипертрофия социальных межнациональных признаков в некоторых случаях влечет за собой атрофию национальных черт, явление «денационализации», но ее следствием может быть и повышение национального чувства, ведущее к национальному тщеславию и шовинизму.

В предреволюционные годы в Московском университете был введен курс этнической психологии, читал его философ Г. Г. Шпет. В 1917 г. в журнале «Психологическое обозрение» была опубликована его статья об этнической психологии, а в 1927 г. – книга о предмете и задачах этой науки под названием «Введение в этническую психологию». Эта книга была написана еще в 1916 г., позже были добавлены лишь комментарии к вышедшей за это время иностранной литературе. Хотя книга Шпета была издана в советское время, она относится к науке дореволюционной России. Была опубликована только первая часть книги – «Введение, предмет и метод этнической психологии». Однако по своему содержанию она представляет собой обобщение и критическое изложение состояния этнической психологии и утверждение положения о развитии этнической психологии как раздела социальной психологии. Давая оценку развернувшейся в психологии начала XX в. дискуссии о разграничении объясняющей и описательной психологии, Шпет отмечал, что главное в этнопсихологии не объяснение, а понимание, связанное не столько с анализом «внутреннего опыта», сколько с постижением смысла объективных культурных явлений, в которых и запечатлевается типически субъективное.

Такой подход имеет принципиальное значение для этнической психологии – она не может быть обычным продолжением индивидуальной психологии, как считали М. Лазарус, Х. Штейнталь и В. Вундт. С точки зрения Шпета, психология должна рассматривать субъекта в его социальных аспектах, где субъективное содержание объективизи-

руется в самих произведениях человеческой культуры. По сути дела, Шпет подошел к формулированию ведущего принципа материалистической психологии – принципа социального детерминизма, согласно которому ключом к пониманию психологии народа служат его культура, история, конкретная социальная действительность, определяющие содержание коллективного духа нации. Шпет отказывается от понятия коллективности со значением массы или множества, поскольку оно не учитывает взаимодействия их членов, которое является особенностью любого коллектива. Признавая предметом психологического исследования коллективное единство, Шпет уточняет, что такое единство можно понимать по-разному. Во-первых, как взаимодействие, результатом которого являются продукты духа в виде языка, религии, творчества и т. д. Тогда предметом изучения оказываются не психологические процессы, а их субъективные результаты. Во-вторых, как общность или сходство психических процессов индивидов, объединяя это сходство со сходством или общностью внешних условий жизни. Коллектив является субъектом совокупных действий, а по своей психологической природе совокупное действие есть не что иное, как «общая субъективная реакция коллектива на все объективно совершающиеся явления природы и его собственной социальной жизни и истории» [52, с. 10].

«Дух народа», по мнению Шпета, символизирует смысл и идею «народа», которые раскрываются в типологических изображениях его состава и изменений во времени. Например, «дух аристократии», «дух данного времени», «дух рыцарства», «дух мещанства» – все это частные ингредиенты целого, не теряющего сути в конкретности. «Дух» в этом смысле есть собрание, «связка» характерных черт «поведения» народа. В совокупности с постоянством «диспозиций» он представляет собой народный характер. Этот субъективный характер узнается в его объективизации как совокуп-

ность реакций народа на обстоятельства, в которых он сам участвует, на объективно данные ему отношения и идеальные образования. Типическое отношение к объективному существует как переживание коллектива, вкладываемое в определенный репрезентант народа – сословие, касту, группу. Отсюда – выделение этнической психологии из социальной и определение для каждой из них собственного объекта.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В XX В.

Историю отечественной этнической психологии в XX в. можно условно разделить на несколько периодов.

В 20-е годы XX в., в первые годы становления Советского государства, интерес к этнической проблематике был стимулирован рядом обстоятельств. Во-первых, социальным заказом на решение национальных проблем, которые возникали в процессе создания и укрепления СССР. Во-вторых, задачей разработки проблематики межнационального взаимодействия, которую ставила жизнь в условиях формирования нового общественного строя и создания нового многонационального общества, его унификация. В-третьих, тем, что идеологизация целей развития советского общества не могли не коснуться и этнической психологии. В этот период советская этнопсихологическая наука не владела даже элементарными данными об этническом составе населения многонациональной России (единственная всеобщая перепись населения Российской империи была проведена в 1897 г.). Следовательно, принимаемые в эти годы политические решения, в огромной степени судьбоносные для десятков населяющих Россию этносов, не имели сколько-нибудь серьезной научной этнопсихологической проработки.

Второй период развития советской этнопсихологии включает в себя 1930–1950-е годы. Делаются первые шаги в изучении национальных отношений, но основное внимание исследователей направлено на решение вопросов, связанных с образованием СССР и его развитием как многонационального государства, при этом доминирует позиция И. В. Сталина по национальному вопросу и национальным отношениям. Его взгляды на решение национального вопроса в Советском Союзе, отраженные в работах «Национальный вопрос и ленинизм», «Марксизм и национальный вопрос», признаются единственно правильными, что выразилось в недооценке работ, даже марксистских, в области теории наций и национальных отношений.

Главным условием решения национального вопроса в России Сталин считал развитие национального автономного самоуправления, но при этом он не исключал, что тот или иной народ найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. Говоря о решении вопроса о том, как быть с народами, которые предпочтут остаться в рамках единого целого государства, Сталин отметил два пути: либо культурно-национальная автономия, либо областная автономия. Но культурно-национальную автономию он считал непригодной для России, поскольку, во-первых, она нежизненна, так как предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых реальная жизнь разъединяет, а во-вторых, такая автономия толкает к национализму, так как ведет к размежеванию людей по «национальным квартирам» и культивированию национальных особенностей. Поэтому единственно верным решением национального вопроса Сталин считал областную автономию, которая позволяла иметь дело не с «фикцией без территории», а с «определенным населением, живущим на определенной территории». Поскольку ни одну из областей нельзя считать единообразной в национальном отношении, то по мнению

Сталина, можно опасаться, что меньшинства будут угнетаться национальным большинством, и чтобы эти опасения лишились оснований, необходимо обеспечить реальные права меньшинства. Среди факторов, которые могут вызвать волнение национального меньшинства, выделялись: отсутствие права пользоваться родным языком; отсутствие родной национальной школы; отсутствие свободы совести (свободы вероисповедания); отсутствие свободы передвижения и пр. Для действительной гарантии прав меньшинств, по Сталину, необходим общегосударственный закон, предполагающий полную демократизацию сторон и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и любое стеснение или ограничение прав национальных меньшинств.

Следующий период развития советской этнопсихологии – 1960-е годы – отличается усилением внимания исследователей к различным аспектам сотрудничества и дружбы народов СССР. Особый интерес вызывали вопросы, связанные с интернациональным воспитанием и социально-культурным сближением народов, вопросы национально-государственного строительства. Предметом исследований стали проблемы формирования нового этноса – советского народа. Основным аргументом успешности решения проблем межэтнические отношений в публикациях данного периода была победа народов СССР в Великой Отечественной войне, которая как бы служила доказательством того, что национальный вопрос решается верно и что в этнопсихологической науке утверждён правильный – марксистский – методологический принцип.

В советской науке этого периода господствовало представление о том, что национальные проблемы являются комплексными и обусловлены экономическими, политическими, культурными и психологическими факторами. Внутри этнопсихологии сложились два направления: этнопсихоло-

гическое – изучение социальных явлений и процессов в их национальном разнообразии, и этнокультурное – исследование этнокультурных явлений и процессов в их социальном разнообразии.

К данному периоду относятся и первые массовые опросы. В результате такого опроса, проведенного в 1967 г. в Татарской АССР, была разработана классификация социально-профессиональных групп и апробирован инструментарий для изучения многонациональных отношений. В центре внимания латвийских и эстонских исследователей был процесс интернационализации духовной жизни и быта; проводимые ими опросы в основном были направлены на определение уровня социально-экономического развития, социальной структуры народов, уровня культурного развития.

Следующий, четвертый, период – 1970-е годы – период конкретного социологического изучения наций и народностей, национальных отношений. Результатом этносоциологических исследований стали обобщающие труды по формированию «новой исторической общности» – советского народа: «Советский народ – новая историческая общность людей» (1975 г.), «Современные этнические процессы в СССР» (1976 г.), «Национальные отношения в развитом социалистическом обществе» (1977 г.) и др. Цель таких работ состояла в доказательстве сближения народов и выравнивания их социального и культурного уровней. На основе результатов локальных исследований делались выводы о национальном развитии страны в целом. Среди советских этнологов господствовало мнение, что национальность не является сколько-нибудь существенным фактором, определяющим социальное положение человека.

Особой сферой исследований были межнациональные отношения. Интересно, что изучались они в основном по конкретным поступкам людей. Так, например, дружба народов оценивалась по участию представителей различных

национальностей в крупных общесоюзных стройках. Была предпринята попытка рассматривать межнациональные отношения в системе политических, социальных, экономических, демографических, культурных, исторических и психологических факторов. Это позволило утверждать, что, к примеру, установки на общение в разных условиях (на работе, в семье, среди друзей) зависят от перечисленных выше факторов. Так, культурно-исторические традиции больше влияют на межнациональные отношения в семье и меньше – на производстве. Один из ведущих советских этнологов Ю. В. Бромлей считал, что межнациональные отношения следует изучать как явления социально-психологического характера. Такой подход к межнациональным отношениям разделяется и современными исследователями. Делались первые шаги в изучении процесса формирования национального самосознания: М. Н. Губогло, «Языковые контакты и элементы этнической идентификации» (1973), Г. В. Старовойтова, «К исследованию этнопсихологии городских жителей» (1976), А. А. Кожанов, «Внешность как фактор этнического сопоставления» (1977). В целом работы носили частный характер и не раскрывали всех процессов этнического развития. Вне поля зрения исследователей оставались такие кардинальные проблемы, как психология межнациональных взаимодействий, воздействие государственных форм развития и законодательных норм на национальные психологию и самосознание.

Подводя итог развитию этнической психологии в советское время, отметим следующее: на протяжении не одного десятка лет этнопсихологическая наука имела лишь одно право: доказывать, что так называемый этнический фактор – преходящее явление на пути «дальнейшего развития» исторической общности – советского народа. А если имели место проявления этничности, то они рассматривались либо как происки националистов, либо как «родимые

пятна» исторического прошлого, которые еще не изжиты в силу недостаточного интернационального воспитания. Исследования в основном сводились к изучению культуры общения, роли языка, смешанных браков. Самым благодатным полем для исследовательских работ был интернационализм, «одерживающий победу над национализмом». И только к середине 1980-х годов стали появляться первые психологические диссертационные исследования, посвященные проблемам межгрупповых и межнациональных отношений (Г. У. Кцоева, «Этнические стереотипы в системе межэтнических отношений», О. И. Дреев «Роль национальных обычаев и традиций в социальной регуляции поведения»).

В марте 1988 г. в Институте психологии АН СССР прошла конференция по проблемам психологии межнациональных отношений, в которой приняли участие психологи из большинства союзных республик. На конференции получил поддержку тезис о необходимости дополнения традиционного для этнопсихологического исследования интрасубъективного методологического принципа новым – интерсубъективным, который особенно важен для изучения особенностей межнациональных отношений. В январе 1990 г. было принято решение о создании в Институте лаборатории психологии межгрупповых отношений. Тем самым был дан импульс активному участию социальных психологов в изучении проблем столь сложного и многомерного явления, как межнациональные отношения.

Обострение межнациональных отношений в конце 1980-х – начале 1990-х годов и этнические конфликты вызвали резко возросший спрос на знания реального положения дел в сфере межнациональных отношений и позволили убрать с пути этнопсихологической науки своего рода запрет на изучение проблем социального взаимодействия этносов. Приходится признать, что в целом отечественная этнопсихоло-

гическая наука отстала от зарубежной в изучении проблем взаимодействия между различными этносоциальными группами и не смогла своевременно сориентироваться в практическом решении межнациональных конфликтов.

С распадом СССР связано возникновение принципиально новых проблем, в частности – проблема формирования этнического самосознания русских как единого народа. Этот процесс подтолкнул другие народы России к поиску своих исторических корней, своей особой этнической самобытности. Этнологи и этнопсихологи откликнулись на эти процессы рядом интересных исследований.

Одной из первых опубликованных работ по проблематике этнической психологии была коллективная монография «Актуальные проблемы этнической психологии» (1992). В основу монографии легли статья Л. Н. Гумилева (одна из последних при жизни) и работы преподавателей кафедры прикладной социальной психологии С.-Петербургского университета. В университете с 1991 года стал читаться курс лекций по этнической психологии, включенный в программу подготовки социальных психологов. В издательстве СПбГУ было издано учебное пособие «Введение в этническую психологию» (1995), авторы которого, преподаватели факультета психологии СПбГУ, представили свое видение применения социально-психологических знаний для решения многогранных проблем межэтнических отношений. В частности, Л. Г. Почебут предложила деление этнических общностей по отношению к миру идей на *креативные*, к которым относятся этносы создающие, то есть продуцирующие идеи, и *аккомодивные* – которые не склонны к продуцированию собственных идей и ориентированы на заимствование их у других социумов и этносов. При этом учитывалась предложенная Л. Н. Гумилевым классификация этносов на гомеостатические и динамические; комплиментарные и некомплиментарные. Кроме того, Л. Г. Почебут

предложила учитывать в процессе социализации личности три взаимосвязанных процесса: *социумизацию* как освоение индивидом духовных ценностей и опыта того социума, в котором он воспитывается, *этнизацию* как освоение индивидом духовных ценностей и опыта того этноса, к которому он принадлежит, и *культуризацию* как усвоение индивидом духовных ценностей и опыта других (как завершивших свой путь в истории, так и современных индивиду) социумов и этносов.

Развивая положение об этнизации личности, М. В. Харитонов в качестве важного условия этого процесса предложил учитывать влияние этнических ценностей на поведение этнофора с точки зрения концепции диспозиционной регуляции, предложенной В. А. Ядовым (на содержании этой концепции мы остановимся в главе «Этнические диспозиции»).

В 1990-е годы были опубликованы результаты прикладных этнопсихологических исследований, выполненных З. В. Сикевич, Г. У. Солдатовой, В. Ю. Хотинец и рядом других ученых.

Актуальные для Российского государства вопросы этнического самоопределения народов Северного Кавказа нашли свое отражение в работах Г. У. Солдатовой (Кцоевой), в частности, в монографии «Психология межэтнической напряженности» (1998).

Межэтническая напряженность рассматривается Солдатовой в качестве социально-психологической характеристики отношений и взаимодействий между народами. Она исследуется в трех аспектах: как психологическое фоновое состояние, влияющее на развитие межэтнических разногласий, противоречий и конфликтов; как психокультурная составляющая проблемных ситуаций межэтнического взаимодействия; и как результат активизации защитных психологических механизмов этнических групп.

В монографии Солдатовой предложены методологические и теоретические принципы социально-психологического подхода к исследованию межэтнической напряженности. Раскрыта система понятий, представляющих ее феноменологическое поле. Главное внимание уделено этничности (этнической идентичности), мотивационно-потребностной сфере этнического самосознания, этническим образам и поведенческим установкам. Обоснована система социально-психологических индикаторов уровня межэтнической напряженности, на основе которых рассматриваются ее фазы; раскрываются механизмы психологической защиты этнической группы в условиях роста напряженности между народами.

В исследовании рассматриваются ситуации межэтнической напряженности в различных республиках России – Туве, Татарстане, Саха (Якутии). Но *основное внимание уделяется самому «горячему» региону страны – Северному Кавказу*. Именно здесь в пределах России межэтническая напряженность достигла своих критических значений. Объективно – на основе не только социально-психологических, но и этнологических, политологических, социологических, исторических и демографических материалов – анализируются результаты конкретных эмпирических исследований отношений между народами Северного Кавказа в различных ситуациях межэтнической напряженности. Исследуются идентичности чеченцев, ингушей, осетин и русских, а также этнические границы между этими народами в ситуации латентной напряженности в начале 1990-х гг. Анализируются социально-психологические детерминанты сохранения конфликтной напряженности между осетинами и ингушами. В ситуациях фрустрационной и конфликтной напряженности исследуются статус, особенности самосознания русских Северного Кавказа и их взаимоотношения с горскими народами. Рассматриваются этнопсихологические проблемы адаптации вынужденных мигрантов на Северном

Кавказе и с Северного Кавказа, переживших ситуации фрустрационной, конфликтной и кризисной межэтнической напряженности.

Эмпирической основой монографии является ряд социально-психологических исследований и этносоциологических опросов, проведенных Солдатовой в различные годы, а именно:

- Социально-психологическое исследование особенностей этнического самосознания у осетин, ингушей, чеченцев и русских, проведенное через полтора года после обострения осетино-ингушских отношений в октябре 1982 г.
- Этносоциологический опрос и исследование этнических стереотипов у беженцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии. Выполнены в сентябре 1991 г. в период наибольшего обострения отношений между Грузией и Южной Осетией.
- Этносоциологический опрос населения Владикавказа (Северная Осетия, май 1992 г.), проведенный за 5 месяцев до начала вооруженного конфликта между Ингушетией и Северной Осетией (русские, осетины, ингуши).
- Исследование самосознания терского казачества, проведенное в 1993 и 1995 гг. в различных республиках Северного Кавказа.
- Социально-психологическое исследование городского населения Северной Осетии (Алании), Тувы, Татарстана и Саха (Якутии), проведенное в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» (1993–1995 гг.).
- Социально-психологическое исследование лидеров и активистов национальных движений Северной Осетии (Алании) и Тувы, проведенное в рамках проекта «Национальное самосознание, национализм и разрешение конфликтов в Российской Федерации» в августе–сентябре 1994 г. (осетины, тувинцы).

- Социально-психологическое исследование русских беженцев из Чечни, проведенное в августе–сентябре 1994 г. в Северной Осетии (Алании).

Исследования, представленные в книге Солдатовой, как мы видим, отражают всю палитру межэтнических отношений на Северном Кавказе и осуществлены в русле конфликтологического аспекта этнопсихологии с широкой опорой на данные социальной и общей психологии, этнологии, социологии, истории, демографии, политологии и культурологии.

Проблеме этнического самосознания народов Урала посвящена монография В. Ю. Хотинец [50]. Основной задачей исследования являлось теоретическое и эмпирическое объяснение такого сложного социально-психологического образования как этническое самосознание.

Эмпирическая часть книги содержит материалы изучения коренных народов Прикамья – западной территории Среднего Урала: удмуртов, татар, башкир, коми-пермяков. В отечественной истории и культуре Средний Урал занимает особое место: с XIV века он считается органической частью Русского государства. Народы Прикамья проживают на территории традиционного расселения своих предков, сохраняют самобытный уклад жизни, оригинальную этническую культуру, являясь носителями специфической этничности и своеобразного этнического самосознания.

Достоинством монографии Хотинец является определение структуры этнического самосознания личности. Она включает в себя шесть компонентов:

- осознание особенностей культуры своей этнической общности;
- осознание психологических особенностей своей этнической общности;
- осознание тождественности со своей этнической общностью;

- осознание собственных этнопсихологических особенностей;
- осознание себя субъектом своей этнической общности;
- социально-нравственная самооценка этничности.

С учетом теоретических и методических подходов к психологии этнического самосознания Хотинец сформулировала достаточно конкретное определение этого феномена: как относительно устойчивой системы осознанных представлений и оценок реально существующих этнодифференцируемых и этноинтегрирующих компонентов жизнедеятельности этноса. В итоге формирования данной системы человек и осознаёт себя в качестве представителя этнической общности.

В 1990-е годы был опубликован ряд интересных публикаций по этнической психологии, которые можно считать добротной основой ее дальнейшего развития.

Это работы Платонова Ю. П., Почебут Л. Г. (1993), Бороньева А. О., Павленко В. Н. (1994), Саракуева Э. А., Крысько В. С. (1996), Лебедевой Н. М. (1997), Стефаненко Т. Г. (1999).

Следует отметить, что российская этническая психология, учитывая сложности межэтнических отношений в России, должна быть востребована в XXI веке в гораздо большем объеме.

ГЛАВА 10. ЭТНИЧЕСКИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРАНИ ЛИЧНОСТИ

Общеизвестно, что люди, принадлежащие к разным народам и этническим группам, отличаются друг от друга своим поведением, культурой, нравами, обычаями. Пунктуальность, высоко ценимая немцами и голландцами, сравнительно мало значит в Испании и еще меньше – в странах Латинской Америки. Североамериканцы запросто зовут друг друга только по имени, но это вовсе не означает дружбы или интимной близости, которые такое обращение предполагало бы в России. Этнические особенности ярко проявляются в искусстве, особенно народном. Не нужно быть тонким ценителем, чтобы отличить русскую мелодию от итальянской или узбекской, украинский орнамент от индийского, английский юмор от французского. Люди обычно без особых затруднений перечисляют черты, типичные, по их мнению, для их собственного и для чужих народов, и нередко (хотя далеко не всегда) подобные характеристики и самохарактеристики совпадают, при-

нимаются без возражений. Но, с другой стороны, все или почти все подобные характеристики субъективны, а то и вовсе произвольны.

Именно эта расплывчатость оценок и описаний вызывает у многих исследователей возражения против существования четких границ в содержании таких традиционных для этнической психологии понятий, как национальный характер, национальный темперамент, национальные чувства и настроения. Какими словами можно определить русский национальный характер? Порывистый, горячий, добродушный, искренний, смелый, вспыльчивый? Но на все перечисленные эпитеты могут претендовать и другие народы. Что, украинцы менее смелы и добродушны, чем русские? Известна склонность украинцев к юмору. Но кто может отрицать склонность к юмору у русских или у казахов, у туркмен?

В качестве примера можно привести результаты исследований, проведенных отечественными и зарубежными психологами и этнологами. Вот как выглядят характерологические портреты типичных представителей различных этнических групп:

1. Японец: трудолюбивый, осторожный, организованный, серьезный, упорный, озабоченный.

2. Англичанин: тактичный, спокойный, критичный, умный.

3. Немец: практичный, организованный, трудолюбивый, уверенный, твердый, жесткий, пунктуальный.

4. Русский: откровенный, щедрый, бесшабашный, прощающий, непрактичный, доверчивый, миролюбивый.

5. Грузин: возбужденный, импульсивный, боевитый, претенциозный, агрессивный.

6. Татарин: гордый, самоуверенный, сметливый, трудолюбивый, хитрый, вспыльчивый, отходчивый.

Монтень писал по поводу распространенных в его время взглядов на «варварские» народы: «...я нахожу... что в этих народах, согласно тому, что мне рассказывали о них,

нет ничего варварского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривычно. Ведь, говоря по правде, у нас, по-видимому, нет другого мерил истинного и разумного, как служащие нам примерами и образцами мнения и обычаи нашей страны».

Таким образом, те черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности национального характера,— это продукт определенных исторических условий и культурных влияний. Они производны от истории и изменяются вместе с нею. А затем, с известным отставанием, меняются и соответствующие стереотипы. Так, в начале XVIII в. многие в Европе считали, что англичане склонны к революции и перемене, тогда как французы казались весьма консервативным народом; 100 лет спустя мнение диаметрально изменилось. В начале XIX в. немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке и поэзии и малоспособным к технике и предпринимательству. Произошел промышленный переворот в Германии — и этот стереотип стал безнадежным анахронизмом.

Взаимопроникновение различных культур, определенная стандартизация образа жизни, прогрессирующая урбанизация вызывают у разных народов стремление самоутвердиться в своих специфических культурно-психологических ценностях. Культурное самоотождествление теснейшим образом связано с проявлением этнического самосознания народов. Это специфическое этническое отражается, в первую очередь, в духовной культуре, в повседневном быте народа, в его жизненных ориентациях, в неповторимом типе мировосприятия. Различные науки пытаются объяснить причины возникновения этнических особенностей как некоей «коллективной» психологии, определяющей поведение, эмоции и представления членов этноса. Ведь как отмечал В. Г. Белинский: «...тайна национальности каждого народа заключается не в его одежде или кухне, а в их, так сказать, манере понимать вещи...»

В качестве определяющего фактора формирования этнопсихологических свойств народов этнографы выделяют влияние культурной среды. Собственно, культура начинается с того, что на поведение индивидов накладываются те или иные ограничения, так как целостность культурной среды предполагает выработку единых правил поведения, общей памяти, единой картины мира у представителей конкретного этноса. В процессе исторического развития каждый народ создает собственную однородную систему культурных ценностей, которые используются его членами для выражения своего мироощущения и этнического самосознания. Примером этому может служить национальное искусство. В своих различных формах оно способствует сохранению этнического духа, традиций, выступая одним из действенных механизмов адаптации этноса к деструктивным воздействиям внешних исторических сил. Многие авторы пытаются увязать процесс существования определенной этнической общности с генезисом и функцией институциональных отношений. Как особый регулятивный механизм институциональные отношения образуют общепринятые нормы социальной действительности и этнического самосознания и во многом определяются особенностями этнических взаимоотношений, сложившихся в данной культурной среде.

Этнолингвисты в качестве ведущего фактора формирования «психики этноса» рассматривают влияние языка как своеобразной копилки исторического опыта народа. Любой язык сопряжен с этическими, правовыми, религиозными формами общественного сознания, которые несут в себе значительную этническую нагрузку. В основе этих исследований лежат идеи В. Гумбольдта, который ставил задачу реконструкции «духа народа» через особенности «внутренней формы языка» (грамматики, семантической структуры). В функциональном плане структура языка направляет в значитель-

ной степени структуру мышления индивидов. Поэтому в силу доминантности языка среди других психических факторов связь этнической психологии с лингвистикой представляется продуктивной в решении проблемы этнического самосознания.

В антропологических исследованиях особенности психических свойств этноса часто интерпретируются как «абсолютизированные психологические» паспорта. Исследование национального характера осуществляется при помощи таких понятий, как «основная» или «модальная» личность, выступающих как своего рода усредненный характер отдельной культуры. В этом характере выделяют существенные признаки исследуемого народа, единые для всех его представителей. На этом основании большинство этнокультурных феноменов рассматриваются через призму «основной личности». Подобные взгляды антропологов подвергаются серьезной критике этнических психологов. Так, известный русский философ и этнопсихолог Г. Г. Шпет подчеркивал, что «можно говорить об устойчивости диспозиций, приобретенных в коллективном опыте, постоянстве выработавшихся ”внутренних установок“, коллективной ”апперцепции“ и т. д., не нужно только за ними предполагать ”готовой врожденности“». По его мнению, любая историческая общность (нация, этнос) носит в себе способность развивать самостоятельное волевое единство, подчиняющее в определенной мере отдельных лиц, ее составляющих. Общий язык, система духовных ценностей, символы, отношения к вещам и людям передаются из поколения в поколение, причем унаследованные способы поведения служат образцами для будущих действий. Это многообразие факторов определяет «типические коллективные переживания» или особенности психического склада тех или иных этнических общностей. На этом основании Шпет делает вывод, что «ключ к пониманию

психологии народа лежит в его истории, в конкретной структуре социальной действительности, образующей наличное бытие „коллективного духа нации“». Из этой посылки следует, что психология народа проявляется в его отношении к им же созданным духовным ценностям. Поскольку каждый индивид является репрезентатором всей реагирующей группы, его личные переживания предопределяются всей массой апперцепций, составляющей коллективность переживаний его рода, как его современников, так и предшественников. Таким образом, Шпет развенчивает всякую попытку вывести из «психологического индивида» какую-либо систему объективных форм культуры.

Своеобразный психологический склад вырабатывается у этноса в результате всей совокупности специфических условий его существования. Так, среда со своими природными и исторически сложившимися социокультурными особенностями накладывает отпечаток на особенности психики этноса, что проявляется не столько в определенных видах культуры, сколько в поведении членов этноса. Этот субъективный этнический склад узнается в его объективации как совокупности реакций народа на обстоятельства жизни, в которых он участвует. В социальной жизни этническая общность проявляется лишь тогда, когда входящие в нее люди не только говорят на одном языке, живут на одной территории, но и чувствуют себя принадлежащими именно к этой общности.

Сравнение как этнофоров, так и этнических групп проводится главным образом по степени выраженности у них тех или иных общих черт или признаков. Но чтобы сравнение было объективным, нужно учитывать относительность любых этнических характеристик. Так, в работах, посвященных русскому национальному характеру, часто называется, например, такое качество, как эмоциональная сдержанность. Но по сравнению с кем русские кажутся эмоциональ-

но сдержанными? По сравнению с итальянцами? Да. Но не по сравнению с финнами или эстонцами. Утверждения, относящиеся к чертам национального характера и высказанные в абсолютной форме, без указания того, с кем сравнивается данная группа, неизбежно порождают путаницу. Социологов и социальных психологов в первую очередь интересует, имеются ли между индивидами, принадлежащими к разным нациям и этническим группам, определенные эмпирически наблюдаемые психологические различия и если да, то какова природа и степень этих различий.

Например, простейшее суждение: немцы – блондины. Истинно ли это суждение? И да и нет. Если оно утверждает, что все немцы или хотя бы большинство немецкого народа являются блондинами, то это суждение ложно: блондины составляют меньше половины населения Германии. Однако в нем содержится доля истины в том смысле, что среди немцев блондинов гораздо больше, чем среди французов, итальянцев или испанцев. Поэтому по сравнению с этими народами немцы кажутся блондинами. Это сравнение (чаще всего только подразумеваемое) присутствует в любых этнических стереотипах.

Американцам, с их динамичным ритмом жизни и отсутствием глубоких исторических традиций, англичане кажутся консервативными; эта черта почти всегда фигурирует в американском стереотипе англичанина. Но эта черта совершенно отсутствует в образе англичанина, распространенном, например, в Аргентине, где подчеркивается культурность, практичность, интеллигентность англичан, а из отрицательных черт – «склонность к господству» и «эгоизм». Совершенно очевидно, что такое различие оценок обусловлено опытом общения с представителями соответствующей этнической группы. Восприятие других людей всегда предполагает у этнофора – осознанное или неосознанное – соотнесение собственных качеств с качествами этих людей.

Но что же такое *национальный характер* человека? В своем первоначальном значении греческое слово «характер» обозначало знак или символ, выражающий специфику какого-нибудь явления; характерный – значит, специфический. Позже оно стало обозначать определенную черту или совокупность черт, отличающих одного человека от другого. Одни психологи подчеркивают значение генетических факторов (древние греки, например, фактически отождествляли характер личности с ее физическим темпераментом). Другие связывают характер с физиологической конституцией организма. Третьи считают, что в основе характера лежат определенные инстинкты или типы нервной системы. Четвертые, говоря о характере, имеют в виду направленность интересов, склонностей, установок и т. д.

Национальный характер – это исторически сложившаяся совокупность устойчивых психологических черт представителей той или иной этнической группы, определяющих привычную манеру их поведения и типичный образ действий и проявляющихся в их отношении к социально-бытовой среде, к окружающему миру, к труду, к своей и к другим этническим общностям. Причем отношение к окружающим раскрывает особенности этнического (национального) сознания людей. К этой группе черт национального характера относятся такие черты, как консерватизм, религиозность, оптимизм, пессимизм. Отношение к труду проявляется в национальном характере в форме таких черт, как деловитость, практичность, аккуратность, пунктуальность, обязательность, предприимчивость, пассивность, неорганизованность.

Если рассматривать характер просто как совокупность каких-то черт, то даже просто описать его практически невозможно; так, например, в словаре Ожегова – полторы тысячи прилагательных, описывающих характер. Поэтому

современная психология рассматривает характер не как простую сумму черт, а как определенную целостную структуру. Однако вопрос о природе этой структуры остается спорным.

Эта многозначительность сказывается и на литературе о национальном характере. Термин «национальный характер» – не аналитический, а описательный; он появился первоначально в литературе о путешествиях с целью выразить специфику образа жизни того или иного народа. Одни исследователи, говоря о национальном характере, подразумевают темперамент, особенности эмоциональных реакций этнофоров. Другие фиксируют внимание на социальных ориентациях, нравственных принципах, отношении к власти, труду и т. п.

Но с точки зрения психологической науки национальный характер подразумевает свойства не отдельного индивида, а целой этнической общности (группы). Такая группа должна иметь общую культуру, символы, обычаи и т. п. Но можно ли из общности культуры делать вывод об общности (и специфичности) психологического склада конкретного этноса.

Например, Питирим Сорокин писал, что свойства разрозненных частей автомобиля не тождественны свойствам целого автомобиля как организованной системы; свойства человеческого организма как системы нельзя понять, изучая его отдельные органы или клетки. Точно так же и свойства социально-культурной системы нельзя понять, ограничив себя изучением отдельных членов общества. На этом основании Сорокин считал психологическое исследование национального характера принципиально невозможным.

Аналогии, проводимые Сорокиным, касаются взаимоотношений части и целого, элемента и структуры. Например, дерево, принадлежащее к определенному виду, обладает своими неповторимыми индивидуальными особенностями, но оно вместе с тем несет в себе некоторые основные

черты, характеризующие вид как целое. Это относится и к человеку (этнофору). Его психологические свойства «заданы» не столь жестко, как биологические, и здесь гораздо больше всякого рода вариаций. Когда говорят, что такому человеку (имеется в виду определенный социальный характер) свойственны такие-то и такие-то черты, это значит, что они действительно присутствуют, хотя и в разной степени и в разных сочетаниях, у значительного количества индивидов, составляющих данную этническую группу.

История народов, в особенности история больших современных наций, сложна и противоречива. Национальный характер каждой современной нации напоминает палимпсест – пергамент, на котором поверх старого, более древнего текста написан новый; стоит смыть верхний слой, и под ним появляется не видная вначале, иногда сильно поврежденная, но все-таки сохранившаяся древняя надпись. Так и в истории народа каждый этап исторического развития оставляет свои неизгладимые следы. Чем длиннее и сложнее путь, пройденный народом, тем сложнее и противоречивее его национальный характер.

Для понимания этнической специфики используется и такое понятие, как *национальный темперамент*. Своеобразие национального темперамента объясняется влиянием климатической среды, образа жизни, рода занятий этнофоров, специфической этнической культурой. Отсюда и наглядные различия в эмоциональных реакциях на жизненные ситуации, явления привычной и непривычной среды. В научно-популярной литературе, как правило, выделяют южный (субтропический) темперамент южных народов и холодный темперамент северных. Принято говорить не о национальном темпераменте, а о преобладании определенных типов темперамента, тех или других его особенностей или же о доминировании, а также специфическом сочетании его свойств у представителей конкретной этнической общно-

сти. Например, немцы и англичане по темпераменту – образцовые сангвиники, итальянцы и испанцы – явные холерики. Славянские народы отличаются повышенной чувствительностью, социальной эмоциональностью, а прибалтийские – некоторой флегматичностью.

Однако подобные умозаключения в научной психологии не получили должного подтверждения.

Важным элементом психологической специфики личности этнофора являются *национальные чувства и настроения*. Национальные чувства выражают прежде всего эмоциональное отношение к собственно этнической реальности. К ним причисляются чувства, выражающие гордость за свой народ, приверженность к национальным ценностям, достоинствам. Объективно определяя свою значимость в обществе, включая личные интересы, помыслы и устремления в общественную деятельность, человек понимает свою ценность, осознавая чувство собственного достоинства. Действия и поступки людей, совершаемые во благо своей социальной группы, осуществляемые в совместной деятельности и во взаимоотношениях с членами ингруппы и аутгруппы, регулируются чувством национального достоинства при осознании этносубъектами значимости и смысла деятельности в общественно полезном труде, в решении проблем первостепенной важности, направленных на развитие и воспроизводство своего этноса [49].

Национальное настроение выполняет функцию, регулирующую психическую активность людей, функцию установки воспринимать и действовать определенным образом. Настроение этнофора детерминировано историческими событиями жизни этноса, судьбой его членов, политическими, экономическими условиями функционирования этноса.

Динамичность национальных чувств и настроений в силу тех или иных социально-экономических изменений предполагает и позитивную, и негативную окраску их проявле-

ния. Чувство национальной гордости и достоинства, социальная динамика этноса противоположны гипертрофированному чувству своего этнического превосходства и исключительности, в настроении выраженных в этнофантазме и национализме.

Важным элементом этнического мира человека являются *национальные традиции* – сложившиеся на основе длительного опыта жизнедеятельности этноса, прочно укоренившиеся в повседневной жизни, передающиеся новым членам этнической общности правила, нормы и стереотипы поведения людей, соблюдение которых стало общественной потребностью каждого. Национальные традиции проявляются не только в поступках, делах, одежде, стиле общения, но и в движениях, жестах и других еле заметных деталях. У каждого человека есть бессознательный механизм, который фиксирует отношение «свой – чужой» по едва заметным нюансам проявления психики.

Недостаточное знание национальных традиций нередко ведет к серьезным осложнениям в общении с представителями других этносов. Значение национальных традиций, их содержание различны у отдельных народов. Например, считается, что англичане слепо преклоняются перед своими традициями, стремятся в любых условиях сохранить свои привычки, вкусы, нравы. Традиции людей разных народов могут быть чрезвычайно разнообразными. Вот как описал их в романе «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург: «Европейцы, здороваясь, протягивают руку, а китаец, японец или индеец вынуждены пожимать конечность чужого человека. Если бы приезжий совал парижанам босую ногу, вряд ли это вызвало бы восторг. Анличанин, возмущенный проделками своего конкурента, пишет ему: «Дорогой сэръ, Вы мошенник», без «дорогого сэра» он не может начать письмо. Христианин, входя в церковь, снимает головной убор, а еврей, входя в синагогу, покрывает голову. В Европе цвет траура

черный, в Китае – белый. Когда китаец видит, как европеец или американец идет под руку с женщиной, порой даже целует ее, это кажется ему чрезмерно стыдным. Если к европейцу приходит гость и восхищается картиной, вазой или другой безделушкой, то хозяин доволен. Но если европеец начнет восторгаться вещицей в доме китайца, то хозяин дарит ему этот предмет – того требует вежливость. В Китае к чашке риса, которую подают к концу обеда, никто не прилагается – нужно показать, что ты сыт».

Для понимания психологии этнического мира человека необходимо рассмотреть некоторые механизмы регуляции социального поведения в частности с позиции «Я-концепции». Думая о себе, человек крайне редко бывает нейтрален, он всегда каким-либо образом относится к себе. Поэтому мысли о себе всегда эмоционально окрашены и часто содержат оценку себя, отдельных сторон своей личности, деятельности. Мнение человека о себе реализуется в поведении, в отношениях с другими людьми, в его ожиданиях относительно того, чего следует ждать от себя в будущем. Они создают основу устойчивого личностного образования – «Я-концепция».

«Я-концепция» объединяет все знания человека о себе и то, как он оценивает себя. Она существует не только на осознанном, но и на бессознательном уровне, отражая неосознанные, представленные только в переживании установки человека по отношению к себе.

В «Я-концепции» обычно выделяют три основных компонента – когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческий.

Когнитивный компонент «Я-концепции» – «образ Я» – характеризует содержание представлений человека о себе. В «образ Я» могут входить представления человека о своих способностях, отношениях с окружающими, внешности, социальных полях, интересах, личностных качест-

вах и т. п. Перечисление практически бесконечно, поскольку в «образ Я» может включаться все, что значимо для человека, все, что позволяет ему, с одной стороны, чувствовать общность с другими людьми, объединять себя с ними, а с другой – отличать себя от них, осознавать себя как особую, неповторимую личность. Поэтому содержание образа «Я-концепции» характеризуют две составляющие: а) «присоединяющая», обеспечивающая объединение индивида с другими людьми, и б) дифференцирующая, способствующая его выделению по сравнению с другими и создающая основу для чувств собственной неповторимости, уникальности.

Институт общественного мнения Гэллапа в 1960-х годах проводил опрос в Афинах, Хельсинки, Иоганнесбурге, Копенгагене, Амстердаме, Дели, Нью-Йорке, Осло, Стокгольме, Торонто, Западном Берлине и Вене. Были предложены такие вопросы: какой народ имеет самый высокий культурный уровень? у кого самая лучшая кухня? где самые красивые женщины? у какого народа сильнее всего развита национальная гордость?

Что касается кухни, оказалось, все опрошенные предпочитают собственную национальную. Самые красивые женщины, по мнению западноберлинцев, – шведки; по мнению венцев, – итальянки; по мнению датчан, – немки; в остальных странах предпочтение отдано своим женщинам. Греки, голландцы, индийцы, американцы, норвежцы, шведы, немцы и австрийцы сочли наиболее высоким культурным уровнем собственный. Финны, отвечая на этот вопрос, отдали предпочтение Соединенным Штатам и Дании, а жители Южно-Африканской Республики и Канады поставили выше себя Великобританию. Что касается национальной гордости, пальму первенства получили англичане, только греки, индийцы и американцы называли самих себя, а финны – шведов.

Из результатов этого опроса для нас важен лишь один вывод: очевидно, что люди в принципе способны критически относиться к своей национальной культуре и положительно оценивать что-то чужое.

Второй компонент «Я-концепции» – эмоционально-оценочное отношение к себе – отражает отношение человека (этнофора) к себе в целом или к отдельным сторонам своей личности, деятельности и т. п. и проявляется в самоуважении, чувстве собственного достоинства, самооценке и уровне притязаний.

Фундамент второго компонента составляет самоуважение, или чувство собственного достоинства, собственной ценности. Самоуважение – это вера в собственные силы и возможности. Оно не связано конкретно с какой-либо областью и выражает не столько оценку, сколько общее отношение человека к самому себе. Самоуважение – это принятие себя, любовь к себе.

В понятии «самооценка», как видно из самого названия, на первый план выходит именно оценочный компонент. Самооценка – оценка человеком себя в целом (общая самооценка) и отдельных сторон своей личности, деятельности, отношений с другими людьми (частные, или парциальные, самооценки). Самооценка может быть устойчивой, то есть сохраняющейся в разных ситуациях и на достаточно длительное время, и неустойчивой.

Для развития очень важно разумное сочетание устойчивости и неустойчивости самооценки. Так, сохранение устойчивой самооценки при изменившихся условиях ситуации препятствует и нормальному осуществлению деятельности, и самореализации в ней. Сильная неустойчивость самооценки порождает колебания, своеобразные «качели» – от очень высокого до очень низкого представления о себе.

Трагические страницы истории человечества связаны с этим понятием. Бесчисленные войны между народами и

государствами за ресурсы велись под стягом своей национальной (этнической) исключительности и второсортности своих противников. Идеология фашизма – тому крайнее подтверждение.

Самооценка тесно связана с уровнем притязаний, то есть с уровнем трудности целей, которые человек ставит перед собой; она определяет, какие достижения он будет воспринимать как неудачу, а какие – как успех. В конкретной деятельности самооценка и уровень притязаний могут быть достаточно точно установлены. Поэтому применительно к конкретной деятельности можно говорить об уровне самооценки и притязаний – высоком, среднем и низком.

В этих случаях можно говорить и об адекватности самооценки. Самооценка является адекватной, если она соответствует реальной успешной деятельности человека в какой-либо деятельности. Неадекватной самооценка бывает в тех случаях, когда она не соответствует успешности деятельности. Неадекватная самооценка может быть завышенной (когда субъект существенно завышает свои актуальные возможности) и заниженной (когда он их занижает). И неадекватно завышенная, и неадекватно заниженная самооценка – сильный тормоз и общего развития, и успешности в какой-либо деятельности.

Если человек (этнофор) имеет завышенную самооценку и ставит перед собой слишком высокие, не соответствующие его реальным возможностям цели, он неминуемо сталкивается с неудачами, неудачами. Такие переживания очень болезненны, и чтобы избежать их, он должен скорректировать свою самооценку, снизив ее и свои притязания, либо как-то обесценить неудачу, доказав прежде всего самому себе, что это произошло случайно, вызвано несправедливостью других людей; в особо сложных случаях он как бы не замечает собственного успеха, игнорируя его. Часто это происходит неосознанно для него самого под дей-

ствием особых защитных психологических механизмов. При заниженной самооценке, при достижении слишком доступных целей теряется зона перспективного развития.

Важно понимать, однако, что о завышенной или заниженной самооценке можно говорить лишь по отношению к какой-либо конкретной деятельности, результаты в которой могут быть точно определены и соотнесены с каким-либо образцом, эталоном.

Оптимальным для развития личности является высокий уровень самоуважения, общей самооценки. Человек с высоким уровнем самоуважения – это человек, обладающий чувством собственного достоинства, уверенный в себе, человек, который осуществляет и утверждает себя не за счет других людей, а за счет реализации собственных возможностей, собственных усилий.

Напротив, низкий уровень самоуважения, непринятие себя, как правило, характеризуется ощущением собственной неполноценности, болезненным самолюбием, стремлением утвердить себя за счет окружающих. Люди с низким уровнем самовыражения часто болезненно реагируют даже на безобидные шутки со стороны окружающих и еще более остро – на критику с их стороны. Они бывают склонны к накоплению мелочных обид, к соперничеству. Для них бывает характерна постоянная боязнь проявить свою несостоятельность в глазах других людей.

Одним из проявлений низкого уровня самоуважения, самооценки является комплекс неполноценности. Это явление было открыто известным психоаналитиком А. Адлером (1870–1937). Комплекс неполноценности проявляется в стойкой уверенности человека в своей несостоятельности, неспособности решать жизненные проблемы.

Такие люди нуждаются в поддержке и помощи окружающих, а в наиболее сложных случаях – в оказании специальной психологической и психотерапевтической помощи.

Третий компонент «Я-концепции» – поведенческий. Он определяет возможность саморегуляции, способность человека принимать самостоятельные решения, управлять своим поведением, контролировать его, отвечать за свои поступки.

В нем отражаются представления и переживания человека относительно того, способен ли он решать задачи, которые ставит перед ним жизнь, и те, которые сам он ставит перед собой, может ли он справляться с трудностями, сумеет ли он достичь своих целей, что выражается в его уверенности или неуверенности в себе.

Важным измерением «Я-концепции» является ориентация в поведении на внешний или внутренний контроль. При этом людей можно разделить на экстерналов и интерналов. При ориентации на внешний контроль у экстерналов самооценка определяется в основном отношением к ним других людей, а события своей жизни они объясняют соответственно судьбой, роком, влиянием других людей. Интерналы ориентированы на внутренний контроль, учитывают главным образом свои самооценки и считают, что все в жизни зависит только от них. Однако полярные выражения каждого из этих типов являются непродуктивными, в том числе и в межэтнических отношениях.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Этническая идентичность личности, по мнению большинства этнопсихологов, – это осознание себя представителем определенного этноса, переживание человеком своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Существует довольно широкий спектр толкований этнической идентичности личности. Условно их можно разделить на две области: личностная идентичность и этниче-

ская групповая идентичность. Личностная идентичность определяется персональными качествами и характеристиками этнофора. Этническая групповая идентичность описывается социальными категориями и базируется на анализе этнических групп, к которым этнофор принадлежит и с которыми себя отождествляет.

Личностную идентичность этнофора характеризуют в основном три фактора:

- место этнофора в отношениях с другими (доминируют понятия этнической структуры и этнических ролей);
- качества, которыми этнофор наделяет себя (деловые, поведенческие, интеллектуальные);
- самооценка этнофора (адекватная – неадекватная).

Этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка (чувства достоинства, гордости, обиды, страха являются важнейшими критериями межэтнического сравнения, эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи человека с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида). Можно выделить позитивную этническую идентичность, когда позитивные этнические чувства и аттитюды (социальные установки) включают в себя удовлетворенность человека своим членством в этнической общности, желание принадлежать ей, гордость за достижения своего народа. Негативная этническая идентичность – это наличие негативных аттитюдов к своей этнической общности, что включает даже отрицание собственной этнической идентичности, чувство униженности, стыда, предпочтение других групп и народов в качестве референтных.

Теоретические традиции исследования личностной этнической идентичности связаны в основном со школой символического интеракционизма.

Идентичность индивида является результатом попытки соединить социальные роли, которые он выполняет, и его психологические диспозиции с теми моделями личности, которые считаются одобренными в культуре, к каковой принадлежит конкретный индивид. Эта интеграция является важным внутренним свойством личности, особенно в период преодоления кризисных моментов жизни.

Направление исследований, определяемых как групповая идентичность личности, связано с принадлежностью индивида к определенной социальной группе, в том числе и этнической.

Основные теоретические подходы к анализу понятия этнической идентичности возможны в рамках психологических и социопсихологических исследований группового и межгруппового поведения. Толчком к этим исследованиям всегда являются социальные факты групповой дискриминации, национальной вражды, этноцентризма, предубеждений, то есть факты межгрупповых конфликтов. Эти теоретические подходы можно разделить на четыре традиционно выделяемые в психологии группы: *психоаналитическую, бихевиористическую, когнитивную и деятельностную*.

Психоаналитики объясняют социальное поведение человека интрапсихическими факторами. Они исходят из перманентного конфликта между личностью и социумом, обусловленного доминирующей ролью в человеческой жизни бессознательных импульсов, подавляемых обществом. Идея агрессивного начала в человеке лежит и в основе объяснения межгруппового взаимодействия. З. Фрейд первым дал развитую психологическую интерпретацию межгрупповых отношений и, в частности, проблемы отождествления индивида с группой, то есть явления социальной идентификации. Фрейд связывал это явление с противопоставлением любви к собственной группе и

агрессии по отношению к другим. Постулировав факт неизбежности, универсальности аутогрупповой враждебности в любом межгрупповом взаимодействии, фрейдисты считают ее главным средством поддержания сплоченности и стабильности группы. Всегда можно связать любовь большое количество людей, но всегда останутся и такие, на которых можно будет направлять агрессию. Они объясняют враждебность индивида к «чужим» и привязанность к «своим» амбивалентностью эмоциональных отношений раннего детства, которые переносятся на социальное взаимодействие: любовь и подавляемая агрессия трансформируются в любовь к лидеру и агрессию к аутогруппе.

Идея Фрейда и его последователей о неизбежности враждебного отношения к аутогруппам прочно вошла в теоретические построения исследований межгруппового взаимодействия не только психоаналитической ориентации, но и некоторых других научных школ. Сам Фрейд, в частности, оказал значительное влияние на Т. Адорно.

Классическая работа Адорно и его сотрудников – учение об авторитарной личности. Авторитарность личности, по Адорно, – продукт ранней социализации в семье. Если родители сознательно или бессознательно стремятся к сильной зависимости ребенка от них, ограничивая и подавляя его свободу строго регламентированными нормами поведения, то в дальнейшем он будет чувствовать себя комфортно только в ситуациях статусно оформленных и эмоционально знакомых. Авторитаризм тесно связывается с этноцентризмом, то есть с тенденцией быть жестко связанным с собственной группой и отклонять все касающееся других групп. Именно степень авторитарности личности, по мнению Адорно, автоматически определяет ее поведение в межгрупповой ситуации. Тем не менее Адорно сделал шаг вперед на пути объяснения социально поведения от причин чисто

психологических к социально-психологическим, объясняя групповое поведение не бессознательными влечениями, а процессами воспитания.

В противовес Адорно Дж. Доллард и Л. Берковитц сочли групповую предубежденность продуктом нормального функционирования человеческого сознания. Агрессивное поведение индивидов по отношению к другим группам возникает при наличии у них фрустраций, имеющих социальный характер. Фрустрации появляются, когда индивид начинает сравнивать себя с подобными. Меньшее количество различных преимуществ (материальных и духовных благ, власти и т. д.), чем у других, особенно в сравнении с индивидами той же социальной категории, ведет к фрустрациям, которые неизбежно выливаются в агрессивное поведение.

Этническая идентичность сильнее выражена у тех людей, которые живут в культурной среде, значительно отличающейся от собственной. Важную роль играет то обстоятельство, к какой группе этнического большинства (или меньшинства) принадлежит человек. Представления об этнических группах быстрее и острее формируются у представителей этнического меньшинства, но порой в детстве представители меньшинства предпочитают не свою группу, а хотят быть в группе этнического большинства. В этом случае может сформироваться ложная идентичность: ребенок воспринимает себя в качестве членов доминирующей группы, а не в составе своей реальной этнической группы.

С возрастом и развитием этнической идентичности у членов этнических меньшинств обычно происходит сдвиг к «внутригрупповой ориентации на свою этническую группу». Людям свойственно стремление сохранить или восстановить позитивную этническую идентичность, которая дает ощущение психологической безопасности и стабильности.

Эта распространяется и на межгрупповые отношения объясняя, в частности, появление националистических установок. Таким образом, установки этнофора по отношению к аутгруппам могут рассматриваться как способ разрешения внутриличностных конфликтов и противоречий. Агрессивное поведение по отношению к членам других групп сочетается с признанием и любовью по отношению к «своим», то есть к группам идентификации.

Бихевиористы пытаются ответить на вопрос, почему большое количество индивидов выбирает одну и ту же мишень для агрессии и почему агрессия часто – групповой, а не индивидуальный феномен. Так, социальный психолог М. Шериф провел классические исследования для выяснения возникновения межгрупповых отношений и влияния функциональной взаимозависимости между группами. Он показал, как дружелюбные отношения между отрядами мальчиков в летнем лагере трансформируются во враждебные в результате искусственно введенного фактора межгрупповой конкуренции. Объективный конфликт интересов приводит к появлению негативных аутгрупповых стереотипов и в то же время способствует внутригрупповой сплоченности и поддержке.

Согласно теории группового конфликта, реальный конфликт интересов между группами (актуальный, или имевший место в прошлом, или предполагаемый) обуславливает отношения конкуренции и ожидание реальной угрозы со стороны другой группы. Реальная угроза, в свою очередь, обуславливает:

1. Враждебность отдельных членов группы к источнику угрозы.
2. Увеличение внутригрупповой солидарности.
3. Более полное осознание индивидом своей групповой принадлежности.
4. Увеличение непроницаемости границ группового членства.

5. Уменьшение степени отклонения индивидов от выполнения групповых норм.

6. Увеличение меры наказания за нарушение этих норм вплоть до изгнания нарушителя из группы.

Таким образом, Шериф и его последователи, не делая, собственно, процесс идентификации самостоятельным предметом исследований, фиксируют этот процесс как необходимое следствие межгруппового конфликта. Бихевиористы вывели проблему межгрупповых конфликтов на социальный уровень, рассматривая ее не как функцию взаимоотношений между отдельными индивидами, а как функцию межгрупповых, в том числе этнических, отношений.

Очень важен внешний критерий признания другими людьми этнической принадлежности человека, особенно когда наблюдаются заметные различия внешности. Даже люди, имеющие объективные основания причислять себя к какой-либо общности, например дети из смешанных в расовом отношении браков, часто оказываются чужими для нее: кем бы сам себя ни осознавал мулат, для белых он – негр, а для черных – белый. Когда явных межгрупповых различий во внешности нет, существует высокая степень согласия между внешними и собственными критериями идентичности: группа примет человека, даже если он по крови – «чужой». Такой легкий и свободный выбор своей этнической принадлежности возможен у белорусов, русских, украинцев, культура и облик которых во многом близки, то есть ребенок-белорус или украинец может осуществить свой свободный выбор и осознавать себя русским, и окружающие могут также относить его к русским, и наоборот.

Исследования этнопсихологов [24; 46; 49] подтверждают, что человек, хотя и с разной степенью интенсивности, может идентифицировать себя одновременно с двумя этническими группами.

В качестве меры уменьшения конфликта между этническими группами бихевиористы предлагают постановку общих для конфликтующих групп целей, вынуждающих их к сотрудничеству и кооперации.

Многочисленные эксперименты привели к постановке вопроса о роли *когнитивных процессов* в регуляции межгруппового, в том числе и межэтнического, взаимодействия. Положения когнитивной психологии хорошо разработаны, и их применение к социальным процессам дало интересные результаты. В основе когнитивных процессов лежит категоризация, представляющая собой адаптивную функцию человеческой психики, структурирующей бесконечное многообразие стимулов окружающей среды в более упорядоченную совокупность отдельных категорий. В процессы категоризации включаются как сам субъект, так и его окружение. Воспринимая других людей, субъект акцентирует внимание на их сходстве и различии с собой. Он, таким образом, постоянно воспринимает других людей или как членов той же категории, что и он (своя группа), или как членов категории, к которой он не принадлежит (чужая группа). Разрабатываемый подход в дальнейшем оформился в так называемую теорию социальной идентичности, которая является сегодня, пожалуй, одной из самых популярных в западной социальной и этнической психологии. Основной тезис этой теории состоит в том, что у социальной группы существует потребность создавать положительно оцениваемые отличия от других групп, чтобы обеспечить своим членам позитивные самооценки, ибо личность склонна определять себя в терминах своей принадлежности к социальной группе.

Члены этнического меньшинства часто имеют пониженную самооценку, болезненное самолюбие и сверхчувствительность к дискриминации. Но принимая негативную идентичность, человек может относить негативные

суждения к другим членам своей группы, а не к самому себе, устанавливая психологическую дистанцию между группой и собой.

Осознание себя как члена негативно оцениваемой в обществе группы допускает и формирование идентичности по принципу: «Пусть мы такие плохие, но это действительно мы», то есть происходит эмоционально-агрессивное подчеркивание своей этнической принадлежности.

В случае неблагоприятного межгруппового сравнения человек может выбрать и стратегию индивидуальной мобильности, которая состоит в попытке сознательно сменить группу, сформировать измененную идентичность, даже биологически изменить свою расовую принадлежность. Но на уровне обыденного сознания многие люди считают, что национальность дана человеку от природы.

Действительно, в процессе социализации общество «приписывает» ребенка к определенному этносу. В результате у большинства людей проблемы выбора не возникает, но члены группы этнических меньшинств и выходцы из межэтнических браков могут проходить длительный период «выбора своей этнической идентичности». У этих людей в процессе этнической идентификации кроме критерия, приписывания (кем другие их воспринимают), большую роль играет и критерий внутреннего выбора (кем они сами себя осознают), то есть принадлежность человека к тому или иному народу определяется не биологической наследственностью, а сознательным приобщением к его культурным ценностям и святыням.

Социальная категоризация и неразрывно связанное с нее социальное сравнение (для достижения позитивного отличия своей группы) сами по себе достаточны для возникновения предубежденности по отношению к другим группам. Поэтому когнитивисты считают, что самый лучший способ уменьшить межгрупповой конфликт – минимизировать раз-

личия между группами. Кооперация должна восприниматься не как межгрупповая, а как внутригрупповая. Если же групповые границы сохраняются, взаимная кооперация не ведет к улучшению межгрупповых отношений. Как только непосредственная цель кооперации будет достигнута, сохраняющееся деление на группы вновь вызовет к жизни когнитивно воспринимаемый конфликт интересов и внутригрупповую пристрастность. Выход может быть найден, если учитывать то положение, что пересекающаяся категоризация эффективно нейтрализует дифференциацию. То есть принадлежность к нескольким группам смягчает конфликт между конкурирующими группами.

С позиции *деятельностного* подхода процесс идентификации индивида с группой – не спонтанная, изначальная характеристика (как считают представители когнитивного подхода), а зависимая величина, определяемая структурой межгрупповой деятельности. Когнитивные детерминанты можно представить себе в виде некоторого постоянно действующего фона, конечная же выраженность феномена идентичности зависит от целого ряда социальных факторов, на которые не могли не обратить внимания сами же сторонники теории социальной идентичности. Это степень законности статусных различий между группами, принадлежность к большинству или меньшинству, форма организации межгруппового взаимодействия (конкуренция или кооперация). Однако эти условия групповой деятельности, по мнению когнитивистов, не могут существенно изменить изначальность межгрупповой конфронтации, если категориальное деление достаточно явно выражено. «Категориальное членство» автоматически развертывает цепочку когнитивных процессов, последовательно доводя его до межгрупповой дифференциации на ментальном уровне и, соответственно, до межгрупповой дискриминации на уровне поведенческом.

Деятельностный подход к анализу группового и межгруппового поведения исходит из того, что психическая деятельность членов групп в виде социальной категоризации является лишь опосредующим звеном влияния объективных условий на социальное поведение. В. С. Агеев, изменяя условия взаимодействия экспериментальных групп выделил, помимо уже известных, несколько принципиально новых параметров: цели межгруппового взаимодействия, критерии оценки межгруппового взаимодействия, степень зависимости индивида от группы, а также успех или неудача групповой деятельности [1].

Кроме того, Агеев полагает, что наряду с несомненными, отмечаемыми всеми авторами, дифференцирующими тенденциями, тенденциями к обособлению, к осознанию и подчеркиванию собственной отличимости, практически любой группе свойственны следующие характеристики:

1. Стремление быть составной частью и чувствовать свою принадлежность к некоторой более широкой социальной общности (групповая аффилиация).

2. «Групповая открытость». Степень открытости группы межгрупповому взаимодействию характеризует меру ее социальной контактности, степень включенности в социальные процессы более высокого порядка.

3. «Межгрупповая референтность» – потребность в обращении к значимой внешней группе, которая выступает либо как носитель определенных ценностей и норм, либо выполняет роль «зеркала».

Интегративные и дифференцирующие процессы в межгрупповом взаимодействии сосуществуют одновременно и в нормальных условиях уравнивают друг друга. Оба этих процесса необходимы для существования и развития группы в системе социальных, в том числе этнических, связей и отношений. Но каждый из названных процессов выполняет специфические функции. Дифференцирующие межгрупповые

процессы ответственны за создание социальной идентичности и аутентичности группы, ее объективной и перцептивной отличимости от любой другой; за поддержание и укрепление границ группового (этнического) членства и признание этого членства в качестве лично-значимой ценности. Интегративные групповые процессы, напротив, призваны предохранять группу от изоляции и самоизоляции; они обеспечивают все богатство связей с другими группами: вхождение группы в более крупные социальные общности, трансляцию ценностей и норм более высокого порядка, обмен и обогащение предметным, социальным и культурным опытом.

Этнический статус чаще всего остается неизменным на протяжении всей жизни человека. Но все-таки этническая идентичность не статичное, а динамичное образование, поэтому внешние социальные обстоятельства могут толкать человека любого возраста на переосмысление роли этнической принадлежности в его жизни, приводить к трансформации этнической идентичности, особенно в случае межэтнического брака.

Ситуация межэтнического общения дает человеку больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков. Русский, живущий в многонациональной Москве быстрее осознает свою этническую принадлежность, чем житель Вологды, города с моноэтническим составом. Отсутствие опыта межэтнического общения обуславливает и меньшую предрасположенность к подобным контактам, и меньший интерес к собственной идентичности.

Результаты исследований этнопсихологов позволяют выделить три основных типа этнической идентичности: *этноцентрическую*, *полиэтническую* и *трансэтническую*.

Этноцентрическая идентичность, во-первых, обозначает ориентацию личности только на одну, свою этническую общность, с которой она связывает свои ожидания, жизнен-

ные планы, установки, свою судьбу. Причем связь по крови с этой общностью совсем не обязательна. Блестящим примером служит великий языковед В. И. Даль, вся жизнь которого была посвящена созданию «Толкового словаря русского языка». Этноцентрическая ориентация закладывается паспортной системой, которая извне идентифицирует людей с конкретным этносом.

Однако слово «этноцентризм» имеет не одно, а по крайней мере два самостоятельных значения. Во-первых, оно обозначает тот элементарный, всеобщий факт, что *отправным пунктом* восприятия и оценки чужих обычаев, нравов и т. д. является опыт собственной этнической группы; речь здесь идет не об определенной системе взглядов, а скорее о некотором неосознанном чувстве, которое окрашивает наши восприятия и представления.

Во-вторых, этноцентризм обозначает *предпочтение* образа жизни собственной этнической группы всем остальным: все свое, «наше» является самым лучшим, превосходит все остальное. Такой взгляд, хотя он и встречается часто, отнюдь нельзя назвать всеобщим. Бывают случаи, когда люди не только не считают свою культуру, нравы, обычаи самыми лучшими, но, напротив, обнаруживают нечто вроде комплекса неполноценности, благоговей перед всем чужеземным.

Полиэтническая идентичность характеризуется равноценным отношением к нескольким этносам, знанием или желанием знать несколько языков, желанием одновременно пребывать в двух или нескольких культурных средах. Этот тип этнической идентичности исконно характерен для жителей Швейцарии и актуален в США. Некогда официально признанной доктриной в Соединенных Штатах был «американский патриотизм», вынуждающий всех проживающих на территории США быть истинными американцами, забыв о своем настоящем этническом происхождении. В настоящее время эта-

лоном является полиэтническая, бинарная (билингвная) личность, которая наряду с принятием американской культуры сохраняет традиции культуры своей исторической родины – владение ее языком, принадлежность к ее религии, воспитание своих детей в «исконных» традициях. Этот эталон двойной лояльности был бы равносителен тому, как если бы в наших паспортах записывали не одну, а несколько национальностей, отражающих этническую принадлежность наших родителей. Человека, живущего и сознательно участвующего в культурной жизни и традициях двух разных народов, называют маргинальной личностью. Полиэтнизм характеризуется вариативностью своего проявления. Бывает, что человек вынужден приобщаться к культуре, к особенностям образа жизни, национальным традициям иноэтнической общности, поскольку он по каким-либо обстоятельствам попадает в условия иноэтнической среды. Или же в результате сложных этнотрансформационных процессов в рамках своей этнической общности функционируют различные подсистемы или сферы иноэтнической культуры (язык, обычаи и обряды и другие культурные и религиозные элементы). В другом варианте полиэтнизм обусловлен изменением значимости определенных этнокультурных элементов в процессе этногенеза (происхождение и формирование) той или иной общности. Так, например, угасание роли традиций и обрядов у некоторых народов Севера нашей страны обуславливает их ориентацию на другую иноэтническую культуру, например, русскую как доминирующую.

И последней разновидностью этнической идентичности, которая встречается реже всего, является **трансэтнизм**, когда личность, не причисляя себя ни к одному этносу, относит себя ко всему человечеству, выходя на надэтнический уровень представления о своем «я» как о субъекте мирового сообщества (гражданин мира). Примером могут служить такие исторические личности, как Лев Толстой в России и Махатма Ганди в Индии.

ГЛАВА 11. ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭТНИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Когда говорят о поведении этноса, то имеют в виду проявление всего множества связей и отношений, в которых реально формируется и развивается конкретный этнос или его часть. При этом характер детерминации психических свойств этноса сводится к описанию тех или иных комплексов – статичных психических особенностей, часто называемых «абсолютизированными психологическими паспортами». Этнические особенности поведения описываются при помощи таких понятий, как «основная» или «модальная» личность этнофора, раскрывающих наиболее существенные признаки исследуемого этноса, единые для всех его членов. На этом основании большинство этнокультурных феноменов рассматриваются как бы через призму данных понятий. Несомненно, любая историческая общность несет в себе способность развивать самостоятельное волевое единство, в определенной мере подчиняющее отдельных лиц, ее составляющих. Передаваемые из поколе-

ния в поколение язык, система духовных ценностей, символы, отношения к вещам и людям, способы поведения как образцы для действий – все это факторы, определяющие «типические коллективные переживания» тех или иных этнических общностей. У каждого народа складывается свой субъективный психологический образ, своя специфическая норма поведения.

В качестве иллюстрации существующих в обыденном сознании различий в восприятии различных этносов можно привести краткие советы для тех, кто собирается поехать за рубеж, изложенные в серии «Внимание, иностранцы!». В увлекательной и шутливой форме они рассказывают о нравах и обычаях народов, среди которых проживают их авторы. Итак, кратко о греках, испанцах, японцах и североамериканцах.

Считается, что **греки** умеют наслаждаться жизнью в полной мере. Они желают приятно проводить время в свое удовольствие здесь и сейчас. Грек может растратить месячное жалованье на одну-единственную пирушку и провести оставшееся до получки время без гроша в кармане. Греки умудряются получать удовольствие даже в таких ситуациях, которые повергают другие народы в глубокое уныние. Их безудержный оптимизм выражен в расхожей фразе «Бог даст!» и в хорошо всем знакомой концепции «авось».

Понять **испанца** можно, но для этого необходимо усвоить, что превыше всего он ценит собственное удовольствие. Все, что такового не приносит, для испанца не существует. Об испанцах можно сказать, что они непредсказуемы. Если будете в Испании, забудьте о старинной поговорке: «В Испании веди себя как испанец», – ибо испанцы и сами не знают, как они поведут себя в следующую минуту.

Японцы, несмотря на стремление не выделяться внешне, одержимы своеобразной гордыней. Они лезут из кожи вон, чтобы казаться аккуратными, трудолюбивыми, способ-

ными оправдать возложенное на них доверие. Из страха показаться бездельниками многие японцы отказываются брать отпуск. Отчаявшиеся боссы изобрели единственный способ заставить служащих отдохнуть хотя бы несколько дней в году. Они вообще закрывают фирму на какое-то время, обрекая десятки тысяч трудоголиков на унылые, полные безысходной тоски и ужаса перед призрачным увольнением «каникулы».

Американцам очень важно быть самыми-самыми. Победа – основа американской психологии. Любое событие в жизни американцев, от выпускного вечера до женитьбы или покупки автомобиля, организовано таким образом, чтобы кто-нибудь мог победить или по крайней мере обскакать всех остальных. Победа важна американцу, потому что у него все и всегда должно быть замечательно. Типичная американская реакция на любой кризис или катастрофу – сделать вид, что все замечательно.

С формированием такого рода «этнических доминант», по мнению Л. Н. Гумилева, одного из оригинальных и глубоких исследователей этногенеза, непосредственно связана и специфика этнического поведения. Негласно она существует во всех областях жизни и быта и в каждую отдельную эпоху воспринимается в данном этносе как единственно возможный способ общежития. Изменения в жизни этноса обуславливают изменения в этнической организации его жизнедеятельности, внося коррективы в нормы поведения, в традиционно-мировоззренческие и социально-психологические границы этнических представлений. На уровне этнических групп в качестве фактора изменения этнического поведения (как отражения изменений происходящих в этническом самосознании) могут выступать глобальные процессы, связанные с историческим путем развития этноса, влиянием экономических, политических, демографических и прочих факторов. Таким образом,

поведение этноса столь же динамично, как и сам этнос. Это показывают и исследования этнографов, которые фиксируют достаточно значительные вариации в типах поведения представителей различных этнических групп. Причем чем более значимы для этноса типы поведения, тем более жестко они регламентированы социальными нормами. В этой связи проводится классификация социальных норм с точки зрения их общеобязательности или императивности для каждой этнической общности. Стандарты поведения в значительной степени коррелируют с реальной стратификацией общества. Тем не менее социально одобренные программы поведения не охватывают всей сферы поведения человека в обществе, поэтому некоторые фрагменты поведения, расцениваемые как социально незначимые, остаются нерегламентированными. Именно эта сторона поведения имеется в виду, когда говорится об индивидуальных особенностях или своего рода «стилистике поведения». На упорядочение разнородных вариантов поведения ориентирована тенденция к унификации поведения, его типизация в выработке общепризнанных стандартов. Стандарты, или нормы, могут пониматься как исторически сложившиеся правила поведения, в которых также закладывается и оценочный смысл. Различные типы культур по-разному диктуют субъективную ориентированность на норму, в одних случаях высоко оценивается «правильность поведения», в других – поощряется стремление к оригинальности, основанной на возможности альтернативного поведения.

В свою очередь, это дает возможность этнических оценок относительно тех или иных поступков, то есть норма выступает как выражение некоей внешней точки зрения, в соответствии с которой поступок может быть охарактеризован. Наряду с внешними оценками существенное значение имеет и внутренние, собственно психологические, регуляторы поведения.

Человек как представитель этноса является продуктом социальных отношений, которые обуславливают его действия и переживания. В психологическом смысле отношения человека – это целостная, основанная на индивидуальном и социальном опыте система связей человека как личности (субъекта деятельности и взаимодействия) с реальной действительностью или ее отдельными сторонами. Иными словами, система отношений, или система диспозиционных образований, регулирует поведение и деятельность субъекта. Осознавая свою принадлежность к определенному этносу, индивид неизбежно проявляет в своих диспозициях этническую компоненту, которая часто приобретает доминирующее значение. Причем каждому человеку присущи свойственные только ему системы диспозиций, что и определяет его индивидуальность. Таким образом, *этнические диспозиции* выступают системообразующей детерминантой этнического поведения.

В качестве психологической детерминанты поведения следует рассматривать и *этнические стереотипы* как разновидность стереотипов социальных. Под этническим стереотипом обычно понимают упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической общности, распространяемый на всех ее представителей. С помощью этнических стереотипов формируется значительная часть представлений о других народах. Нередко при определении этнического стереотипа подчеркивается, с одной стороны, его целостность, ярко выраженная ценностная окраска, а с другой – наличие так называемого ошибочного компонента, препятствующего более полному, адекватному взаимопониманию людей и выступающих в качестве своеобразных шор, которые искажают видение особенностей поведения даже собственного этноса. Следовательно, система представлений, настроений, действий и свойств отдельных этнических общностей, проявляющихся в стереотипах, является элементом этнической психологии.

Еще одним психологическим образованием, которое выступает в качестве детерминанты этнического поведения, являются *этнические экспектации*. В основе этнических экспектаций лежит ролевая и нормативная регуляция социального взаимодействия людей. Без прогнозирования ответного поведения невозможно представить нормальное, конструктивное взаимодействие. Неадекватность этнических экспектаций служит причиной большинства конфликтов, возникающих на этнической почве. Поэтому становление этнических экспектаций, их динамика также должны стать предметом этнопсихологического изучения.

Итак, в качестве элементов этнической социальной психологии рассмотрим этнические диспозиции, стереотипы и экспектации взаимодействующих субъектов, которые являются основными психологическими детерминантами этнического поведения.

ЭТНИЧЕСКИЕ ДИСПОЗИЦИИ

Понимание психологических особенностей взаимоотношений между этнофорами, этническими группами и даже целыми этносами невозможно без раскрытия специфики этнических диспозиций.

Каждый этнос имеет собственный неповторимый набор этнических диспозиций (отношений или установок). Иногда диспозиции этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается. Иногда диспозиции этноса стабильны, потому что новое поколение воспроизводит опыт социальных отношений предшествующих поколений.

Структура этнических диспозиций – это строго определенная форма отношений: а) между этносом и этнофором; б) между этнофорами; в) внутриэтнических групп ме-

жду собой; г) между этносом и внутриэтническими группами. Эти формы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в данном этносе и в каждую отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития. Соприкасаясь с формами поведения другого этноса, члены одного этноса удивляются необычности другого. Древний афинянин, побывав в Ольвии, с негодованием рассказывал, что скифы не имеют домов, а во время своих праздников напиваются до бесчувствия. Скифы же, наблюдая вакханалии греков, чувствовали сильное омерзение и однажды, увидев своего царя, гостившего в Ольвии и идущего в венке и в составе процессии ликующих эллинов, убили его. Иудеи ненавидели римлян за то, что те ели свинину, а римляне считали противоестественным обычай обрезания. Рыцари, захватившие Палестину, возмущались арабским обычаем многоженства, а арабы считали бесстыдством незакрытые лица французских дам. Примеров можно привести любое количество, в том числе и в отношении стандартов поведения, касающихся юридических, экономических, социальных, бытовых, религиозных и прочих взаимоотношений, сколь бы сложны они ни были, поскольку они являются основой поддержания внутриэтнической стабильности.

В психологической науке это явление закреплено за несколькими понятиями, такими, как диспозиции, отношения, установки или аттитюды, которые, несмотря на различие в названии имеют одинаковое значение для регуляции поведения и деятельности субъекта – объясняют психологическую связь человека с окружающим его миром вещей и людей. Так, диспозиции личности образуют систему, которая включает в себя отношение к предметам и явлениям внешнего мира (субъект-объектные отношения) отношения к другим людям или группам (субъект-субъектные отношения) и

отношение к себе (самоотношение). Традиционно эти отношения личности к различным социальным объектам и ситуациям изучаются в психологии как социальные, в том числе и этнические установки, или аттитюды, личности. История изучения аттитюда началась в 1918 г., когда было дано определение аттитюда как психологического переживания индивидом ценности, значения, смысла социального объекта.

В отечественной психологии наибольшее распространение получила иерархическая схема диспозиционной регуляции социального поведения личности которую предложил В. А. Ядов (1979). Он рассматривает диспозиции различных уровней с учетом социального масштаба отражаемого явления и реализуемых личностных потребностей, считая при этом, что условия деятельности или ситуации, в которых могут быть реализованы те или иные потребности личности, образуют иерархическую структуру.

Низший уровень такой структуры образуют «предметные ситуации», особенность которых состоит в том, что они создаются конкретной и быстро изменяющейся предметной средой. В течение краткого промежутка времени человек переходит из одной «предметной ситуации» в другую. **Следующий уровень** – условия группового общения. Длительность подобных ситуаций деятельности несравнимо больше. В течение значительного времени основные особенности группы, в которой протекает деятельность человека, сохраняются неизменными. Еще более устойчивы условия деятельности в той или иной социальной сфере: труда, досуга, семейной жизни («в быту»); это – **третий уровень**. Наконец, **высший уровень** обусловлен максимальной устойчивостью во времени (по сравнению с указанными выше); он отражает общие социальные условия жизнедеятельности человека, которые определяются этническими, политическими, культурными особенностями образа жизни данного этноса или социальной группы. Иными словами, со-

циальная обстановка может не претерпевать сколько-нибудь существенных изменений в рамках «исторического» времени, но условия деятельности в той или иной социальной сфере (например, в сфере труда) могут изменяться неоднократно в течение жизни человека. Так, условия групповой ситуации могут изменяться в течение нескольких лет или месяцев, а предметная среда меняется иногда в считанные минуты.

Рассматривая диспозиции личности как продукт «столкновения» потребностей и ситуаций (условий), в которых соответствующие потребности могут быть удовлетворены, логично предположить, что эти диспозиционные структуры также представляют собой некоторую иерархию.

К первому (низшему) ее уровню относятся *элементарные фиксированные установки*. Они формируются на основе витальных потребностей и в простейших ситуациях. Эти установки, как закрепленная предшествующим опытом готовность к действию, лишены модальности (переживания «за» или «против») и неосознаваемы (отсутствуют когнитивные компоненты). Согласно теории грузинского психолога Д. Н. Узнадзе, сознание участвует в выработке установки, когда привычное действие наталкивается на преграду и человек объективирует собственное поведение, когда акт поведения становится предметом осмысления. Не являясь содержанием сознания, установка лежит в основе этих сознательных процессов.

Второй уровень диспозиционной структуры – *социальные фиксированные установки*. В отличие от элементарных фиксированных установок, социальные установки, как и другие рассматриваемые ниже диспозиции, обладают сложной структурой. Они содержат три основных компонента: *эмоциональный* (или оценочный), *когнитивный* (рассудочный) и собственно *поведенческий* (аспект поведенческой готовности). Факторами, которые ее формируют, являются, с

одной стороны, социальные потребности, связанные с включением индивида в первичные и другие контактные группы, а с другой – соответствующие социальные ситуации. Иными словами, это – «аттитюд» или «отношение», по В. Н. Мясищеву. Социальные установки образуются на основе оперирования с отдельными социальными объектами и в разных конкретных ситуациях. Они могут быть более или менее обобщенными, поскольку и сами объекты обладают разной степенью обобщенности. Следовательно, возможна классификация социальных установок по **направленности** преимущественно на целостные объекты или ситуации, например, на достижение профессиональных, трудовых, политических и т. п. целей. Это третий уровень диспозиционной структуры.

Четвертый (высший) уровень диспозиционной иерархии образует система *ценностных ориентаций* как системообразующих мотивов жизнедеятельности, которые детерминированы общими социальными условиями жизни данного индивида. Логично предположить, что система ценностных ориентаций, по своей сущности, формируется на основе высших социальных потребностей личности (потребность включения в данную социальную среду в широком смысле как интернализация социальных условий деятельности) и в соответствии с образом жизни, предоставляющим возможность реализации определенных социальных и личностных целей.

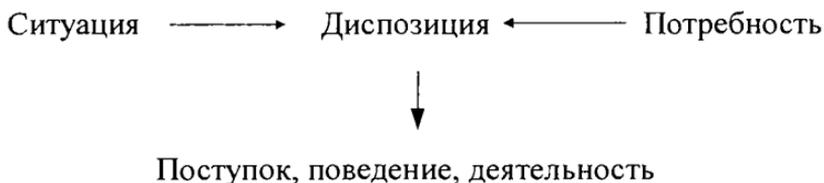
Однако было бы неверно рассматривать диспозиционную систему как некую «кирпичную кладку», образованную элементарными диспозиционными компонентами, каждый из которых включает знание, эмоцию, поведенческую готовность личности. Такое представление, механическое в своей основе, вряд ли соответствует диалектике социальной активности субъекта, ибо эта активность осуществляется благодаря слаженному действию многоуровневого механизма (В. А. Ядов, 1979).

Механизм взаимосвязи между различными элементами диспозиционной структуры, образующими разные подсистемы (когнитивную, эмоциональную и поведенческую) и разные уровни (от элементарных фиксированных установок до ценностных ориентаций), следует рассматривать именно как механизм функционирования диспозиционной системы в целом.

Все изложенное выше можно представить в виде следующей схемы:

Таким образом, диспозиционная регуляция поведения и деятельности человека проходит по схеме:

Почебут (1993) предприняла удачную попытку адаптации концепции Ядова к объяснению феномена межэтнических отношений.

Так, потребности *первого уровня* в сочетании с условиями окружающей среды создают элементарную этносоциальную установку членов этнической общности в отношении друг друга, что формирует отношение «мы». Таким образом, складывается система отношений внутри этноса. Потребности *второго уровня* обуславливают возникновение более сложной этносоциальной установки и формирование отношения «мы – они». (По мнению Б. Ф. Поршнева, отношение «они» первичнее отношения «мы», ибо необходимо повстречаться с каким-то «они» и обособиться от него.) Сочетание потребностей *третьего уровня*, условий среды и деятельности актуализирует установку на создание социума и приводит этническую общность к иному качественному состоянию. Реализуя потребность этого уровня, этническая общность создает общество, и таким образом складывается новое качественное состояние социальной общности, утверждаются формы и способы самоуправления, появляются государство, социальные институты, законы, территориальный, политический, экономический суверенитет и пр. Создавая общество, социальная общность параллельно создает и личность, давая толчок формированию социальных качеств и ценностей человека (*четвертый уровень*) и оставляя как основу базовые этнические установки.

Поскольку этническое поведение представляет собой чрезвычайно сложную структуру, оно, как и любая система, может быть рассмотрено в различных отношениях. Если структурировать деятельность этнофора в отношении ближайших и более отдаленных целей (а целесообразность – ведущий стимул деятельности), можно выделить несколько иерархических расположенных уровней поведения. Первый уровень – специфическая реакция этнофора на актуальную предметную ситуацию, реакции на специфические и быстро меняющиеся воздействия внешней среды, то есть поведенческие акты. Их целесообразность детерминирована и со стороны этнофора необходимостью установить адекватное взаимодействие между актуальной потребностью и предметной ситуацией в данный момент.

Далее можно выделить поступок (или привычное действие), который складывается из целого ряда поведенческих актов. Целесообразность поступка зависит уже от более сложных социальных ситуаций и, по-видимому, отвечает более высокому уровню потребности регуляции поведения в социальных условиях. Поступок есть элементарная социально значимая единица поведения, и его цель – установление соответствия между социальной ситуацией и социальной потребностью (или потребностями) этнофора.

Целенаправленная последовательность поступков образует поведение в той сфере, где этнофор преследует значительно более отдаленные цели, достижение которых обеспечивается системой поступков. И наконец, целостность поведения в различных сферах и есть собственно проявление деятельности во всем ее объеме. Целеполагание на этом, высшем, уровне представляет собой некий жизненный план, важнейшим элементом которого выступают отдельные цели, связанные с главными социальными сферами жизнедеятельности этнофора – в области труда, познания, семейной и социальной жизни.

На всех уровнях поведения этнофора оно регулируется его диспозиционной системой, однако в каждой конкретной системе и в зависимости от цели ведущая роль, видимо, принадлежит определенному диспозиционному образованию.

Кроме отношений в русле социальных установок личности, в этнической психологии также изучаются отношения в контексте таких явлений, как *аттракция* и *аффилиция*.

Этническая аттракция – это возникновение симпатии при восприятии одного человека другим, при этом важным условием восприятия является этническая принадлежность. В теории Л. Н. Гумилева есть раздел, посвященный проблеме этнической комплиментарности или совместимости этносов. Так, комплиментарны этносы, проживающие в «лесной» и «степной» части суши, но считаются некомплементарными этносы «степи» и «леса», с одной стороны, и «горы» – с другой. В социальной этнической психологии выделяется и такой феномен, как *этническая аффилиция*, стремление этнофора быть в обществе представителей комплементарных этносов, ориентация на их поддержку. Примером этого явления может служить стремление белорусов к союзу с русскими.

Анализ этнических диспозиций как многогранного психологического явления позволяет вспомнить работы замечательного русского психолога А. Ф. Лазурского (1874–1917) и его последователя В. Н. Мясищева (1893–1973), заложивших основу отечественной концепции отношений личности. Заслугой А. Ф. Лазурского является выделение в современной терминологии параметров отношений личности.

На настоящий момент в психологической литературе описано более 20 параметров отношений и, соответственно, различные виды отношений.

Первая группа – формально-динамические параметры отношений: знак, направленность, устойчивость и т. д. На основе такого параметра, как знак отношений, выделены

позитивные, негативные и безразличные отношения, а также амбивалентные, то есть наличие как позитивного, так и негативного отношения к одному и тому же явлению. Выделяются три вида направленности отношений: 1) отношение к явлениям внешнего мира; 2) отношение к человеку и группе людей; 3) отношение к себе. По степени устойчивости отношения делятся на устойчивые и неустойчивые, по критерию прочности – на прочные и непрочные, по степени глубины – на глубокие и поверхностные, по параметру стереотипности – на индивидуализированные и обобщенные отношения. С учетом степени соответствия внешнего выражения внутреннему содержанию выделяют истинные и ложные отношения. А по степени осознанности отношения бывают осознанными и неосознанными.

Вторая группа параметров – это содержательные характеристики отношений, их качество, или модальность. На основе модальности отношений можно выделить отношения дружбы, вражды, симпатии, привязанности, любви, антипатии, неприязни, ненависти и т. д.

К *третьей группе* параметров относятся этические критерии. По этическому критерию устанавливают адекватность, справедливость, отношения кооперации, обмена, объединения личностей (индивидуальностей).

Четвертая группа параметров связана с этапами формирования отношений личности. В соответствии с ними выделяют отношения, формирующиеся в период «бессознательного детства», и отношения, складывающиеся в течение сознательной жизни человека.

К *пятой группе* принадлежат те параметры, которые связаны с различными видами деятельности человека и структурой его личности. В соответствии с ними в психологии зафиксированы предметно-практические, коммуникативные, когнитивные, эмоциональные, волевые, ролевые, правовые, моральные, нравственные, коллективистские отношения.

Близким к этой классификации является деление отношений на основе критериев выраженности в них эмоциональных компонентов: деловые и эмоциональные отношения.

К *шестой группе* относятся те параметры, которые фиксируют одновременно степень близости или дистантности между партнерами; валентность, то есть позитивность–негативность отношений; вид позиции или «притирки» друг к другу в процессе общения. На основе этих параметров выделяют следующие отношения: близкие (мы); далекие (они); позитивные (свои); негативные (чужие); отношения снизу (вы); отношения сверху (ты). К этой группе принадлежат и те, в которых в качестве параметра характеризуется ролевая позиция партнера, степень близости между людьми: отчужденные, приятельские, товарищеские, дружеские, интимные, любовные, супружеские, родственные отношения.

К *седьмой группе* параметров принадлежат те, которые указывают на степень конструктивности складывающихся отношений; выделяют деструктивные и конструктивные отношения.

К *восьмой группе* относятся параметры взаимности, комплиментарности отношений характеризующие степень их субъективности, «личностности» (отношения персонификации, персонализации или отношения доминантные, отвергающие симбиотические отношения).

Если социальные установки представляют собой психологическую основу отношений, готовность человека воспринимать явления или предметы определенным образом, вписывать их в контекст предшествующего опыта, то этнические установки определяют отношения готовности этнофора воспринимать те или иные явления жизни этноса и в соответствии с этим восприятием действовать определенным образом в конкретной ситуации. Причем этнические диспозиции фокусируют в себе убеждения, взгляды, мне-

ния людей относительно истории и современной жизни их этнической общности и ее взаимосвязей с другими народами, людьми иных национальностей.

В главах, посвященных таким элементам этнической психологии, как этнические стереотипы, этнические экспектации, этническое взаимодействие и этнические конфликты, положения, рассмотренные в этой главе, получают дальнейшее развитие.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ

Социальные явления всегда вызывают переживания человека, однако в них всегда есть нечто типичное, общее. Это проявление социальной перцепции в этнопсихологическом плане объясняет различные стереотипы в восприятии членов отдельного этноса своей неповторимой этнической индивидуальности. Как одна из форм этнического сознания этнические стереотипы представляют собой устойчивые представления не только о себе (автостереотипы), но и представления о других народах и чужих элементах культур.

Европейца, впервые попавшего в Японию, поражает и даже шокирует то, что японец улыбается не только тогда, когда ему весело, но и тогда, когда ему делают выговор или когда он сам сообщает кому-либо печальную весть. Неопытный человек расценивает это как проявление бездушия. На самом деле улыбка просто имеет здесь иное символическое значение: она призвана смягчить тяжелую ситуацию, подчеркнуть готовность справиться с ней и т. д. Понять это многообразие символов, жестов, реакций не так-то легко.

Иногда разные этнические группы приписывают друг другу один и тот же обычай. Например, в нашей стране и во Франции, когда человек уходит из гостей не прощаясь, это

называется «уходить по-английски». В Соединенных Штатах и Англии тот же самый обычай называется «to take French leave» – «уйти по-французски».

Этнические стереотипы, которые воплощают присущие обыденному сознанию представления о собственном и чужих народах, не просто суммируют определенные сведения, но и выражают эмоциональное отношение к объекту. В них своеобразно сконцентрирована вся история международных отношений. Уже простое описание тех или иных черт содержит в себе определенный оценочный элемент. То, что применительно к собственному народу называется разумной экономией, применительно к другим может именоваться скупостью. То, что у «себя» характеризуется как настойчивость, твердость характера, у «чужака» называется упрямством. Один и тот же психологический комплекс, в зависимости от отношений к его носителю, может называться и непосредственностью, и беззаботностью, и безответственностью. Здесь сказывается все, вплоть до текущей политической конъюнктуры. Так, в США русские, особенно в карикатурах (которые обычно наиболее ярко выражают массовые стереотипы), изображались последовательно как: анархисты с бомбой в руке (1917–1922); медведи, сильные и добрые (1941–1945); коварные, жестокие, злые и опасные, вооруженные атомной бомбой чекисты и генералы (1947–1985); такие же люди, как американцы (1986–1990); перспективные, быстро обучающиеся партнеры (1991–1995); растяпы, мафиози, агрессивные попрошайки, готовые красть и продавать все что угодно (1995 по 2001). По мере развития событий на Балканах вновь стали оживать черты стереотипов времен «холодной войны»: непредсказуемость, ненадежность, вероломство и др.

В Советском Союзе и в постсоветской России американцы, в свою очередь, изображались как: «акулы империализма», «буржуи» с золотой цепью на толстом животе (1917–

1934); военные союзники, не спешащие помочь (1941–1945); «поджигатели войны» с факелами в руках, генералы и шпионы, расисты, колониалисты (1947–1985); такие же люди, как и мы, но более преуспевшие, ушедшие вперед, у которых надо учиться рыночным отношениям и демократии (1986–1995); снобы и жлобы, открывшие наконец свои истинные замыслы – уничтожить Россию и стать «мировым жандармом» (1996–2001).

Впервые понятие «стереотип» ввел в науку американский психолог У. Липпман. В 1922 г. в книге «Общественное мнение» он использовал термин *социальный стереотип*, определив его как *упорядоченную, схематичную, детерминированную культурой «картинку мира» в голове человека*. Он же указал на две важнейшие причины выработки стереотипов.

Первая причина заключается в реализации принципа экономии усилий, характерного для повседневного человеческого мышления. Данный принцип означает, что люди не стремятся реагировать на окружающие явления каждый раз по-новому, а подводят их под уже имеющиеся категории. В этих случаях познавательный процесс остается на уровне обыденного сознания, ограничиваясь житейским опытом, основанным на типичных для данной общности представлениях. Окружающий человека мир обладает известными элементами единообразия, а отказ от стереотипов потребовал бы от человека постоянного напряжения внимания и превратил бы сам процесс жизни в бесконечную череду проб и ошибок, подчас небезопасных. Для продуктивного функционирования стереотипа необходимо расчленение индивидом окружающей действительности с помощью процессов категоризации. При этом категоризация может разворачиваться посредством либо когнитивных, либо аффективных, либо поведенческих составляющих психики индивида. Вторая причина выработки стереотипов связана с защитой

групповых ценностей как чисто социальной функцией, реализующейся в виде утверждения своей непохожести, специфичности. Образно говоря, стереотипы – это крепость, защищающая традиции, взгляды, убеждения, ценности индивида, ему уютно за стенами этой крепости, ибо там он чувствует себя в безопасности. Поэтому любое посягательство на стереотипы есть покушение на безопасность индивида, он расценивает такие действия и как покушение на основы своего миропонимания.

Отсюда следуют два важных обстоятельства. Первое заключается в том, что функция защиты социальных (групповых) ценностей неизбежно требует от индивида пусть и непостоянного, периодического, импульсивного, но крайне необходимого обращения к вербальной форме подачи информации о ценностях своей группы и их отличиях от ценностей других групп. Если на уровне экономии усилий процессы категоризации могут идти бессознательно, то защита групповых ценностей требует знания этих ценностей, умения их выделить и обобщить. Второе обстоятельство заключается в умении индивида отнести себя к конкретной, выделенной из всего множества группе, ценности которой выступают точкой отсчета в процессах стереотипизирования. Именно поэтому социальную стереотипизацию следует рассматривать как функцию межгрупповой дифференциации, то есть оценочного сравнения своей и чужой групп. Данная дифференциация может принимать две формы: противопоставления («внутригрупповой фаворитизм») и сопоставления («миролюбивая нетождественность»). В случае межэтнических контактов эта дифференциация может иметь принципиальное значение.

Понятием стереотипа (в понимании У. Липпмана) описывались реальные и социально важные свойства психики. Поэтому в 1920-е годы начался активный поиск эмпирических данных о механизмах и формах стереотипизирования,

о внутренней структуре стереотипа, о факторах, влияющих на его содержание. Интерес американской социальной психологии к социальным стереотипам объяснялся тем, что ее методологической основой выступал структурный функционализм, который исходил из модели общества как структуры, состоящей из культуры, системы социальных институтов и малых групп; это была наиболее распространенная в США философская парадигма. Такой подход неизбежно привел американских авторов в начале 1930-х годов к исследованию стереотипа как прежде всего этнического феномена. Но и до сих пор этнические стереотипы рассматриваются ими как разновидность социальных стереотипов. Интерес же именно к этническим стереотипам связан с их отчетливостью, рельефностью, яркостью, практической значимостью и актуальностью.

Отечественная психология также уделяет значительное внимание проблеме этнических стереотипов. В результате проведенных исследований в отечественной науке сложилось определение *социального стереотипа как устойчивого психического образования, в котором схематизированно, упрощенно и эмоционально отражается некоторый достаточно сложный факт действительности, прежде всего образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей*. Стереотипы являются чувственно окрашенными образами, аккумулирующими в себе социальный и психологический опыт общения и взаимоотношений индивидов. Необходимо отметить, что как психологический феномен стереотип обладает рядом качеств: в статическом плане – целостностью, оценочностью, ценностной окраской, наличием доли ошибочной информации; в динамическом плане – устойчивостью, ригидностью, консерватизмом, низкой пластичностью в отношении новой информации; в структурном плане – сочетанием эмоционального, волевого и рационально-

го элементов. Этнический стереотип, являясь одной из форм социального стереотипа, обладает всеми свойствами последнего и отличается лишь содержательно.

Под *этническим стереотипом* сегодня принято понимать *обобщенное представление о физическом, нравственном и умственном облике представителей различных этнических групп*. Этнический стереотип характеризуется повышенной эмоциональностью и устойчивостью в отражении черт стереотипизируемой группы.

В стереотипе выделяют четыре основных параметра:

1. *Содержание* – набор характеристик, приписываемых этнической группе.

2. *Степень согласованности* – единообразие характеристик, приписываемых этнической группе.

3. *Направленность* – общее положительное или отрицательное восприятие объекта стереотипизирования (может быть выведена непосредственно из содержания стереотипа: наличие большего или меньшего количества положительных или отрицательных характеристик).

4. *Интенсивность* – степень предубежденности по отношению к стереотипизируемой группе, выраженная в стереотипе (можно получить ранжированием характеристик, приписываемых этнической группе).

Феномен стереотипизирования можно раскрыть с помощью ряда положений:

- Людям психологически легче характеризовать обширные человеческие группы (как по социальному, так и по национальному признаку) недифференцированно, грубо и пристрастно.

- Такая категоризация имеет внутренне присущую тенденцию сохранять стабильность в течение длительных отрезков времени.

- Изменения в социальной, политической и экономической сферах могут обуславливать изменение стереотипа, однако это происходит не всегда или бывает отсрочено во времени.

- Стереотипы усваиваются очень рано в качестве «чувственной ткани мира» (А. Н. Леонтьев) и начинают использоваться детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся.

- Социальные стереотипы редко проявляются на поведенческом уровне при отсутствии явной враждебности в отношениях между группами, но в условиях напряженности или конфликта эти же стереотипы становятся определяющими детерминантами, которые слабо поддаются модификации и управлению, они ужесточаются, заостряются и начинают играть доминирующую роль в реальном поведении индивидов, вплоть до откровенной враждебности.

На содержание этнических стереотипов влияют три группы факторов:

- 1) специфика стереотипизируемой группы (ее этническая психология, закрепленная в культуре и в обыденном сознании система ценностей, общественно-историческое развитие);

- 2) социально-политические и экономические условия развития групп и специфика взаимоотношений между ними, сложившаяся на данный момент;

- 3) длительность и глубина исторического контакта.

В отношении третьей группы факторов необходимо отметить, что далеко не всякое межэтническое общение формирует позитивные межэтнические стереотипы. Условиями оптимальной организации контакта этносов выступают:

- а) признание безусловного равенства сторон;
- б) наличие обстановки открытости и доверия;
- в) принятие общих, значимых для обеих сторон целей;
- г) уважение к традиционным нормам, ценностям, правилам поведения, образу жизни друг друга.

Выполнение перечисленных условий требует наличия в национальных идеологиях контактирующих этносов не-

конкурентных, недискриминационных стратегий, а это возможно лишь при наличии у этносов полновесных, зрелых, конгруэнтных этносу элит.

Поскольку этнические стереотипы не существуют «вообще», сами по себе, а выполняют в общественном сознании определенную функцию, то они нерасторжимо связаны с социумом, с общественными условиями и, объединяя ранее отчужденных индивидов, структурируют этносы в целостные образования для решения следующих специфических этносоциальных задач: защита территории этнических границ; предпочтение соотечественников (соплеменников) пришельцам (эмигрантам), базирующееся на усилении чувства солидарности со своими и чувства вражды (подчас непримиримой) по отношению к иноплеменникам.

На социальном уровне этнический стереотип имеет две функции: идеологизирующую (формирование и сохранение групповой идеологии, объясняющей поведение группы) и идентифицирующую (создание и сохранение положительного образа «мы», что достигается прежде всего с помощью ритуалов и невербальных средств).

Этнический стереотип, как и любой другой социальный стереотип, может быть *автостереотипом*, то есть описывающим собственную этническую группу, и *гетеростереотипом*, то есть описывающим другую этническую группу. На становление этнических авто- и гетеростереотипов влияют три группы условий:

1. Политическая, экономическая и религиозная системы общества, формирующие определенный набор норм, ценностей, идеалов, императивов. В идеальном случае формирование этого набора происходит в непротиворечивом единстве, присущем ценностному отражению, ценностному атрибутированию действительности этнической элитой.

2. Социально-психологическая представленность норм, ценностей, идеалов и императивов внутри непосредственного окружения индивида. Установлено, что индивид тем легче идентифицирует себя с определенной группой, чем больше его коммуникативных связей замыкается внутри нее.

3. Индивидуально-психологическое бытие индивида, то есть совокупность реальных фактов жизни индивида.

Особенностью автостереотипов является стремление этнической общности внести в их содержание нечто от идеала, подчеркнуть наиболее самобытные черты национального характера. Например, установлено, что группы с более высоким статусом в экономической сфере имеют тенденцию характеризовать себя как компетентных и добившихся экономического успеха, а группы с более низким статусом – как отличающихся добротой, сердечностью, гуманностью, с одновременным снижением значимости тех качеств, которые и обеспечивают чужой группе экономическое превосходство, – деловитости, предприимчивости. Другим исследованием установлено, что весьма консервативные и морализирующие студентки колледжа, не способные признать собственные «недостойные» сексуальные желания, демонстрировали склонность переносить эти желания на представителей этнических меньшинств, оценивая тех как слишком доступных и порочных. В то же время, как следует из исследований этнографов, этнические автостереотипы претерпевают в ходе исторического развития этноса определенную эволюцию и в значительной мере отражают уровень этнического самосознания.

Важное место в когнитивной составляющей стереотипов занимают представления членов этноса об окружающей их действительности, что проявляется в так называемых картинках мира. В рамках этих концептуальных структур интегрируются отдельные процессы восприятия, памяти, мышления членов этноса. Это может служить основой для типологизации этносов по имплицитной картине мира.

Концептуальные «этнические доминанты» негласно существуют во всех областях жизнедеятельности и в каждую отдельную эпоху воспринимаются этносом как единственно возможный способ общежития. Структура этнического стереотипа поведения проявляется в виде строго определенной системы отношений, отражающей разнообразные типы социальных связей в обществе. Изменения в жизни этноса обуславливают изменения в этнической организации его жизнедеятельности, внося коррективы в нормы поведения, в традиционно-мировоззренческие и социально-психологические установки и этнические представления. В качестве факторов изменения этнического поведения на уровне этнической группы могут выступать глобальные процессы, связанные с историческим развитием этноса, влиянием экономических, политических, демографических, религиозных, а также – особенно обострившихся в последнее время – экологических и техногенных факторов. Таким образом, стереотипы поведения этноса столь же динамичны, как и сам этнос. Об этом говорят и результаты исследований этнологов, фиксирующие довольно сильные вариации в поведении и установках на поведение представителей различных этнических групп.

Стандарты поведения в значительной степени коррелируют с реальной стратификацией общества. Тем не менее социально одобряемые программы поведения не охватывают всей сферы поведения человека в обществе, поэтому некоторые стороны поведения, рассматриваемые традиционно как социально незначимые, остаются нерегламентированными, и именно они имеются в виду, когда говорится об индивидуальных особенностях субъекта деятельности, о своего рода «стилистике поведения». На упорядочение разнородных вариантов поведения работает центростремительная тенденция унификации поведения, выработка общепринятых стандартов поведения.

Стандарты и нормы определяются как исторически сложившиеся правила поведения, которым присущ и оценочный смысл. Различные типы культур по-разному диктуют субъективную ориентированность на норму: в одних случаях высоко оценивается «правильное поведение», в других поощряется стремление к оригинальности и необычности, основанное на возможности альтернативного поведения. Следует отметить, что именно эта субъективно-культурная вариативность норм и дает возможность существовать различным этническим оценкам относительно тех или иных поступков, то есть нормы выступают как выражение некоей внешней точки зрения, в соответствии с которой данный поступок может быть охарактеризован. В случае же необходимости оценивания поступков индивида, принадлежащего к иному этносу, вступают в действие законы межэтнического взаимодействия.

Согласно концепции этногенеза Л. Н. Гумилева, типов взаимодействия может быть несколько, в зависимости от уровня этнической истории, отражающегося на содержании и динамике этнических стереотипов:

- на уровне консорций – нестойкие этнические сочетания, слабо отражающиеся на этнических стереотипах;
- на уровне конвексий* – деформированные этнические сочетания, при которых у отдельных индивидов можно наблюдать эффект «разбухания» нижних (аффективных) этажей этнических диспозиций, что безусловно сказывается на этнических стереотипах наименее социально и этнически толерантных членов конвексии;
- на уровне субэтносов – симбиозы, то есть такие формы взаимопольного существования этносов, при которых этносы сохраняют свое своеобразие компенсацией «разбу-

* См. глоссарий.

хания» нижних (аффективных) этажей этнических диспозиций конструктивными элементами национального самосознания и складывающейся национальной идеологии;

- на уровне этносов – ксении, то есть нейтральное сосуществование этносов при сохранении ими своеобразия, что мало сказывается на этнических стереотипах в силу адекватно выработанных национальных идеологий (речь идет о контакте этносов, принадлежащих одному суперэтносу).

На уровне же суперэтносов возможны еще четыре варианта этнического контакта, а значит, и соответствующие варианты развития этнических стереотипов:

1. В случае контакта пассионарно-ненапряженного этноса с пассионарно-напряженным этносом наиболее вероятно ассимиляция или вытеснение слабого этноса. Вариативность динамики этнических авто- и гетеростереотипов здесь весьма велика.

2. Два или более слабопассионарных этноса в большинстве случаев находят взаимоприемлемый способ существования и не подавляют друг друга. Этнические стереотипы при этом мало подвержены изменению.

3. Если контактирующие суперэтносы пассионарны сильно, но одинаково, то происходит метисация, причем деформируется поведенческая составляющая стереотипов. Как правило, в этом случае начинает нарастать тенденция к индивидуалистической стратегии поведения с утратой общих ценностных норм, идеалов, императивов, что неминуемо ведет к уничтожению одного из этносов.

4. Если же при контакте сильных, одинаково пассионарных этносов процесс метисации сопровождается пассионарным толчком, то возникает новый этнос с новыми авто- и гетеростереотипами.

Именно в межэтнических контактах на гранях субъект-субъектных отношений ярко проявляется такая особенность этнического стереотипа, как его антропостереотипичность –

связанность с обликом индивида. Внешность действительно часто выступает практически важным признаком, несущим в себе информацию о национальности субъекта. Признаки, из которых слагаются и внешний облик, и поведение (в том числе все богатство невербальных коммуникативных средств: жесты, мимика, позы, дистанция при общении и т. д.), могут иметь осведомительное значение и выполнять регулятивную функцию. Соответствие (несоответствие) стереотипных представлений о внешности того или иного народа сильно влияет на живучесть этнических гетеростереотипов. На уровне обыденного сознания нередко психологические качества человека связываются с обликом представителей иных народов. Из этого неизбежно вытекает соответствующий набор сценариев, наиболее характерный в отношениях между стереотипизирующей и стереотипизируемой группами. Наличие определенного физического сходства у представителей одного этноса «работает» и на автостереотип, так как укрепляет мнение о едином происхождении и неизменности этноса в исторически обозримое время. Интересно, что исключительно на внешность обращают внимание в основном лица с начальным образованием, использующие антропологические признаки как этноконсолидирующие или этнодифференцирующие, в то время как у лиц с высшим образованием определение этнической принадлежности строится прежде всего на социокультурных параметрах.

Результаты исследования американского психолога Э. Эриксона говорят о различиях в невербальных составляющих процесса общения между белыми и черными общинами в США. Несмотря на общность языка, общую историю, определенную общность культуры, негры и белые по-разному ведут себя в качестве партнеров по общению. Внешне негры меньше демонстрируют свой интерес к информации собеседника, но бурно, откровенно и адекватно включаются в те моменты общения, когда партнер ожидает

от них эмпатии или поддержки. Белые же, напротив, откровенно заинтересованы в собеседнике, но в критические моменты общения усиление эмоций для них не характерно. Интересные особенности стереотипов поведения существуют и у других народов. Например, по обычаям карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев и других народов Кавказа третьему лицу нельзя проходить между двумя собеседниками, как бы пересекая их визуально-психологическое единство. Этикет требует остановиться в отдалении и ждать, пока общающиеся не заметят и не дадут возможность обойти себя.

К сожалению, подавляющее большинство этнических авто- и гетеростереотипов, национальных обычаев трудно для вербального и инокультурного усвоения. Это объясняется тем, что они не представлены в виде текстов, законов, правил, а транслируются через неофициальные традиционные каналы передачи информации, через «социальные представления», невербальное отвержение и т. п., что, в свою очередь, непосредственно влияет на глубину, направленность и характер процессов межэтнического общения.

Этнические стереотипы должны также рассматриваться как предмет семантико-информационного анализа. Они всегда социальны, то есть их поведенческая составляющая реализуется в обществе через этнофора, который выступает частью общности со всей совокупностью присутствующих ей социокультурных механизмов и особенностей социальной организации. Стереотипы не существуют вне индивида, они психологичны по локусу существования, но носитель стереотипов всегда вариативен в поведении как в историческом, так и в этническом пространстве. Это обуславливает семантическую неоднозначность реализующегося в субъект-субъектных отношениях стереотипа, а тем самым происходит своеобразный «коллективный отбор» и межпоколенная трансляция наиболее адекватных и по-

лезных для данного этноса авто- и гетеростереотипов. Такое информационно-семантическое понимание стереотипа базируется на представлении об этносе как о своеобразном пространственно ограниченном «сгустке» специфической культурной информации. Межэтнические контакты рассматриваются как обмен информацией, а этнический стереотип – как своеобразный элементарный сигнал. Информационно-семантическое понимание этноса имеет под собой основание в силу того, что информация является неотъемлемым свойством материи и может выступать как форма ее существования. Именно в рамках данного подхода и может быть разрешена проблема истинности этнических стереотипов.

Вопрос о соотношении понятий «стереотип», «установка», «предрассудок», несмотря на сравнительно давнюю историю исследований, является пока дискуссионным. Одни исследователи склонны рассматривать стереотип как когнитивный элемент установки. Другие отождествляют понятия «установка» и «стереотип». Третьи считают, что сначала у людей формируется установка, а затем стереотип наполняется соответствующим этой установке содержанием. Четвертые склонны считать стереотип формой выражения установки, которая придает стереотипу определенную направленность и интенсивность. Некоторые авторы под этническим предрассудком понимают прежде всего этнический стереотип, наполненный враждебным отношением к стереотипизируемой группе; при этом этнический стереотип представляется как результат этноцентрирования, то есть четко выраженной склонности рассматривать ценности другого народа сквозь призму ценностей своего этноса.

В отечественной социальной психологии подход к данной проблеме разрабатывается в рамках теории отношений. Стереотип и установка рассматриваются как стадии созревания и становления психологических отношений, понимае-

мых как целостная система индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности.

Обобщая вышесказанное, можно предположить, что:

1. Стереотип воплощает в себе специфическое отражение ценностей, единообразное отношение к объекту, его усредненное восприятие. Иначе говоря, если ценность мы примем за норму, то стереотип будет нормой отношения к норме, то есть «нормой в квадрате».

2. Стереотип зависит от ценностной ориентации, вытекает из нее и выражает ее в схематическом виде, он позволяет человеку без лишних размышлений соотнести собственную оценку любого явления с ценностной шкалой своей группы. Стремясь соответствовать ожиданиям группы (иначе легко попасть в категорию изгоев), человек невольно определяет свои симпатии в рамках, диктуемых этой шкалой.

3. Стереотип может адекватно отражать событие, хотя при попытках обобщения реальных фактов действительности происходит их определенное искажение.

4. Стереотип – это факт психологической реальности, детерминирующий межэтнические отношения независимо от того, соответствует ли он действительности или нет.

ЭТНИЧЕСКИЕ ЭКСПЕКТАЦИИ

В отечественной этносоциологической и этнопсихологической литературе большинство авторов ставят вопрос об «объективной властности этнических норм», то есть о том, насколько нормы обуславливают социальное поведение «человека этнического», независимо от каких бы то ни было типов «конвенций» или «авторитетности», субъективных воль, желаний и предпочтений индивидов и общностей. Ос-

новное назначение и действие этнических норм, равно как и мотивация согласия личности с этими нормами, состоит в обеспечении существования и функционирования этноса в качестве организованного целого, а ее участников – в качестве членов организационной системы, занимающих определенное положение в ее функциональной, операциональной и статусной структурах и обеспечивающих существование этноса как единого целого.

Изучение **этнических экспектаций** (ожидаемого поведения членов этнической группы) требует раскрытия психологической специфики социальных ролей и, соответственно, ролевого поведения.

Первыми понятие *социальной роли* предложили Р. Линтон и Дж. Мид (независимо друг от друга). Линтон трактовал социальную роль как единицу социальной структуры, которую можно описать в виде заданной человеку системы норм. Мид, рассматривая особенности взаимодействия субъекта с социальной средой, выделил понятие «социальность» как особую категорию, обозначающую факт возможного участия человека в разных социальных взаимодействиях. Особое значение в социальном взаимодействии уделялось сознанию, которое, с точки зрения Мида, имеет прежде всего инструментальную природу, то есть является средством приспособления человека к социальной среде. При этом социальная роль обусловлена многообразием функций, которые человек выполняет и способен выполнять в социуме. Несмотря на различные подходы, Линтон и Мид рассматривали социальную роль как особое явление, в котором сходятся индивид и социум. При этом индивидуальное поведение превращается в социальное. Таким образом, индивидуальное поведение человека сопоставляется с социальными нормами.

Понятие «социальная роль» является важным элементом как социологии, так и психологии, причем в интерпре-

тацию содержания социальной роли привносится благодаря этому определенное разнообразие. Считается, что социальная роль – это:

- *фиксация определенного положения*, которое занимает тот или иной индивид в системе социальных отношений;
- *нормативно одобренный образец поведения*, ожидаемый от индивида, занимающего определенный статус в социуме;
- *вид социальной деятельности* и способ поведения личности, который несет печать социальной оценки (одобрения, осуждения и т. д.);
- *поведение личности* в соответствии с ее социальным статусом; обобщенный способ выполнения определенной социальной функции, когда от человека ожидаются определенные действия;
- *устойчивый стереотип поведения* в определенных социальных ситуациях; совокупность объективных и субъективных ожиданий (экспектаций), производных от профессиональной, этнической, политической или какой-либо другой структуры социума;
- *социальная функция личности*, соответствующая представлениям людей в зависимости от их статуса или позиции в обществе, в системе межличностных отношений;
- *существующая в обществе система ожиданий* относительно поведения индивида, занимающего определенное положение во взаимодействии с другими индивидами;
- *система специфических ожиданий* по отношению к себе индивида, занимающего определенное положение, то, как он представляет модель своего поведения во взаимодействии с другими индивидами;
- *открытое, наблюдаемое поведение индивида*, занимающего определенное положение;
- *представление о предписанном шаблоне поведения*, которое ожидается и требуется от человека в данной ситуации;

- *предписанные действия*, характерные для тех, кто занимает определенную социальную позицию;
- *набор норм*, определяющих, как должен вести себя индивид, занимающий данное социального положения.

Из вышеизложенного видно, что социальная роль трактуется как ожидание, вид деятельности, поведение, представление, стереотип, социальная функция и даже набор норм. Мы будем рассматривать социальную роль в качестве социальной функции, реализуемой человеком на уровне социального поведения как представителя определенной этнической группы. Психолог Т. Шибутин полагал, что социальные роли несут в себе функцию закрепления оптимальных способов поведения в определенных обстоятельствах, выработанных человечеством на протяжении длительного времени. Упорядоченность повседневной жизни обуславливается последовательностью выполнения человеком тех или иных социальных ролей, которые связаны с правами и обязанностями. Обязанность – это то, что человек вынужден делать, исходя из своей социальной роли, вне зависимости от того, нравится ему или нет.

Например, пассажиру необходимо заплатить за проезд в транспорте. Выполняя свои социальные обязанности в соответствии с социальной ролью, человек имеет право предъявить свои требования к другим людям. Обязанности всегда сопровождаются правами: поэтому пассажир ожидает, что доедет до нужной ему остановки, и т. д.

Гармония прав и обязанностей предполагает оптимальное выполнение социальной роли, нарушение же гармонизации, приводя к доминированию только обязанностей или только прав, может свидетельствовать о том, что социальная роль не совсем усвоена, или о том, что между людьми не существует согласия относительно прав и обязанностей. В любом случае социальная роль имеет два аспекта изучения: ролевое ожидание и ролевое исполнение. Определен-

ная согласованность ролевого ожидания с ролевым исполнением служит гарантией оптимального социального взаимодействия.

Социальное взаимодействие людей обусловлено множеством факторов, среди которых *этнические экспектации* имеют особое значение. Выступая в определенной роли, каждый человек обладает правами по отношению к другим участникам взаимодействия. Его права образуют ожидания, обращенные к другим участникам и побуждающие их что-то делать ради него. Поскольку роли взаимосвязанны, то экспектации обязательно взаимодополнительны. Что составляет право для одного партнера – является обязанностью для другого. Суть социальных ролей заключается в том, чтобы исполнять обязанности, которые диктуются определенной ролью, и осуществлять свои права по отношению к другим.

В этнической психологии такой подход находит самое широкое применение. Ведь идентификация субъекта с определенным этносом и осознание себя как представителя этноса начинаются прежде всего с принятия роли представителя данной этнической группы. Так, русский, проживающий в Костроме, не задумывается о своей роли русского, но, попав, например, в Германию, сразу же вспоминает о необходимости исполнения своей роли русского, о чувстве национального достоинства и необходимости поддержания репутации своего народа. При этом он понимает, что у жителей другой страны, в частности Германии, имеется свое понимание роли русского, особенностей его поведения. Этой экспектации (в позитивном смысле) он и должен соответствовать для установления более оптимальных отношений. Понимая роль другого, человек может представить и самого себя в этой роли. Таким образом, исполнение роли требует организации поведения в соответствии с групповыми нормами.

Виды социальных ролей определяются вариативностью социальных групп, типов деятельности и отношений, в которые включена личность. В зависимости от общественных отношений выделяют социальные и межличностные роли. Социальные роли связаны с социальным статусом, профессией или видом деятельности (учитель, ученик, студент, продавец). В интеракционистских концепциях такие роли называются конвенционными (конвенция – соглашение). Это стандартные безличные роли, состоящие из прав и обязанностей, независимо от того, кто эти роли исполняет. Выделяют *социально-демографические* (этнические, профессиональные и т. п.) роли: муж, жена, дочь, сын, внук... Мужчина и женщина – это тоже социальные роли, предполагающие специфические способы поведения, закрепленные общественными нормами, обычаями, ожиданиями.

Межличностные роли связаны с межличностными отношениями, которые регулируются статусом человека (лидер, кумир, любимый, изгой и т. д.).

Многие межличностные роли определяются также и индивидуальными особенностями человека. Многообразие индивидуально-типических проявлений личности позволяет выделить *социально-типические* роли. В кино и театральном искусстве существует своеобразная специализация актеров на исполнение ролей, наиболее соответствующих их внешним сценическим данным, характеру, дарованиям и какому-то социально-типическому образу. Такие актеры выступают обычно в специфическом амплуа. (Амплуа – тип актерских ролей, сходных по характеру и соответствующих индивидуальным особенностям актера. Выделяют амплуа трагика, комика, героя, простака и т. д.)

В жизни, в межличностных отношениях, каждый человек выступает в какой-то доминирующей социальной роли, своеобразном социальном амплуа как наиболее типичном индивидуальном образе, привычном для окружающих. Из-

менить привычный образ крайне трудно как для самого восприятия человека, так и для восприятия его окружающими людьми. Чем более длительный период времени существует группа, тем в большей степени становятся привычными для окружающих доминирующие социальные роли каждого участника группы и тем сложнее изменить привычный для окружающих стереотип поведения.

По степени проявления выделяют *активные* и *латентные* социальные роли. Активные роли обуславливаются конкретной социальной ситуацией и исполняются в данный момент времени (учитель на уроке); латентные не проявляются в актуальной ситуации, хотя человек потенциально является носителем данной роли (например, этнофоры). Поскольку каждый человек, как правило, входит в разнообразные социальные группы, в которых он не может находиться одновременно, он имеет большое количество латентных социальных ролей. По способу усвоения роли делятся на *предписанные* (определяются возрастом, полом, национальностью) и *приобретенные*, которые человек усваивает в процессе социализации и этнизации.

Кроме того, социальные роли характеризуются *способом получения, уровнем эмоциональности, формализацией и мотивацией*.

Способ получения роли зависит от того, насколько неизбежной является данная роль для человека. Так, роли юноши, старика, мужчины, женщины автоматически определяются возрастом и полом человека и не требуют особых усилий для их выполнения. Здесь может быть только проблема соответствия человека своей роли, которая уже существует как данность. Другие роли достигаются или даже завоевываются в процессе жизни человека в результате целенаправленных специальных усилий. Например, роль студента, специалиста, профессора и т. д. Это практически все роли, связанные с профессией и любыми достижениями человека.

Социальные роли существенно отличаются по **уровню эмоциональности**. Каждая роль несет в себе определенные возможности эмоционального проявления ее субъекта. Переживания, вызванные утратой близкого человека, являются вполне естественными и оправданными. Однако существуют такие роли, которые предписывают эмоциональную сдержанность и самоконтроль, как, например, работа следователя или хирурга. Экспектации окружающих, социальные нормы, обычаи или даже мода могут определять те или иные уровни эмоций человека в определенной ситуации. Даже исторические эпохи могут предопределить эмоциональные проявления у людей, обусловленные их социальными ролями.

Формализация как описательная характеристика социальной роли определяется спецификой межличностных отношений носителя данной роли. Одни роли предполагают установление только формальных отношений между людьми с жесткой регламентацией правил поведения; другие, напротив, — только неформальные; третьи могут сочетать в себе как формальные, так и неформальные отношения.

Следует отметить, что формальные отношения весьма часто сопровождаются неформальными, ведь человек, воспринимая и оценивая другого, проявляет к нему симпатию либо антипатию. Это происходит, когда люди взаимодействуют в течение некоторого времени и отношения становятся относительно устойчивыми. Так, коллеги, работающие вместе и связанные формальными отношениями, скорее всего, испытывают по отношению друг к другу какие-то чувства, хотя работа предполагает согласованность действий прежде всего на конвенциональном уровне. Здесь чувства участников взаимодействия по отношению друг к другу выступают как побочный, но относительно стойкий эффект.

И наконец, **мотивация** принятия роли зависит от потребностей и мотивов человека. Разные роли обусловлены различными мотивами. Согласно теории Парсонса, «сочленение» исполнителя роли с системой норм возможно тогда, когда человек, принимающий роль, обладает особой мотивационной структурой: по своим параметрам она должна быть сопряжена с нормативной системой. Поскольку мотивационная структура является важнейшим компонентом личности, то подобное «сочленение» деятеля с нормативной системой предполагает обязательное приспособление к нормативной системе ценностей. Перестройка мотивационной структуры личности под влиянием внешнего социального контроля, опирающегося на санкции, формирует тип человека, который только и может быть «сочленен» с данной нормативной системой. Человек, по теории Парсонса, чуть ли не с первых дней жизни оказывается интегрированным в социальную систему, где существуют определенные экспектации и санкции относительно его поведения.

В качестве примера проявления этнических особенностей в принятии и исполнении социальной роли можно привести поведение японских рабочих и служащих на предприятии. Типичной особенностью их поведения является так называемый группизм – предпочтение интересов группы личным интересам. Структурно представляя собой пирамиду, японская социальная иерархия складывается из множества групп. Всюду есть старший и младший, и на каждом, даже самом маленьком, участке труда действуют ведущие и ведомые. Как правило, первые старше по возрасту и имеют большую выслугу лет, а следовательно, опытнее, вторые моложе и неопытнее. Поэтому авторитет ведущих весьма высок, им подчиняются, их уважают. И так на всех ступенях иерархии. В результате складывается довольно монолитная статусно-ролевая структура поведения.

При совместной деятельности у представителей группы возникает ощущение автономии, свободы поведения. В таких условиях атмосфера группы воспринимается ее членами как нечто близкое, понятное. Поэтому задачи группы, которые вытекают из общих задач фирмы, становятся для членов группы «своими». Это имеет вполне определенную этнопсихологическую основу. Японцы тянутся к группе, стараются всячески поддерживать установившиеся групповые отношения. Они проявляют явное беспокойство, если чувствуют, что группе грозит беда. Работники японских предприятий трудятся под девизом: «Успехи твоей группы – твои успехи!», который органически «встроен» в сознание и подсознание японца. Использование этнопсихологических рычагов, лежащих в основе жизнедеятельности таких групп, позволяет извлекать большие выгоды, а японские предприниматели без каких-либо вложений могут многократно интенсифицировать труд своих работников.

Функциональная дифференциация совместной деятельности и соответствующая ей кооперационная структура частично обеспечиваются изначально задаваемой должностной иерархией, однако не тождественны ей. Функционально-ролевая иерархия характерна для любой организованной общности: трудовой, социальной, этнической. Следовательно, и специфика нормативной регуляции зависит как от характера совместной деятельности, так и от вида организационной системы. Должностная иерархия в организованных группах прежде всего определяет отношения «руководство – подчинение», задавая перечень конкретных обязанностей для каждого члена группы. Функционально-ролевые связи в группе и определяют отношения координированного взаимодействия.

Множественность обуславливающих реальный процесс этнического взаимодействия объективных и субъективных факторов предопределяет то, что функционально-ролевая

структура группы «стремится» к социальной адекватности, к соответствию объективным требованиям более мощных социальных систем (народность, народ, нация). Это предполагает наличие критической оценки, в разной степени осознанной членами этнической группы (как собственной функциональной роли в структуре взаимодействия, так и самой структуры в целом). Поскольку функционально-ролевая структура группы в значительной степени мобильна, то степень ее полноты, адекватность персонификации ролей возможностям и способам действий исполнителей закономерно продуцируют определенную степень напряженности и конфликтогенности межличностных и межэтнических отношений, особенно когда этнофоры неадекватны в своем поведении существующим этническим экспектациям и ролям. Таким образом, кооперация может протекать без помех только в том случае, если ясно определены роли и если эти определения в достаточной степени разделяются всеми участниками и обязательны в организованном взаимодействии.

При анализе социального взаимодействия индивидов норма выступает как эталон, регулирующий психологические механизмы деятельности, как организационно-структурный «параметр», компонент «планов» поведения, как образ, регулирующий процесс деятельности. К механизмам такой регуляции относятся: сопоставление реального поведения и образца, оценка отклонения, выбор альтернативных вариантов поведения с учетом заданной нормы, выбор самого образца (нормы), сопоставление результатов деятельности с заданными образцами.

Воздействие на поведение человека через сознание путем прямого представления нормы в словесной формулировке – один из важнейших каналов социализации индивида и приобретения им знаний о нормах. Но и этот путь и структурные преобразования внутреннего мира личности под влия-

нием социальных норм наиболее эффективны при организации условий, форм, способов поведения, в которых заложены, объективированы необходимые социальные нормы, в частности нормы этнические. Таковыми обычно являются как стихийно складывающиеся, так и исторически детерминированные этнические нормы поведения. С учетом этнических норм могут быть специально организованы конкретные условия деятельности и поведения человека, а в более широком контексте – этнической группы и общности.

Ведь формирование личности и ее субъективного мира протекает в конкретных, частных условиях, в непосредственном окружении и главным образом – в прямом контакте и во взаимоотношениях с членами реальных групп. Каждый член этнической группы выполняет множество обязанностей. Одни из них четко нормированы предписаниями (например, социальным статусом); другие регулируются референтными лидерами; третьи обусловлены определенным социально-психологическим положением члена этнической группы. Выполнение обязанностей контролируется, и если они не выполняются, то применяются соответствующие санкции. Причем мера исполнения членом группы ролевых предписаний может зависеть и от того, в какой степени этим предписаниям следуют другие члены социальной или этнической группы.

Нормативно-ролевая экспектация – это сложный процесс, включающий в себя прежде всего идентификацию с другими людьми. Только вообразив себя на месте другого, человек может представить себе его внутреннее состояние. Вспоминая собственные победы и поражения, он может сопереживать другим в аналогичных обстоятельствах. Оценка чужих переживаний есть проекция собственного, не выраженного вовне, поведения. Поэтому способность человека эффективно участвовать в согласованных действиях зависит и от его способности предугадывать поведение различных людей. Так, когда в исследованиях людям, находя-

щимся в гипнотическом трансе, давалось задание стать кем-то другим, они, как правило, принимали поведенческую роль своих конкретных знакомых или референтных для них героев, чаще всего литературных.

Однако способность человека постигать поведение других ограничена его культурой и личным опытом. К примеру, люди, у которых не развит вкус к классической музыке, могут считать, что если некоторые и увлекаются ею, то лишь из-за снобизма, поскольку не могут даже предположить, как можно без притворства ею наслаждаться. Представители больших и авторитетных этнических общностей, общаясь с представителями других, более малочисленных этнических общностей, часто ведут себя без коррекции на этнические экспектации тех, с кем они взаимодействуют. Поскольку эффективность коммуникации зависит от способности участников принимать роли друг друга, уместно говорить о той или иной степени согласия, которое возникает и укрепляется только благодаря непрерывному взаимодействию. Решение вопроса о том, будет ли достигнуто согласие, зависит не только от способности участников к принятию ролей, но в значительно большей степени и от интересов каждого из них. Если интересы противоположны, взаимодействие приобретает манипулятивный характер. Часто взаимопонимание между представителями разных этносов опосредуется конвенциональными нормами, которые определяют не только то, как должны, например, произноситься слова, но и то, в каких обстоятельствах те или иные выражения могут употребляться, поэтому большинство людей стараются не нарушать лингвистических норм. Отклонение от этих норм вызывает почти такие же социальные санкции, как и нарушение других обычаев. Известно, что существуют региональные и этнические диалекты, позволяющие довольно быстро идентифицировать человека с определенной этнической общностью.

Наряду со словами в коммуникации широко используются вокальные жесты. Они не являются частью формального языка, но тем не менее символизируют установленные значения. Смех обычно выражает веселье, но когда смех звучит нарочито, он означает скуку. Антропологи отмечают, что у части африканских народов смех – это показатель удивления, изумления и даже замешательства.

Одним из наиболее важных средств, имеющих конвенциональное значение, является мимика. Человек может подмигнуть, широко раскрыть глаза или поднять брови в знак недоумения. Но подобные средства становятся объектом социального контроля, когда сталкиваются люди, выросшие в разных культурах. Например, китайцы выражают свое недоумение, широко раскрывая глаза. Подмигивание же почти не распространено вне европейской культуры.

То, до какой степени те или иные поступки основаны на обычае, показывает сравнение культур. Так, плевков в кого-то символизирует у европейцев презрение, у представителей племени масаи выражает любовь и благословение, а у американских индейцев плевков в пациента рассматривается как знак благоволения знахаря.

Изучение психологических механизмов функционирования этнических обычаев и норм может осуществляться по двум направлениям: как анализ механизмов социальной нормативной регуляции индивидуального поведения и как исследование механизмов трансформации индивидуального поведения в элементы совместной деятельности членов этнической группы. Проблема психологических механизмов достаточно детально разработана социальными психологами. Особое внимание обращено на регуляцию поведения индивида посредством выработанных в обществе и группе норм, образцов, стереотипов и пр.

Большинство положений о природе социальных норм тяготеют к одному из двух полюсов: конвенциональному или

авторитарному. При конвенциональной трактовке социальные нормы сводятся к правилам, результатам договора, соглашения, сделки. При авторитарной трактовке они считаются навязанными авторитетом, обычно речь идет о «надгрупповой» сущности, «надчеловеческом» содержании норм, о привнесении их извне, об их априорности, стабильности. Если в одних общностях вырабатываются и действуют нормы, опирающиеся на всевозможные формы авторитета (от группового лидера до абсолюта), а в других – конвенциональные нормы (нормы-соглашения, нормы-сделки, нормы-правила), то истоки этого следует искать в объективных условиях.

Содержание норм во многом определяется не только характером группового взаимодействия, но и социальными этническими факторами. Так, групповые нормы могут использоваться для получения необходимой информации, для достижения личных целей, соответствующих принятым и престижным в группе нормам, и т. д. Включение личности в совместную групповую деятельность является условием преобразования психической сферы человека прежде всего под влиянием групповых норм, значимость которых и проявляется в этом процессе и его результатах.

Подход к проблеме нормативности как к фактору регуляции различных видов социального взаимодействия (в том числе и этнического) непосредственно связан с философскими позициями ученых. На Западе наиболее популярна концепция американского социолога Т. Парсонса, который в целом дает дуалистическую интерпретацию природы нормативного элемента регуляции взаимодействия. В разработанной им схеме само социальное взаимодействие определяется в терминах четырех категорий: «деятель» (исполнитель роли), «цель» (назначение роли), «средства и условия для реализации цели» и «независимый, детерминантный, селективный фактор» (нормативный элемент).

Значительный интерес для этнической психологии представляют и психоаналитические концепции, которые «проникают» в теорию действия этнических норм главным образом по двум направлениям: через психоаналитическую персонологию и выработанные в ее рамках представления о личности и через психоаналитические исследования механизмов влечений, побуждений, защиты личности и др. Положение о фактически изначальном, сущностном конфликте между «культурными» социальными этническими нормами и желаниями, побуждениями, потребностями человека выступает главным постулатом в психоаналитических концепциях. К видам конфликта относят конфликт влечений, желаний, активности личности, с одной стороны, и конфликт ограничительных норм общества и культуры – с другой. Всевозможные табу вводятся с целью устранения нежелательных, разрушительных, опасных для социума и его социальной системы влечений, побуждений и действий индивидов. Общество требует от личности конформности в отношении предписанных, в том числе запрещающих, норм, а также ее согласия с данными нормами. Эти требования общества основаны на функциональности норм, то есть на том, что нормы выполняют функции, важные для общества в целом. Однако нормы могут быть и дисфункциональными по отношению к личности. Устранение конфликта между личностью и социальными (этническими) нормами возможно лишь путем согласования функциональных требований личности и функциональных требований социума в целом.

Социальные психологи, конфликтологи, юристы уделяют большое внимание разработке средств указанного выше согласования и анализу причин, вызывающих аномальное, противонормное поведение. Противоречие между функциональными влечениями, мотивами человека и функциональными требованиями общества неизбежно ведет к конфликту при социализации личности. Низкая мотивация превраща-

ет человека в автомат, повинующийся внешним импульсам и стимулам. Взаимосвязь мотивации и нормативной регуляции в конфликтной ситуации возможна в двух случаях: 1) когда выполнение ролей и следование нормам направлены на достижение личного статуса и 2) когда общество предоставляет лицам, занимающим определенный статус, социальные награды.

Существуют ситуации, когда мотивация к несогласию с социальными нормами несравненно сильнее, чем мотивация к согласию с ними. В этих случаях исследователи обращаются к теории *социального контроля*. Оказывается, что наличия высокой мотивации личности недостаточно для обеспечения следования нормам; необходимо привлечение вырабатываемых обществом средств внешнего принуждения и побуждения. Стремление к «согласию с нормами» может привести к возникновению глубоких конфликтов личности с нормативными требованиями социума, если имеет место фрустрация влечений, которая в итоге разрушает побудительную мотивацию и приводит к несогласию с социальными нормами, в том числе этническими. Фрустрация побуждений и влечений может стать базисом для мотивации поведения, идущего вразрез с предписанными, запрещающими нормами. Для предотвращения противонормного поведения индивида и предлагается использовать средства и методы социального контроля.

Однако социальный контроль направлен лишь на то, чтобы «загнать внутрь» нежелательные для общества побуждения индивида и «держат» их под постоянным давлением, но он не в состоянии полностью подавить все влечения индивида. Периодические вспышки насилия, терроризма, агрессии, антиобщественные действия – вот к чему приводит формальный социальный контроль. Возможно, что с помощью средств социального контроля агрессивное поведение тормозится, а запрещенные способы удовлетворе-

ния опасных для общества и других людей влечений нивелируются страхом перед социальными санкциями и наказаниями. Тем не менее влечения, приводящие к антисоциальным поступкам, часто не «гасятся» внешними средствами социального контроля и продолжают существовать. Следовательно, конфликт норм и личностных влечений остается неразрешенным. Длительная фрустрация этих влечений может привести к серьезным дисфункциональным последствиям для индивида, что в конечном счете скажется дисфункционально и на социуме в целом, а в определенных ситуациях может привести к краху и самой системе социального контроля.

Взрывная сила «загнанных внутрь», нереализованных потребностей, побуждений, влечений индивида может не только проявиться спонтанно, но и быть использована заинтересованными социальными институтами. Эта сила может служить базой многочисленных националистических, экстремистских, террористических, анархистских, антиобщественных движений в современном обществе. Поэтому разработка средств разрешения внутреннего конфликта человека и принятых в социуме норм поведения может оказаться реальной силой, используемой определенными социальными группами, которые идут по пути оптимизации социального контроля, что является научной проблемой большой социальной важности. Следует иметь в виду, что потенциальная взрывная сила фрустрированных влечений может стать значительной социальной силой, если она будет сознательно, целенаправленно эксплуатироваться социальной группой в собственных интересах, поскольку хотя нормы социального контроля могут быть дисфункциональными для социума в целом, они могут быть функциональными для конкретной социальной или этнической группы. Поэтому средства и пути решения этнических конфликтов лежат прежде всего в социальной сфере, в ее преобразовании.

Проблему защиты общества от фрустрированных (конфликтогенных) влечений индивида сторонники психоанализа связывают с возможностью использования разрабатываемых в психоаналитической персонологии механизмов замещения и сублимации. Следует отметить, что при известной односторонности психоаналитического подхода к субъективному миру личности в работах психоаналитиков делаются попытки анализа таких нравственных образований личности, как моральная тревожность, стыд, вина, переживание социальных санкций и других, имеющих и этническую окраску. Защитные психологические механизмы должны освободить личность от внутреннего конфликта с нормами, дать ей возможность каким-то образом реализовать побуждение и мотивацию. В ряде случаев предлагаются технологические процедуры, которые могут быть использованы в качестве частных средств психологической помощи и терапии. Ученые этого направления заняты активным поиском средств защиты как социума, так и личности в целях обеспечения и упрочения стабильности существующей нормативной системы. Вопрос же о преобразовании, переструктурировании, изменении мотивационной сферы личности в ходе ее социализации не ставится. Ведь, например, влечение человека к насилию можно в определенной степени обуздать и даже направить в русло вполне приемлемых для социальной группы целей достижения «согласия», интеграции и стабильности существующих норм взаимодействия («символические», ритуальные бунты). Поэтому теоретики и практики социального контроля разрабатывают все более эффективные приемы и способы такого взаимодействия.

Социальные санкции различаются по степени формализации. В наиболее стабильных этнических общностях существуют высокоформализованные процедуры – такие, как награждение и поощрение тех, чья служба считается способствующей общему благополучию, и наказание или из-

гнание для тех, чьи действия оцениваются как вредные. Некоторые этнопсихологи придают большое значение этим процедурам, поскольку они способствуют консолидации этнической общности, особенно при наличии внешней угрозы со стороны других этнических сообществ. Такие санкции, без сомнения, сдерживают отклоняющееся от нормативного поведение этнофоров, но для большинства людей действеннее оказываются менее формализованные санкции, спонтанные проявления одобрения или неодобрения.

До какой степени поведение может быть ограничено строгими запретами, показывает практика табу. В Полинезии животные, которые считаются священными, не употребляются в пищу даже тогда, когда люди оказываются перед лицом голодной смерти. Интересна реакция тех, кто непреднамеренно нарушает табу. Так, индеец, случайно съевший запрещенную пищу, может посчитать это неумышленное преступление причиной своего заболевания много лет спустя.

Среди институциональных способов регулирования нормативного поведения наиболее популярны и эффективны две группы: требовательность и стимулирование.

В основе *требовательности* лежат модели должного отношения к организации, которые реализуются в вырабатываемых организацией нормах отношения к символам, реликвиям, ритуалам, олицетворяющим группу или общность как организацию. При этом социальные нормы выражаются в разных документальных формах: протоколах, распоряжениях, отчетах, меморандумах и т. п. Следовательно, требовательность имманентно проявляется в пределах ценностно-нормативных ограничений, составляющих ее сущность. Это позволяет выбирать такие способы предъявления требований, которые соответствуют принятым в группе нормам и способствуют проявлению и развитию социальной активности. В основе социально-психологического

понимания отношений требовательности лежит прежде всего активное принятие членами группы ценностно-нормативных предписаний, направленных на решение социальных задач группы (общности). Требовательность как способ регулирования предполагает строгое и четкое регламентирование поведения и деятельности, при этом важное значение приобретают последовательность и систематичность социального контроля общности над конкретным индивидом.

Наиболее популярным способом проявления требовательности к этнофорам или всей этнической общности служит приказание. Приказание – это категоричная форма требования. Категоричность – высокая степень волевого побуждения – может быть выдержана в общей деперсонифицированной форме, но может формулироваться и в отношении к конкретному лицу, которое проявляет тенденцию к девиантному этническому поведению.

К популярным способам регулирования нормативного поведения через *стимулирование* относятся такие, как доверие и одобрение. Доверием обычно стимулируется знакомая и посильная деятельность; оно подчеркивает уважение, которое испытывают члены общности к тем или иным своим представителям. На этом принципе построен институт старейшин, вождей, лидеров, руководителей, которые не только стоят во главе социальных, в том числе и этнических групп или общностей, но и являются носителями определенных социальных норм поведения и деятельности. Так, для жителей Великобритании подобным нормативным эталоном является королевская семья, для американцев – президент. Одобрение как способ регулирования поведения характеризуется преж

де всего определением для этнофора нормативных границ, соблюдение которых вызывает стремление этнических общностей дать позитивную оценку поступкам или деятельности своих представителей, наградить их.

В заключение формулируем основные принципы регулирования нормативного поведения.

Принцип определенности состоит в том, что лидер или сама этническая общность должны определить, насколько выбранный способ воздействия может стимулировать нормативное поведение. Так, поощрение в виде одобрения в разных формах должно побуждать к проявлению добросовестности, ответственности и дисциплинированности, но возможна ситуация, когда этот способ воздействия не будет эффективным.

Принцип адекватности предполагает, что система применяемых способов воздействия должна быть понятна всем членам этнической группы или общности и расцениваться как справедливая. Это необходимо для соблюдения меры объективности и соразмерности одобрения. Лишь на основании такого подхода можно оценить достижения субъекта и определить справедливую меру поощрения или наказания. Ведь наказание в нормативной регуляции не только мера ущемления субъекта, но и основание для раздумий и переоценки поведения и деятельности. А для этого необходимо, чтобы субъект понимал смысл воздействия и считал его объективным. Объективность и соразмерность корректирующего воздействия – важные аспекты принципа адекватности регулирования нормативного поведения, но они должны быть таковыми и по содержанию, и по форме. В разнообразии форм и заложена возможность индивидуального подхода к личности этнофора.

Принцип своевременности применения социальных санкций, казалось бы, не вызывает сомнения. Однако на практике он не всегда соблюдается. Обычно отклонение от норм, неисполнение в должной мере социальной роли карается группой или общностью, однако крайне важно, чтобы как поощрение, так и наказание наступали вслед за совершенным поступком. При стимулировании своевремен-

ность служит одной из форм проявления объективности и быстроты оценки выполнения существующих норм, положений или распоряжений.

Принцип наглядности означает предметное выражение того, что нужно познать и как лучше сделать, помогает активизировать воздействие. Формы наглядности весьма разнообразны и зависят от возможностей этнической группы (общности). Наиболее эффективны те формы, которые используются в средствах массовой информации. Этот принцип должен обязательно соблюдаться лидерами.

Названные выше принципы регулирования нормативного поведения, безусловно, должны применяться комплексно. Ни один из них не может быть назван хорошим или плохим, адекватным или неадекватным без учета конкретной социальной ситуации.

Социальные условия в обществе изменчивы. Меняются и системы норм. Человек может быть полноценным и активным участником социального, в том числе этнического, взаимодействия, не только усваивая жестко фиксированные, конкретные по содержанию и направленности нормы, но и гибко приспособившись к ним. Следует иметь в виду, что системы норм – особенно норм трудовых, политических, – используемые при регуляции частных, конкретных актов этнического поведения и взаимоотношений, достаточно мобильны. Поэтому нормативная регуляция служит принципом организации реальной динамической системы поведения и деятельности личности или целой общности.

ЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Анализ специфики взаимодействия этнических сообществ и групп ставит проблему изучения этносоциальных отношений. Выделение этноса в качестве субъекта коллек-

тивного действия или социального взаимодействия является методологически оправданным, так как субъект деятельности, предмет деятельности и средства деятельности составляют единое целое. Рассмотрение понятий «этническое сообщество», «этнический коллектив», «этническая группа» как рядоположенных позволяет использовать инструментарий, применяемый в социальной психологии малых групп и коллективов.

Проблема определения социально-психологических характеристик групп (коллективов) как факторов результативного социального взаимодействия стала интенсивно изучаться в отечественной социальной психологии в 1960–1970-х годах. Одним из первых к этой проблеме обратился Л. И. Уманский. Выделяя социально-психологические характеристики группового субъекта, он подчеркивал, что психологическая структура контактной группы актуализируется и реализуется только в социальном взаимодействии, именно в нем группа реально и динамично функционирует. Психологическая структура группового субъекта, с его точки зрения, может быть представлена тремя блоками характеристик. Первый – «общественный» блок – включает в себя социальную направленность, организованность и подготовленность субъекта деятельности, отражая соответственно идеологическую, управленческую и профессионально-деловую сферы групповой жизнедеятельности. Второй – «личностный» блок – объединяет интеллектуальную, эмоциональную и волевою коммуникативность и отражает три стороны сознания и соответствующие сферы жизнедеятельности входящих в группу личностей. В третий – блок «общих качеств» – были включены такие социально-психологические характеристики контактного группового субъекта, как интегративность, микроклимат, референтность, лидерство, интро- и интергрупповая активность.

Выделенные социально-психологические феномены, возникающие в процессе межличностного взаимодействия, могут найти применение при изучении этнических групп и сообществ. Так, «социальная направленность» может характеризовать социальную ценность принятых этнической группой целей, мотивов взаимодействия, ценностных ориентаций и групповых норм, то есть идеологическую сферу группового сознания. «Организованность» этнической группы раскрывает ее способность к самоуправлению, к оптимальным функционально-ролевым взаимоотношениям. «Подготовленность» может рассматриваться как готовность членов этнической группы к тому или иному взаимодействию на основе необходимых для этого знаний, умений и навыков. «Интеллектуальная коммуникативность» может характеризовать межличностное восприятие и установление взаимопонимания между участниками взаимодействия в процессе общения. «Эмоциональная коммуникативность» определяет эмоциональность межличностных связей членов группы, динамику эмоционального настроения и его потенциалы. «Волевая коммуникативность» рассматривается как способность этнической группы противостоять трудностям и препятствиям, как своеобразная стрессоустойчивость, надежность в экстремальных ситуациях. «Интегративность» выступает мерой единства, слитности, общности членов этнической группы. «Микроклимат» определяет самочувствие каждого этнофора в группе, его удовлетворенность группой, комфортность в ней. «Референтность» означает степень принятия членами группы группового эталона, их идентификацию с эталоном групповых этнических ценностей. «Лидерство» – влияние наиболее авторитетного этнофора на группу. «Интрогрупповая активность» выступает мерой активности этнофоров. «Интергрупповая активность» означает влияние одной этнической группы на иные.

Другое направление исследований характеристик коллективного субъекта деятельности базируется на концепции деятельностного опосредования групповой активности, предложенной психологом А. В. Петровским (1973). Согласно этой концепции, коллективный субъект выступает как иерархически организованная, многоуровневая система, состоящая из различных по степени опосредованности процессов совместной деятельности элементов. В качестве ведущего фактора становления и развития всех форм внутригрупповой активности выделяется социально значимая совместная деятельность.

Социально-психологический анализ эффективной групповой деятельности показал, что влияние на ее успешность оказывают главным образом те изменения, которые происходят в специфических отношениях, возникающих при совместной деятельности. Межэтническое взаимодействие в этом аспекте может быть представлено в виде активного и координированного сотрудничества, предполагающего ведущую роль занятий и целей доминирующей этнической группы в данном сообществе. На успешность деятельности группы должны оказывать влияние те изменения, которые происходят не только в ее структурно-формальных параметрах, но и в специфических для нее отношениях, возникающих в процессе совместной коллективной деятельности.

Решая вопрос о соответствии системы критериев (показателей, признаков) эффективности деятельности группы, необходимо различать два уровня такого соответствия: нормативный и сверхнормативный, то есть соответствие поведения и результатов деятельности членов группы только правовым нормам и соответствие не только им, но и высшим морально-нравственным ожиданиям, не ставшим еще нормами для всех. Понятию «сверхнормативная активность группы», с нашей точки зрения, созвучен термин, введенный в употребление Л. Н. Гумилевым, – «пассионарность этноса»

(или образно, «локомотив этногенеза») как способность и стремление к изменению окружения. Импульс пассионарности бывает столь силен, что носители этого признака – пассионарии – не могут рассчитать последствий своих поступков. Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо много пассионариев, то есть это признак не только индивидуальный, но и популяционный. Исходя из этого, можно сформулировать и закон этногенеза: работа, выполняемая этническим коллективом, прямо пропорциональна уровню «пассионарного напряжения», то есть имеющейся в этнической системе пассионарности в зависимости от количества персон, составляющих этнос. В терминах социальной психологии пассионарность можно рассматривать как уровень активности этнического коллектива (сообщества), этнос в данном случае выступает субъектом коллективной жизнедеятельности со своим набором характеристик.

В качестве основных характеристик совместной деятельности, раскрывающих ее динамический (процессуальный) характер, исследователи, в частности, социальный психолог А. Л. Журавлев (1981), выделяют: *целенаправленность, мотивированность, структурированность, согласованность, интегративность, организованность, пространственно-временное пребывание и функционирование* членов коллектива, результативность совместной деятельности.

Целенаправленность как ведущая социально-психологическая характеристика раскрывает такое состояние коллектива, при котором цель оказывает главное влияние на совместную деятельность, подчиняет ее себе. Целенаправленность определяется групповыми интересами, социальными установками, убеждениями, идеалами. Таким образом, применительно к этническим процессам целенаправленность выражает прежде всего реально существующие тенденции в жизнедеятельности этнического коллектива.

Мотивированность как характеристика коллективного субъекта представляет собой активное, заинтересованное и действенное отношение (побуждение) к совместной деятельности. Она формируется в результате интеграции индивидуальных мотивов, их взаимного «сложения» и «переплетения», и выражается в активной заинтересованности членов коллектива в совместной деятельности. Сплочение этнической группы способствует формированию и укреплению ее этнического самосознания, которое может проявляться в различных действиях (например, ритуальных, предполагающих одинаковое понимание обрядовой символики всеми членами группы). Данное свойство, таким образом, характеризует степень взаимосвязанности и взаимозависимости членов коллективного субъекта.

Структурированность совместной деятельности коллективного субъекта означает четкость и конкретность распределения между членами коллектива функций, прав, обязанностей и ответственности. Параметрами структурированности можно считать тип распределения обязанностей в коллективе, характер его статусно-ролевой структуры, соответствие организационной структуры деятельности организационным отношениям. Применительно к этническим процессам структурированность этноса может объяснить такое явление, как культурная и этническая нетождественность, характерная для многих этнических групп, что особенно четко проявляется в межэтническом взаимодействии (например, в виде этноцентризма).

Важными характеристиками коллективной деятельности выступают **согласованность и интегративность**. Без взаимной сплоченности членов этнической группы трудно рассчитывать на общую результативность взаимодействия.

Следующая характеристика коллективного субъекта – **организованность**, то есть подчиненность членов коллектива определенному порядку выполнения совместной дея-

тельности. Жизнедеятельность традиционных этнических сообществ достаточно жестко регламентирована этническими нормами и предписаниями, при этом основными параметрами организованности коллективного субъекта выступают уровни исполнительности и самоуправления в совместной деятельности.

Необходимым условием взаимодействия коллектива является единое **пространственно-временное** пребывание и функционирование его членов. Без наличия единого пространства и одновременности выполнения работы разными людьми не может осуществляться совместная групповая деятельность.

Интегральной характеристикой совместной деятельности является **результативность**. Она определяет не только уровни развития всех перечисленных выше характеристик коллективной деятельности и ее субъекта, но и конкретные результаты совместной деятельности. Параметр «результативность» используется для анализа «истории отдельных этносов» (по Л. Н. Гумилеву), объясняя различные фазы этногенеза: от возникновения и подъема до упадка, умирания этноса.

Завершая рассмотрение наиболее известных подходов к выделению социально-психологических характеристик группового субъекта социального взаимодействия, необходимо подчеркнуть их разнообразие, которое связано с неоднозначностью концептуальных критериев, выбираемых разными исследователями для такого выделения. Тем не менее в качестве ведущей характеристики группового субъекта взаимодействия, в том числе и этнического, большинство исследователей предлагают использовать его направленность. Это ставит перед этнической психологией задачу раскрыть понятие *направленность этноса* как интегрального фактора регуляции этносоциального взаимодействия.

Как известно, регуляция социального поведения детерминирована социальными потребностями, что можно конкретизировать и применительно к этносу. Традиционно принято выделять следующие группы социогенных потребностей: 1) потребность в сотрудничестве, кооперации, совместных коллективных действиях, взаимопомощи; 2) потребность в лидерстве, руководстве; 3) потребность в передаче информации, обмене информацией, мнениями, знаниями; 4) потребность в самовыражении, самоутверждении, самореализации и тесно связанная с ней потребность в уважении, престиже, успехе.

По отношению к этническим группам их можно проиллюстрировать следующим образом. Например, потребность в самоуважении стала ахиллесовой пятой возрождающейся самостоятельности новых государств на территории бывшего Советского Союза. Так, стремление эстонцев и латышей к сохранению своей самобытности толкает национальный истеблишмент к ограничению прав и гражданских свобод проживающих с ними инакоций, в частности русских. Последствия подобных действий нетрудно предсказать: от русских они вряд ли избавятся, учитывая, что Россия переживает кризис и приток сотен тысяч новых граждан усложнит и без того непростую ситуацию в стране, а вот дестабилизировать положение в самой Эстонии или Латвии вполне смогут.

Другой иллюстрацией могут послужить сравнительно недавние события в Приднестровье, Абхазии, Нагорном Карабахе. Пассионарность граждан этих территорий проявилась в самоотверженной защите своих возможностей в удовлетворении социогенных потребностей, а результатом стало достижение реального суверенитета.

Пассионарность этнического субъекта проявляется не только как его способность находиться в гомеостатическом состоянии по отношению к социальному окружению и сво-

ему социальному положению и адекватно реагировать на возникающие при этом ситуации, но и как направленность субъекта; она выступает регулятором такой адекватности.

Многие исследователи понимают групповую этносоциальную направленность как средство согласования индивидуальных и социальных целей, необходимость которого вытекает из объективных закономерностей достижения общих целей при конкурирующих или несовпадающих потребностях отдельных членов этнической группы либо этнического сообщества. Таким образом, проблема этносоциального субъекта предполагает более углубленное поле изучения – «этническое поле субъекта» или «этническое поле индивида» («поле поведения и активности членов этнической системы», по Л. Н. Гумилеву).

Этническое поле субъекта может быть представлено в виде трехуровневой структуры, компоненты которой обозначаются такими понятиями, как «этническое для себя», «этническое для социума» и «этническое для государства». «*Этническое для себя*» – это существующая у любого человека система этнических иерархий и этнических экспектаций, которая не обязательно вербализована и осознаваема; напротив, она может не осознаваться в течение всей жизнедеятельности. Но вступая в контакт с другим субъектом и опознавая его этническую неконгруэнтность, субъект в своем поведении будет исходить из системы этнических иерархий и этнических экспектаций. «*Этническое для социума*» означает, что для официальных учреждений все мы можем представлять только одну, строго определенную часть этнического поля своей личности. Эта часть этнического поля фиксируется в документах, что определяет наши отношения и действия в социальном взаимодействии. С «*этническим для государства*» мы сталкиваемся в том случае, когда, например, житель России, оказавшись за рубежом, независимо от своей подлинной национальности воспри-

нимаются окружающими как «русский». Этот же механизм действует, более того, культивируется в США: латиноамериканец, англичанин или русский по происхождению, приняв гражданство США, предстает в любой стране мира как «американец».

Итак, по отношению к представителю другой национальности индивид действует как человек этнический, проявляя разные компоненты своей личности в соответствии с системой социальных установок (аттитюдов). Такое положение нашло подтверждение в эксперименте Лапьера.

Лапьер путешествовал по южным штатам США вместе с двумя студентами-китайцами. Они посетили 252 отеля и почти во всех случаях (за исключением одного) встретили нормальный прием, соответствующий стандартам американского сервиса. Никаких различий в обслуживании самого Лапьера и его спутников-китайцев не было. Спустя два года после завершения этого путешествия Лапьер обратился в 251 отель с письмами, в которых просил ответить, может ли он в сопровождении тех же китайцев снова посетить отель. Ответы пришли из 128 отелей, причем только в одном было согласие, в 25% случаев имел место отказ, а в остальных ответ был уклончивым. Лапьер объяснил это тем, что между аттитюдом (в данном случае отношением к лицам китайской национальности) и реальным поведением хозяев отелей существовало расхождение. Ответы на письма свидетельствовали о наличии негативного аттитюда («этническое для себя»), но в реальном поведении он не был проявлен («этническое для социума»), напротив, поведение было таким, как если бы в его основе был позитивный аттитюд.

Попытаемся проинтерпретировать «парадокс Лапьера» с учетом диспозиционной регуляции социального поведения и уровневой структуры этнического поля субъекта. Низший уровень диспозиционной регуляции характеризуется наличием элементарных установок, значение которых в эм-

пирическом плане можно интерпретировать как «этническое для себя». Эти установки реализуются в простых, предметных ситуациях, они не выходят за рамки элементарных бытовых представлений и предрассудков и не связаны с целесообразным социальным взаимодействием. Следующие два уровня диспозиционной регуляции предполагают наличие социальных установок и направленности субъекта на реализацию конкретных целей и достижение социально значимого результата, им соответствует диспозиция «этническое для социума». Эти уровни обусловлены процессом социального взаимодействия, при котором формируются и фиксируются разнообразные социально значимые установки, то есть установки на цели и средства взаимодействия в социальной системе, обуславливающие значимость поступков субъекта. Высший диспозиционный уровень представлен ценностными ориентациями личности, регулирующими социальное взаимодействие с точки зрения его этнической значимости и целесообразности. На этом уровне реализуются этнические диспозиции, входящие в «этническое для государства». Представленная иерархия диспозиционных образований выступает как регулятивная система по отношению к этническому поведению субъекта.

Социальное взаимодействие проявляется в данном случае в том, что «этническое поле субъекта» рассматривается в контексте системы социальных связей и отношений, включенных не только в ближайшее социальное взаимодействие, но и в более широкую систему этносоциальных связей в целом.

С позиций предложенной концепции появляется возможность по-новому объяснить «парадокс Лапьера». Расхождение между вербально заявленным отношением и реальным поведением объясняется тем, что проявились разные уровни этнического поля субъекта. Несомненно, что в каждой конкретной ситуации поведения работали различные уровни диспозиционной регуляции.

Соотношение уровней диспозиционной регуляции и форм этнического взаимодействия не является однозначным, поскольку существует определенная зависимость между уровнем социального развития этнического субъекта и формой организации его взаимодействия с другими субъектами. Это позволяет предположить наличие опосредующего психологического фактора, который может стать интегратором межличностных отношений в процессе этнического взаимодействия. Таким интегрирующим фактором в этническом коллективном взаимодействии, по нашему мнению, является *социальная направленность этнического субъекта* как социально-психологическая основа его активности. Она имеет сложную структуру, включающую в себя три компонента: когнитивный (осознание объекта социальной активности), аффективный (эмоциональная оценка объекта, проявление симпатий и антипатий к нему) и практический (последовательное поведение по отношению к объекту). Каждый из этих компонентов отличается собственным набором психологических характеристик этнического субъекта социального взаимодействия. Когнитивный компонент раскрывается через целенаправленность и мотивированность, аффективный – через эмоциональность и стрессоустойчивость, практический – через интегративность, организованность и коллективность (Ю. П. Платонов, 1992).

Рассмотрим более подробно выделенные выше структурные элементы социальной направленности этнического субъекта.

Целенаправленность может быть определена как характеристика этнического субъекта, отражающая его готовность к достижению групповых целей этносоциального взаимодействия. Цель взаимодействия является исходным пунктом развертывания всех форм внутригрупповой активности, это организующее и системообразующее начало взаи-

модействия. Цель взаимодействия можно рассматривать как феномен опережающего отражения, как идеальное представление будущего результата, которое определяет характер и способы этносоциального взаимодействия.

Мотивированность как характеристика этнического субъекта раскрывает особенности активного, заинтересованного отношения к этносоциальному взаимодействию. Она представляет собой особую сопряженность мотивов в конкретной социальной ситуации, процесс осознания субъектом потребности в достижении этносоциальных групповых целей.

Эмоциональность проявляется в отношении к взаимодействию и формируется под влиянием сложившихся обстоятельств, которые приобретают эмоциональную значимость для этнической группы (сообщества, коллектива) и избирательно вызывают позитивное или негативное отношение членов такой группы к различным сторонам взаимодействия. Эмоциональность субъекта выражается прежде всего в удовлетворенности членов группы реализацией этносоциальных целей. □ **Стрессоустойчивость** как характеристика этнического субъекта и как фактор взаимодействия обусловлена способностью субъекта согласованно и быстро мобилизовывать эмоционально-волевой потенциал для противодействия различного рода деструктивным силам. Она обеспечивается степенью включенности членов этнической группы в социальное взаимодействие, содержанием взаимодействия, адекватным отражением причин эмоциональной напряженности, уровнем социально-психологического развития и организованности этнической группы, степенью принятия членами группы своих функционально-ролевых обязанностей по нейтрализации дисфункций, подавлению деструктивных проявлений.

Интегративность раскрывает генезис интегративных процессов в этнических группах (коллективах, сообществах) и представляет несомненный теоретический и практи-

ческий интерес, так как в социальном взаимодействии этнических субъектов наблюдается наличие двух социально-психологических процессов: интеграции и дифференциации. Интеграционные процессы обеспечивают необходимые для этноса монолитность, структурированность, согласованность, позволяющие рассматривать его как единое целое. Многие социальные психологи имеют тенденцию выводить особенности интеграционных процессов из группового общения и взаимодействия, в которых они видят сущность групповых явлений. Общение как способ организации внутригруппового взаимодействия способствует проявлению интегративных феноменов этнического субъекта, таких, как психологический климат, межличностные отношения и т. д.

Выделение *организованности* в качестве показателя социальной направленности этнического субъекта и фактора взаимодействия обусловлено особенностями процессов самоуправления и самоорганизации этнической группы (коллектива, сообщества) на всех этапах их жизнедеятельности. При этом необходимо отметить, что организованность этнического субъекта связана прежде всего с функционально-ролевыми взаимодействиями, поскольку каждый член этнической группы занимает определенное место в ее иерархической структуре. Групповой этнический субъект, как и любой другой, наряду с официальной имеет и неофициальную структуру, наличие которой во многом обусловлено лидерскими процессами, а само лидерство выступает как фактор организованности этнической группы.

Наконец, *коллективность* характеризуется рядом показателей, внутренне присущих деятельности этнического коллектива, но имеющих разную степень выраженности. Инициативность предполагает выход членов этнического коллектива за определенные нормативные ограничения, неизбежные в любом виде деятельности. Заинтересованность позволяет определить степень мотивированности каждого

этнофора в совместной деятельности. Дисциплинированность проявляется в отношении этнофора к нормативным ограничениям, к целесообразности и справедливости требований, к соблюдению правопорядка как ценности. Ответственность раскрывается через совпадение интересов и стремлений членов этнического коллектива в принятии ответственности за результаты совместной деятельности. Добросовестность отражает соответствие реального поведения этнофора его функционально-ролевым обязанностям, соответствие поведения и деятельности нормативным предписаниям, которые функционируют в виде традиций, обычаев, групповых мнений и составляют наряду с другими характеристиками образ жизни этнического коллектива. Требовательность означает степень должного отношения этнофора к этническим и социальным нормам, регулирующим поведение и деятельность. Бережливость (экономность) раскрывает органическое единство социальной и хозяйственной сторон жизнедеятельности этнического коллективного субъекта, опосредует отношение членов этнического коллектива к процессу и результатам своей деятельности и является показателем их экономической культуры и воспитанности. Критичность характеризует отношение к недостаткам и способствует коррекции отклонений, возникающих как в организации совместной деятельности, так и в межличностных отношениях. Соревновательная активность оценивает степень включенности участников в совместную деятельность для достижения целей, поставленных перед этнической группой, сообществом, коллективом, причем ценность целей определяется данной этнической группой в сравнении с результатами аналогичной деятельности других групп.

В заключение отметим, что степень проявления названный выше структурных элементов обуславливают следующие психологические факторы:

- устойчивость основных интересов членов этнической общности в совместной и социальной деятельности;
- наличие развитых межличностных отношений в конкретной этнической общности;
- причастность к данной этнической общности, активное участие в совместной социальной деятельности;
- наличие в этнической общности достаточно развитой системы самоуправления и самоорганизации;
- наличие реальных соревновательных отношений, имеющих тенденцию охватывать не только совместную деятельность, но и многие другие сферы жизнедеятельности этнической общности.

ГЛАВА 12. ПОВЕДЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ДИАСПОРЫ

Проблема миграции населения, возникновения и развития диаспор, – особенно актуальна в XXI веке. Разница в образе жизни Севера и Юга, Запада и Востока, усиленное старение населения благополучных в социально-экономическом аспекте государств Европы, потребности в неквалифицированном трудоспособном населении – основные причины направления эмиграции из демографически продуктивных регионов мира.

Эта проблема чрезвычайно остра и для России, население которой ежегодно уменьшается на 600–800 тысяч человек. Пока Россия еще не представляет в силу экономических, географических и климатических условий привлекательности для нового «великого переселения народов», но по мере насыщения иммигрантами Европы она будет вынуждена принимать излишнее население из демографически активных регионов Азии. На Востоке России это Китай, Корея, Вьетнам, на Юге – целый ряд мусульманских государств, включая бывшие среднеазиатские республики СССР.

В связи с этим чрезвычайно актуальной для стран, принимающих иммигрантов, является проблема отношений с диаспорами, между диаспорами и поиска механизмов управления ими.

Этническая диаспора существует едва ли не столь же давно, как и сами этносы. Самые древние из диаспор: еврейская – 2000 лет, армянская – 1600. Их сближает между собой общность судеб: евреи и армяне некогда обладали своей государственностью, и те и другие, одни в большей, другие в меньшей степени, стали народом в рассеянии, а ныне вновь существуют еврейское государство Израиль и независимая Армения. Евреи и армяне проявляют высокую степень адаптивности в любой социальной среде, сохраняя при этом свою этнокультурную специфику, это связано с необходимостью приспособиваться к жизни среди народов, для которых они всегда оставались «чужаками». И у евреев и у армян есть национальные религии – иудаизм и монофизитство, оба народа являются по существу этноконфессиональными группами, что помогло им спланироваться в диаспоре и сохранять культурное своеобразие. Они сохранились, возможно, еще и потому, что условия проживания в новом иноэтническом и инокультурном окружении в разных странах периодически менялись и иммигранты не успевали до конца пройти естественный путь межэтнической и межкультурной миксации.

Ни один другой народ не имеет такого богатого опыта максимально дисперсного проживания и социальной адаптации в качестве этноконфессионального меньшинства как евреи и армяне. Эта адаптивная пластичность способствует их культурной ассимиляции с одной стороны, а с другой – позволяет этим народам сохранять свою специфику, которая культивировалась в течение многих столетий. Оба народа ныне представляют собой культурную общность в пределах страны проживания при том, что в странах Запада среди них много людей ассимилированных и состоящих в смешанных браках.

В силу глобализации едва ли не всех сторон жизни людей в новое и новейшее время в менталитете еврейской и армянской диаспор обычно доминируют социокультурные черты принимающего общества. Но при столкновении с этнорасовой дискриминацией и предубеждениями, и не только в пределах принимающей страны, в них пробуждается этническое самосознание.

Однако массовому расселению людей вне границ их исторической родины, не более 150 лет. Многотысячные потоки переселенцев из своих стран начались в конце XIX – начале XX вв., а пик массовых миграций был отмечен после окончания второй мировой войны. В середине 90-х годов XX в. примерно 125 млн. человек жили за рубежами своих государств. Ежегодно их число возрастает на 2–4 млн. Направление главных потоков внешней миграции остается постоянным — Америка и Западная Европа. Мировая статистика свидетельствует, что США и Канада являются двумя сильнейшими магнитами для эмигрантов – в эти страны направляется около половины всех переселенцев. В наше время понятие диаспоры получило расширительное толкование как часть этноса (религиозной группы), живущая за пределами страны своего происхождения. Под диаспорой понимается этнос или часть этноса, проживающая вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива и не желающая потерять этнические групповые характеристики, заметно отличающие ее от остального населения страны пребывания, а также вынужденная (осознанно или неосознанно) подчиняться принятому в ней порядку.

Вопрос о детерминантах, способствующих сохранению этнической идентичности личности этнофора или, наоборот, размывающих ее, является одной из важнейших проблем существования диаспоры или этнических общностей.

Общество – реципиент, стараясь сохранить свою целостность, часто отторгает иммигрантов, нейтрализует их влияние на т. н. коренное население (автохтонов).

В разных странах существуют свои уникальные условия для иммигрантов, поэтому поведение диаспоры даже одного этноса в разных странах различно.

Кроме того, в целом благоприятные условия для общины – анклава, могут оказаться неблагоприятными для адаптации в стране конкретного иммигранта как личности, поскольку община удерживает его в сфере своего притяжения. Часто общинная сплоченность способствует изоляции диаспоры поскольку в ее поведении, системе ценностей консервируются элементы, специфичные для конкретного этноса. В диаспоре усиливаются защитные механизмы иммигранта в борьбе за выживаемость, замедляются диффузии процесса слияния с автохтонной средой, усиливается культурная дистанция иммигранта с социальным окружением. Дискриминация и унижение иммигрантов по этническим мотивам способствуют сплочению общин, усиливают ее враждебность к коренному населению, приводят ее к самоизоляции, к межэтнической напряженности, что убедительно доказано К. У. Солдатовой [43].

Проблема этнической принадлежности мигранта возникает тотчас после появления его в чужой стране. Причем комплекс этнических различий с особенной силой напоминает о себе при тесных контактах между «чужими» и «своими». В менталитете диаспоры этническое самоощущение, как правило, присутствует в виде пассивной основы, на которой развиваются адаптивные процессы. Но оно открыто заявляет о себе обычно только тогда, когда иммигрант и его дети оказываются объектом дискриминации или враждебности со стороны местного населения или властей по этно-расовым мотивам. Человек скорее простит ущемление его интересов, чем оскорбление его этничности.

Этнические стереотипы поведения и самоидентификации составляют системообразующий стержень поведения диаспоры, так что сохранение этнического самосознания является неперенным условием самого существования диаспоры. Его утрата через ассимиляцию иммигрантов, смешанные браки или появление на ее основе этнокультурного новообразования в принимающем обществе равносильна исчезновению диаспоры, которая перестает существовать, когда для нее исчезает разделение «свой – чужой». Поэтому в диаспоре прямые жесткие связи между иммигрантами за пределами их компактного проживания обычно незначительны.

Для возникновения диаспор важное значение имеет неприятие или неготовность иммигрантов к восприятию иных этнических и культурных ценностей. Поэтому наличие «амортизаторов» в виде соответствующих социальных институтов, способствующих адаптации иммигранта в стране, является важным условием социальной стабильности. Сплоченность общин, порожденная необходимостью борьбы ее членов за выживание, в этом случае размывается и становится эфемерным образованием, неким символом связи с Родиной.

Об изменении в этническом сознании можно судить, однако, только если постоянно помнить о референтной для диаспоры модели этноса. Под референтной моделью понимается исторически сложившаяся группа людей, связанная между собой общностью территории, языка, культуры и быта, и, во всяком случае, обладающая этническим самосознанием. Иначе говоря, человек сознает свою принадлежность к определенному этносу и относит себя к определенной культуре, имея в виду язык своих предков, религию, шкалу ценностей этнического массива. Как субъект он оценивает характер своих связей со своим народом на основании интуитивного, иррационального эт-

нического автостереотипа, содержащего некоторые общие для всей этнической группы культурные и духовные константы.

В то же время как член этой группы он разделяет свойственное ей отношение к другим народам. Общаясь с людьми различной этнической принадлежности, он осознает свою специфику, свое отличие от них. При этом отношение коренных жителей к «инородцу» может меняться при изменении обстоятельств, так, согласно результатам исследования, проведенного Независимым институтом национальных и социальных проблем, у 16–17-летних русских неприязнь к исламу, иудаизму и буддизму в 3–4 раза выше, чем у старшего поколения. Этнорасовые предубеждения – это не индивидуально-психологический, а социально-психологический феномен. Это следствие негативного исторического опыта общения между народами, проявление инстинкта самозащиты от подлинной или мнимой опасности, исходящей от иностранца, а в большей степени – следствие невежества.

Алжирцы во Франции, азербайджанцы в России, латиноамериканцы в США вызывают неприязнь местного населения. Даже в той ситуации, когда существуют контакты (бытовые и производственные) между иммигрантами и коренным населением, духовное и культурное различие между ними в той или иной степени остается еще не одно поколение.

Иммигрант постоянно испытывает чувство отчужденности, часто сознает свое отличие, инаковость, особенно, когда ему плохо в своем социальном окружении, когда ему дают понять, что он не такой, как все. Так исследование жизни корейских иммигрантов в Лос-Анжелесе показало, что новые иммигранты, не знающие английского или испанского языков, остающиеся полностью в кругу корейской диаспоры, удовлетворяющие свои потребности, обща-

ясь только с соотечественниками, с дискриминацией не сталкиваются. Но чем больше «стаж» пребывания в стране, тем выше процент тех, кто ощущает дискриминацию со стороны внешнего окружения.

Сплоченности диаспоры способствуют конфессиональные различия между диаспорой и обществом – реципиентом. Эти различия часто приводят к усилению отчужденности иммигрантов от коренного населения. События 11 сентября в США резко противопоставили мусульманское население всем остальным, что несомненно будет способствовать сплочению мусульманских диаспор в стремлении иммигрантов к общению с единоверцами. Церкви, мечети, синагоги, храмы – это не только центры религиозной жизни, но и социальные институты, способствующие интеграции диаспоры.

Этнологи, в частности З. И. Левин [26], выделяют несколько этапов возникновения и развития диаспоры:

- концентрация – компактное поселение;
- миграция – расширение границ социальной подвижности, выход за пределы концентрации;
- появление в стране-реципиенте нескольких очагов диаспор одного этноса;
- рассеяние – дисперсное проживание в иноэтническом окружении.

При этом принято считать, что диаспоры в своей эволюции проходят четыре стадии:

первая стадия – выживание общины, отбор в ней наиболее жизнеспособных и предприимчивых членов;

вторая стадия – количественный рост и структурирование;

третья стадия – зрелость, стабильное функционирование;

четвертая стадия – упадок, дезинтеграция, умирание.

Рассмотрим некоторые особенности развития диаспоры.

Первая стадия: выживание на чужбине.

Диаспора начинает с аморфного состава группы иммигрантов. При добровольной эмиграции – это, как правило, активные этнофоры, преимущественно мужчины или небольшие группы (семья, земляки). В эмиграции они утрачивают привычные связи и статусы, контакты между эмигрантами случайные, скоротечные. Они часто связаны силой обстоятельств, этнокультурным контекстом общения. Новый мир чужд им и каждый в одиночку борется за выживание в меру индивидуальных способностей.

Прежний жизненный опыт мало полезен в новых условиях. Вдали от родины, среди чужих людей выживает сильнейший. Именно на этом этапе определяется своеобразие диаспоры и будущей общины. От активности иммигрантов зависит, как сложится судьба диаспоры, ее жизнестойкость, устойчивость социальным влиянием, ее качественный состав – профессиональный, образовательный, геополитический. Так, русская диаспора после Октябрьской революции состояла в основном из офицеров, чиновников, преподавателей, купечества. И в наши дни русская диаспора в Западной Европе и Америке в целом сохраняет свое «интеллигентное» лицо, т. е. занимается интеллектуальным трудом. Кстати, и эмиграция 80–90 годов XX века также состоит из интеллектуалов. Но, например, алжирцы во Франции, или турки в Германии в основном являются рабочими и занимаются неквалифицированным и непрестижным трудом.

Иммигранты на этом этапе эволюции диаспоры стараются держаться вместе, вырабатывая необходимые нормы совместного проживания. Но все они связаны общей судьбой в жестких условиях выживания и руководствуются в основном личными интересами. По мере адаптации к новой социальной среде они начинают искать контакты с теми, кто близок им по интересам и языку общения.

Вторая стадия: образование общины – анклав.

На этой стадии происходит накопление численности иммигрантов и ее структурирование, складывается социальная стратификация общины – анклав в диаспоре как социальной организации в местах компактного проживания иммигрантов. Возникают экономические и политические институты по обслуживанию нужд общины – анклав. Этот процесс идет успешнее, когда новые волны иммиграции приносят семьи, группы родственников в уже обжитые предшественниками районы. Это основа для появления уже не одной, а нескольких общин одного этноса в стране-реципиенте. В этом случае интересы личности тесно связаны с интересами группы, что формирует соответствующее отношение к форме поведения. Личные интересы перестают играть доминирующую роль в судьбе диаспоры, что способствует превращению диаспоры из совокупности групп в общину, связанную общими интересами. В диаспоре складывается система патриотизма по отношению к соплеменникам. Отношение к социальной среде определяется корпоративными интересами и в отличии от первой стадии, когда каждый иммигрант выживает в одиночку, на второй стадии реакция диаспоры на вызов социального окружения становится более предсказуемой.

В конце второй фазы развития диаспоры завершается образование ее единого пространства — общины-анклава в качестве ее ядра со специфической социальной стратификацией: в развитой диаспоре в местах компактного проживания мигрантов существует своя инфраструктура, обслуживающая, в частности, преимущественно их нужды. Групповые интересы камуфлируются общинными. Общность социокультурных корней в целом одинаковой для всех жизненной обстановке формирует общую ментальность, что является главным фактором поддержания необходимой сплоченности диаспоры.

Третья стадия: зрелая община.

Для зрелой фазы характерна максимальная устойчивость общины к внешним воздействиям. Гипотетически общество-реципиент может избавиться от иммигрантов, только выслав их из страны. Но в жизни это маловероятно, поскольку диаспоры глубоко вросли в экономику и общественную жизнь общества, которое возлагает на них определенную жизненно необходимую для него функцию.

Община приобретает пластичность, способность адекватно в пределах своих возможностей реагировать на постоянно меняющиеся воздействия социального окружения.

Теперь влияние общества на иммигранта преломляется только через общину. Иммигрант обезличен, его индивидуальность поглощается общиной. Эта утрата человеком своего прежнего социального лица в некоторой степени компенсируется тем, что община выполняет роль буфера между своим членом и обществом, создав для мигранта соответствующую среду обитания. Стремясь сохранить свою этнокультурную специфику, община создает невидимую стену, отгораживающую ее членов от внешнего мира. А вместе с тем, поддерживая ради самосохранения необходимые контакты с принимающим обществом, она как представитель диаспоры объективно служит связующим звеном между мигрантами и обществом.

Для всех общин характерна одинаковая структура социальных институтов – свидетельство сходства иммигрантских судеб. Община этнической диаспоры обладает совокупностью земляческих, конфессиональных, клановых объединений, благотворительных организаций и иных учреждений, имеющих свои задачи, нередко конфликтующих между собой, но связанных общим интересом диаспоры.

Итак, на третьем этапе эволюции диаспоры община обладает исключительной устойчивостью. Внутриобщинная жизнь стабильна и мало подвержена внешним влия-

ниям. В то время, как на первом этапе агрессивность окружающих ставит под сомнение само существование диаспоры, на втором — ускоряет процесс формирования общины и способствует сплочению диаспоры, на третьем этапе община неуязвима и, в свою очередь, становится необходимой частью социума. Теперь не только самочувствие диаспоры зависит от социального окружения, но и самочувствие общества отчасти зависит от активности диаспоры.

Политическая активность диаспоры направлена в основном во вне, а не внутрь принимающего общества, а как иммигранты они не выделяются из общей массы. Типичен пример афганской диаспоры в Европе, сложившейся в результате трех крупных волн политэмигрантов:

- деятели королевского режима, которые эмигрировали в 1973 г. после провозглашения Афганистана республикой;

- основной поток политэмигрантов после Апрельской революции 1978 г. в Пакистан, Иран, Индию;

- функционеры Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) после поражения республики в 1992 г., эмигрировавшие в Россию и Закавказье.

У афганской эмиграции существует по крайней мере 100 газет и журналов, отражающих различные политические позиции: пуштунских националистов, приверженцев исламистских групп разной ориентации, сторонников демократии, ультралевых...

Вместе с тем деятельность эмиграции, выступающей в роли защитницы интересов народа, нередко вовлекает в орбиту своего влияния значительную часть диаспоры, способствуя сохранению и укреплению в ней этнического самосознания, несмотря на раздражающие ее разногласия. Потому что эта деятельность органично присуща природе этнической общины.

Что же касается основной иммигрантской массы, то благодаря контактам с местным населением, школе, средствам массовой информации, в условиях широкого распространения демократических взглядов и успехов сепаратистских движений, понятие о правах человека и нации все больше проникает в сознание диаспоры. Однако ее политизация распространяется преимущественно на положение дел на оставленной родине или стране выхода и на область отношений общины с принимающим обществом. Корейская диаспора внимательно следит за событиями в Корее, ирландская — за развитием политической жизни в Ирландии. Американские ирландцы, степень ассимиляции которых высока, в связи с событиями в Северной Ирландии постоянно проводят многотысячные демонстрации и участвуют во всех акциях, проводимых в поддержку борьбы на земле предков.

Афганцы на чужбине озабочены проблемами власти в Афганистане, курды — борьбой курдского народа за независимость и перипетиями внутривнутриполитической ситуации на родине. Большой резонанс во всех странах албанской диаспоры вызвали события в Косово, у курдов — арест лидера борьбы за национальную независимость Оджала на в 1999 г. Происходили массовые демонстрации протеста, захват консульств, совершались даже акты саможжения.

Четвертая стадия: упадок.

Четвертая стадия — упадок общины и ослабление ее внутренней сплоченности. К этому времени зрелая община уже приспособилась к жизни в стабильных, ставших для нее стандартными условиях. В ней сформировались и закрепились все механизмы, необходимые для ответа на ожидаемые требования социального окружения. Становятся предсказуемыми с точки зрения общества — реципиента действия общины. Создается впечатление ее пластичности.

В итоге непрерывного процесса сокращения культурной дистанции между диаспорой и принимающим обществом на завершающем этапе упадка общины ее самосознание и отношение к окружающему миру уже практически совпадают с менталитетом общества, ее специфика трансформируется в менталитет этнокультурной группы. Этот путь прошли диаспоры в полиэтнических обществах США, Австралии, ЮАР.

В этом и проявляется относительность пластичности зрелой общины. Показатель пластичности диаспоры – степень возможности реагировать на перемену жизненных обстоятельств в принимающем обществе. Максимальная пластичность означает, что в системе исчерпаны все возможности реакции на изменение социального окружения – она становится не в состоянии сохранить свою целостность и влияние на иммигрантов.

Попытки общины приспособиться к новым условиям приводят лишь к ее разрушению. Ее организации и социальные группы утрачивают специфику: парикмахеры, рестораторы, банкиры, мафиози, которые обслуживали обычно соплеменников в местах их компактного проживания, расширяют круг клиентов, национальные школы вытесняются образовательной системой принимающего общества. Социально-экономические группы, возникшие на сугубо клановой и этнической основе, обретают межэтнический, национальный характер. Община утрачивает присущие ей функции сохранения сплоченности диаспоры, иммигрант все меньше нуждается в ее защите.

По мере того как иммигранты адаптируются в обществе, ослабевает влияние этнокультурных традиций, появляются новые политические и социальные ориентиры, в результате рассеяния переселенцев в иноэтнической среде ускоряется ассимиляция, слабеет община, лишенная притока новых сил извне. Наступает момент, когда центробеж-

ные тенденции берут верх над центростремительными, и община оказывается неспособной удерживать иммигранта в орбите своего притяжения.

Община разрушается, и в конечном счете остается эфемерным образованием, символом существования диаспоры, не более того. Так по мере адаптации первой волны русских эмигрантов в Европе их активность внутри эмигрантских сообществ, как о том свидетельствует мемуарная литература, снижалась.

В заключении следует отметить, что в эмиграции этническое самосознание дает идейный импульс сопротивлению диаспоры малейшему проявлению этнического неравноправия. Национальные традиции, культура, религия нередко становятся идейным знаменем движения протеста в молодежной иммигрантской среде.

Невозможность для детей иммигранта, прежде всего тех, кто стремится к изменению своего социального статуса, преодолеть барьер этнорасовых предубеждений, тем более в условиях явной дискриминации, приводит к тому, что даже одно лишь осознание своей принадлежности к этнической общности, в которой он признается полноправной личностью, порою становится сильным побуждением к социальной и политической самореализации.

Анализ жизни диаспор, неодинаковых по своим характеристикам, в разные исторические эпохи, в различных обстоятельствах, подтверждает выводы о том, что иммигрантская община этнической диаспоры есть саморазвивающаяся система. Она существует в режиме самосохранения как институт адаптации иммигрантов, у нее есть структура – совокупность земляческих, конфессиональных, клановых объединений, благотворительных организаций и иных учреждений, имеющих свои задачи, нередко конфликтующие между собой, но связанные общим интересом диаспоры. В ней реализуется механизм самоорганизации, роль кото-

рого выполняет прежде всего самосознание членов диаспоры, опирающееся на осознанную этническую принадлежность. Ее своеобразие отражает особенности социального статуса иммигранта. Самосознание или менталитет общины – иной, чем у этнического массива, хотя и содержит в своей основе этнокультурные константы, он отличается от менталитета принимающего общества.

Менталитет диаспоры может существовать только при наличии «критической массы» – достаточной численности общины-анклава с необходимой компактностью проживания иммигрантов, потому что он, по определению, должен быть присущ всей диаспоре, что невозможно при большой дисперсности расселения.

Принимающее общество и этническую диаспору разделяет культурная дистанция, которая сокращается в процессе адаптации иммигрантов. В эмиграции происходит взаимодействие между культурой этнического массива диаспоры и культурой общества-реципиента, так что в этническом самосознании иммигранта постоянно борются элементы «старого» как регулятора жизни этнического материка и «нового», организующего бытие человека на чужбине, часто с переменным успехом, но с перевесом в пользу «нового». Адаптацию иммигранта определяет правило: чем более благоприятно социальное окружение для иммигрантов, тем менее устойчивым и действенным является влияние «старого». От этого соотношения зависит, в конечном счете, судьба общины и этнической диаспоры как социального организма.

ГЛАВА 13. МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ

ПРИРОДА МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Анализируя историю последних столетий, можно определить их как веки развития цивилизации. Так, если XIX век – это век территориальной экспансии, создания колониальных империй, XX век – век идеологической экспансии, противостояния антагонистических идеологий, то XXI век, вероятно, будет веком этнодемографической экспансии. При этом этнодемографическую экспансию можно понимать как стремление к власти этносов с высокой демографической продуктивностью (наглядная иллюстрация – захват исконной сербской территории Косово албанцами).

И территориальная, и идеологическая, и этнодемографическая экспансии сопровождаются столкновениями, борьбой за ресурсы, неизбежно перерастая в конфликт. Конечно, в основе такого рода конфликтов лежали и лежат экономические интересы противоборствующих народов и государств, но вид конфликта, его камуфляж часто оказывает серьезное влияние на характер и динамику поведения народов.

Традиционно под экспансией понимается прежде всего территориальная экспансия и установление военно-политических сфер влияния. Нельзя сказать, что такой вид экспансии исчерпал себя, поскольку территория по-прежнему является выгодным *долгосрочным* приобретением – как «жизненное пространство», носитель сырьевых, энергетических и людских ресурсов, военно-стратегический и экономический плацдарм (вспомним войну между Великобританией и Аргентиной за Фолклендские острова с их 200-мильной рыболовной зоной и близостью к богатой полезными ископаемыми Антарктиде), пространство для размещения промышленных мощностей или технических отходов, сельскохозяйственные угодья. Сегодня в мире немало реальных и потенциальных конфликтов, квалифицируемых как пограничные и территориальные споры, и проблем с определением статуса территорий (одностороннее изменение Турцией толкования соглашений 1936 года о статусе черноморских проливов; возникающее напряжение вокруг богатств Антарктиды, откуда, несмотря на существующие соглашения, исподволь вытесняется Россия). В будущем, по мере развития ресурсного кризиса (истощения сырьевых ресурсов планеты, сокращения плодородия почв, роста численности населения, усиления экологических претензий государств друг к другу и т. д.), то есть по мере значительного повышения стоимости выживания государства и его титульного этноса, весьма вероятно возвращение в мировую политику жесткого варианта территориальной экспансии.

Однако в настоящее время экспансия имеет другие измерения: информационное, культурно-историческое, религиозное, этническое, политическое (сюда следует отнести и целенаправленное политическое давление вплоть до международных санкций) и особенно экономическое (во всех его видах – финансовом, товарном, технологическом и т. д.),

которое и является стержнем современной экспансии. Понимаемая широко, она имеет немалые отличия от своей территориальной разновидности. *Во-первых*, если территориальная экспансия носила, как правило, ступенчатый (пространственное расширение США в XIX в.) и нередко однонаправленный характер (знаменитое правило Бисмарка для Германии: не воевать на два фронта), то сегодня экспансия – это непрерывный процесс, нацеленный на множество объектов и порождающий в результате столкновения интересов целый комплекс разноплановых конфликтов. *Во-вторых*, сегодня «мирная» экспансия осуществляется многими государствами и их группировками по отношению друг к другу одновременно, поэтому можно говорить об их взаимопроникновении или, иными словами, об образовании комплекса взаимозависимостей и противоречий. *В-третьих*, ранее внешнюю экспансию осуществляла одна держава или недолговечный союз государств. Ныне сосуществуют внешняя экспансия устоявшихся или новых экономических и экономико-политических группировок и экспансия внутри самих этих группировок. *В-четвертых*, внутрикоалиционная экспансия периодически сопровождается «добровольными» взаимными уступками сторон, хотя общий ее баланс, конечно, благоприятен для сильнейших из них.

Нынешняя политика мирового сообщества весьма сложна: конфликты и противоречия сосуществуют с координацией действий и сотрудничеством. Одна группа противоречий (например, экономических) между странами или группами стран «уравновешивается» настоятельной необходимостью кооперации в другой сфере (безопасности). Одновременно имеются как противоречия, так и кооперация и внутри отдельных групп государств. Совпадение позиций и интересов государств ведет к образованию и укреплению экономических и экономико-политических группировок и зон интеграции – Европейский Союз, НАТО, Содружество Независимых Государств.

Взаимодействие разных по направленности и силе экспансий, с одной стороны, и результаты разноуровневого и разнопланового сотрудничества – с другой, в совокупности определяют состояние такого феномена, как *баланс сил* субъектов политики. Важно подчеркнуть, что этот баланс не равновесие, а лишь соотношение сил, причем соотношение динамическое, зависящее от изменения всех определяющих его элементов. Динамичность баланса означает, что любые перемены во взаимодействии его слагаемых (вызванные, например, геополитической переориентацией от «западноцентризма» на Восток даже ослабленной ныне России) способны существенно повлиять на расстановку сил и очертания геополитической карты планеты, и в этой ситуации приоритетное значение приобретает возможность воздействовать на политику и даже целостность государства через этнические элиты, особенно национальных меньшинств. Тем самым придается дополнительный импульс как росту этнонационализма среди нацменьшинств, его дальнейшему перерождению в сепаратизм (в случае компактного проживания маргинальных этносов), так и нарастанию национализма извне (в случае если национальные меньшинства имеют свое государство по другую сторону границы). Ответной реакцией на это может стать всплеск национальных чувств титульного этноса, тем более что нередко альтернативные интересы руководителей маргинальных этносов сводятся к элементарным территориальным требованиям.

Питирим Сорокин подсчитал, что за двадцать четыре века истории человечества на четыре мирных года приходится один год, сопровождающийся насильственными действиями – войнами, революциями, бунтами, которые считаются социальными конфликтами. Социальные конфликты обычно разделяют на:

- политические – борьба за власть, доминирование, влияние, авторитет;

- профессиональные – борьба за право исповедовать ту или иную религию;
- социально-экономические – борьба «между трудом и капиталом»; например, между профсоюзами и работодателями;
- межэтнические – борьба за права и интересы этнических общностей.

Принципиальный вопрос понимания специфики межэтнических конфликтов – это вопрос об их связи с самим феноменом этничности: являются ли конфликты между этносами сущностными, заложенными в этническом многообразии человечества, или они сугубо функциональны? Если считать истинным первый подход, то тогда сербов и албанцев, ингушей и осетин, арабов и евреев, армян и азербайджанцев следует признать «несовместимыми». Если исходить из второго подхода, то надо сделать вывод: не этничность составляет суть таких конфликтов, она лишь форма их проявления. Так, молдаване говорят, что у них нет конфликта с русскими или украинцами, это просоветский режим сопротивляется в Приднестровье. Чеченские события многие считают не межэтническим конфликтом, а криминальным переделом собственности. Просто в конфликтных ситуациях обнажаются противоречия, которые существуют между общностями людей, консолидированными на этнической основе. Далекое не в каждый конфликт бывает вовлечен весь этнос, это может быть его часть, группа, которая ощущает или даже осознаёт противоречия, ведущие к конфликту.

В реальности мы встречаемся со взаимопроникающими конфликтами, каждый из которых составляет питательную среду для другого. Не случайно даже специалисты-конфликтологи часто не могут прийти к единому мнению о том, с каким конфликтом они имеют дело – с межэтническим в политическом камуфляже или наоборот.

Межэтнические конфликты множественны по своей природе. Исследователи предлагают самые разные их классификации. По целям, которые ставят перед собой вовлеченные в конфликт стороны, межэтнические конфликты можно подразделить на:

- социально-экономические, при которых выдвигаются требования гражданского равноправия (от прав граждан до равного экономического положения);
- культурно-языковые и конфессиональные, при которых выдвигаемые требования затрагивают проблемы сохранения или возрождения функций языка, культуры, религии, этнической общности;
- политические, если участвующие в них этнические меньшинства добиваются политических прав (от автономии местных органов власти до полномасштабного конфедерализма);
- территориальные – если в их основе лежат требования изменения границ, присоединения к другому («родственному» с культурно-исторической точки зрения) государству или создания нового независимого государства.

Кроме целевого подхода, природу межэтнических конфликтов можно рассматривать с точки зрения структурных изменений в обществе как основы противоречий, приводящих к конфликтам. Этносоциологи считают, что в основе межэтнической напряженности лежат процессы, связанные с модернизацией и интеллектуализацией народов. Эти процессы привели к тому, что в престижных видах деятельности нарастала конкуренция между титульными и другими этносами. Иллюстрацией может служить позиция русских в бывших республиках Советского Союза: у титульных этносов этих республик к концу 1970-х годов не только сформировалась полиструктурная интеллигенция (то есть помимо административной и занятой в сфере просвещения, как было в основном в 1930–1960-х годах, появилась еще и на-

учная, художественно-творческая, а у некоторых национальностей – и производственная), но и сложились новые ценностные представления, в том числе о самодостаточности и важности большей самостоятельности. Такие представления и ценности не совпадали с теми, которые были у русских в этих республиках. Большинство из них приехали туда с установкой помогать местному населению (что делали раньше их родители), а следовательно, они и ощущали себя по статусу выше титульных этносов.

Этот подход акцентирует внимание на том, что на определенном историческом этапе происходят изменения в потенциале этнических групп, претендующих на привилегированные, престижные места, в том числе во власти; изменяются и ценностные представления групп. Подобная ситуация сложилась ранее (к 1970-м годам) в Европе, когда менялась диспозиция в положении валлонов и фламандцев в Бельгии; в Канаде, когда франко-канадцы стали догонять по социальному и экономическому потенциалу англо-канадцев. Такая ситуация может сохраняться достаточно долго после заявления претензий на изменение, до тех пор, пока центральная власть сильна. Если же она теряет легитимность, как это было в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов, то появляется шанс не только высказать претензии, но и реализовать их. Дальнейшее развитие событий – эскалация или свертывание конфликта – во многом зависит от состояния центральной власти.

Как результат политического насилия следует рассматривать социальное и экономическое неравенство, конкуренцию на рынке труда, земли и жилья, которые зачастую перерастают в межэтнические конфликты. Такова природа ферганских (1988), душанбинских (1990), ошских (1991) и других подобных событий. При этом чаще всего этническая общность, «подвергшаяся нападению», выступала в роли козла отпущения.

В СССР переход к демократизации, сопровождавшийся борьбой старых и новых политических элит, привел к тому, что эта борьба в полиэтническом обществе «приобрела этнополитическую окраску». Обострение этнополитических конфликтов вызывали неумелые, непоследовательные шаги по преобразованию государства в реальную федерацию, делались попытки силой остановить дезинтеграционные тенденции в республиках (тбилисские события 1989 г., бакинские – 1990 г., вильнюсские – 1991 г.). Некоторые конфликты рассматриваются уже как следствие распада Союза ССР, когда в отделившихся республиках в борьбу «за свою долю политического и территориального наследия» вступили бывшие автономии или желавшие получить автономию (Абхазия и Южная Осетия в Грузии, Приднестровье и Гагаузия в Молдове, Нагорный Карабах в Азербайджане).

При этом нередки случаи ложного этнического конфликта, когда реальные конфликты интересов между этническими группами отсутствуют, но тем не менее возникают самые тяжкие последствия. Так, например, ученые не смогли объяснить, почему летом 1988 г. погромам подверглись именно турки-месхетинцы, а не другие этнические меньшинства, населявшие Ферганскую долину.

ДЕТЕРМИНАНТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Психологи считают, что причины межэтнических конфликтов должны рассматриваться в рамках более общих теорий. При этом следует отметить, что почти все психологические концепции явно или неявно учитывают социальные причины межгрупповых конфликтов и причины социальной конкуренции и враждебности, проявляющиеся

в действиях или представлениях. В английском языке есть даже разные слова для двух видов причин: «reason» (то, во имя чего происходит конфликтное действие, цель действия) и «cause» (то, что приводит к враждебным действиям или межгрупповой конкуренции). Как правило, психологи не сомневаются в наличии reasons во всех или в большинстве межгрупповых конфликтов, но, даже подразумевая, что это конфликты интересов, несовместимых целей в борьбе за какие-либо ограниченные ресурсы, оставляют их изучение представителям других наук. А сами в качестве causes предлагают те или иные психологические характеристики.

Автор одной из первых социально-психологических концепций В. Макдугалл (1871–1938) приписал проявление коллективной борьбы «инстинкту драчливости». Подобный подход называют *гидравлической моделью*, так как агрессивность, по мнению Макдугалла, не является реакцией на раздражение, просто в организме человека присутствует *некий импульс, обусловленный его природой*.

Гидравлическая модель психики лежит в основе идеи З. Фрейда о причинах войн в человеческой истории. Фрейд считал, что враждебность между группами неизбежна, так как конфликт интересов между людьми в принципе разрешается только посредством насилия. Человек обладает деструктивным влечением, которое первоначально направлено внутрь (влечение к смерти), но затем направляется на внешний мир, следовательно, оно благотворно для человека. Враждебность благотворна и для вовлеченных в нее групп, так как способствует стабильности, установлению чувства общности у этих групп. Враждебность к какой-либо группе является и способом объединения нескольких других: во время войн создаются более обширные объединения племен или государств, в пределах которых на противоборство налагается запрет, что происходило, например, в

период борьбы греческих государств против варваров. Именно благотворность враждебности для человека, группы и даже объединений групп, по мнению Фрейда, приводит к неизбежности насилия.

Главный тезис творца третьей гидравлической модели, австрийского этолога К. Лоренца, состоит в том, что агрессивное поведение людей, проявляющееся в войнах, преступлениях и т. п., является следствием генетически заданной агрессивности. Но если у хищников агрессия служит сохранению вида, то для человека характерна внутривидовая агрессия, направленная на враждебных соседей и способствующая сохранению группы. Представители традиционных культур, как правило, соблюдают заповедь «Не убий» внутри этнической общности, даже воинственные североамериканские индейцы юта налагали табу на убийство соплеменников.

Опираясь на идеи Фрейда, Т. Адорно объясняет отношения к чужим группам особенностями процесса социализации ребенка в раннем детстве, в частности – амбивалентностью эмоциональных отношений в семье. У человека, воспитанного в семье, где царят формальные, жестко регламентированные отношения, часть агрессивности выплескивается на тех, с кем индивид себя не идентифицирует, то есть на внешние группы.

В дальнейшем был описан антропологический тип, названный *авторитарным*, среди черт которого наряду с неприятием чужих групп были выделены и другие характеристики: слепое следование авторитетам, механическое принятие общепринятых ценностей, стереотипность мышления, агрессивность, цинизм, подверженность суевериям, сексуальное ханжество, злобное отношение ко всему человеческому. Для людей авторитарного типа характерна общая тенденция неприятия всех чужих групп и завышения оценки собственной группы.

Социологи, политологи и этнологи, стремясь выделить конфликт из других близких к нему социальных феноменов, часто рассматривают конфликт исключительно как реальную борьбу между группами, как столкновение несовместимых интересов. При таком понимании конфликт представляет собой стадию крайнего обострения противоречий, проявляющуюся в конфликтном поведении, и имеет точную дату возникновения противоборства. Приходится признать что, на Земле почти повсюду существуют противоречия между этническими общностями.

При *социологическом* подходе к объяснению причин конфликтов анализируется взаимосвязь социальной стратификации общества с этнической принадлежностью населения. При *политологическом* подходе одной из самых распространенных является трактовка роли элит, прежде всего интеллектуальных и политических, в мобилизации этнических чувств, межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого конфликта.

Чаще всего напряженность существует между доминантной этнической общностью и этническим меньшинством, но она может быть как открытой, проявляющейся в форме конфликтных действий, так и скрытой, тлеющей. В последнем случае напряженность выражается в *социальной конкуренции*, основанной на оценочном сравнении своей и чужой групп в пользу собственной. В ходе конфликта возрастает значение двух важных условий социальной конкуренции:

1. Члены своего этноса воспринимаются как более похожие друг на друга, чем они есть на самом деле. Акцент на внутригрупповом сходстве приводит к деиндивидуализации, выражающейся в чувстве собственной анонимности и недифференцированном отношении к отдельным представителям чужой группы. Деиндивидуализация облегчает осуществление агрессивных действий по отношению к «вра-

гам». Так, при исследовании традиционных культур было обнаружено, что чем больше у членов племени сходных элементов оформления внешности (одежда, прическа, раскраска лица и тела), способствующих деиндивидуализации, тем более оно агрессивно. Единая форма одежды как элемент, усиливающий деиндивидуализацию, безусловно, облегчает проявления агрессивности и во враждующих армиях.

2. Члены других этносов воспринимаются как более отличающиеся друг от друга, чем они есть на самом деле. Часто культурные и даже языковые границы между этническими общностями неопределенны и трудноуловимы. Но в конфликтной ситуации субъективно они воспринимаются как яркие и четкие. Показательный пример этой тенденции – подчеркивание и преувеличение различий между народами тутси и хуту в Руанде, что способствует многолетней трагедии руандийского народа – резне и чисткам по этническому признаку, – унесшей миллионы жизней как хуту, так и тутси. А задолго до начала конфликта между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха в средствах массовой информации обеих республик стал планомерно создаваться образ врага как географически близкого, но культурно далекого народа.

Итак, в ходе этнических конфликтов *межгрупповая дифференциация* протекает в форме противопоставления своей и чужой групп: большинство противопоставляется меньшинству, христиане – мусульманам, коренное население – «чужакам». Единство в негативных оценках чужой группы не только выполняет полезную для данной общности функцию, но и часто является необходимым условием для разрешения конфликта в ее пользу.

Социальные противоречия хотя и играют решающую роль среди причин конфликтных действий, не связаны с ними напрямую: конфликтные действия возникают, если противоборствующие стороны осознали несовместимость сво-

их интересов и имеют соответствующую мотивацию поведения. При этом важное значение приобретает стадия осознания и эмоционального вызревания конфликта. Например, пережитые «исторические несправедливости» вызывают желание восстановить справедливость, но это не обязательно приводит к возникновению мгновенной реакции. Чаще до начала конфликтных действий проходят многие годы, на протяжении которых этническая общность спланивается вокруг идеи отмщения. Так было во Франции после поражения в войне с Германией 1870 г. и потери Эльзас-Лотарингии.

С психологической точки зрения конфликт не только не начинается с началом конфликтных действий, но и не заканчивается с их окончанием. После завершения прямого противодействия – на этапе зализывания ран – конфликт может сохраняться в форме социальной конкуренции и проявляться в создании образа врага и предубеждений. Так, даже в середине 1990-х годов 24% русских респондентов старше 60 лет, то есть переживших войну, соглашались с утверждением, что немцы – исконные враги русских.

Поиск козлов отпущения в ходе межэтнических конфликтов осуществляется с помощью механизма *социальной каузальной атрибуции*. В мировой истории мы встречаемся с бесчисленным количеством примеров агрессивного поведения, прямо направленного на членов чужой группы, на которых возлагается ответственность за негативные события – эпидемии, голод и другие несчастья. Например, в средневековой Европе убийства евреев объяснялись их злодействами в распространении эпидемии чумы. Следовательно, с помощью социальной и этнической атрибуций большинство оправдывает совершаемые или планируемые ими действия против «чужаков».

То же самое наблюдается и на индивидуальном уровне: когда человек сталкивается с социально нежелательным или опасным положением дел, для него характерна тенден-

ция воспринимать несчастья как результат чьих-то действий и найти кого-то, ответственного за них. Во многих документально подтвержденных исторических случаях эти «кто-то» – вредители или враги моральных устоев и политического порядка – обнаруживались. Социальное знание общества обеспечивало большой выбор козлов отпущения – преступников, злодеев, ведьм, колдунов и т. п.

Вариантом социальной каузальной атрибуции выступает *атрибуция заговора*. На основе подобной атрибуции строится все многообразие концепций заговора. Они встречаются и в так называемых примитивных, и в цивилизованных обществах, различаются степенью «научности», могут затрагивать все сферы общественной жизни, описывать деятельность заговорщиков в местном и во вселенском масштабе. Но можно выделить и общие для всех концепций заговора черты. Обычно они возникают в ситуации экономического, социального, политического кризиса или форс-мажорных событий типа эпидемии. Подчеркивается групповой характер заговора – вредителями объявляются группы меньшинств (реального – масоны, правдоподобного – агенты зарубежных разведок, фантастического – ведьмы). Очень часто в качестве «заговорщиков» выступают группы этнических меньшинств.

В объяснительных моделях природы межэтнических конфликтов особое место занимают поведенческие концепции. Они не отрицают значения социально-структурных факторов, но акцентируют внимание на социально-психологических механизмах, стимулирующих конфликт. В рамках этих концепций широко известна теория фрустрации – агрессии (фрустрация – это состояние опасности от нанесенного группе ущерба; стресс, ощущаемый как препятствие в осуществлении цели, которые, согласно данной теории, ведут к агрессии).

Социологи и психологи, изучая реальные социально-культурные и политические ситуации, наполнили эту теорию конкретным содержанием, выделив в межэтнических конфликтах феномен *относительной депривации*. При этом не просто подчеркивается опасность депривации в связи с ухудшением условий жизни группы, но и сама депривация рассматривается как разрыв между ожиданиями людей и их возможностями.

Таким образом, под межэтническим конфликтом в широком смысле этого слова следует понимать любую конкуренцию между этносами (или этническими группами) – от реального противоборства за обладание ограниченными ресурсами до конкуренции социальной – во всех случаях, когда в восприятии хотя бы одной из сторон противоборства сторона определяется с точки зрения этнической принадлежности ее членов.

МОДАЛЬНОСТЬ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Часто на бытовом уровне, да и в профессиональной среде, можно услышать: вот если бы у нас не было экономических трудностей и «все жили бы хорошо», то никаких этнических конфликтов не было бы. Но и в Канаде, и в Бельгии, и во Франции, и в Ольстере люди живут неплохо, а межэтническая напряженность есть. В перечисленных государствах, не говоря уже о бывших советских республиках, межэтническая напряженность имеет разную модальность. Она может проявляться в диапазоне от скрытой фоновой напряженности до агрессии и насилия в отношениях между народами. Этнопсихолог Г. У. Солдатова выделила четыре фазы межэтнической напряженности: латентную, фрустрационную, конфликтную и кризисную [43].

Латентная фаза напряженности – это в целом нормальный психологический фон не только этноконтактных, но и любых других ситуаций, связанных с элементами новизны или неожиданности, например, ситуации знакомства, узнавания человека с новой стороны. Латентная (или фоновая) фаза межэтнической напряженности существует в любом, даже самом гармоничном обществе, где есть признанное деление на этнические группы.

Ситуация латентной межэтнической напряженности предполагает позитивные отношения. Это означает, что если в обществе и существуют локальные массовые состояния неудовлетворенности, то их причины обычно не связываются с отношениями между народами. В структуре массового сознания доминирует этническая идентичность по типу «нормы». В иерархии элементов социального восприятия «национальность» главенствует очень редко. Ее значимость определяется исключительно текущей ситуацией межличностного общения и отличается относительной адекватностью. В межэтническом взаимодействии, как и в любых позитивных межличностных отношениях, сочетаются как кооперативные, так и соревновательные процессы.

Все это определяет прозрачность этнических границ. Но даже на этом уровне отсутствует эмоциональная нейтральность. Переход социальной ситуации в новую плоскость межгрупповых отношений уже задает начальный уровень эмоциональной напряженности. Результаты эмпирических исследований говорят о том, что контакты с незнакомыми людьми нередко повышают негативную эмоциональную активацию. Так, человек во взаимодействиях с незнакомыми людьми – «чужаками» чаще, чем со знакомыми, испытывает страх и в меньшей степени контролирует гнев.

Стремительность роста межэтнической напряженности может определяться динамикой социально-политических процессов. Так случилось в бывшем СССР, где латентная

напряженность, при всей внешней благопристойности межэтнических отношений, вдруг обнаружила свой мощный взрывной потенциал в условиях кардинальных социально-экономических изменений в обществе.

Фрустрационная фаза напряженности имеет в своей основе ощущения гнетущей тревоги, отчаяния, гнева, раздражения, разочарования. Негативные переживания повышают степень эмоциональной возбужденности людей. На этой стадии напряженность становится зримой, прорываясь наружу в формах бытового национализма, которому соответствуют появление и широкое распространение в обществе уничижительных групповых характеристик (например, «лицо кавказской национальности», «черные», «кепки», «чучмеки» и др.), возрастание популярности анекдотов на национальные темы, учащение конфликтных межличностных эпизодов на национальной почве и т. п. Фрустрационная напряженность как бы зреет во внутригрупповом пространстве, постепенно проникая и в межгрупповые отношения.

Главный признак фрустрационной напряженности – рост эмоционального возбуждения. Увеличение количества фрустрированных личностей повышает уровень аффективной заряженности общества. Фрустрация как групповое психическое состояние влияет на формы и векторы формирования этнической идентичности. Развитие массовых процессов психической инфляции определяет трансформацию группового этнического самосознания в сторону гиперидентичности. В результате становится возможным «запуск» процессов эмоционального заражения и подражания. Формируются психические пограничные состояния массовой невротизации, которые требуют психической разрядки. Это стремление неоднократно блокируется с помощью экспрессивно-исполнительных мер, что приводит к дальнейшему повышению уровня эмоционального возбуждения.

Наращение интенсивности фрустрационной напряженности напрямую связано с уровнем социальной напряженности в обществе и ее трансформацией в межэтническую. Последнее означает, что в качестве источника фрустрации начинают восприниматься другие этнические группы. В результате различные препятствия, возникающие при осуществлении жизненно важных потребностей, все чаще связываются с этнической принадлежностью. Здесь могут иметь значение как реальные причины (например, дискриминация при поступлении на работу, продажа продуктов по предъявлению паспорта, визитки и т. д., как это было в начале 1990-х годов), так и надуманные.

В начале данной стадии блокируется потребность в позитивной этнической идентичности. Психологическая причина этого – идентификация с коллективной «тенью», когда слабая, негативная сторона этноса становится зримой и груз собственных недостатков начинает давить на сознание. Возникает необходимость в их немедленном рациональном вытеснении. Это определяет появление либо гиперидентичных, либо гипоидентичных тенденций в индивидуальном и групповом сознании.

И хотя еще не конкретизирован реальный конфликт интересов, групповые позиции уже поляризованы. Этнические границы становятся ощутимыми, уменьшается их проницаемость. Растет значимость в межэтнической коммуникации языковых, культурных и психологических факторов. На этом этапе в массовом этническом самосознании закладываются основные психологические оси межэтнической напряженности: зависимость, ущемленность, несправедливость, враждебность, виновность, несовместимость, соперничество, страх, недоверие.

В целом проецирование негативных эмоций на такой источник фрустрации, как этническая группа, более характерно для титульных этносов, особенно для тех его представителей,

у которых этническое самосознание трансформируется по типу гиперидентичности. Исследования гиперидентичных тенденций среди русских в республиках РФ показали, что им в меньшей степени свойственно стремление решать свои проблемы в русле «этнических» обвинений. Их эмоциональное напряжение перерождается скорее в астенические и депрессивные состояния. А в первой половине 1990-х годов наиболее популярным способом решения проблем в таких случаях среди русских было принятие решения об эмиграции.

Конфликтная фаза напряженности имеет рациональную основу, так как между противоборствующими сторонами на этом этапе возникает реальный конфликт несовместимых целей, интересов, ценностей и соперничество за ограниченные ресурсы. Рост межэтнической напряженности формирует межгрупповое взаимодействие преимущественно по типу соперничества, которое определяет рост антагонизма между группами.

Массовые психозы на основе процесса психической инфляции порождают групповую реакцию «воинствующего энтузиазма» как форму социальной защиты, предполагающую активное вступление в борьбу за значимые социальные ценности, особенно за те, которые освящены культурной традицией. Как нельзя лучше эти ценности могут быть представлены такими понятиями, как «народ», «национальная культура», «родина предков» и др. Когнитивно-эмоциональная опора воинствующего энтузиазма – это образ врага, в котором конкретизируется угроза. Сконструированный на идеологическом уровне, этот образ попадает на хорошо подготовленную психологическую почву: массовое сознание готово его принять, а идеологи – расставить соответствующие акценты.

В ситуации конфликта межэтническая напряженность становится все более активной. Это именно такая раздражающая ситуация, которая провоцирует разрядку социаль-

ной агрессивности. На данном этапе процессы группового переструктурирования и этнической мобилизации группы резко ускоряются и достигают наибольшей определенности. Единичные случаи проявления бытового негативизма сменяются массовыми. Сокращается дистанция между негативными образами и соответствующими действиями. Чем большее количество людей заражено процессом психической инфляции, тем больше появляется «воинствующих энтузиастов» – националов. Причем их ряды пополняются главным образом за счет увеличения «пассивных» представителей этой категории. Резко возрастают показатели этнической солидарности: этноаффилиативные тенденции, усиление позитивных чувств по отношению к своему народу; усиление потребности в позитивной этнической идентичности и безопасности.

Межэтническим конфликтам всегда сопутствуют вынужденные мигранты. Они главный источник появления в обществе группы лиц, которых называют невротиками-этнофобами. У них снижена фрустрационная устойчивость, затруднены взаимоотношения с широким кругом лиц. В этноконтактных ситуациях они отличаются неадекватностью и иррациональностью поведения. В условиях продолжительной психотравмирующей ситуации невротики-этнофобы пополняют ряды националов.

Кризисная напряженность возникает тогда, когда межэтнические конфликты уже невозможно урегулировать цивилизованными методами и в то же время они требуют немедленного разрешения. Ее главные отличия – страх, ненависть и насилие. Ненависть и страх тесно связывают этнические группы и становятся ведущими двигателями поведения, а насилие превращается в главную форму контроля сторон друг за другом. Поэтому данную фазу межэтнической напряженности можно обозначить как насильственную. В кризисной ситуации психическая инфляция

достигает своих крайних форм и по силе, и по широте охвата. Это выражается в массовых тенденциях формирования этнического самосознания по типу радикальных форм гиперидентичности: этноизоляционизма и национального фанатизма. По уровню гиперидентичности впереди идут вынужденные эмигранты – переселенцы и беженцы. Они невольно разносят микробы национализма за пределы его первичных очагов.

Радикализм сторон и несовместимость позиций, крайняя предвзятость при интерпретации реальных фактов, закливание на защите попираемых прав достигают на этой стадии своего апогея. Общий уровень эмоционального возбуждения возрастает до такой степени, когда эмоции становятся мощным побуждением к действию и иррациональной основой повышенной активности.

Это психопатологическое состояние получило название *социальной паранойи*. У социальных параноиков процессы психической инфляции нередко достигают максимума, когда в структуре идентичности «мы» практически полностью вытесняет «я». При определенной интенсивности психопатологических процессов на бессознательном уровне отбираются личности или группа и на них проецируется все то, что социальный параноик считает для себя нежелательным. Его заблуждения направлены в первую очередь на тех, кого легко идентифицировать как «чужаков». В условиях роста межэтнической напряженности таковыми, безусловно, становятся этнические группы.

Еще один признак социальной паранойи – утрата обратной связи, в результате чего возникает неспособность воспринимать и подвергать анализу то, что не подтверждает проекций. Важной причиной утраты связей с реальностью является неконтролируемый страх. Этничность как форма идентификации, обращенная в прошлое, в наибольшей степени связана с эмоцией страха. Так, исследования антропо-

логии этнического насилия на примере ошского конфликта показали, что страх был обязательным компонентом во всех эпизодах, включавших в себя агрессивные или насильственные действия. Но страх не обязательно инициирует агрессию. В первую очередь он – важнейший побудитель активных действий, которые могут иметь и совершенно противоположный характер, например, уход от агрессии. В частности, в 1988 г. волна страха в кратчайшие сроки заставила турок-месхетинцев покинуть Узбекистан, хотя нигде, кроме Ферганы, не было поджогов, погромов, грабежей.

В кризисной ситуации межэтнической напряженности иррациональность поведения особенно свойственна психопатическим личностям паранойяльного склада, которые становятся центральными субъектами эмоционального заражения. Иррациональность в интеллектуальной сфере проявляется как глубокая убежденность индивида или (группы) в своей правоте, в единственности представляемой ситуации. Противоречащие этой убежденности факты либо игнорируются, либо объявляются ложными, измышленными противниками. В мотивационно-поведенческом плане паранойя характеризуется стремлением индивида утвердиться в глазах окружающих. Субъективно это переживается как борьба истины с ложью. В эмоциональной сфере этому состоянию присущи чувство чрезмерности собственной значимости, подозрительность, тревога, страх, гнев. При малейшем противодействии извне возникает чувство ущемленности, стремление отомстить и даже готовность к самопожертвованию во имя посрамления или гибели соперника. Субъективно это переживается как борьба непонятого с непонимающими, притесняемого с притеснителями, то есть как борьба добра со злом. В перцептивной сфере наблюдаются тревожно-враждебные ожидания вместе с интерпретациями, предшествующими фактам, а не следующими за ними, что создает иллюзии, субъективно воспринимаемые как реальность.

На фазах конфликтной – и особенно кризисной – межэтнической напряженности приобретает значимость такая характеристика массового сознания, как мифотворчество, поскольку высокая аффективная заряженность общества благоприятствует его развитию.

ТИПОЛОГИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Особенности межэтнических конфликтов определяются их типом. Оценивая межэтнические конфликты в СССР и СНГ, этносоциологи предложили их следующую типологию [3].

Первый тип – *статусные институциональные конфликты в союзных республиках, переросшие в борьбу за независимость*. Как уже отмечалось, суть таких конфликтов могла быть не этнонациональной, но этнический параметр в них присутствовал непременно, как и мобилизация по этническому принципу. Так, с самого начала национальных движений в Эстонии, Литве, Латвии, Молдавии, Армении, на Украине, в Грузии, Молдавии выдвигались требования соблюдения этнонациональных интересов. В процессе развития этих движений от этнонациональных требований переходили к требованиям государственной независимости, но мобилизация по этническому принципу оставалась.

Основная форма конфликтов этого типа была институциональной. Так, острый конституционный конфликт возник, когда сначала Эстония, а за ней и ряд других союзных республик приняли поправки к своим конституциям, внося в них приоритетное право на использование местных ресурсов и верховенство республиканских законов. Президиум Верховного Совета СССР отменил эти поправки. Однако решения законодательных органов Эстонии, Литвы, Латвии поддерживало большинство титульного этноса этих

республик. Следовательно, есть все основания относить эти институциональные конфликты к этнонациональным, которые затем переросли в движение за независимость. По такому же сценарию развивались события в Грузии, Молдавии и ряде других союзных республик.

Второй тип – *статусные конфликты в союзных и автономных республиках, автономных областях, возникшие в результате борьбы за повышение статуса республики или его получение*. Конфликты этого типа характерны для союзных республик, желавших конфедеративного уровня отношений. Например, об этом заявляло руководство Казахстана. Об этом же говорили и руководители автономий, в частности Татарстана, которые стремились поднять их до уровня союзных республик. Впоследствии, после создания независимой России, радикальная часть национального движения поставила вопрос об ассоциированном членстве Татарстана в Российской Федерации. Конфликт завершился подписанием Договора между государственными органами Российской Федерации и государственными органами Татарстана, который содержит элементы как федеративных, так и конфедеративных отношений. Заметим, что конфликт имел не только институциональный характер, поскольку с конца 1980-х годов и вплоть до 1993 года акции правительства Татарстана сопровождались достаточно высокой этнонациональной мобилизацией татар в республике.

За конфедеративный тип отношений боролась элита Башкортостана, Тувы, но там не было массовых национальных движений. Такого же типа временные конфликты имели место в автономных областях, претендовавших на статус республик, и четыре из пяти автономных областей в составе Российской Федерации получили его. За повышение статуса республики до уровня конфедеративных отношений борются абхазы в Грузии. К этому типу конфликтов можно отнести и движения за создание своих национальных обра-

зований, например, ингушей в Чечено-Ингушетии, ногайцев и лезгин в Дагестане, балкарцев в Кабардино-Балкарии. Подобные требования выдвигались также таджиками в Узбекистане, узбеками в Кыргызстане, кыргызами в Горного Бадахшана в Таджикистане.

Третий тип – *этнотерриториальные конфликты*. Эти конфликты, как правило, самые трудные для урегулирования противостояния. На постсоветском пространстве было зафиксировано 180 этнотерриториальных споров, к 1996 году сохраняли актуальность 140 территориальных притязаний. Конечно, не все заявленные притязания перерастают в конфликт. Специалисты считают, что к этому типу следует относить споры, ведущиеся «от имени» этнических общностей относительно их прав проживать на той или иной территории, владеть или управлять ею. Это борьба за восстановление автономий (немцы Поволжья, крымские татары), за правовую, социальную, культурную реабилитацию (греки, корейцы и др.); за возвращение на территорию прежнего проживания (турки-месхетинцы – в Грузию). И только в ряде случаев речь идет о действительно территориальных спорах.

Четвертый тип – *межгрупповые (межобщинные) конфликты*. Именно к такому типу относятся конфликты, подобные тем, которые были в Якутии (1986), в Туве (1990), а также русско-эстонский конфликт в Эстонии, русско-латышский – в Латвии и русско-молдавский – в Молдавии. Причем если первые два имели характер межгрупповых столкновений, переросших в демонстрационные формы противостояния, а в Туве – и в последующий отток русских из зоны конфликта, то межгрупповые конфликты в Эстонии и Латвии были связаны, с одной стороны, с дискриминационными мерами правительств, направленными на «вытеснение» представителей нетитульных этносов, и акциями национал-экстремистов, а с другой – с организацией сопротивления.

В развитии межэтнических конфликтов центральное значение имеют следующие социально-перцептивные механизмы:

1. Смещение баланса эмоционального позитива «в пользу» собственной этнической группы. В результате повышается избирательность межэтнического восприятия. Происходит отсев позитивной и искажение поступающей информации по следующему принципу: в фокусе внимания остается информация, подтверждающая негативные стереотипы, а та информация, которая не подтверждает их, отбрасывается. Негативные этносоциальные представления имеют устойчивую тенденцию к самовопроизводству и самоподдержанию.

2. Актуализация межэтнических различий. При этом увеличиваются межгрупповые и уменьшаются внутригрупповые различия. Снижается дифференциация отдельных представителей других этнических групп и усиливаются тенденции деперсонализации членов собственной группы.

3. «Этническая» генерализация негативного эмоционального потока и поиск виноватого по этническому критерию.

4. Объяснение недостатков и неудач собственной этнической группы внешними факторами и обстоятельствами, а не внутренними причинами (личностные характеристики, мотивы и цели). Победа своей группы над другой при этом чаще всего интерпретируется как результат собственной силы, а не слабости противника. А в случае превосходства другой этнической группы ее достижения объясняются «ситуационными» причинами. Это результат действия общего социально-перцептивного механизма «фундаментальной атрибутивной ошибки», при котором, во-первых, недооцениваются различия в культуре, обстоятельствах и социальных ролях; во-вторых, ответственность и вина за неудачи в экономическом, социальном и ином развитии своей группы перекладывается на другие этнические группы.

5. Смещение «оправдательных» и «обвинительных» критериев. Примером этого является превращение в очень короткий срок в республиках бывшего СССР «братских народов» в «мигрантов», «инородцев» и «оккупантов». Это результат действия атрибутивного механизма эмоциональной инверсии.

6. Проецирование собственных (но неосознаваемых и потому неприемлемых для своего народа) негативных чувств, качеств и особенностей на представителей других этнических групп.

Механизм проекции имеет особое значение в сфере межэтнического восприятия. Через проецирование неконтролируемого страха, собственных недостатков и психических расстройств на другой народ отчуждается собственная «коллективная тень». В условиях межэтнического конфликта вытеснение «тени» происходит достаточно жестко. Негативное содержание бессознательного получает дополнительную энергию, в результате проекция ускоряется и широко распространяется. Это один из механизмов возникновения в обществе массовых невротических и психотических состояний, которые характеризуются навязчивым стремлением к конфликтам. Люди склонны проецировать собственную «тень» не только на политических врагов, но и на всякого, кто отличается или отдален от них.

В межэтнических конфликтах особое место занимают так называемые этнокультурные конфликты.

Этнокультурный конфликт – это конфликт старых и новых культурных норм и ориентаций; старых, присущих этнофору как представителю того этноса территорию, которого он покинул, и новых, свойственных тому этносу, на территорию которого он прибыл. Иначе говоря, этнокультурный конфликт – это конфликт двух культур на уровне индивидуального сознания.

СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Существует пять способов разрешения такого рода конфликтов.

Первый способ можно условно назвать *геттоизацией* (от слова «гетто»). Он реализуется в ситуациях, когда человек прибывает в другое общество, но старается или вынужден (из-за незнания языка, природной робости, иного вероисповедания или по каким-либо другим причинам) избегать всякого соприкосновения с чужой культурой. В этом случае он старается создать собственную культурную среду – окружение соплеменников, отгораживаясь этим окружением от влияния инокультурной среды. Практически в любом крупном западном городе существуют более или менее изолированные и замкнутые районы, населенные представителями других культур. Это китайские кварталы или целые чайнатауны, это кварталы или районы, где поселяются выходцы из мусульманских стран, индийские кварталы и т. д. Например, в берлинском районе Кройцберг в процессе многих десятилетий миграции турецких рабочих и интеллектуалов-беженцев возникла не просто турецкая диаспора, но своего рода гетто. Здесь большинство жителей – турки, и даже улицы в этом районе имеют турецкий облик, который придают им реклама и объявления почти исключительно на турецком языке, турецкие закусочные и рестораны, турецкие банки и бюро путешествий, представительства турецких партий и турецкие политические лозунги на стенах. В Кройцберге можно прожить всю жизнь, не сказав ни слова по-немецки.

Второй способ разрешения конфликтов – *ассимиляция*, противоположная по сути геттоизации. В случае ассимиляции индивид полностью отказывается от своей культуры и стремится целиком усвоить необходимый для жизни багаж

чужой культуры. Конечно, это не всегда удается. Причиной затруднений оказывается либо недостаточная пластичность личности самого ассимилирующегося, либо сопротивление культурной среды, частью которой он намерен стать. Такое сопротивление встречается, например, в некоторых европейских странах (во Франции, в Германии) по отношению к новым эмигрантам из России и стран СНГ, которые хотят стать своими среди немцев или французов. Даже при условии успешного овладения языком и достижения приемлемого уровня повседневной компетентности среда не принимает их как своих, они постоянно «выталкиваются» в ту среду, которую по аналогии с невидимым колледжем (термин социологии) можно назвать невидимым гетто – в круг соплеменников и «сокультурников», вынужденных вне работы общаться только друг с другом. Разумеется, для детей таких эмигрантов, включенных в инокультурную среду с раннего детства, ассимиляция не составляет проблемы.

Третий способ разрешения конфликтов – *промежуточный*, состоящий в культурном обмене и взаимодействии. Для того чтобы обмен осуществлялся адекватно, то есть приносил пользу и обогащал обе стороны, нужны благожелательность и открытость с обеих сторон, что на практике встречается, к сожалению, чрезвычайно редко, особенно если стороны изначально неравны: одна – автохтоны, другая – беженцы или эмигранты. Тем не менее примеры такого удавшегося культурного взаимодействия в истории есть: это гугеноты, бежавшие в Германию после ужасов Варфоломеевской ночи, осевшие там и многое сделавшие для сближения французской и немецкой культур; это немецкие философы и ученые, покинувшие Германию после прихода к власти нацистов и сумевшие внести весомый вклад в развитие науки и философии в англоязычных странах, существенно изменившие там интеллектуальный климат и повлиявшие на развитие общественной жизни вообще. Вообще

же результаты такого взаимодействия не всегда очевидны в самый момент его осуществления. Они становятся видимыми и весомыми лишь по прошествии значительного времени.

Четвертый способ решения конфликтов – *частичная ассимиляция*, когда индивид жертвует своей культурой в пользу инокультурной среды в какой-либо одной из сфер жизни: например, на работе он руководствуется нормами и требованиями инокультурной среды, а в семье, на досуге, в религиозной сфере – нормами своей традиционной культуры. Такая практика преодоления культурных противоречий, пожалуй, наиболее распространена. Эмигранты обычно ассимилируются частично, разделяя свою жизнь как бы на две неравные половины. Как правило, ассимиляция оказывается частичной либо когда невозможна геттоизация, полная изоляция от окружающей культурной среды, либо когда по разным причинам невозможна полная ассимиляция. Но частичная ассимиляция может быть также вполне намеренным позитивным результатом межэтнического взаимодействия.

И наконец, пятый способ разрешения конфликтов – культурная *колонизация*. Определить механизм колонизации в самом общем виде очень просто. О колонизации можно вести речь тогда, когда представители чужого этноса, прибыв в страну, активно навязывают титульному этносу собственные ценности, нормы и модели поведения.

При этом имеется в виду не колонизация в политическом смысле, которая является лишь одной из многочисленных форм культурной колонизации, причем не самой действенной ее формой. Известно, что превращение какого-то государства или территории в колонию часто сопровождалось не столько культурной колонизацией, сколько геттоизацией пришельцев, которые жили, почти не соприкасаясь с автохтонной культурой, а потому практически не воздействуя на нее.

Гораздо более действенной формой культурной колонизации является широко распространившаяся практика помощи слаборазвитым странам со стороны индустриальных государств. Например, когда западная фирма осуществляет строительство ирригационного канала в засушливой африканской или ближневосточной стране, она не только внедряет новые модели технологической и организационной культуры, к которой вынуждено приспособляться и которую вынуждено усваивать местное население, работающее на постройке канала, но и вносит глубокие изменения в культуру земледелия, которое начинает функционировать по западным моделям и технологиям. А вместе с этим кардинально изменяется социальная и культурная организация общества в целом.

Формой культурной колонизации стала также определенная американизация жизни в Западной Европе после Второй мировой войны, выразившаяся в широком распространении образцов и моделей поведения, свойственных американской (прежде всего массовой) культуре. Россия только в течение XX века пережила две волны культурной колонизации. Первая из них была связана с индустриализацией, разрушившей уклад жизни как в деревне, так и в городе, внедрившей в русскую жизнь новые культурные формы и жизненные стили, невиданные или весьма редко встречавшиеся до той поры. Со второй волной колонизации мы имеем дело сейчас, когда буквально во всех сферах жизни идет активное внедрение и усвоение западных (по происхождению) ценностей, норм, поведенческих и организационных моделей.

В социальных и политических науках такие процессы описываются термином «модернизация», который имеет оценочный характер и предполагает, что новые модели, идущие на смену старым, носят более современный характер, отвечают более высокой степени развития, а поэтому они в

определенном смысле «совершеннее», «выше», «лучше» старых. Термин «культурная колонизация» в ценностном отношении нейтрален, он лишь обозначает и описывает процесс замещения собственных норм, ценностей, моделей и образцов поведения нормами, ценностями, моделями и образцами, пришедшими извне, из инокультурной среды.

Важнейшим индикатором состояния межэтнических конфликтов является его *форма*. Самый простой принцип определения формы межэтнического конфликта – это отнесение его к ненасильственным или насильственным. На территории Южной Европы, Российской Федерации и стран ближнего зарубежья этносоциологи выделяют две формы насильственных конфликтов:

1. *Региональные войны* (шесть из них – длительные, продолжавшиеся не менее нескольких месяцев), то есть вооруженные столкновения с участием регулярных войск и использованием тяжелого вооружения. Это крабахский, абхазский, таджикский, южноосетинский, приднестровский, чеченский конфликты; войны между бывшими республиками Югославии.

2. *Краткосрочные вооруженные столкновения*, длящиеся несколько дней и сопровождающиеся жертвами. К ним относятся, в частности, столкновения в Фергане, Оше, в Сумгаите осетино-ингушское – всего около двадцати. Такие столкновения называют «конфликтами-бунтами», «конфликтами-погромами», «конфликтами неуправляемых эмоций».

Ненасильственных конфликтов на постсоветском пространстве насчитывается более ста.

Среди них достаточно четко выделяются *институциональные* конфликты, когда в противоречие приходят нормы законодательства, реализующие идеологемы конфликтующих сторон. Такая форма конфликтов не всегда сопровождается межэтническими столкновениями. Например, во время острого конституционного конфликта Татарстана с Цен-

тром, при несомненном росте межэтнической напряженности внутри республики, столкновений между татарами и русскими не наблюдалось.

Еще одна форма ненасильственных конфликтов – *манифестирующие* конфликты, к числу которых следует отнести митинги, демонстрации, голодовки, акции «гражданского неповиновения».

Наконец, существуют *идеологические* конфликты, когда на первый план выходит «конфликт идей». Характерной чертой таких конфликтов (или их стадий) является выдвижение тех или иных притязаний. В литературе, в средствах массовой информации обосновывается «историческое право» на государственность (Эстония, Литва, Грузия, Татария, другие республики бывшего СССР), на территорию (Армения, Азербайджан, Северная Осетия, Ингушетия). В ходе национальных движений разрабатываются основные идеологемы, политическая мобилизация вокруг которых уже представляет собой проявление конфликта.

Каждая из указанных форм отличается от других «действующими лицами», или основными субъектами, конфликта. При доминирующей институциональной форме основными субъектами конфликта являются властные структуры, партии, организаторы общественных движений, обычно действующие через институты власти. При манифестирующей форме основными субъектами конфликта выступают значительные массы людей, поэтому данную форму называют еще конфликтами «массовых действий». Конечно, понятие «массовые действия» относительно, тем не менее в зонах конфликтов всегда четко различают действия отдельных групп и массовые выступления. И наконец, участниками идеологических конфликтов являются группы элиты – политической, научной, художественно-творческой. Их идеи транслируются работниками средств массовой информации

и сферы образования. В традиционных и переходных обществах роль «трансляторов идей» выполняют также старейшины, «авторитетные люди».

От типа и формы конфликта зависят возможности и способы его разрешения. Методом ослабления конфликта является *деконсолидация сил*, участвующих в конфликте, с помощью системы мер, которые позволяют отсечь (например, путем дискредитации в глазах общественности) наиболее радикальные элементы или группы и поддержать силы, склонные к компромиссам, переговорам. В процессе урегулирования конфликта важно исключить воздействие факторов, способных консолидировать ту или иную конфликтующую сторону. Таким фактором может быть применение силы или угроза ее применения. Конфликт в Чечне весьма наглядно продемонстрировал это.

Способом ослабления конфликтов является использование широкого спектра санкций – от символических до военных. Так, в ситуациях, когда военные операции шли на территории государств ближнего зарубежья, а Вооруженные Силы и военная промышленность **официально** перешли под юрисдикцию России, она использовала в качестве меры воздействия дозирование или прекращение поставок вооружения, боеприпасов, горюче-смазочных материалов воюющим сторонам. Вооруженное вмешательство считается допустимым только в одном случае: если в ходе насильственного конфликта имеют место массовые нарушения прав человека.

Когда говорят об *информационном пути* разрешения конфликтов, имеется в виду взаимный обмен информацией между группами с соблюдением условий, способствующих изменению ситуации. При этом чрезвычайно важно содержание информации в средствах массовой информации при освещении острых конфликтов, так как даже нейтральные, с точки зрения стороннего наблюдателя, сообщения могут

привести к вспышке эмоций и эскалации напряженности. Например, во время армяно-азербайджанского конфликта по поводу Нагорного Карабаха обе конфликтующие стороны обвиняли московские средства массовой информации в сочувствии противоположной стороне, отключали каналы Центрального телевидения бывшего СССР, запрещали распространение российских газет в своей республике (в Азербайджане – за проармянскую позицию, в Армении – за проазербайджанскую). Положение несколько стабилизировалось, когда стали передавать и публиковать репортажи, отражающие точку зрения двух конфликтующих сторон.

При использовании информационного пути разрешения конфликтов следует отказаться от подхода, согласно которому этнический конфликт лучше вообще не обсуждать в средствах массовой информации, чтобы не будоражить большинство населения. Но, с другой стороны, следует признать ошибочной и популярную среди журналистов точку зрения, согласно которой конфликты достойны внимания лишь тогда, когда они разразились и стали материалом сенсационных репортажей. Подход в освещении конфликта должен быть ориентирован на ясную, честную и сбалансированную информацию об участниках конфликта.

В разрешении конфликтной ситуации наиболее эффективно *прерывание конфликта*, которое позволяет расширить действие прагматических подходов к его урегулированию. И что тоже очень важно, в результате этого меняется эмоциональный фон конфликта, снижается накал страстей, идут на спад психозы, ослабевает общая консолидированность групп, участвующих в конфликте.

Особые правила существуют и в переговорном процессе. Для того чтобы добиться успеха, этот процесс нужно прежде всего прагматизировать. Прагматизация переговоров состоит в разделении глобальной цели на ряд последовательных задач. Обычно стороны бывают готовы заклю-

чить перемирие для решения наиболее важных вопросов: для захоронения погибших, обмена пленными. Затем переходят к наиболее актуальным экономическим и социальным вопросам. Политические вопросы, особенно имеющие символическое значение, решают в последнюю очередь. Однако бывают и такие случаи, когда переводу конфликта в стадию переговоров мешает личностная позиция лидеров.

Переговоры должны вестись таким образом, чтобы каждая сторона стремилась найти удовлетворительные решения не только для себя, но и для партнера. Как говорят конфликтологи, надо сменить модель «выигрыш – проигрыш» на модели «выигрыш – выигрыш» или «проигрыш – проигрыш». Каждый шаг в переговорном процессе следует закреплять документально.

Полезным считается участие в переговорах посредников и медиаторов. В особо сложных ситуациях легитимность договоренностям придает участие представителей международных организаций.

Урегулирование конфликтов – это всегда очень сложный процесс, граничащий с искусством. Поэтому все возможные усилия должны быть сконцентрированы на предупреждении конфликтов. Ведь даже худой мир всегда предпочтительнее доброй ссоры, особенно в межэтнических отношениях.

ГЛАВА 14. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ В ЭТНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Эмпирическая этническая психология предполагает изучение общего и отличного в психологических параметрах личности и деятельности представителей разных народов. При этом объектом изучения могут выступать как индивидуально-психологические, так и социально-психологические феномены, измерение которых осуществляется как непосредственно, так и опосредованно. Каждый из этих способов имеет свою специфику.

Измерение этнопсихологических параметров происходит с помощью наблюдения, опросов, интервью, тестов и т. п., с использованием методов сравнительного анализа в рамках так называемого сравнительно-культурного подхода. Следует отметить, что сравнение может осуществляться как в явной, так и в скрытой (латентной) форме, то есть какая-либо этническая группа изучается представителями другой культуры. Однако при этом наблюдатели могут сознатель-

но или бессознательно отмечать те особенности поведения, которые не свойственны им самим как представителям другого этноса.

Теоретически сравнительно-культурный подход может существовать в двух вариантах: *кросскультурном* – сравнение особенностей психической деятельности у народов, живущих в одно и то же время, и *историческом* – сравнение психологических характеристик одного и того же этноса в разные периоды его существования. Однако принято считать, что этническая психология занимается только кросскультурными исследованиями, второй вариант – прерогатива исторической психологии.

Таким образом, классический вариант сравнительно-культурного подхода в этнопсихологии – межкультурные измерения и исследования. Непосредственно могут сравниваться либо разнообразные индивидуально-психологические характеристики (познавательные процессы, характер и т. п.), либо социально-психологические феномены (диспозиции, стереотипы, экспектации и т. д.) личности этнофоров. Общей является исходная схема построения; в зависимости от целей исследования подбирается определенная методика из существующего психологического и этнографического арсенала, адекватная поставленным задачам, и с ее помощью проводится сравнительный анализ психологических параметров личности и деятельности этнофоров.

Специфика этнопсихологического исследования по сравнению с общепсихологическими или социально-психологическими заключается в том, что изучение каких-либо психологических феноменов проводится параллельно в нескольких группах этнофоров, относящихся к различным культурам. Результаты обследования сопоставляются и анализируются. При этом в зависимости от задач, которые ставит перед собой исследователь, акцент может делаться либо на поиске различий в результатах, либо на подчеркива-

нии сходства существенных параметров. Для этих двух ориентации в 1954 г. были введены два специальных термина – *etic* и *etio*, которые стали широко использоваться в этнопсихологической литературе. Данные понятия определяют два лингвистических термина – фонема и фонетика. Под фонемой в современном языкознании понимают «единицу языка, с помощью которой различаются и отождествляются морфемы», фонетический подход ставит акцент на универсальных аспектах языка. Соответственно, в этнопсихологии *etic* – это ориентация на культурно-специфические исследования, а *etio* – на универсальные, общечеловеческие психические явления и ценности.

Несмотря на кажущуюся простоту, доступность и легкость исполнения этнопсихологических измерений существует целый ряд серьезных проблем. Например, проблема валидности методик. Дело в том, что каждая конкретная методика создается в определенной стране и предназначена для изучения представителей ее этноса. Приемлемо ли использование этой методики в других странах? Что нужно сделать, чтобы используемый экспериментальный материал был, с одной стороны, понятным и доступным представителям разных этнических групп, а с другой – максимально идентичным, ведь только в этом случае можно говорить о правомерности сравнительного анализа результатов.

Эта проблема нашла, в частности, свое выражение в многочисленных попытках создания так называемого свободного от культуры теста (что приобретало особое значение при исследовании интеллектуальных способностей). При этом исследователи столкнулись с проблемой отношения к процедуре эксперимента у представителей различных этнических групп. Такой невербальный тест, как тест-лабиринт, считается свободным от влияния культуры, однако когда его предложили австралийским аборигенам, выяснилось, что они не хотят следовать инструкции: привыкшие к

принятию решения (и тем более – к его реализации) только после коллективного обсуждения, они, во-первых, отказывались приступать к выполнению теста без предварительного выяснения мнений хотя бы старейшин племени, а во-вторых, не могли согласиться с тем, что сам экспериментатор, которого они недавно столь торжественно провозгласили почетным членом их общества, отказывается участвовать в обсуждении и помогать им. Именно подобного рода казусы и дали основание этнологам утверждать, что попытки создания подобных «свободных методов» обречены на неудачу. Эта позиция, поддержанная многими исследователями, привела к тому, что в последние десятилетия акцент в кросскультурных исследованиях смещается с *количественных* показателей на глубокий и *разносторонний качественный* анализ результатов.

Перед этнопсихологами, занимающимися сравнительными межэтническими исследованиями, встает вопрос и о том, сможет ли исследователь объективно и беспристрастно сопоставлять особенности своей и чужой культуры, или же он имеет право изучать и сравнивать только культуры тех этнических групп, к которым сам не принадлежит. Кроме того, существует и проблема коммуникации. Если предположить, что исследователь приехал изучать чужую для него культуру, то возникает вопрос о том, смогут ли испытуемые и исследователь адекватно понимать друг друга и будут ли полученные результаты избавлены от погрешностей, вносимых в коммуникацию представителями разных культур.

Следовательно, если говорить о методической оснащенности межкультурных исследований, то необходимо подчеркнуть, что кросскультурное направление в этнопсихологии не предполагало необходимости создания каких-либо специфических методов исследования, на основе их из существующих методов социологии и этнологии. Вместе с тем оно демонстрировало принципиально новые результа-

ты за счет выхода за пределы одной культуры, за счет сравнительного анализа данных, полученных при параллельном исследовании нескольких этнических групп.

Опосредованное этнопсихологическое исследование базируется на анализе индивидуально-психологических и социально-психологических феноменов в более широком контексте переменных: в связи с особенностями культуры, экологии, истории и т. п. Анализ подобной взаимосвязи может проводиться с использованием различных принципов. Простейший вариант – анализ чисто корреляционных связей и отношений (типичным примером подобных исследований являются работы, выполненные в рамках НКАФ – «Региональной картотеки человеческих отношений» и ее аналогов).

Однако принцип корреляции не является единственным основанием для анализа этнопсихологических закономерностей в расширенном контексте переменных. Другим таким основанием часто выступает принцип аналогии. Наиболее выразительно он проявляется в исследованиях, базирующихся на идее единства или однотипности законов поведения и психической деятельности в сообществах животных и в этнических группах. Соответственно, способом изучения этнического своеобразия некоторых видов реакций у людей становится анализ этих реакций у животных (выражение агрессии, ритуальное поведение и т. п.), а выявленные закономерности межпопуляционного или межвидового поведения переносятся на человеческое общество и рассматриваются как аналоги законов межнационального взаимодействия.

Считается, что наиболее интересным вариантом опосредованных исследований является анализ психологических и иных переменных в рамках причинно-следственных связей и отношений. Существует множество теоретических и эмпирических работ, в которых была сделана попытка установить влияние различных факторов (биологических, экологических,

исторических, культурных, социальных и т. д.) на этнопсихогенез, на особенности формирования и протекания различных психических процессов, черт, состояний. Есть исследования и противоположного характера. Считается, что сама психическая деятельность может определять специфику многих явлений культурной, общественной, исторической жизни этноса. Исследователи, работающие в рамках данной научной парадигмы, пытаются связать этнические особенности психической деятельности с тем, как они воплощаются в продуктах деятельности данного народа, в его творчестве, истории, в его аккомодивности и креативности.

Таким образом, в качестве методической основы опосредованного исследования выступает кросскультурный анализ тех переменных, которые рассматриваются ученым как причина, аналог или коррелят этнического своеобразия психической деятельности.

Другой подход сформировался значительно позднее. При этом подходе в качестве объекта изучения выступают этнические сознание и самосознание в их взаимосвязи с непосредственным поведением. Этим он отличается от описанного выше, в котором внимание ученых сосредоточено на сравнительном анализе измеряемых параметров индивидуально-психологических («Я») или социально-психологических («Я – другой/другое») феноменов. Главной категорией данного подхода является категория «Мы», точнее, «Мы – как этнос». Это понятие может рассматриваться в конкретных этнопсихологических исследованиях в двух плоскостях: в отношении типа «Мы – Я» (в случае изучения этнического самосознания) и в связке типа «Мы – Они» (в случае анализа этнического сознания и различных вариантов межнациональных отношений и взаимодействий).

В отличие от первого подхода, реализация данной исследовательской стратегии требует либо создания оригинальных, специально разрабатываемых методов исследова-

ния, либо существенной модификации существующих. Обзор таких методик, как отечественных, так и зарубежных, будет нами представлен в Приложении.

Прежде чем ставить задачу психологических измерений в контексте изучения межэтнических отличий, необходимо провести классификацию существующих психологических методов.

В отечественной психологии существует несколько классификаций методов психологических измерений. Наиболее популярной считается классификация психологических методов, предложенная академиком Б. Г. Ананьевым.

Все имеющиеся в научно-исследовательской практике методы психологических измерений делятся на четыре группы.

Первая группа включает в себя методы организации исследования, разделенные на три подгруппы:

- сравнительные методы;
- лонгитюдные методы;
- комплексные методы.

Вторая группа включает в себя эмпирические методы то есть собственно методы психологических измерений, которые разделяются, в свою очередь, на пять подгрупп:

- наблюдательные методы;
- диагностические методы;
- экспериментальные методы;
- биографические методы;
- праксиметрические методы.

В третью группу входят методы обработки полученных эмпирических результатов, в четвертую – методы интерпретации полученных результатов.

Практически любой из существующих в практике этнопсихологического исследования метод можно отнести к названным выше группам.

Рассмотрим наиболее популярные – эмпирические – методы изучения этнопсихологических феноменов.

ОБСЕРВАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ

Обсервационные методы (методы наблюдения) широко используются в этнической психологии. Существуют разные виды наблюдения: включенное и невключенное, сплошное и выборочное, прямое и опосредованное, свободное или стандартизованное. Очень широко в психологических исследованиях используется включенное и невключенное наблюдение. Включенное наблюдение предполагает активное участие исследователя – наблюдателя в жизни этнической группы, установление контакта с ее членами и такое «вживание» в жизнь наблюдаемого народа, при котором представители исследуемого этноса привыкают к исследователю и перестают реагировать на его присутствие (таковы, например, наблюдения русского этнолога Н. Н. Миклухо-Маклая за жизнью папуасов острова Новая Гвинея). Невключенное (стороннее) наблюдение, в отличие от включенного, не предполагает личного участия исследователя в жизни народа, который он изучает.

Этнопсихологическое наблюдение по своей технологии может быть свободным или стандартизованным. Их отличие заключается в существовании или отсутствии определенной программы наблюдений. Свободное наблюдение (как следует уже из названия) не имеет жесткой программы, и наблюдатель может по ходу исследования в зависимости от ситуации менять объект наблюдения по своему усмотрению. Стандартизованное наблюдение, напротив, ведется по заранее составленной, жестко заданной программе, от которой исследователь не имеет права отклоняться, независимо от того, что происходит в процессе наблюдения объекта.

В качестве примера применения обсервационного метода в кросскультурных исследованиях часто приводят «Проект шести культур». Этот проект осуществлялся под

руководством профессоров Гарвардского университета супругов Уайтинг. Предметом изучения было социальное поведение детей в естественных условиях их жизни, особенности их взаимодействия с детьми и взрослыми.

Выбирая этнические объекты, Уайтинги остановились на шести небольших населенных пунктах в разных частях света. Большинство исследуемых семей были крестьянскими. Наблюдение проводилось в Японии, Филиппинах, Индии, Кении, Мексике и США. За каждой из выбранных общин вела наблюдение отдельная группа исследователей, которая представила их подробное этнографическое описание, включая образ жизни и типичные способы воспитания детей.

Объектом исследования были дети (от 16 до 24 человек на общину), всего 67 девочек и 67 мальчиков от 3 до 11 лет. Дети были условно разделены на четыре половозрастные группы: младшие мальчики (от 3 до 6 лет), старшие мальчики (от 7 до 11 лет) и, соответственно, младшие и старшие девочки. Длительность одного сеанса наблюдения была заранее ограничена 5 минутами. При этом поведение ребенка фиксировалось не чаще одного раза в день.

В протоколе фиксировались: место действия (дом, двор, школа, сад); взрослый, который принимал участие в ситуации (мать, отец, бабушка); дети, которые участвовали в этот момент во взаимодействии (члены семьи, соседи, родственники, посторонние); преобладающий вид деятельности (случайное взаимодействие, игра, труд, учеба); размеры группы, с которой взаимодействовал наблюдаемый ребенок, и т. п.

В результате наблюдений было зафиксировано около 20 000 интеракций (150 интеракций на ребенка). Эти интеракции затем группировались и обрабатывались, с помощью компьютера и в конечном итоге были сведены к 12 основным типам поведения ребенка, которые условно были названы так: 1) поступает по-дружески; 2) оскорбляет; 3) предлагает помощь; 4) выговаривает, делает замечания; 5) пред-

лагает поддержку; 6) ищет господства, преобладания; 7) ищет помощи; 8) ищет внимания; 9) ответственно советует; 10) дружески нападает; 11) дотрагивается до другого; 12) нападает.

Приведенная классификация представляется на первый взгляд достаточно произвольной, однако отметим, что каждый из выделенных типов поведения подкреплен соответствующим набором эмпирических индикаторов, прошедших квалифицированную экспертную оценку. Сопоставление выделенных типов с различными демографическими, социально-экономическими и культурными факторами представляло огромный интерес как для этнологов, так и для этнопсихологов.

Анализ полученных в ходе исследования результатов позволил шкалировать социальное поведение детей по двум независимым осям. Шкала А была построена на противопоставлении заботливости (поступки типа «предлагает помощь», «предлагает поддержку») и ответственности («ответственно советует») – зависимости («ищет помощи», «ищет внимания») и доминантности («ищет господства»). Шкала Б противопоставляет дружески-доброжелательное поведение (преобладание поступков типа «действует по дружески» и «прикасается») – авторитарно-агрессивному поведению («выговаривает» и «нападает»). Поведение типа «оскорбляет» исследователям не удалось связать ни с одним из полюсов, поэтому в дальнейшем оно не анализировалось.

Шкала А: заботливость, ответственность – зависимость, доминантность.

Шкала Б: дружески-доброжелательное – авторитарно-агрессивное.

Исследуемые культуры, в свою очередь, также классифицировались по двум критериям. Первый критерий предполагал деление культур на два типа – простые и сложные, в зависимости от степени политической централизации, про-

фессиональной и религиозной специализации, социальной стратификации и дифференциации типов поселений. Простыми обществами, имеющими низкий балл по всем этим индикаторам, оказались общества в Кении, Мексике и на Филиппинах, сложными – в США, Индии и Японии.

Второй критерий предполагал разделение обществ по структуре семьи (в зависимости от того, какая – нуклеарная или большая – семья доминирует в них). Выяснилось, что нуклеарные семьи преобладают в США, Мексике и на Филиппинах, а большие – в Японии, Индии и Кении.

Проведение факторного анализа позволило установить, что оба параметра, описывающие особенности культур, значимо коррелируют с выделенными группировками социального взаимодействия. Так, дети, выросшие в нуклеарных семьях, демонстрируют дружелюбно-теплое поведение, а дети из больших семей – авторитарно-агрессивное. Иными словами, наблюдается высокая корреляция между структурой семьи и шкалой Б. В свою очередь, шкала А хорошо коррелирует с критерием сложности общества; дети, воспитанные в сложных культурах, демонстрируют более высокие показатели по доминантности, чем дети из простых культур, которым скорее свойственны заботливость и ответственность.

Одно из возможных объяснений полученных корреляций заключается в том, что поведение детей было связано с их подготовкой к будущим социальным ролям в обществе. Поэтому вполне естественной выглядит корреляция между структурой семьи и шкалой А. Ведь понятно, что глава большой семьи для того, чтобы сохранить власть и не потерять управление над многочисленными и разновозрастными ее членами, скорее будет прибегать к авторитарно-агрессивному стилю воспитания, нежели в нуклеарной семье, где намного меньше возможностей столкновения интересов разных поколений и, соответственно, проще перейти на неформальные дружески-доброжелательные отношения.

Менее аргументированной представляется интерпретация другой корреляционной зависимости: в простых культурах, где высоко ценится выполнение обязательств, основанных на родстве и соседской взаимовыручке, альтруистское «предложение помощи и поддержки» наблюдается чаще, чем в сложных культурах, где родственники и соседи нередко выступают как конкуренты и где гораздо чаще проявляются хвастовство и эгоистическая доминантность.

Исследования супругов Уайтинг раскрыли большие возможности обсервационных методов для этнопсихологии, однако интерпретация полученных ими результатов не получила однозначной оценки. С социологической точки зрения самое уязвимое место их исследования – классификация культур на простые и сложные. С психологической точки зрения не менее уязвимым является и выделение шкалы А: из всех упомянутых в ней типов поведения трудно создать систему и, главное, содержательно ее описать. Поэтому естественно, что и корреляционную связь между двумя достаточно неопределенными параметрами интерпретировать достаточно сложно.

В заключение следует отметить, что обсервационные методы ввиду сложности проведения исследований с их помощью, а также возможных искажений результатов, вызванных субъективизмом наблюдателей, в последнее время используются все реже. Гораздо чаще их используют в комплексе с другими методами психологических измерений.

ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ

Одним из наиболее широко распространенных в этнопсихологии диагностических методов является метод опроса. При этом он может использоваться и как основной метод исследования, и как дополнительный в комплексе с дру-

гими методами. В последние годы в литературе все чаще ставится вопрос о том, чтобы метод опроса рассматривался как обязательный компонент программы этнопсихологического исследования, поскольку он, как ни один другой метод, позволяет быстро и удобно выявить наиболее значимые контекстуальные характеристики проводимого исследования.

Метод опроса характеризуется тем, что испытуемый должен ответить на ряд задаваемых ему вопросов. При этом форма опроса может быть различной – устной или письменной, свободной или стандартизированной, индивидуальной или групповой, очной или заочной. Рассмотрим эти формы подробнее.

Устный опрос осуществляется с помощью беседы или интервью. Он применяется в тех случаях, когда для исследования важен не только ответ на заданный вопрос, но и реакции, которыми он сопровождался, тон, поза, интонация, жестикауляция и прочие невербальные компоненты коммуникации. Индивидуальный контакт во время устного опроса позволяет глубже проникнуть в психологическое состояние испытуемого, однако данная форма опроса занимает много времени и требует наличия специальных навыков у исследователей.

Наиболее распространенным видом *письменного* опроса является анкета. Поскольку анкетирование может проводиться не только индивидуально, но и в группах, эта форма дает возможность опросить большое количество респондентов, что крайне важно для этнопсихологических исследований; поэтому письменный опрос встречается чаще, чем устный.

И устный, и письменный опросы могут существовать в свободной или в стандартизированной форме. Отличие между ними – в степени свободы, предоставляемой экспериментатору при проведении опроса. Понятно, что при стандар-

тизованном опросе исследователь более ограничен в своих возможностях: он не имеет права произвольно изменять ни содержание вопросов, ни их последовательность. Однако именно благодаря однотипности вопросов результаты подобных исследований легче поддаются обработке и интерпретации.

Степень свободы испытуемых при ответах на вопросы также может варьировать. Она имеет следующие вариации: 1) открытый опрос – когда опрашиваемый отвечает в свободной форме; 2) закрытый опрос – когда все возможные варианты ответов составлены заранее и приведены в опроснике, задача испытуемого сводится только к выбору нужного (нужных) вариантов; 3) полузакрытый опрос – когда комбинируются черты обеих предыдущих вариаций.

В зависимости от способа общения исследователя с опрашиваемым различают также очные опросы – которые реализуются в форме непосредственного контакта, и заочные, где непосредственный контакт не предусмотрен.

Особенностью метода опроса является то, что источником информации для исследователя является словесное высказывание опрашиваемого. В связи с этим продолжает оставаться актуальной проблема достоверности и надежности полученных результатов – ведь реальное поведение и вербальные высказывания о нем у опрашиваемого часто могут не совпадать. В какой-то мере эта проблема снимается повышением уровня доверия испытуемого к экспериментатору и повышением степени его информированности о сути заданного вопроса: чем осведомленнее и искреннее будет опрашиваемый, тем выше достоверность получаемой информации. Этот момент необходимо учитывать при проведении опроса, однако даже максимальные доверие и информированность не дают гарантии достоверности ввиду неравнозначности вербальных ответов и реального поведения.

Наиболее популярным видом опроса является тест.

Тест характеризуется тем, что предполагает стандартизованную, жестко регламентированную процедуру сбора данных, их обработку и интерпретацию. Тесты широко используют в этнопсихологии, так как они позволяют изучать и сравнивать между собой людей, давать оценки их поведению, психологическим качествам, процессам и состояниям.

Существует *три основных типа тестов*. Это тесты-опросники, тесты-задания и проективные тесты.

Материалом **тестов-опросников** является набор заранее отобранных и проверенных с точки зрения их валидности и надежности утверждений. По ответам испытуемых исследователи судят о наличии (или отсутствии) и степени выраженности тех или иных психологических характеристик. Использование тестов-опросников в кросскультурных исследованиях осложняется трудностями, связанными с необходимостью перевода вопросов, адаптацией их к условиям данной культуры, неизбежностью рестандартизации, что в конечном итоге вызывает новую проблему – проблему идентичности исходного материала, необходимую для правомерности сравнительного анализа. Учитывая все эти нюансы, предпочтение в кросскультурных исследованиях отдается другим – невербальным – типам тестов.

Тест-задание предполагает возможность определения психологических качеств людей не на базе того, что они *говорят* (как в тестах-опросниках), а на основании того, что и как они *делают*. В тестах этого типа человеку предлагается серия специально подобранных заданий, направленных на выявление и содержательную характеристику тех психологических особенностей, которые подлежали определению. Примером кросскультурного использования таких тестов является уже упоминавшийся тест-лабиринт для исследования интеллектуальных способностей.

Общим недостатком как тестов-опросников, так и тестов-заданий является их «прозрачность» и вытекающая из этого возможность произвольно влиять на свои результаты: сознательно или бессознательно улучшать, ухудшать или искажать свои показатели-характеристики. Поэтому более предпочтительными является проективные тесты.

В основе **проективных тестов** лежит механизм проекции – способность человека воспринимать окружающих и различные ситуации сквозь призму тех проблем, которые волнуют его самого, и приписывать другим людям (проецировать) те положительные или отрицательные качества, которые сам испытуемый может в себе осознавать (а может и не осознавать). При использовании проективных тестов испытуемых вводят в неопределенную, многозначную, неструктурированную ситуацию и выясняют, какие качества и свойства они приписывают задействованному в ней героям, объектам, явлениям. Такими ситуациями могут быть, например, завершение неоконченных предложений, ассоциации, возникающие при восприятии набора черно-белых и цветных пятен, отыскание смысла в сюжетно-неопределенных картинках и т. п. По ответам испытуемых судят об особенностях их личности. Однако тесты данного типа, в отличие от рассмотренных выше, предъявляют более высокие требования и к уровню интеллектуального развития испытуемых, и к профессионализму и опыту самого исследователя, например, работа с тестами Розенцвейга и Роршаха.

Кросскультурные исследования с помощью проективных тестов начались с изучения особенностей восприятия серии чернильных пятен теста Роршаха в разных культурах.

Несмотря на определенные методические трудности, использование проективных тестов для кросскультурных исследований личности во второй половине XX века было очень популярным. Однако по мере накопления опыта ис-

следователи начали отмечать, что использование проективных тестов в кросскультурных исследованиях имеет ряд недостатков, а именно:

- субъективизм при интерпретации данных, выделение личностных особенностей не столько по результатам тестов, сколько на основе собственных представлений и знаний о данной культуре;
- методы обработки и интерпретации, разработанные при изучении образованных американцев и европейцев, часто некритично использовались при исследовании других, совершенно непохожих на них, культур, что также искажало результаты;
- полученные в результате исследований усредненные профили личности часто трактовались как репрезентирующие «модальную» личность; в то же время обнаруженные в исследованиях существенные индивидуальные различия заведомо игнорировались.

И хотя использование проективных методов в кросскультурных исследованиях по-прежнему продолжается, однако масштабность их применения уменьшилась.

Традиционно принято считать, что начало экспериментальным кросскультурным исследованиям было положено работой Риверса по исследованию восприятия. В 1901–1905 гг. во время антропологических экспедиций в район Торрессова пролива (между Новой Гвинеей и Австралией) Риверс экспериментально доказал, что жители острова Уэррей, а также аборигены племени года в меньшей степени подвержены иллюзиям Мюллер-Лайера, чем европейцы. Он демонстрировал своим испытуемым рисунок и задавал вопрос: одинакова ли длина горизонтальных отрезков? Оказалось, что жители данного региона гораздо чаще дают правильный ответ, чем европейцы и американцы, у которых возникает иллюзия большей длины нижнего отрезка. Это исследование, привлечшее внимание психологов всего мира, повлекло за собой множество аналогичных работ.

Однако действительно ли работа Риверса была первым кросскультурным исследованием? Подобные исследования в конце XIX века проводились и в России под руководством профессора П. И. Ковалевского в Харьковском университете. Его ученик А. Н. Игнатов в это время провел экспериментальные исследования психофизиологических реакций с учетом социально-демографических особенностей, одной из них была национальность испытуемых. Игнатов подобрал две группы молодых образованных людей – русских и евреев – и провел сравнительное межэтническое исследование. Он тщательно проанализировал и описал полученные результаты: скорость простых и сложных психофизических реакций в этих группах, особенности выполнения проб на продуктивную ассоциацию, на специфику внутренней ассоциации представлений и т. п. Результаты этой работы были опубликованы в 1890 году, и можно предполагать, что это было первое экспериментальное этнопсихологическое исследование в России.

Социально-психологические феномены гораздо реже становились объектом кросскультурных экспериментальных исследований, однако в последние десятилетия и они оказались востребованными. В отечественной психологии ярким примером такого исследования стала совместная работа В. С. Агеева и вьетнамской исследовательницы Ву Тхи Фьонг. Это исследование было посвящено атрибуции ответственности, то есть изучению закономерностей субъективной интерпретации причин различных событий и ответственности за них в русской и вьетнамской культурах. В исследовании участвовали русские и вьетнамские студенты различных факультетов МГУ, всего 92 человека (по 46 представителей каждой национальности). Половину в каждой группе составляли девушки, половину – юноши. Использовался традиционный экспериментальный метод. Испытуемым зачитывали текст, описывающий ситуацию, чреватую

различными последствиями, и один из вариантов исхода, который мог быть одновременно как положительным, так и отрицательным. Например, предлагался текст следующего содержания: «Лаборантка проводит со студентами практическое занятие по химии. Во время занятий в лабораторию входит ее подруга и предлагает ей, оставив студентов одних, пойти посмотреть новый интересный фильм. Лаборантка соглашается, и студенты продолжают работать одни. Они случайно перепутали препараты, в результате чего получилось новое химическое соединение; совершенно крупное открытие в науке; однако произошел взрыв, и один из студентов был ранен.

Результаты данного эксперимента показали, что атрибуция ответственности в русской и вьетнамской культурах имеет свою специфику. Она сводится к следующему.

Говоря о позитивном исходе данной ситуации, вьетнамцы оценили ответственность, точнее, меру причастности к успеху всех участников ситуации – лаборантки, подруги, студентов – более высоко, нежели русские. Наибольшие различия наблюдались в оценках причастности к успеху подруги лаборантки; вьетнамцы определили ее значительно большую причастность, чем русские.

Общее распределение ответственности между персонажами в случае позитивных последствий носит сходный характер. Наибольшая причастность к позитивному исходу приписывается студентам, наименьшая – подруге лаборантки. Однако величина этих различий была выше у русской группы испытуемых.

Оценивая отрицательные последствия ситуации, вьетнамцы приписали почти равную ответственность и лаборантке, и студентам (студентам даже чуть большую), в то время как русские испытуемые посчитали более ответственной за этот исход лаборантку, а не студентов (однако различия не достигают статуса статистически значимых).

Если рассматривать данные по всем положительному и отрицательному исходам раздельно, то выясняется, что у вьетнамцев по мере увеличения тяжести последствий растет доля ответственности лаборантки, несколько меньше она в отношении ее подруги и снижается мера ответственности, приписываемая студентам. У русских испытуемых эта тенденция не выражена.

Наряду с методикой свободного описания и тем более «подбора черт» в этнопсихологии используется и метод этнических ассоциаций как способ изучения этнических предпочтений. Практикуется несколько вариантов оценки этнических ассоциаций. Условно можно выделить три основных варианта:

а) направленно-ассоциативный, когда количество реакций ограничено (сам ассоциативный поток также ограничен рамками определенного грамматического класса). При этом слова-стимулы и слова-реакции могут быть выражены либо одной, либо разными частями речи, что четко оговорено в инструкции (например, на стимул, выраженный существительным, должна следовать реакция, выраженная также только существительным);

б) свободно-ассоциативный (наиболее часто встречающийся), когда количество реакций по-прежнему ограничено, но в выборе самих реакций испытуемый свободен;

в) свободный с множеством различных ассоциаций – в данном случае испытуемый не ограничен ни в количестве реакций, ни в их выборе; более того, экспериментатор может поощрять максимальное разнообразие актуализируемых ассоциаций.

В этнопсихологических исследованиях можно выделить два основных направления использования метода этнических ассоциаций: *кросскультурный* сравнительный анализ ассоциативных полей и *анализ этнических реакций-ассоциаций на стимулы*.

Характерным примером первого направления исследований является изучение этнической специфики ассоциаций, где в качестве стимулов используются наименования основных цветов и их оттенков. Так, анализ стимулов: «красный», «белый», «желтый», «синий» у представителей 12 этнических групп: русских, украинцев, белорусов, словаков, поляков, англичан, американцев, немцев, французов, казахов, киргизов и узбеков – показал, что основные ассоциативные связи между стимулами и реакциями этноспецифичны.

1. Резко отличается у различных групп частота подведения стимульного наименования цвета под общее понятие (типа белый – это цвет): у немцев, американцев, поляков, словаков, русских, украинцев и белорусов эта частота значительно выше, чем у тюркоязычных испытуемых, особенно казахов и киргизов.

2. Резко отличается также увязывание слова-стимула с объектами окружающего мира, типичными носителями данного цвета. Так, стимул «желтый» у русских ассоциируется с одуванчиком, у украинцев – с подсолнухом, у французов – с золотом и яичным желтком, у американцев, казахов и киргизов – с маслом, а у узбеков – с просом.

3. Выраженно отличны у разных этносов также реакции, обусловленные устойчивым, типичным для данного языка словосочетанием (например, на исходный стимул «красный» русские дают такие этноспецифические реакции, как «Октябрь», «партизан», американцы – «цвет кожи», поляки – «шапочка»; «белый» у американцев «дом»; «зеленый» у узбеков чай и т. п.).

4. Этноспецифичны такие реакции, в которых реализовано символическое переосмысление исходного слова. Так, желтый цвет у русских, немцев, белорусов, украинцев, поляков и французов символизирует измену или разлуку; у немцев он связан с ненавистью, завистью, фальшью; у по-

ляков – со злостью; у американцев – с трусостью; у русских, поляков, американцев и немцев этот цвет связан также с предупреждением об опасности.

Таким образом, данный эксперимент наглядно демонстрирует специфику ассоциативных полей у представителей различных этнических групп по всем основным видам связей.

Другая возможность использования метода этнических ассоциаций в этнопсихологии связана с изучением этнического сознания, этнических стереотипов. Схема проведения такого исследования крайне проста: испытуемому предъявляются слова-стимулы, в числе которых находятся названия изучаемых этнических групп, заданные в множественном числе («русские», «украинцы», «цыгане» и т. п. в зависимости от региона и целей исследования).

Исследования ассоциаций проводятся обычно на большой выборке, и на основе полученных данных выстраивается таблица частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. В ней представлена совокупность реакций всех испытуемых на определенный стимул-этноним, – то, что принято называть структурой ассоциативного поля данного стимула. В первой колонке таблицы приводятся все реакции на слово-стимул, вынесенное в головку колонки. Реакции принято располагать по мере убывания частоты их встречаемости. Реакции, встретившиеся одинаковое количество раз, вносятся в колонку в алфавитном порядке. Отказы, если они есть, рассматриваются как один из возможных вариантов реакций и наряду с другими вариантами вносятся в первую колонку таблицы. Во второй колонке указывается частота, с которой каждая реакция встретила в исследуемой выборке. Если выборка испытуемых не однородна по этническому составу, то в следующих колонках необходимо указать частоту встречаемости каждой из представленных в первой колонке реакций у представителей той

или иной этнической группы. Под первой колонкой необходимо проставить общее количество различных реакций, под второй – сумму частот реакций, которая должна быть равна общему количеству испытуемых, если по инструкции количество реакций испытуемого на данный стимул ограничено одной.

Показатель стереотипности ответов испытуемых на определенный стимул-этноним изменяется от нуля до единицы, увеличиваясь с возрастанием стереотипности ответов. Иными словами, чем более стереотипен образ той или иной этнической группы в общественном сознании, тем менее разнообразными будут ассоциации испытуемых при актуализации образа данной этнической группы.

Многие этнопсихологи рассматривают в качестве эффективного способа экспериментального измерения этнических отличий метод семантического дифференциала (СД) как разновидность ассоциативной методики. Логика рассуждений при этом следующая: оценивая какое-либо слово-стимул методом СД, испытуемый сопоставляет его с полюсами заданных экспериментатором шкал, что соответствует самоизмерению силы ассоциаций анализируемого слова с антонимической парой, которая и является полюсами шкалы... Высокие по модулю оценки слова на той или иной шкале означают высокую интенсивность ассоциирования между стимулом и данной шкалой. Иными словами, если слово-стимул «ураган» оценивается по шкале «сильный – слабый», то тем самым выявляется мера ассоциации заданного слова-стимула с полюсами данной шкалы. При этом если стимул ассоциируется с одним из полюсов (предположим, что оценка слова «ураган» сдвинута к полюсу «сильный»), то это соотносится с большей частотой встречаемости слова-реакции «сильный» по сравнению со словами-реакцией «слабый» на стимул «ураган» в ассоциативном эксперименте.

Вместе с тем исследователи, придерживающиеся подобной точки зрения, отмечают, что «несколько сложнее обстоит дело с теми шкалами, которые не ассоциируются или слабо ассоциируются со стимулом». Очевидно, это не случайно. Как уже отмечалось в отечественной литературе, слова-стимулы в классическом методе СД оцениваются не по «прямым» шкалам-признакам, а по шкалам, построенным на метафорическом принципе, а это значит, что они вряд ли будут соотносимы с частотой ассоциативных реакций. Так, оценивая слово-стимул «ураган», экспериментатор, по замыслу авторов метода СД, должен предложить испытуемому шкалы с такими полюсами: свежий – черствый, мелкий – глубокий и т. п., которые никак прямо не связаны с заданным стимулом: ведь именно этот прием и дает возможность выявить личностный смысл, когнитивный аспект значения. Поэтому маловероятно, чтобы в ассоциативном эксперименте у испытуемых на стимул «ураган» встретились реакции типа «черствый» или «мелкий», что требует осторожного отношения к методу СД как разновидности ассоциативной методики.

В литературе также отмечалось, что метод СД обладает рядом преимуществ по сравнению с другими методами психосемантики, особенно при исследовании этнических стереотипов. В качестве таких преимуществ называют:

- возможность получить не только содержательные качественные характеристики, но и количественные параметры стереотипов;
- возможность сравнительных исследований, обеспечиваемая идентичностью факторных структур у представителей различных языковых структур;
- возможность работы с любым контингентом испытуемых, поскольку для многих из них метод СД проще и доступнее, чем другие методы психосемантики.

Метод СД, как и другие методы, используется в этнопсихологии и для кросскультурных исследований, и для изучения этнического сознания. Яркий пример последнего — исследование Е. Л. Коневой, выполненное под руководством В. С. Агеева, цель которого заключалась в выяснении содержания этнических представлений у советской молодежи. Существует стандартная схема построения подобных исследований: экспериментатор предлагает испытуемому подобранный и хорошо зарекомендовавший себя в пилотажном исследовании набор шкал (в упрощенном варианте это может быть личностный семантический дифференциал), а также список слов-стимулов, типичных для представителей тех этнических групп, стереотипные образы которых подлежат изучению («русский», «американец» и т. д.). В. С. Агеев и Е. Л. Конева внесли интересные изменения в стандартную схему, которые действительно полезно учесть: во-первых, традиционный вариант предъявления полюсов шкал в форме имен прилагательных был заменен ими парами онтонических наречий, с тем чтобы ослабить момент прямого «наделения» национальностей качествами и тем самым снизить влияние эффекта социальной желательности; во-вторых, во избежание установки на мужской образ типичных представителей этносов авторы предложили задавать оцениваемые объекты не в мужском роде, а с использованием множественного числа (не «русский», а «русские»).

Целесообразным можно считать дополнение стандартного набора слов-стимулов понятиями «я» и «идеал», что при соответствующей обработке результатов позволяет получить более обширную и разнообразную информацию об особенностях этнического сознания.

Обработка полученных результатов с использованием факторного анализа дала весьма интересные материалы для интерпретации.

Так, сопоставляя образ «я» с образами изучаемых этносов и учитывая в расчетах соответствующие значения показателей факторов, можно получить представление об этнической идентификации испытуемого, выяснить, с какой этнической группой испытуемый отождествляет себя в наибольшей степени, а с какой – в наименьшей. Чем меньшим в данном случае будет значение показателя, тем выше степень идентификации испытуемого с данным этносом, чем большим будет данный показатель, тем более чужд и далек для испытуемого данный этнос.

Сопоставляя образ «идеал» у данного испытуемого с образами разных этносов и учитывая в расчетах соответствующие этому значения, можно получить представление о системе этнических предпочтений респондента. Чем меньшим будет значение показателя в расчетах, тем более положительным является данный стереотип. И наоборот: чем большим будет показатель, тем более далек образ данного этноса от образа «Идеал» испытуемого, а значит, тем более важно учитывать его отношение к представителям данного этноса.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРАКСИМЕТРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

История этноса, результаты его жизнедеятельности являются теми реалиями, которые должны обязательно учитываться в этнопсихологическом исследовании.

Биографические методы позволяют раскрыть особенности воздействия на психологию народа, его истории, тех событий, которые некогда произошли, но остались в памяти людей, отложив неизгладимый отпечаток на их мировоззрение и мировосприятие. Основной принцип биографического метода таков: «Расскажи нам историю своего народа, и мы скажем, кто ты такой».

Биографические методы позволяют изучать особенности психологической деятельности этноса посредством анализа различных параметров природной среды обитания: своеобразия климатической зоны, ландшафта, флоры, фауны и т. д., а также разнообразных социально-экономических характеристик жизни этноса (соотношения различных социальных групп или классов в структуре общества, особенности разделения труда, специфики семейных ролевых структур и т. п.).

Праксиментрические методы измерения этнических различий основаны на предположении, о том, что этнопсихологические особенности не могут не отражаться, не проявляться в характерных чертах материальной и духовной культуры. Следовательно, изучение образцов и явлений материальной культуры – то, что дает основание говорить и о наиболее существенных психологических характеристиках этноса.

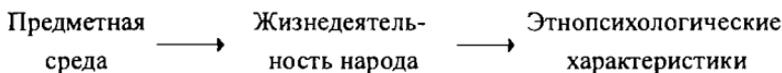
Таким образом, в результатах жизнедеятельности народа проявляются целый комплекс параметров – исторических, экологических, культурных, социально-экономических в любых возможных сочетаниях. Однако и в том и в другом случае анализ, как правило, выполняется в соответствии со следующей схемой:

Обращает на себя внимание то, что при работе в рамках подобной схемы из одних и тех же причин (результатов деятельности) разными исследователями выводятся различные (психологические особенности), и наоборот, – полученные результаты объясняются причинами, которые не имеют между собой ничего общего.

Недостатки этой схемы обусловлены не только тем, что многие исследователи часто увлекаются лишь одной группой параметров, проявляя субъективизм и игнорируя зна-

чение всех остальных параметров. В отечественной психологии еще в 1920–1930-х годах была выдвинута идея деятельностного опосредования, представленная в трудах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и других ученых. Преломление данной идеи в этнопсихологическом контексте означает, что национальное своеобразие психики есть отражение национальных особенностей жизнедеятельности этноса. Иными словами, рассматриваемая схема может иметь следующий вид:

На практике это означает, что выявление психологических характеристик любого этноса невозможно без тщательного анализа предметной специфики жизнедеятельности этноса, отражением которых она является.

Согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, генетически исходным вариантом жизнедеятельности субъекта, наиболее простым по структуре, будет непосредственный вариант взаимодействия организма со средой, при котором субъект и объект взаимодействия выступают в неразрывном единстве, а обмен веществ осуществляется в форме внутренней деятельности клеточных структур. На этом уровне и сегодня находятся многие одноклеточные организмы, а также большинство представителей мира растений.

Последующее развитие и, соответственно, усложнение жизнедеятельности связано с изменением ее структуры с возникновением опосредованных форм.

В качестве первого опосредующего звена выступили различные варианты внешней двигательной активности, прежде всего – разнообразные формы передвижения.

Наличие предметного орудийного опосредования долгие годы считалось признаком, отличающим человека от животных; это краеугольный камень классической теории ан-

тропогенеза. Однако исследования последних десятилетий (например, наблюдения Д. Лавик-Гудолл, описавшей, как обезьяны очищают ветки от листьев, чтобы использовать их для выуживания термитов), показали, что многие животные также способны не только использовать, но и изготавливать простейшие орудия. Аналогично было продемонстрировано и разделение функций в совместной деятельности многих общественных животных (бобров, пчел, муравьев и др.). Несогласуемость классических представлений и новой информации вновь актуализировала проблему отличительных особенностей человеческой деятельности.

Перспективным вариантом выхода из создавшейся ситуации является переосмысление понятия «орудия труда». Это понятие (особенно употребляемое в контексте антропогенеза) традиционно связывают с каменными рубилами и прочими подобными древнейшими инструментами, которые использовались для более совершенного выполнения функций естественных органов человека (прежде всего рук) путем их «усиления», «удлинения» и т. п. Поэтому их иногда называют естественными орудиями. Многие исследователи (например Б. Ф. Поршнев) считали подобные приспособления чисто природными образованиями и, следовательно, отрицали их качестве признака, отличающего деятельность человека. Но очевидно, что этим содержанием объем понятия «орудия труда» не исчерпывается.

Все большую популярность приобретает гипотеза, согласно которой у древнего человека было два различных способа опосредования деятельности: предметный – путем естественных орудий труда – и общественный, где в качестве опосредующего элемента выступает представитель того же вида. Каждый из способов опосредования достаточно широко представлен в животном мире, но их сочетание – крайне редкое, если не уникальное, явление. Оно выступило необходимой основой для возникновения третьего, действи-

тельно специфичного для человека, средства опосредования деятельности – опосредования с помощью орудий труда, функция которых состоит в замещении другого человека в трудовой деятельности. В этом способе творчески синтезировались два предшествующих способа опосредования.

Таким образом, не орудие совершенствует, увеличивает возможности самого человека, и не другой член племени, а орудие, замещающее этого другого, – вот новый, специфически человеческий способ опосредования деятельности.

Конкретные формы деятельности, реализующие одну и ту же потребность у разных народов, могут отличаться тремя параметрами: уровнем развития, конкретным содержанием опосредующих звеньев и своеобразием процессуальной стороны деятельности. Анализ всех этих параметров должен проводиться последовательно. Так, сравнивая любую деятельность двух этнических групп, необходимо выяснить уровень ее развития, то есть определить, опосредующие звенья какого типа применяются для ее осуществления. Для реализации деятельности первого уровня не требуются ни материальные средства (инструменты), ни помощь других лиц. Она выполняется самостоятельно, и ее результат зависит только от наличия необходимых навыков и умений. Так, когда мы видим пловца, переплывающего реку, мы сталкиваемся с деятельностью первого уровня.

Для реализации деятельности на втором уровне необходимо применить те или иные средства. Как уже отмечалось, здесь возможны разные варианты: могут использоваться естественные орудия (скажем, лодка с веслами), общественное положение (переплытие реки на спине у плывущего человека), или их сочетание (например, использование труда рабов на галерах).

Деятельность третьего уровня обязательно включает в себя применение орудий, облегчающих или заменяющих физический труд человека (например, моторные лодки). Та-

ким образом, первый необходимый шаг сравнительного анализа деятельности – определение уровня ее развития. Если в результате выяснится, что сравниваемые этнические группы используют деятельность одного уровня, то следующим шагом будет анализ специфики опосредуемых звеньев, их конкретного содержания. Так, если вернуться к тому же примеру и предположить, что сравниваются деятельности второго уровня, в которых используются естественные орудия труда, то ясно, что их этническое своеобразие будет определяться тем, используются в них индейские пироги или итальянские гондолы. Именно внимание к таким элементам и подчеркивают специфику использования праксиметрических методов в этнопсихологических исследованиях.

При этом, конечно, необходимо учитывать социальную структуру этноса как обязательное условие, способствующее возникновению и сохранению материальных носителей культуры – основы формирования этнопсихологических различий.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ И ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев В. С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М., 1990.
2. Актуальные проблемы этнической психологии / Под ред. А.Ф. Шидуна, Ю. П. Платонова / Тверь, 1992.
3. *Арутюнян Ю. В., Дробижнева Л. М., Сусоколова А. А.* Этносоциология. М., 1998.
4. *Бороноев А. О., Павленко В. Н.* Этническая психология. СПб., 1994.
5. *Бороноев А. О., Смирнов П. И.* Россия и русские. Характер народы и судьбы страны. СПб., 1992.
6. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. М., 1983.
7. *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981.
8. Введение в этническую психологию / Под ред. Ю. П. Платонова, СПб., 1995.
9. *Вундт В.* Проблемы психологии народов. М., 2000.
10. *Гегель Г.* Энциклопедия философских наук. т. 1–3. М., 1974.
11. *Геродот.* Истории. М., 1972.
12. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.
13. *Гумилев Л. Н.* Конец и вновь начало. М., 2000.
14. *Дугин А.* Основы геополитики. М., 1997.
15. *Емельянов Ю. Н.* Основы культурной антропологии. СПб., 1994.
16. *Иванов К. П.* Проблемы этнической географии. СПб., 1998.
17. *Казьмин О. Е., Пучков П. И.* Основы этнодемографии. М., 1994.

18. *Капица С. П.* Общая теория роста человечества. М., 1999.
19. *Кеннеди П.* Вступая в двадцать первый век. М., 1997.
20. *Ковалев Е. М.* Гуманитарная география России. М., 1995.
21. *Копылов В. Л.* География населения. М., 1998.
22. *Коул М., Скрибнер С.* Мышление и культура. М., 1994.
23. *Красинец Е. С.* Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку. М., 1997.
24. *Лебедева Н. М.* Новая русская диаспора. Социально-психологический анализ. М., 1997.
25. *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб, 1995.
26. *Левин Э. И.* Менталитет диаспор. М., 2001.
27. *Льюис Р. Д.* Деловые культуры в международном бизнесе, от столкновения к взаимопониманию. М., 1999.
28. *Мастюгина Т. Н., Перепелкин Л. С.* Этнология. Народы России: история и современное положение. М., 1992.
29. Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998.
30. Основы демографии / Под ред. В. А. Ионцева, Б. А. Сулакова, М., 1997.
31. Очерки социальной антропологии. СПб, 1995.
32. *Платонов Ю. П.* Народы мира в зеркале геополитики. СПб., 2000.
33. *Платонов Ю. П.* Этническая психология. СПб., 2001.
34. *Платонов Ю. П., Почебут Л. Г.* Этническая социальная психология. СПб., 1993.
35. *Понарин А. С.* Реванш истории: российская стра тегическая инициатива в XXI веке. М., 1998.
36. Психология национальной нетерпимости / Сост. Ю.В. Чернявская, Минск, 1998.
37. *Савицкий П.* Континент Евразия. М., 1997.
38. *Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г.* Этнология. М., 2000.
39. *Саракуев Э. А., Крысько В. С.* Введение в этнопсихологию. М., 1996.
40. *Семенникова Л. И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995.
41. *Сикевич З. В.* Русские. «Образ» народа. СПб., 1996.
42. *Скворцов Н. Г.* Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1996.
43. *Солдатова Г. У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
44. *Сорокин К. Э.* Геополитика современности и геостратегия России. М., 1996.
45. Социальная идентификация личности. М., 1994.
46. Социальная психология / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова.

47. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999.
48. Тихонравов Ю. В. Геополитика. М., 1998.
49. Урланис Б. Ц. Народонаселение. М., 1976.
50. Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.
51. Шихирев П. И. Введение в российскую деловую культуру. М., 2000.
52. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 1997.
53. Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы. Расы. Культуры. М., 1985.
54. Этнические аспекты власти / Под ред. В. В. Бочарова, СПб., 1995.
55. Этнические меньшинства в современной Европе / Под ред. А. Н. Брусиловской, М., 1997.
56. Этнология / Под ред. Г. Е. Маркова, В. П. Пименова. М., 1994.
57. Юм Д. Сочинения. В 2 т. М., 1966.

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ГЛОССАРИЙ

Автономизация – становление самобытности, уникальности этноса.

Автостереотипы – устойчивые представления этноса о своих качествах.

Адаптация этническая – приспособление организма, индивида, группы к условиям этнической среды.

Аккультурация – процесс приобретения одним этносом тех или иных форм культуры другого народа, происходящий в результате общения этих народов.

Акметическая фаза – вторая фаза этногенеза, в которой пассионарная напряженность достигает максимума, период гражданских войн и смут (термин Л. Н. Гумилев).

Анаконды стратегия – геополитическая линия атлантизма, нацеленная на отторжение от Евразии максимально большого объема береговых территорий для сдерживания ее геополитической экспансии.

Анимизм – вера в духовные существа, души и духов, одна из первичных форм религии.

Антропогенез – учение о происхождении человека.

Апартеид – принцип раздельного проживания представителей различных этнорасовых групп.

Архетип – неосознаваемая базовая схема представлений, тенденция к образованию общих для людей представлений независимо от их этнической принадлежности, языка, культурных традиций, уровня психического развития и т. д.

Ассимиляция – тип этнических процессов, представляющих собой взаимодействие двух этносов, в результате которого один из них поглощается другим и утрачивает этническую идентичность. Может происходить как естественным, так и насильственным путем.

Атлантизм – (родственные термины Вода, Море, талассократия, Sea Power) – сложное геополитическое понятие. Соединяет в себе: исторически – западный сектор человеческой цивилизации; стратегически – союз западных стран, в которых главенствует либерал-демократическая идеология; военно-стратегически – страны-участницы НАТО; социально – ориентацию на «торговый строй» и «рыночные ценности» (модель – США). Противоположность евразийству.

Аэрократия – греч., «власть посредством воздуха». Силовой компонент стратегии, основанной на освоении воздушного пространства и его использовании в целях геополитической экспансии. Развитие авиации, в отличие от развития мореплавания, своего собственного номоса не породило, став лишь реализацией талассократического принципа.

Беженец – лицо, вынужденное под угрозой жизни мигрировать в другое государство и получающее там, в соответствии с международными договорами (Конвенция 1951 г., Протокол 1967 г. и др.) и национальным законодательством, статус «беженца».

Билингвизм – функционирование двух языков для обсуждения нужд этнического коллектива и его отдельных членов; отличается от простого знания еще одного языка наравне с родным и предполагает возможность пользоваться разными языками в различных жизненных ситуациях.

Биполярный мир (биполяризм, или двухполярность) – естественная геополитическая конструкция, отражающая в планетарном масштабе основной геополитический дуализм – талассократия против теллурократии.

Блок – объединение нескольких государств, значительно изменяющее их стратегическое и геополитическое качество, выводящее их на более высокий уровень планетарной деятельности. По закону «пространственной прогрессии» образование блоков – неизбежный процесс.

Большое Пространство (Grossraum). Объединение нескольких держав в единое стратегическое образование. Возникновение Больших Пространств обусловлено теорией «пространственной прогрессии».

Брак – форма отношений между мужчиной и женщиной, санкционируемая и регулируемая государством, церковью, обществом в целом.

Брахикефалы – люди, у которых отношение ширины черепа к его длине («головной указатель») больше 80%.

Брачность – процесс образования брачных пар в населении.

Брачный возраст – возраст, начиная с которого закон или обычай допускает вступление в брак.

«Брачный рынок» – система соотношений численностей различных групп бракоспособного населения.

Брутто-коэффициент воспроизводства населения – сводная характеристика воспроизводства населения. Представляет собой среднее число девочек, которое родила бы одна женщина в возрасте от 15 до 49 лет при отсутствии смертности детей и при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости этих лет.

«Бэби-бум» – значительное увеличение рождаемости, наблюдаемое, в частности, после второй мировой войны (1946–1964 гг., в США, Канаде и ряде других государств), обусловленное компенсационным ростом отложенных на военное время рождений.

«Бэби-спад» – период, следующий за «бэби-бумом» и характеризующийся быстрым снижением рождаемости до рекордно низкого уровня (что, в частности, имело место в 60-е гг. в США, Канаде и некоторых других странах).

Валовая миграция – общая численность мигрантов, включающая как прибывающих, так и выбывающих за определенный промежуток времени.

Внебрачная рождаемость – рождаемость, обусловленная рождением детей женщинами, не состоящими на этот момент в юридическом браке.

Внешний полумесяц (или островной полумесяц) – термин обозначающий совокупность территорий, входящих в зону талассократического влияния, или части континентов и острова, тяготеющие к «морскому существованию», а также зону, целиком стратегически подконтрольная атлантизму.

Внутреннее море (лат. *mare internum*) – специальный термин, обозначающий водное пространство, заключенное внутри сухопутного теллурократического объема, а поэтому не являющееся стратегической или культурной границей.

Внутренний океан (или Срединный океан) – то же, что и «внутреннее море», только в планетарном масштабе.

Внутренний полумесяц (или континентальный полумесяц, или *gimland*) – термин обозначающий береговые территории Евразии, расположенные между «внешним полумесяцем» и «осевым ареалам».

Внутренняя ось – качество геополитической связи центра с периферией внутри единого стратегического (или политического) пространства. См. также геополитический луч и геополитический отрезок.

Вода (или **Море**) – специальный термин, обозначающий талассократию.

Возрастная пирамида – графическое изображение распределения населения по возрасту и полу в виде горизонтальных полос одинакового масштаба.

Возрастная структура населения – распределение населения по возрастным группам (например, 0–14 лет, 15–59 лет, 60 лет и старше).

Воспроизводство населения – постоянное обновление народонаселения в результате процессов рождаемости и смертности, а для отдельных регионов и миграции. В более узком понимании В. н. – возобновление поколений людей (сменяемость поколений) в результате рождений и смерти. Выделяют суженное, простое и расширенное воспроизводство.

Второй мир – название социалистического лагеря в период «холодной войны». После конца «холодной войны» означает Евразию.

Вынужденная миграция – переселение людей как за пределы той или иной страны, так и внутри нее, обусловленное причинами (политическими, национальными, расовыми, военными, экологическими), ставящими под угрозу человеческую жизнь и требующими быстрого решения о миграции. В рамках В.м. выделяют беженцев, перемещенных лиц (вынужденных переселенцев, депортированных), экологических беженцев, лиц, ищущих убежища.

Вынужденный переселенец – лицо, вынужденное под угрозой жизни покинуть постоянное место жительства в пределах государства. Термин, введенный российским законодательством, соответствует международному понятию «перемещенное лицо».

Геноцид – истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам.

Географическая ось истории (или осевой ареал, или heartland) – термин обозначающий внутриконтинентальные евразийские территории, вокруг которых происходит пространственная динамика исторического развития. Совпадает с территорией России.

Геополитика – наука о географической детерминации этнополитических процессов в государстве и межгосударственных отношениях.

Геополитический дуализм – основной принцип геополитики, утверждающий в качестве двигателя исторического процесса противостояние талассократии и теллуократии.

Геополитический луч – вектор силового (экономического, стратегического, культурного, хозяйственного, административного и т. д.) воздействия геополитического полюса на периферийные регионы. Из геополитических отрезков складывается реальная политическая картина мира в статическом состоянии. В геополитике принято говорить о лучах как об открытом динамическом процессе постоянно длящегося импульса.

Геополитический отрезок – совокупность отношений стратегической столицы (или геополитического полюса) с периферийными регионами, рассмотренная в конкретный исторический момент без учета общей динамики политических процессов.

Геостратегия – военные аспекты геополитического анализа.

Геоэкономика – ответвление атлантистской геополитики. Рассматривает пространство в утилитарно-экономическом смысле. Одна из приоритетных дисциплин «талассократического» анализа.

Геронтология – отрасль научного знания о продолжительности жизни и старении живых организмов применительно к развитию наций и национальных взаимоотношений.

Гетерогенность – неоднородность этноса по составу населения.

Гетто – первоначально часть города, отведенная для поселения евреев; обозначение района города, в котором селятся определенные этнические меньшинства, нередко дискриминируемые или испытывающие социальный дискомфорт в иноэтническом окружении.

Гипотетическое, или условное, поколение – условная совокупность людей, на протяжении жизни которой интенсивность демографического процесса в каждом возрасте соответствует существующей в данный календарный период. Представляет собой абстрактное построение с целью лучшей оценки реальной демографической ситуации.

Гомеостатический этнос – этнос, находящийся в состоянии равновесия с природой, относящийся к ней бережно.

Гомогенность – однородность этноса по составу населения.

Город – место жизнедеятельности больших масс населения, занятых несельскохозяйственной деятельностью, отнесенное в соответствии с законодательством государства к категории городов. Для разных стран критерии отнесения поселений к городским значительно различаются, в России таковыми считаются населенные пункты с числом жителей не менее 12 тыс. чел., в которых доля рабочих, служащих и членов их семей в населении составляет не менее 85%.

Городская агломерация – сложная, многокомпонентная система, объединяющая группу поселений вокруг крупного города.

Государство-нация – светское государство с ярко выраженным централизмом. Политическое образование, в котором государственные формы приводят к рождению этноса и его культуры. Отличается от этнического образования (община, народ) и от Империи.

Гражданский брак – брак, оформленный в органах государственной власти, без участия церкви. Иногда под Г. б. подразумевают фактический брак.

Граница – в геополитике существует два вида границ: граница-линия и граница-полоса. Граница-линия представляет собой морскую гра-

ницу, граница-полоса – сухопутную. Задача геополитического блока, претендующего на действия в планетарном масштабе, сделать границу-линию максимальной для себя и минимальной для соперника, а границу-полосу – наоборот.

Движение народонаселения – изменение количественных и качественных характеристик народонаселения. Выделяют три вида Д. н.: естественное, миграционное и социальное.

Демографикс – практическое применение демографической информации в бизнесе, маркетинге.

Демографическая политика – целенаправленная деятельность государственных органов и иных социальных институтов в сфере регулирования процессов воспроизводства населения.

Демографическая сетка – сетка Лексиса, графическое построение для изображения совокупностей людей и событий в их жизни.

Демографическая статистика – совокупность данных о демографических процессах и динамике населения, а также вероятностно-статистические методы, используемые для анализа этих данных.

Демографические индексы – показатели, характеризующие интенсивность демографического процесса в данном населении по сравнению с другим населением, принимаемым за эталон (стандарт).

Демографические таблицы – числовые модели, отображающие изменение интенсивности соответствующего демографического события в зависимости от собственного времени когорты и изменения численности самой когорты под воздействием разных процессов (таблицы смертности, рождаемости, брачности и др.).

Демографический взрыв – быстрый рост численности мирового населения, обусловленный сохранением относительно высокой рождаемости и резким снижением смертности (например, высокие темпы роста численности населения (2,5–3,5% в год), наблюдаемые с конца 50-х гг. в развивающихся странах).

Демографический кризис – резкое ухудшение развития народонаселения, обусловленное, в частности, процессом депопуляции.

Демографический переход – переход от традиционного типа воспроизводства населения, для которого характерны максимально высокие рождаемость и смертность и низкая миграционная подвижность, к современному типу воспроизводства населения с максимально низкими рождаемостью и смертностью и высокой миграционной подвижностью. Можно выделить три его составляющие: «наталистический переход», определяющий переход от естественной рождаемости (т. е. нерегулируемой супругами) к контролируемой рождаемости (т. е. регулируемой прежде всего на внутрисемейном уровне); «эпидемиологический переход», характеризующий снижение смертности, переход от экзоген-

ных (внешних) к эндогенным (внутренним) причинам смерти; «миграционный переход», объясняющий эволюционные изменения в направлениях и масштабах миграции населения, переход к интенсивным формам и видам миграционного движения, тесно связанного с естественным движением населения.

Демография – наука о народонаселении, изучающая воспроизводство населения, численность, структуру и расселение населения, происходящие в них изменения, причины и последствия этих изменений.

Демополитика – влияние демографических параметров на структуру государства. Широкого распространения не получил.

Депопуляция – систематическое уменьшение абсолютной численности населения как следствие суженного воспроизводства, когда последующие поколения численно меньше предыдущих, смертность превышает рождаемость, очень высокая эмиграция.

Депортация – насильственное переселение или выселение определенной группы населения в пределах или за пределы страны.

Десегрегация – устранение сегрегации, отказ от политики, разделяющей население по расовому признаку.

Дезтнизация – процесс потери этносом или его отдельными представителями своих этнических черт; начинается с потери родного языка, затем национального самосознания и этнической идентификации.

Диаспора – часть населения города, проживающая вне страны своего происхождения. Диаспоры образовывались в результате насильственного выселения, угрозы геноцида и других социальных причин.

Дивергенция этническая – распад этнической системной целостности с потерей ощущения комплиментарности на заданном уровне этнической иерархии.

Динамический этнос – этнос, развивающийся за счет покорения, и разрушения природы.

Дискриминация – ограничение или лишение прав определенной категории граждан по признаку расовой или национальной принадлежности, по признаку пола, по религиозным и политическим убеждениям и т. д.

Длина поколения – средний интервал времени, разделяющий поколения родителей и их детей.

Долихокефалы – люди, у которых отношение ширины черепа к его длине («головной указатель») меньше 75%.

Домохозяйство – группа людей, совместно проживающих и ведущих общее домашнее хозяйство, имеющих общие интересы и обязанности. В отличие от семьи, отношения родства между членами домохозяйства не обязательны, более того, оно может состоять из одного человека, живущего самостоятельно.

Евразийство – сложное геополитическое понятие. Соединяет в себе: исторически – восточный сектор человеческой цивилизации; стратегически – актуальный или потенциальный блок государств и наций, отказывающихся признавать императив либерально-демократической идеологии; стратегически – актуальное или потенциальное объединение в военный альянс восточных, «теллурократических» стран; социально – ориентацию на «идеократию», социальное государство, некапиталистический экономический строй.

Евразия – то же что континент, hearland, Суша, Земля, теллурократия. В более ограниченном смысле означает геополитическую Россию.

Европоцентризм – идеологическая концепция, согласно которой ведущую роль в развитии современной цивилизации и культуры сыграла Европа.

Естественная рождаемость – рождаемость, не ограничиваемая противозачаточными мерами и искусственными абортами.

Естественное движение населения – совокупность рождений и смертей, браков и разводов, изменяющих численность населения так называемым естественным путем.

Естественный прирост населения – абсолютная величина разности между числом родившихся и числом умерших за определенный интервал времени. Может быть отрицательным в случае превышения умерших над родившимися.

Жизненное пространство – Минимальный территориальный объем, позволяющий народу реализовать свои исторические и политические стремления.

Заболееваемость – распространенность болезней среди населения.

Запад – синоним талассократии, атлантизма.

Земля (или Суша) – специальный термин в геополитике, обозначающий теллурократию.

Идентификация – перенесение личностных качеств другого человека на себя, стремление актуализировать в своей личности те же качества, которым обладает выбранный образец.

Идеократия – греч., «власть идей, идеалов». Термин русских евразийцев (Н. Трубецкой, П. Савицкий). Противопоставляется «власти материи», «рыночной системе», «торговому строю». При идеократии иерархия в обществе и стимуляция труда исходят из неэкономических принципов.

Имигрант – иностранец, прибывший в какую-либо страну на постоянное жительство.

Иммиграция – въезд в страну иностранных граждан с целью постоянного в ней проживания и, как правило, получения ее гражданства.

Империя – сверхгосударственное образование, объединяющее несколько народов и стран под эгидой универсальной идеи религиозного, этического или идеологического характера.

Индекс жизненности (коэффициент Покровского) – отношение числа родившихся к числу умерших за определенный период времени (год).

Индекс «качества жизни» – комплексный показатель, адекватно характеризующий уровень общественного развития, достигнутый страной. Включает такие показатели, как состояние здравоохранения и образования, занятость населения, покупательная способность и др., в том числе демографический показатель «средняя продолжительность предстоящей жизни». Разработан в рамках ООН.

Индекс «развития человеческого потенциала» – разработан в рамках программы развития ООН в 1995 г. в качестве инструмента оценки эффективности социально-экономических программ, определения приоритетов социально-демографической политики. Является модификацией индекса «человеческого развития» с несколько иным подходом к измерению образованности (вместо среднего количества лет обучения берется совокупная доля учащихся начальных, средних и высших учебных заведений).

Индекс «физического качества жизни» – наиболее наглядный индикатор общественного развития той или иной страны, разработанный в 60-е гг. в США. Включает показатель младенческой смертности (m_0), среднюю продолжительность предстоящей жизни (e_0) и уровень грамотности населения (L). Эталоном является условная страна, для которой $m_0 = 7\%$, $e_0 = 77$ лет, $L = 100\%$.

Индекс «человеческого развития» – интегральный показатель. Включает три основных компонента, характеризующих развитие человека: долголетие (измеряемое ожидаемой продолжительностью жизни), образованность (измеряемая комбинацией грамотности взрослых с весом две трети и среднего количества лет обучения с весом в одну треть) и уровень жизни (измеряемый реальным ВВП на душу населения с поправкой на местную стоимость жизни – паритет покупательной способности, или ППС). Был разработан ООН и опубликован в первом «Отчете о человеческом развитии» (1990 г.). В пятом «Отчете о человеческом развитии» (1994 г.) Россия занимала 34-ю позицию (из 173 стран) с индексом 0,860 против 0,932 для Канады, занимавшей первую ступеньку, и 0,191 для Гвинеи, занимавшей 173-е место.

Индивидуализация – процесс становления личности путем селекции информации, получаемой индивидом из окружающей среды, и производства новых духовных ценностей, значимых для общества.

Инструментализм – подход к определению этноса и этничности, интересующийся не объективной основой существования этноса, а лишь той ролью, которую он выполняет в культуре.

Интеграция – в геополитике означает многообразные формы объединения нескольких пространственных секторов. Может осуществляться как на основе военной экспансии, так и мирным путем. Существует несколько путей геополитической интеграции: экономический, культурный, языковой, стратегический, политический, религиозный и т. д. Все они могут привести к одинаковому конечному результату – увеличению стратегического и пространственного объема блока.

Интенсивность миграции – характеристика ее частоты в определенных территориально-демографических группах. Выражается правильной дробью, числитель которой – количество мигрантов (прибывших, выбывших или их сумма), а знаменатель – средняя за период численность населения.

Истеблишмент – система ключевых социальных, культурных и политических ролей, обеспечивающая реальное и символическое существование государства.

Историческая память этноса – важнейший компонент духовной культуры этноса, позволяющий поддерживать непрерывность этнической эволюции, преемственность культуры этноса и передавать ее последующим поколениям.

Календарь рождений – распределение рождений во времени в течение детородного периода или периода супружества.

Каста – замкнутая группа людей, у которых сложились специфические традиции, нормы, поведение и стиль жизни.

Категории населения – в соответствии с определенными правилами регистрации жителей какого-либо населенного пункта выделяют постоянное население, наличное население, юридическое население.

Качество народонаселения – совокупность свойств народонаселения, характеризующих его развитие в системе социальных и природных отношений.

Когорта – совокупность людей, у которых в один и тот же период времени произошло определенное демографическое событие (например, группа лиц, вступивших в брак в течение календарного года, и т. д.)

Колония – территория, подконтрольная силе, отделенной водным пространством. Рассматривается как временная и внешняя база, отчужденная от общего геополитического пространства метрополии. Противоположность провинции.

Колониализм – политическое, экономическое и духовное порабощение стран, как правило, менее развитых в социально-экономическом отношении.

Комплиментарность – взаимная симпатия (антипатия) индивидов, определяющая деление на «своих» и «чужих».

Конвенциональные роли – роли, связанные с официальными требованиями организации.

Конвергенция – схождение, сближение.

Конвиксия – группа людей с однохарактерными бытом и семейными связями, иногда переходящая в субэтнос.

Консолидация – упрочнение, укрепление, сплачивание отдельных лиц, групп, организация для усиления борьбы за общие цели.

Конкордация – процесс формирования установок, интересов, умений и навыков личности, позволяющих ей осуществлять свою жизнедеятельность согласованно с деятельностью других членов общества.

Консорция – группа людей, объединенных на короткое время одной исторической судьбой; либо распадается, либо переходит в конвиксию.

Континент – Евразия, Суша, теллуократический принцип.

Континентализм – синоним евразийства в узкостратегическом аспекте; близкие понятия – Суша, Земля. Континенталистская школа геополитики является единственной в России, преобладающей в Германии, наличествующей во Франции и невозможной для англосаксонских стран. Противоположность атлантизму.

Конфессиональный – связанный с определенным вероисповеданием.

Конформизм – приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, господствующих мнений и т. д.

Коренной этнос – аборигенный народ, ведущий племенной образ жизни.

Космополитизм – отрицание национальной обособленности, ограниченности и замкнутости, стремление к созданию национальных обществ, к миру без государственных границ.

Кочевничество – разновидность современной сезонной миграции (номадизм). Сохранилось в основном в Западной Африке и на Ближнем Востоке.

Коэффициент брачной рождаемости – отношение числа родившихся в браке к числу замужних женщин в возрасте 15–49 лет за определенный период (год).

Коэффициент брачности (или общий коэффициент брачности) – отношение числа всех зарегистрированных браков за определенный период к средней численности населения за этот период.

Коэффициент естественного прироста населения – отношение естественного прироста населения к среднему населению за определенный период времени или разность между общим коэффициентом рождаемости и общим коэффициентом смертности (в %).

Коэффициент иммиграции – отношение числа иммигрантов, прибывающих в страну, к средней численности населения этой страны за определенный период (год).

Коэффициент миграционного прироста населения – отношение миграционного прироста населения как разницы между прибывшими и выбывшими к средней численности населения данной местности за определенный период (в ‰).

Коэффициент младенческой смертности – отношение числа детей, умерших в возрасте до 1 года в данный период (год), к числам родившихся в данный и прошлый периоды (годы), взятым с определенными весами (в ‰).

Коэффициент прироста населения – отношение общего прироста населения к среднему населению за определенный период (год).

Коэффициент разводимости (или общей разводимости) – отношение числа всех зарегистрированных разводов к средней численности населения за определенный период (в ‰).

Коэффициент рождаемости (или общий коэффициент рождаемости) – отношение числа родившихся живыми в течение определенного периода (календарного года) к средней численности населения за этот период (в ‰).

Коэффициент чистой миграции – отношение чистой миграции как разницы между иммигрантами и эмигрантами, к средней численности населения данной страны или региона за определенный период (год).

Коэффициент эмиграции – отношение числа эмигрантов, покидающих страну, к средней численности населения этой страны за определенный период (год).

Кратополитика – термин Челлена (широкого распространения не получил). Рассмотрение государства с точки зрения его силового потенциала.

Критический момент переписи – точный момент времени, единый для всей страны, к которому приурочиваются все собираемые при переписи населения сведения.

Ксенофобия – враждебное отношение к иностранцам и ко всему чужому – языку, образу жизни, стилю мышления и т. п.

Культуризация – процесс усвоения индивидом ценностей и опыта других социумов и этносов.

Культурная дистанция – степень близости или отдаленности культур.

Культурный релятивизм – утверждение равноправия всех типов культур, отказ от выделенных систем культурных ценностей.

Левиафан – др. евр., «морское чудовище» (в Библии). – То же, что атлантизм, Море и т. д.

Летальность – отношение числа умерших от какой-либо болезни (ранения и т. п.) к числу переболевших этой болезнью (раненых и т. п.). Один из показателей качества и эффективности работы лечебно-профилактических учреждений.

Либерализм – мировоззрение, сочетающее левые (минималистический гуманизм, индивидуализм, этнический и культурный эгалитаризм) компоненты в области политики и правые (рынок, приватизация, частная собственность, капитализм) в области экономики. Правящая идеология атлантистского лагеря. Политическим выражением либерализма является либерал-демократия.

Магия – общее обозначение обрядов, в основании которых лежит вера в сверхъестественное воздействие человека на предметы природы, животных и других людей; неразрывно связана с мифологией.

Маятниковая миграция – ежедневные, иногда еженедельные, передвижения населения из одного населенного пункта страны в другой на работу или учебу и обратно.

Межгрупповая дискриминация – установление различий между собственной и чужой группами, нередко приобретающее ярко выраженную оценочную окраску.

Межэтническая коммуникация – обмен между двумя или более этническими общностями материальными и духовными продуктами их культурной деятельности, осуществляемой в различных формах.

Менталитет – относительно целостная совокупность мыслей, верований, создающих картину мира и скрепляющих единство культурной традиции или какой-либо общности.

Меньшинство этническое – группа людей той или иной этнической принадлежности, существенно уступающая по своей численности окружающему ее иноэтническому населению.

Меридиональная интеграция (интеграция по оси Север – Юг, или интеграция по долготе) – связывание отдельных пространственных секторов в единое целое по меридиану. Позитивна в случае уверенного контроля над северными и центральными областями. Негативна в случае нахождения на Севере или в Центре геополитических образований, чья лояльность стратегической столице сомнительна или слаба.

Меридиональная экспансия (экспансия по оси Север – Юг, или экспансия по долготе) – расширение сферы влияния (военного, стратегического, культурного или экономического) вдоль меридиана. Основное условие территориальной и стратегической стабильности государства.

Месторазвитие – термин Савицкого. То же, что качественное пространство или просто пространство (в геополитическом смысле).

Метис – потомок от брака между представителями разных человеческих рас.

Миграция населения – движение людей через границы тех или иных территорий с целью постоянного устройства, относительно длительного или краткого пребывания на новом месте жительства либо приложения труда. Различают международную и внутреннюю миграции населения.

Минимальная геополитика – прикладная дисциплина, занимающаяся от геополитики некоторые термины и методику, но оставяющая в стороне базовый геополитический дуализм.

Мировой Остров – термин Макиндера, который называл так Евразию и географическую ось истории. У Спикмена это понятие радикально поменяло свой смысл и стало обозначать совокупность талассократических зон (зон внешнего полумесяца). В связи с этим термин лучше широко не употреблять во избежание двусмысленности.

Многополярный мир – на современном этапе чисто теоретическая концепция, предполагающая сосуществование нескольких Больших Пространств; возможен только после преодоления однополярного мира.

Моногамия – единобрачие; форма брака, предполагающая устойчивое сожитие одного мужчины с одной женщиной.

Мондиализм (от фр. monde – «мир» в смысле «world», а не «presse») – особая идеология, предполагающая слияние всех государств и народов в единое планетарное образование с установлением Мирового Правительства, уничтожением расовых, религиозных, этнических, национальных и культурных границ. Существует «правый» мондиализм и «левый». Правый представляет собой глобализацию атлантизма. Левый считает необходимым включить в Единый Мир и евразийский сектор (на том или ином основании).

Море – то же, что талассократия, Вода.

Москва – естественная стратегическая столица Евразии (см.). Основа осей всякой континентальной интеграции. См. Евразия

Наличное население – основная категория населения, объединяющая совокупность людей, находящихся в данном населенном пункте или на данной территории на момент переписи.

Народ – субъект истории; совокупность классов и социальных групп общества; население государства, страны.

Народность – этническая и социальная общность людей, исторически следующая за племенем и предшествующая нации. Возникает в результате смешения племен и образования племенных союзов в период разложения первобытно-общинного строя и утверждения частнособственнических отношений.

Народонаселение – совокупность людей, проживающих и постоянно развивающихся на какой-либо территории или же на всей Земле. Термин, свойственный, по существу, только русскому языку, появился в России в 1806 г. Синоним – «население».

Натурализация – процесс вживания эмигранта в новое, иноязычное окружение, освоение им новых форм общения, культуры, правил общежития.

Национальная идеология – теоретически оформленная система взглядов этнофора на национальные проблемы, национальные интересы, национальные ценности, вырабатываемая государством и обществом в лице социальных институтов.

Национализм – идеология, общественная психология, политика и общественная практика, сущностью которой являются идеи национальной исключительности, обособленности, пренебрежения и недоверия к другим нациям и народностям.

Национальная идеология – теоретически оформленная система взглядов этнофора на национальные проблемы, национальные интересы, национальные ценности, вырабатываемая государством и обществом в лице социальных институтов.

Национальная психология – стихийно возникающая совокупность чувств, настроений, потребностей, реализуемых преимущественно внутри этнической общности.

Национальное самосознание – осознание индивидом принадлежности к определенной нации как социально-экономической и политической общности.

Национальный вкус – исторически сложившееся своеобразное понимание прекрасного и безобразного большинством представителей общности.

Нация – исторический тип этноса, представляющий собой социально-экономическую целостность, которая складывается и воспроизводится на основе общности территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры, психологического склада и этнического самосознания.

Негритюд – учение об особой сущности африканской культуры, ее выделение в качестве идеала и образца, эталона для всех других, прежде всего европейских, культур.

Неоатлантизм – современная версия атлантизма, отвергающая мондиализм (даже правого толка) как преждевременный и невыполнимый в данных условиях проект. По этой версии вместо образования Единого Мира произойдет столкновение цивилизаций.

Нетто-коэффициент воспроизводства населения – обобщающая характеристика режима воспроизводства населения, показывающая сколько дочерей родит некоторая совокупность новорожденных девочек в течение всей предстоящей им жизни при данном режиме рождаемости и смертности.

Новый мировой порядок – то же, что мондиализм и проекты по созданию Мирового Правительства.

Новый порядок – проект масштабной геополитической реорганизации.

Номос – термин Шмитта. Базовый принцип организации любого пространства (географического, социального, политического, экономического, культурного и т. д.). Синонимичен понятиям «порядок», «закон», «уклад». Номос Суши = теллуократия. Номос Воды (или Моря) = талассократия.

Обскурация – старость этноса, наступающая после 1100 лет его существования (термин Л. Н. Гумилева).

Общество – результат распада общинных образований. В отличие от общины принципиально делимо на атомарных членов (индивидуумов), регулируется традицией.

Общий прирост населения – алгебраическая сумма естественного и миграционного прироста населения.

Община – естественная форма существования людей, связанных органическими узами. Противостоит обществу, в котором вместо органических связей главенствуют нормативы формализованного договора между индивидуумами.

Объективная этнопсихологическая маргинальность – усвоение ценностей, норм и идеалов разных культур, не вызывающее у человека ощущения кризиса личности.

Однополярный мир – геополитическая модель, сложившаяся после поражения СССР в «холодной войне». Единственным доминирующим полюсом являются атлантизм и США.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – термин, используемый в последнее время вместо термина «средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении». Наиболее адекватная обобщающая характеристика современного уровня смертности во всех возрастах.

Оптимум населения – наиболее рациональный из всех возможных с точки зрения избранного критерия (или их системы) тип воспроизводства населения в его широком понимании.

Ось – геополитический союз двух или нескольких геополитических столиц.

Открытое население – население, общая численность и возрастно-половой состав которого изменяются под влиянием не только естественного движения населения, но и миграции.

Пассионарии – индивидуумы, импульс поведения которых значительно превышает импульс инстинкта самосохранения.

Пассионарное напряжение см. Уровень пассионарного напряжения системы.

Пассионарность – термин Гумилева. Способность и стремление этнического сообщества к изменению окружения; уровень активности этнического сообщества. У Гумилева внутренняя энергетика этноса, движущая сила культурного, политического и геополитического созидания.

Пассионарный толчок – мутация, вызывающая появление признака пассионарности популяции и приводящая к возникновению новых этнических систем в тех или иных регионах.

Перепись населения – быстрый сбор (от одного дня до двух недель) и обработка с последующей публикацией демографических, экономических и социальных данных, характеризующих на определенный момент времени (критический момент переписи) всех без исключения жителей страны.

Перинатальная смертность – смертность в перинатальном периоде, который начинается с 28-й недели беременности и заканчивается через первые 7 суток внеутробной жизни ребенка.

Периферия – пространства и земли, не имеющие самостоятельной геополитической ориентации, удаленные от стратегической столицы, от лица которой принимаются основные геополитические решения.

Персонификация – перенесение своего «Я», своих личностных качеств на другого человека в процессе сравнения себя с ним.

Планирование семьи – внутрисемейное регулирование деторождения.

Племя – исторический тип этноса, внутренняя структура которого создается по принципу кровного родства; небольшой численности, определяющейся слабым развитием производительных сил; не имеет общего языка и постоянной территории.

Плодовитость – биологическая способность женщины к зачатию и рождению живых детей. Изучается как один из факторов рождаемости и репродуктивного поведения и представляет собой потенциальную возможность деторождения, которая реализуется у совокупности женщин в результате репродуктивного поведения, т. е. в форме рождений, выкидышей, аборт.

Плотность населения – соотношение численности населения и размеров территории, на которой оно проживает.

Плотность рождений – число рождений в единицу времени.

Поколение – совокупность людей, родившихся в один и тот же период, находящихся в любой момент в равном или почти равном возрасте.

Полигамия – многобрачие (многоженство или многомужество); чаще употребляется в значении многоженства.

Политическая география – термин Ратцеля, обозначавший то, что называется собственно «геополитикой».

Поперечный анализ – метод изучения условного, или гипотетического, поколения.

Поссибилизм (от фр. possible – «возможный») – призван нюансировать географический детерминизм, свойственный геополитике. Теория поссибилизма утверждает, что пространство не предопределяет историю, но лишь предрасполагает к тому или иному ее течению.

Постоянное население – совокупность людей, для которых данный населенный пункт или территория представляют место обычного (постоянного) проживания в данное время.

Потестарность – форма организации общественной власти в доклассовых и раннеклассовых обществах, еще не имевших политического, государственного характера.

Прекращение брака – распадение брачного союза вследствие смерти одного из супругов или расторжения брака.

Прикладная геополитика, или минимальная геополитика. Применение геополитического инструментария к микропроблемам регионального уровня без учета основополагающих принципов.

Пробная перепись населения – сплошное обследование небольшой части населения страны, проводимое для проверки метода переписи, формулировки вопросов программы переписи, решения организационных вопросов и т. п.

Провинция – периферийные территории, входящие в состав основного геополитического образования и рассматриваемые как неотъемлемая часть органического целого. Противоположность колонии.

Продольный анализ – когортный метод, или метод реального поколения, при котором демографические процессы описываются и анализируются для когорт.

Промилле – единица измерения демографических процессов. Означает количество тех или иных демографических событий (рождений, смертей, браков и т. д.) на 1000 чел. населения. Обозначение в ‰.

Пространственной прогрессии закон – сформулирован Тириаром. Звучит так «от государств-городов через государства-территории к государствам-континентам». Географическая динамика политической истории неумолимо ведет к увеличению масштабов минимальных социальных образований. См. также Жизненное пространство.

Пространственный смысл – термин Ратцеля. Заложена в качественном пространстве система исторических предопределений. См. Пространство.

Пространство – основное понятие геополитики. Является не количественной, но качественной категорией. Структура пространства предопределяет структуру истории (в первую очередь, политической истории) – таков основной тезис геополитики как науки.

Психический склад этноса – специфический способ восприятия и отражения членами этнической общности различных сторон окружающей действительности.

Психологическая культура – совокупность имеющихся у индивида, группы или этноса представлений о психике; используемые формы регулирования и развития психики.

Психологическая культура этноса – характерные для данного этноса представления о психике, формы регулирования и развития психики.

Разводимость – процесс распада супружеских пар в одном поколении вследствие расторжения брака (развода).

Раса – исторически сложившаяся группа людей, объединенная общностью происхождения, выражающейся в общности наследственных, передаваемых потомству второстепенных внешних физических особенностей.

Расизм – идеология и общественная психология, сущностью которой являются представления и биологическом превосходстве, либо наоборот, неполноценности тех или иных этносов.

Расселение населения – процесс распределения и перераспределения населения по территории. Включает в себя размещение населения, функциональные территориальные взаимосвязи населенных мест и миграции населения.

Реальное поколение – совокупность одновременно родившихся людей (когорты), или совокупность ровесников.

Регионализм – ориентация на автономность периферийных пространств. Имеет несколько форм: экономическую, культурную, политическую и стратегическую.

Режим воспроизводства населения – совокупность конкретных количественных характеристик процесса воспроизводства населения (рождаемость, смертность, соотношение мальчиков и девочек среди новорожденных), рассматриваемого в фиксированный период времени.

Репродуктивное поведение – система действий и отношений, опосредующих рождение или отказ от рождения ребенка в браке или вне брака.

Репродуктивный возраст – возраст женщины, в котором она способна к деторождению, как правило от 15 до 49 лет.

Репродуктивный период – часть жизни женщин, в течение которой они способны к деторождению.

Реципрокность – взаимосвязь, сотрудничество между отдаленными родственниками или индивидами, не связанными отношениями родства; способствует выживанию этих людей.

Реэмиграция – возвращение эмигрантов на родину.

Род – кровно-родственная группа людей, связанная единым происхождением по материнской или отцовской линии.

Рождаемость – процесс деторождения в совокупности людей, составляющих поколение, или в совокупности поколений представляет собой одну из возможных форм реализации плодовитости.

Сакральная география – совокупность представлений о качественном пространстве у древних. Современная геополитика руководствуется типологически сходным пониманием пространства, только выражает это в рациональной естественнонаучной форме.

Сакральный – священный, относящийся к религиозному культу и ритуалу.

Сальдо миграции (нетто-миграция, чистая миграция, миграционный прирост) – разность между числом прибывших (иммигрантов) на какую-либо территорию (в страну) и числом выбывших (эмигрантов) из нее за определенный период (год). Косвенно может быть получено как разница между общим и естественным приростом населения за определенный период (год).

Самоидентификация – социально-психологический процесс, представляющий собой осознание социальной группой своей тождественности (единства всех членов на основе каких-либо признаков), а отдельным индивидом – своей принадлежности к определенной группе.

Санитарный кордон – искусственные геополитические образования, предназначенные для дестабилизации двух крупных соседних государств, способных составить серьезный блок, который, в свою очередь, явится опасным для третьей стороны. Классический ход в стратегии атлантистов в их противостоянии континентальной интеграции Евразии.

Сегрегация – принудительное разделение населения на группы по определенному социальному признаку, чаще всего расовому и этническому; вид расовой дискриминации.

Сезонная миграция – миграция населения, как правило, на срок до одного года с целью трудоустройства (уборка урожая, строительные работы и т. п.) в другом районе или государстве.

Семейная политика – часть социальной политики, основные действия которой направлены непосредственно на семью. О соотношении ее с демографической политикой еще не сложилось однозначного понимания.

Семья – группа лиц, связанных родственными отношениями, проживающих совместно и имеющих общее хозяйство и бюджет.

Сепаратизм – социально-политические и идеологические устремления группы людей к отделению одной части государства от другой.

Сепарация – отделение от этноса сравнительно небольшой части, превращающейся со временем в самостоятельный этнос.

Смертность – процесс вымирания поколения, складывающийся из множества единичных смертей, наступающих в разных возрастах.

Социализация – становление личности в процессе усвоения индивидом основного набора духовных ценностей, выработанных человечеством.

Социальная дистанция – степень близости или отдаленности социальных либо этнических общностей, групп, отдельных людей.

Социальная установка – состояние психики, характеризующееся готовностью человека реагировать определенным образом на то, что связано с актуальной для него потребностью и ситуацией.

Социальная экспансивность – степень выраженности и окрашенности социальных чувств по отношению к другому этносу.

Социально-стратификационная дистанция – степень близости или отдаленности классов, социальных групп, слоев в обществе.

Социальный контроль – система способов воздействия общества и социальных групп на личность с целью регуляции ее поведения.

Социальный стереотип – схематизированный, упрощенный образ какого-либо явления социальной действительности, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные черты.

Социополитика – Изучение социальных аспектов государства.

Социум – большая группа людей, объединенных на основе общности территории, экономики и политики, выработавшая единые поведенческие требования (законы и социальные нормы) к различным сторонам жизни.

Социумизация – процесс усвоения индивидом духовных ценностей и опыта того общества (социума), к которому он принадлежит.

Специальный коэффициент рождаемости – отношение числа родившихся к численности женщин репродуктивного возраста.

Срединный океан (Midland Ocean) – Атлантический океан, если рассматривать Северную Америку и Европу как единое геополитическое пространство.

Среднегодовая численность населения – средняя арифметическая из численности на начало данного года и начало следующего.

Среднее население (средняя численность населения) – обобщающий показатель численности населения для всего рассматриваемого периода. Представляет собой обычную хронологическую среднюю, часто получаемую как полусумма его численности в начале и в конце периода.

Средний возраст – характеристика возрастной структуры населения. Вычисляется как средняя арифметическая из значений возрастов всех людей в данном населении или поколении.

Средняя Европа – пространство, промежуточное между Россией и Атлантическим побережьем Европы. Традиционно рассматривается как зона преимущественно германского влияния.

Средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении – число лет, которое в среднем предстоит прожить представителю поколения.

Стабильное население – теоретическая модель населения с неизменными во времени возрастными интенсивностями рождаемости, смертности и возрастной структурой. Исходящая из изменения плотности рождений по показательной функции при неизменном порядке вымирания и отсутствии миграции.

Старение населения – увеличение доли пожилых и старых людей (60 лет и старше) в общей численности населения.

Старое население – обобщенная характеристика возрастной структуры населения, в которой, по классификации ООН, доля лиц в возрасте 65 лет и старше составляет свыше 7%.

Стационарное население – теоретическая модель населения, в которой плотность рождений и порядок вымирания не меняются, т.е. рождаемость равна смертности. Измеряется величиной, обратной средней продолжительности жизни. Представляет собой частный случай стабильного населения.

Стереотип – схематизированная модель, программа поведения; упрощенный образ какого-либо явления, фиксирующий лишь некоторые, иногда несущественные, черты.

Столкновение цивилизаций – термин Хантингтона. Теория перманентности и неснимаемости геополитических конфликтов на цивилизационном уровне.

Стратегическая столица (геополитический полюс, или источник геополитического луча) – центр геополитической интеграции и активный деятель масштабного геополитического процесса. Связи между стратегическими столицами образуют геополитические оси.

Страховые (актуарные) таблицы смертности – таблицы, составляемые по данным страховых компаний о численности застрахованных и умерших по возрасту и году рождения.

Субэтнос – термин Гумилева. Этническая система как часть этноса.

Суммарный коэффициент брачности – условное среднее число браков, заключенных людьми данного поколения на протяжении их жизни в условиях отсутствия смертности и других факторов, влияющих на изменение численности поколения. Получается как сумма возрастных коэффициентов брачности.

Суммарный коэффициент рождаемости – среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте независимо от смертности и изменений возрастного состава. Получается как сумма возрастных коэффициентов рождаемости во всех возрастных интервалах.

Суперэтнос – термин Гумилева. Этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном регионе, связанных экономически, идеологически и политически.

Суша – см. Земля.

Таблицы брачности – числовые модели процесса брачности в реальной или гипотетической когорте, представляющие этот процесс в виде системы взаимосвязанных показателей. Основным показателем Т. б. является общий возрастной коэффициент брачности, который разлагается на коэффициенты первых и повторных браков.

Таблицы мультистатусные (многомерные демографические таблицы) – наиболее общая форма демографических таблиц, отражающая взаимодействующие группы населения, принадлежащие к одной или нескольким когортам, но разделенные по принадлежности к какому-либо демографическому статусу (состоянию).

Таблицы рождаемости – числовые модели рождаемости в реальной или гипотетической когорте, дающие полное представление о процессе рождаемости независимо от сложившихся демографических структур. Общие Т.р. строятся без учета очередности рождения, специальные – с учетом очередности рождения.

Таблицы смертности (таблицы дожития) – числовые модели смертности, представляющие собой систему взаимосвязанных, упорядоченных по возрасту рядов чисел, описывающих процесс вымирания некоторого теоретического поколения с фиксированной начальной численностью. Исторически первые и одни из самых распространенных среди демографических таблиц.

Талассократия – греч., «власть посредством моря» или «морское могущество». Характеристика государств и наций с доминированием мореплавания.

Текущий учет демографических событий – специализированный сбор сведений о случаях рождения, смерти, заключения и расторжения брака, миграции.

Теллурукратия – греч., «власть посредством земли» или «сухопутное могущество». Характеристика держав с явной сухопутной геополитической ориентацией. См. Евразия, Идеократия, Heartland.

Темпы роста населения – отношение двух последовательных уровней ряда динамики численности населения.

Тип воспроизводства населения – категория, отражающая общность наиболее важных качественных черт воспроизводства населения. Выделяют два основных Т. в. н. – традиционный (с высокими рождаемостью и смертностью) и современный (с низкими рождаемостью и смертностью), а также один промежуточный (с высокой рождаемостью и низкой смертностью).

Типовые таблицы смертности (модельные таблицы смертности) – группа (или семейство) таблиц смертности, каждая из которых отражает изменение интенсивности смертности с изменением возраста для населения со сходным порядком вымирания. Представляют собой обобщение эмпирических таблиц, относящихся к более или менее одинаковым возрастным закономерностям смертности. Одна из главных задач – восполнить недостаточные статистические данные.

Титульный этнос – этнос, давший наименование тому или иному национально-государственному образованию.

Токио – естественная стратегическая столица Тихоокеанского пространства.

Торговый строй – тип общества, в котором иерархия и стимуляция труда исходят из экономических принципов. Рыночная, либерально-демократическая система. Противоположность идеократии.

Тотемизм – первичная форма религии, отождествляющая род или племя с животным или растением, верящая в происхождение своего народа от тотема.

Третий мир – общее название слаборазвитых стран преимущественно в регионах геополитического Юга.

Туран – северо-восточные области Евразийского континента, степные просторы Евразии.

Урбанизация – исторический процесс повышения роли города в развитии общества, который выражается в росте городов, особенно больших, увеличении удельного веса городского населения в общей численности населения страны, мира в целом (если в 1800 г. доля городского населения в мире составляла около 3%, то в 1994 г. – уже 45%).

Уровень пассионарного напряжения системы (пассионарное напряжение) – термин Гумилева. Количество имеющейся в этнической системе пассионарности, деленное на количество составляющих этническую систему индивидуумов.

«Утечка умов» – безвозвратная эмиграция высококвалифицированных специалистов, в том числе потенциальных специалистов (студентов, стажеров, аспирантов), обусловленная особой политикой стран иммиграции, и имеющая негативные последствия для стран эмиграции.

Фактический брак – супружеские отношения, не оформленные в установленном законом порядке.

Феномен – совокупность всех признаков и свойств организма, сформировавшихся в процессе его индивидуального развития.

Функция дожития – количественная характеристика процессов смертности.

Харизма – особое свойство человеческого характера, способность увлекать за собой людей.

Хозяйственно-культурный тип – определенный комплекс особенностей хозяйства и культуры, складывающийся исторически у разных народов, находящихся на близких уровнях социально-экономического развития и обитающих в сходных условиях среды.

Целенаправленность этнического коллектива – состояние коллектива, при котором совместная деятельность определяется целью; готовность к достижению групповых целей социального взаимодействия.

Ценностные ориентации – обобщенная концепция природы, места в ней, отношение к человеку, тип межличностных отношений и отношений человека с окружающим миром.

Церковный брак – брак, заключенный по религиозным обрядам и освященный церковью.

Человеческий капитал – совокупность знаний, навыков, способностей и мотиваций человека, имеющих экономическую ценность. Размер ч. к. может уменьшаться под воздействием износа (физического и морального) и увеличиваться в результате своеобразного инвестирования (рождения и воспитания детей, образования, миграции населения и др.).

Человечество – общность людей всех этносов, проживающих на Земле; все народонаселение планеты.

Широтная интеграция (интеграция по параллелям) – наиболее уязвимый и сложный момент связывания подконтрольных Центру геополитических пространств. Должна осуществляться максимально мирными и дипломатическими средствами. Основана на постепенном присоединении разнородных регионов к центральной части через пространственную иерархию наиболее лояльных центру секторов.

Широтная экспансия (экспансия по параллелям) – агрессивная геополитическая тенденция, неизменно порождающая конфликтные ситуации; геополитическая стратегия наступательного характера, почти всегда чреватая военными конфликтами. Осуществляется только после завершения меридиональной экспансии.

Шовинизм – крайняя форма национализма, состоящая в проповеди национальной исключительности и направленная на разжигание национальной вражды и ненависти.

Эволюционизм – направление в изучении культур, в основе которого лежит представление об эволюционно-прогрессивном характере историко-культурного процесса.

Экзогенные причины смерти – условно выделяемая группа причин смерти, связанных с воздействием внешней среды (несчастные случаи, травмы и отравления, инфекционные и паразитарные болезни и т. п.).

Экологический кризис – резкое обострение противоречий в отношениях между обществом и природой, в частности между неконтролируемым быстрым ростом населения и ограниченными возможностями природной среды.

Экономически активное население – лица, имеющие самостоятельный доход от занятий. Включает как занятых, так и ищущих работу (зарегистрированных безработных).

Экополитика – рассмотрение государства как экономической силы. Широкого применения не получил.

Экспоненциальное население – математическая модель, описывающая население с постоянными во времени темпами роста и одним из двух параметров его воспроизводства – возрастной структурой или функцией дожития.

Элита – система, состоящая из конкретных личностей – людей-творцов. призванных ценностно атрибутировать, адаптировать этнос, придавая ему специфичный культурно-этнической образ.

Эмиграция – выезд из страны в другое государство с целью постоянного жительства, получения его гражданства.

Эндогенные причины смерти – условно выделяемая группа причин смерти, вызванных болезнями, связанными прежде всего с внутренними процессами в организме человека (болезни системы кровообращения и т. п.).

Эпикантус – складка кожи верхнего века внутреннего угла глаза, прикрывающая слезный бугорок.

Этнизация – процесс усвоения индивидом духовных ценностей того этноса, к которому он принадлежит.

Этническая антропология – отрасль научного знания на стыке этнологии и антропологии, занимающаяся изучением вопросов происхождения этносов, роли условий социальной жизни народов, их образа жизни в различных регионах мира.

Этническая доминанта – явление (или комплекс явлений – религиозных, идеологических, военных, бытовых), определяющее переход от начального для процесса этногенеза этнокультурного многообразия к целеустремленному культурному единообразию.

Этническая идентификация – причисление себя к группе людей определенной национальности.

Этническая иерархия – этногенетически динамичная соподчиненность этнических систем разных таксономических уровней (рангов).

Этническая общность – любая общность, которая складывается на определенной территории среди людей, находящихся между собой в реальных социально-экономических связях, говорящих на взаимопонимаемом языке, сохраняющих на протяжении своего жизненного пути культурную специфику и осознание себя отдельной самостоятельной группой.

Этническая парциалия – разделение единого этноса на несколько более или менее равных частей.

Этническая регенерация – восстановление этнической структуры после социальных потрясений.

Этническая фрустрация – психологическое состояние этнической группы или общности, которое характеризуется потерей перспективы исторического развития, тревогой, неуверенностью в завтрашнем дне, чувством безысходности.

Этническая фузия – слияние нескольких ранее самостоятельных народов, родственных по языку и культуре, в новый, более крупный этнос.

Этнические обычаи и традиции – компоненты психического склада, объективирующие субъективные представления о нормах поведения, передающиеся из поколения в поколение.

Этнические чувства – эмоциональное отношение людей к своей этнической общности и ее интересам, а также к другим этносам и их интересам.

Этнические экспектации – ориентации человека как члена этнической группы, в основе которых лежит ролевая и нормативная регуляция социального взаимодействия людей.

Этнический гомеостаз (или гомеостатический уровень этноса, или статическое состояние этноса) – устойчивое состояние этнической системы (структуры), при котором пределы колебания биохимической энергии ограничены, что определяет этноландшафтное равновесие и отсутствие смены фаз этногенеза.

Этнический императив поведения – идеальный принцип отношения этнического коллектива к индивиду.

Этнический контакт – процесс взаимодействия двух и более этнических систем одного или разных рангов этнической иерархии.

Этнический конфликт – форма межгруппового конфликта, при которой группы с противоречивыми интересами поляризуются по этническому признаку.

Этнический маргинал – человек, имеющий родителей разной национальности.

Этнический стереотип – упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы или общности, легко распространяемый на всех ее представителей. Разновидность социального стереотипа.

Этнический темперамент – внешнее выражение национального характера. Наиболее ярко проявляется в особенностях общения (темп речи, движения, жесты, дистанция и пр.).

Этнический характер – целостная структура, отражающая специфику исторически сложившихся свойств психики, которые отличают один этнос от другого.

Этническое самосознание – осознание индивидами принадлежности к определенной этнической общности.

Этническое сознание – совокупность ментальных представлений этнической общности о своем месте в мире, включающая социально-психологические установки и стереотипы.

Этничность – совокупность характерных культурных черт, отличающих одну этническую группу от другой.

Этногенез – процесс развития этнической системы от ее возникновения до исчезновения.

Этногенетическая миксация – слияние людей, не связанных родством, в новый этнос.

Этнография – часть этнологии, описательный уровень исследований, фиксирующий культурно-бытовые и социальные отличия между народами, и прежде всего отличия неевропейских народов от европейских.

Этнодемография – научная дисциплина на стыке этнологии и демографии, изучающая особенности естественного воспроизводства этноса и динамики численности.

Этнолингвистика – научная дисциплина на стыке этнологии и лингвистики, изучающая взаимоотношения этнической культуры языка.

Этнологическое самосознание – осознание индивидами принадлежности к определенной этнической общности как социально-экономической и политической организации.

Этнология – наука, изучающая становление этносферы Земли как результат процессов этногенеза.

Этноним – самоназвание, а также и название этноса, которое ему дают другие народы.

Этнопсихологическая двойственность – усвоение ценностей, норм и идеалов разных культур, сопровождающееся ярко выраженным комплексом субъективного переживания кризиса этнической идентичности.

Этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе языка), а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме).

Этносоциология – междисциплинарная наука на стыке этнологии и социологии, занимающаяся сравнительными исследованиями социальных проблем жизнедеятельности этносов.

Этнопсихология – научная дисциплина на стыке этнологии и психологии, изучающая психологические и психические особенности этноса.

Этносфера – земная оболочка, представляющая собой совокупность этноценозов Земли.

Этнофор – индивид как носитель этнического сознания.

Этноцентризм – представление о превосходстве своей этнической группы.

Этология – одно из направлений в изучении поведения животных.

Этос – quintэссенция культуры, система идеалов, ценностей, доминирующих в каждой конкретной культуре и контролирующих поведение ее членов.

Эфирократия – греч., «власть посредством надатмосферных пластов». Доминанция космического оружия. Развитие талассократических и аэрократических тенденций.

Юг – в сакральной географии регионы беспорядка, смещения и вырождения. В современной геополитике – Третий мир, слаборазвитые страны, где не утвердились либерально-демократические принципы.

Юридическое население – категория населения, объединяющая совокупность людей, связанных с данным населенным пунктом правилами регистрации.

Heartland – англ., «сердцевинная земля». См. Географическая ось истории.

Hinterland – нем., «задняя земля». Территории, простирающиеся в глубь континента от береговых линий. Термин, характерный для талассократического анализа пространства.

Jas Publicum Euroasiaticum – лат., «Общий Евразийский Закон». Проект международного закона, который мог бы регулировать отношения между евразийскими странами и народами на основании признания приоритета континентальных теллурократических ценностей.

Jas Publicum Europeum – лат., «Общий Европейский Закон». Исторический свод юридических уложений, регламентировавших межгосударственные отношения в Европе.

Lenaland – англ., «земля, прилегающая к бассейну реки Лена». Термин Макиндера. Обозначает все северноевразийские территории, лежащие к востоку от р. Енисей вплоть до побережья Тихого океана. В своих поздних работах Макиндер уделял этой области особое внимание, считая, что эти земли принадлежат не теллурократическим, но талассократическим зонам влияния.

Linkage – термин Киссинджера. Атлантистская стратегия по соединению дисконтинуального пояса Евразии в сплошную территорию, подконтрольную Западу.

Mitteleuropa – то же, что Средняя Европа.

One world – мондиалистская концепция Единого Мира. См. также Конец Истории.

Rax Americana – лат., «Мир по-американски». То же, что атлантизм.

Rax Euroasiatica – лат., «Мир по-евразийски». То же, что евразийство.

Rax Persica – лат., «Мир по-персидски». Проект геополитической реорганизации пространства Средней Азии под эгидой Ирана в союзе с Россией.

Rimland – англ., «береговые земли». См. Внутренний полумесяц. Термин Макиндера.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. НАРОДЫ ЗЕМЛИ В ЗЕРКАЛЕ ГЕОПОЛИТИКИ	3
Глава 1. Этнический фактор геополитики	5
Глава 2. Этнический мир Земли	14
Этносфера Земли: племена, народы, нации	14
Географическое описание этносферы	31
Хозяйственно-культурное описание этносферы	35
Антропологическое описание этносферы	42
Лингвистическое описание этносферы	57
Конфессиональное описание этносферы	63
Глава 3. Народонаселение Земли: структура и методы изучения	78
Становление демографии и ее связь с другими науками	78
Демографические методы	84
Учет народонаселения	88
Глава 4. Динамика народонаселения	96
Демографическая динамика	96
Этнические аспекты рождаемости	105
Этнические аспекты смертности	118
Миграция народонаселения	129
Глава 5. Регулирование народонаселения как фактор полнтики	136
Глава 6. Россия и ее народы. Этнолингвистический портрет	155
Глава 7. Динамика народонаселения России	197
Этнодемографические процессы	197
Особенности миграций в России	216
Мотивация миграционного поведения	224

Эмиграция как проблема интеллектуального развития России	232
Глава 8. Геополитические ориентиры народов России в XXI веке	239
ЧАСТЬ II. ПСИХОЛОГИЯ ПОВЕДЕНИЯ НАРОДОВ	255
Глава 9. Поведение народов – предмет этнической психологии (Исторический аспект)	257
Становление этнической психологии в контексте европейской культуры	257
Современная западная этническая психология	269
Становление этнической психологии в России (Дореволюционный период)	279
Отечественная этническая психология в XX в.	292
Глава 10. Этнический мир человека	304
Этнические грани личности	304
Этническая идентичность личности	321
Глава 11. Элементы этнической психологии	335
Детерминанты этнического поведения	335
Этнические диспозиции	340
Этнические стереотипы	351
Этнические экспектации	366
Этническое взаимодействие	388
Глава 12. Поведение этнической диаспоры	404
Глава 13. Межэтнические конфликты	419
Природа межэтнических конфликтов	419
Детерминанты межэтнических конфликтов	426
Модальность межэтнических конфликтов	433
Типология межэтнических конфликтов	441
Способы разрешения межэтнических конфликтов	446
Глава 14. Психологические измерения этнических различий	455
Классификация методов, используемых в этнической психологии	455
Обсервационные методы	462
Диагностические и экспериментальные методы	466
Биографические и праксиметрические методы	480
Рекомендуемая и использованная литература	486
Этнопсихологический глоссарий	489

Юрий Петрович Платонов

Этнический фактор

Геополитика и психология

Главный редактор *И. Ю. Авидон*
Художественный редактор *П. В. Борозенец*
Технический редактор *Л. В. Васильева*
Корректор *М. А. Рузина*
Директор *Л. В. Янковский*

ООО Издательство «Речь»
199004, Санкт-Петербург, В. О., 3-я линия, 6 (лит. «А»)
Лицензия ЛП № 000364 от 29.12.99 г.
(812) 323-76-70, 323-90-63, (095) 502-67-07
E-mail: rech@mail.lanck.net
www.rech.spb.ru

Сдано в набор 8.02.2002. Подписано в печать 10.04.2002.
Формат 84 x 108^{1/32}. Гарнитурa Таймс Нью-Роман. Печать офсетная.
Печ. л. 32,5. Тираж 1400 экз. Заказ № 99.

Платонов Юрий Петрович - доктор психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; ректор Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы; Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 140 работ в области прикладной социальной психологии и конфликтологии. Под его редакцией была издана одна из первых в России коллективных монографий "Актуальные проблемы этнической психологии" (1992 г.). Ю. П. Платонов является одним из авторов учебных пособий "Этническая социальная психология" (1993 г.) и "Введение в этническую психологию" (1995 г.), автором книг "Народы мира в зеркале геополитики" (2000 г.), "Этническая психология" (2001 г.)

ISBN 5-9268-0107-9

9 785926 801078